

Букия Оксана

Носители Искры

Книга Первая. Страж

Мир Скаллы, по безусловному мнению большинства его жителей, надежный и благополучный.

Светлая эпоха Возрождения.

Эпоха, где жизни людей подчинены Источнику, почти целиком уничтожившему прошлую цивилизацию и наделившему выживших особыми способностями и небывалыми возможностями.

Стража — элитная спецслужба, которая стоит между Источником и обществом, защищая его от все еще неизученной и опасной энергии.

Георгий Гронский — боевой офицер Стражи, не раз выполнявший опасные задания и доказавший преданность своей Службе и Источнику.

Очередная миссия, порученная полковнику Гронскому, становится некой точкой обратного отсчета в его судьбе. Его подозревают в работе на чужие спецслужбы и обвиняют в государственной измене.

Теперь Георгию предстоит сразиться за свою жизнь и свободу. Доказать свою невиновность и узнать, кому и зачем понадобилось манипулировать его судьбой.

А еще понять, что за странная связь образовалась между ним и Источником...

Пролог

Пустыня Нохар-Аг

Пустыня Нохар-Аг была местом удивительным. Находящаяся на самом густонаселенном континенте и занимающая обширные площади, она постоянно манила к себе исследователей, археологов, просто путешественников и любителей необычных мест: огромные кратеры пересохших озер, лава, застывшая причудливыми фигурами, очертаниями напоминающая неизвестных животных, огромная река. Один только хребет Зурд-Нохар чего стоил. Длиной более десяти тысяч метров, он охватывал девять стран и закрывал пустыню полукольцом, словно защищая от всего остального мира.

Примерно с полгода назад в Нохар-Аг была замечена очередная аномалия. Недалеко от Данакуджа — самой высокой горы Зурд-Нохара в песке стали появляться кратеры.словно некие воронки закручивались под землей и вновь опадали, выбрасывая вверх фонтаны песка.

Сейчас на пустыню Нохар-Аг опускалась ночь. Очередной день выдался пустым и изматывающим. И группа археологов, которая торчала здесь уже почти две недели, пытаясь разгадать, чем вызваны эти спонтанные выбросы и что скрывается под ними, готовилась ко сну. Джейн, которой несмотря на усталость никак не удавалось расслабиться и спокойно уснуть, вышла из своей палатки, попав в сети ночной прохлады и невероятной тишины.

И в самом деле снаружи было необычайно тихо. Ни звука, ни шороха — словно пустыню накрыло плотным куполом. Ветра тоже не было. Лишь усилившаяся духота, а вместе с ней, где-то на подсознательном — растущая тревога. И Джейн поняла, что именно этот образовавшийся вакуум и сводил ее с ума.

Женщина опустила на землю возле палатки. Внутри возвращаться не хотелось. Она словно боялась пропустить что-то важное. Однако несмотря на ее упорство, усталость все же взяла вверх. И Джейн сама не заметила, как сомкнулись веки, и она погрузилась в сон.

Предчувствие беды будто толкнуло археолога изнутри, и она резко распахнула глаза. Огляделась вокруг. Посмотрела на небо. Для предрассветных часов было довольно темно. Весь небосвод затянуло темными тучами, спрятавшими лучи восходящего солнца. Подул ветер, разрывая вакуум. Ощущение тревоги усилилось. И теперь она неподъемным грузом лежала на плечах. Женщина закрыла глаза, прислушиваясь к себе. Земля мелко подрагивала, и эта дрожь от ступней поднималась вверх по ногам, сотрясая тело.

По песку ползла трещина, петляя меж камней и кустарников и уходила вдаль. Джейн проследила ее путь глазами. Скорее всего она брала начало от скал, пересекая пустыню, и уходила вдаль. Под ногами тряхнуло куда более ощутимее. Несколько секунд ушло на то, чтобы понять, что вот-вот должно произойти. Усилием воли, скинув с себя оцепенение, Джейн побежала к ближайшей палатке.

— Землетрясение! — закричала она, распахивая полог. — Земля трескается! Будьте остальных.

Люди стали выбегать из своих палаток. Везде слышались изумленные голоса.

Джейн вернулась в палатку к мужу.

— Макс, нас трясет! — заорала она. — Надо уходить!

Видя, что он проснулся, вновь выскочила на улицу.

— Шевелитесь! — закричала она, стараясь, чтобы ее услышали остальные. Перевела

взгляд на самого крепкого парня в компании. — Михей, беги всех, кто еще не слышал. Пускай выходят из палатки! По машинам! Уезжаем!

Трещины множились. Черными змейками они прорезали поверхность пустыни и расходились во все стороны. Ширились. Угрожающе затягивая в себя податливый песок.

Заметно усилился ветер. Набирал скорость.

— Только еще бури нам не хватало, — пробормотала Джейн, слыша, как просыпается лагерь. Наполняется голосами. Суевливым шумом. Пробуждающимся страхом.

— Всем по машинам! — раздался зычный голос Макса, где-то совсем рядом. — Уходим без вещей! Если обойдется, потом вернемся.

Землю хорошенько тряхнуло. Джейн видела, как упали две девушки, бегущие к машине, но Михей подхватил их за руки и потащил за собой.

Трещины разрастались. Их уже и нельзя было назвать трещинами. Темнеющие провалы, разрывающие пустыню на множество частей.

Завелись первые моторы. Взвизгнули тормоза. Когда автомобили один за другим начали покидать лагерь.

По ногам с силой ударило. Будто кто-то невидимо гигантский рвался из недр земли. Вверх выстрелил фонтан песка. Закружил, подхваченный ветром и взмыл вверх грязным, пылевым столпом. Джейн замерла, завизжала, когда он с тяжелым шорохом начал осыпаться вниз. Рядом завизжали тормоза. Джейн с трудом поднялась на четвереньки, и сильная рука схватила ее за предплечье, затащив внутрь салона.

— Макс, — выдохнула Джейн, выплевывая песок, забившийся в рот. — Ты очень вовремя.

— Я заметил, — хмуро бросил мужчина, — как всегда о себе думаешь в последнюю очередь.

Он нажал на газ, и они понеслись вслед уносящимся автомобилям. Ветер поднимал песок и швырял его в стекло. Видимость заметно снизилась. Видны были лишь фары впереди и, если присмотреться, черные разрывы на земле.

Неожиданно впереди послышались глухие, тяжелые удары, а потом и их автомобиль врезался в капот идущей впереди машины. Макс нажал на тормоз и чуть сдал назад.

— Что? — заорал он, приоткрывая окно.

— Там большой разрыв, — услышал ответ, приглушенный воем ветра, — идет по кругу. Надо возвращаться. У лагеря меньше всего трясет.

— Что будем делать? — Джейн изо всех сил вцепилась в потолочную ручку.

— Возвращаться, — коротко ответил Макс и снова сдал назад.

Сильный толчок снизу буквально подбросил машину вверх. Джейн взлетела и ударилась головой о потолок. Потом ее швырнуло в бок и приложило скулой обо что-то твердое и она потеряла сознание.

Когда она очнулась, солнце уже стояло высоко в небе. Стих ветер. Джейн посмотрела в окно. Пустыня была похожа на золотистое одеяло с прошитыми черными швами, разбросанными в произвольном порядке. Она ощупала себе голову, обнаружив где-то в районе виска приличную шишку. Облизала пересохшие губы.

Рядом зашевелился Макс.

— Стихло? — спросил он, щурясь от яркого солнечно света.

— Вроде да, — Джейн открыла дверь машины и осторожно поставила ногу на песок. Потом вторую и подождав несколько секунд, вышла наружу, оглядываясь. Все их автомобили

стояли кучкой, словно сбившееся стадо перепуганных барашков после урагана.

Хлопнула дверь машины, показался взъерошенный Алекс, за ним следом появился Марк. Новый хлопок и появились две русоголовые головы девчонок, которых тащил за собой Михай. Стали слышны голоса. Люди ошарашенно оглядывались вокруг.

Одна из машин пострадала больше остальных. Она лежала на боку и рядом с ней уже суетились Михай и Марк, помогая застрявшим внутри товарищам. Джейн, чувствуя, как в груди кольнуло от плохого предчувствия, быстрыми шагами направилась к ним, по пути отмечая, что они остановились недалеко от их лагеря и еще можно было видеть остатки инвентаря, разбросанные палатки.

К счастью никто из людей не пострадал. Джейн растеряно слушала возбужденные голоса своих товарищей. Бесконечные вопросы о том, как такое вообще могло произойти, перебивающие друг друга, наполненные только что пережитыми эмоциями.

Крик Макса вернул ее в реальность. Джейн встрепенулась и повернулась на голос мужа. Рядом с ним стоял Кока и другие челны их группы, из тех, кто не был задействован в спасении пострадавших. Женщина проглотила вставший в горле комок и на негнущихся ногах пошла в их сторону.

В нескольких метрах от того места, где они вели раскопки образовался большой круг неровной формы, в котором хорошо были видны каменные сооружения засыпанные песком. Какие-то были видны почти целиком, а от каких-то торчала лишь самая верхушка. Четыре столпа, расположенных в произвольном порядке, разной формы, величины и степени разрушенности.

Джейн, не отрывая глаз смотрела на это чудо. Сейчас она уже не вспоминала ни о непонятном землетрясении, ни о пережитом ужасе, о фонтанах песка, осыпающихся над ее головой. Словно через пелену она слышала голос Макса собранный, жесткий, четкими, скупыми фразами, отдающий распоряжения. Такой какой должен быть у руководителя экспедиции. Краем глаза видела, как подтягиваются к ним остальные участники группы.

Чувствовала восторг и возбуждение, когда наконец очутилась рядом с одним из сооружений. Вблизи камень выглядел несколько иначе, чем казался изначально. Он был пористым, темно-серого цвета с вкраплениями более светлых полос и весь от верха до самого основания исписан незнакомыми письменами. И от этих знаков веяло забытыми, неизученными эпохами. Сгинувшими цивилизациями. И новыми сенсациями.

Необычным было еще и то, что вся эта роспись плавными, ровными линиями спускалась сверху вниз к самому основанию. В самом центре стелы Джейн заметила углубление формой, размерами и объемом похожее на человеческую фигуру. И камень в нем был самым обыкновенным — серым, слегка шероховатым, без единой надписи.

Джейн подошла ближе, аккуратными движениями вычищая забившийся в небольшие трещинки песок. Она уже почти закончила, когда глаза наткнулись на маску в углублении на уровне ее головы. Женщина вздрогнула от неожиданности. Как она не могла заметить ее раньше?

Маска своей формой напоминала лицо с прорезями для глаз, носа и рта. Однако Джейн не могла бы со сто процентной уверенностью сказать, что это лицо было человеческим. Или же это так казалось из-за застывшего на ней выражения неподдельного, животного ужаса, что археолог на мгновение закрыла глаза, чувствуя, как у нее перехватывает дыхание. Когда же она вновь посмотрела на маску, на ней была отображена скорее скорбь...

— Уже тоже докопалась? — голос мужа раздался над самым ухом и Джейн едва не

подпрыгнула. Она только сейчас поняла, что последние минуты, наверное, даже не дышала и не отводила глаз от маски.

— Что? — растеряно спросила она.

— Я говорю, что подобные углубления есть в каждом сооружении. Только маски разные. На той, которой занимался Алекс изображена неподдельная радость и счастье. У Маришки с Кокой — похоже на высокомерие что ли, у меня словно огонь горит, а здесь — сострадание.

Джейн вновь повернулась к маске. И не могла не согласиться с мужем — на маске и вправду застыло выражение глубочайшего сострадания.

— Наверное, здесь был Храм или это капище, и в этих углублениях были установлены идолаы богов, а маски и их выражения означают, что это было за божество.

— Теория хорошая, — кивнул Макс, — надо будет понять, что это за письмена. Возможно тогда поймем какому народу они принадлежали и в какое время были сооружены.

Джейн осторожно провела рукой по маске, которая как ей показалось опять поменяла свое выражение. Теперь она словно молила о помощи.

В том месте, где маска была соединена с камнем, пошла трещина. Джейн от неожиданности ахнула и убрала ладонь.

— Лучше их не трогать, — сделал выводы Макс, — надо предупредить остальных, чтобы были осторожны.

— Да, ты прав, — ответила женщина, чувствуя, как у нее темнеет в глазах. Ее повело в сторону, и она схватилась за плечо мужа. — Ну и денек, — улыбнулась она на встревоженный взгляд мужа. — Столько всего произошло. И еще ночь бессонная. Надо отдохнуть.

— Ты устала, мой маленький исследователь, — Макс обнял жену.

— Что это было, как ты думаешь? Это землетрясение? Они словно просились наружу.

— С этим мы еще будем разбираться. Я уже позвонил в наш департамент. Рассказал, что произошло и о находке. И что нам нужна помощь.

— Я бы не хотела отсюда уезжать, пока не изучим все более основательно.

— Мы никуда и не уедем. Это сделали мы, Джейн! Это место, чем бы оно ни было — настоящая сенсация! Оно изменит наши жизни.

Джейн похлопала его по плечу и слегка пошатываясь, вылезла наверх из круга и пошла к палатке.

— С тобой все нормально? — услышала она рядом с собой голос одной из девушек, которых Макс поставил расчищать завалы и искать съестные припасы и другие необходимые вещи. — На тебе лица нет.

Сил хватило только, чтобы вяло махнуть рукой. Джейн и в самом деле чувствовала себя так, как будто у нее закончилась вся жизненная энергия. Она зашла в одну из восстановленных палаток и буквально рухнула на пол, подтянув под голову подушку. Невольно отметила, что ее рука в сумраке палатки выглядит как рука мумии. С тонкой словно пергамент, иссохшей кожей.

— Ерунда, — прошептала она, — зато наше открытие будет настоящей сенсацией. Очередным чудом света.

— *Совсем недавно стали известны шокирующие подробности недавней находки археологов в пустыне Нохар-Аг. Сенсация, которую уже успели окрестить очередным*

чудом света, обернулась настоящей трагедией. Как только сегодня стало известно корреспонденту нашего канала, вся группа археологов, сделавшее это удивительное открытие, была найдена мертвой.

Глава 1

Государство Маккаа. Столица Макка. Всемирный научный конгресс.

На ярко освещенный полукруглый подиум вышел мужчина в дорогом костюме. Легкими шагами уверенного в себе человека он дошел до трибуны. В зале послышались сначала одиночные хлопки, которые спустя несколько мгновений перешли в бурные аплодисменты.

Двадцатый юбилейный международный съезд ученых, посвященный Источнику и его влиянию на жизнь современного общества открывал сам Аскер Карлтон. Известный во всем мире потомственный ученый, сын и внук прославленных и достопочтимых людей.

— Дамы и господа! — начал Карлтон, поднимая руку и призывая к тишине. Которая, к слову сказать, после его призыва наступила достаточно быстро. — Рад приветствовать вас всех на таком значимом событии, как для нас всех в общем, так и для всего человечества в целом. Источник существует в нашем мире уже сто лет. Мы же собираемся здесь каждые пять, чтобы подвести очередные итоги, поделиться своими открытиями и новыми достижениями, обменяться опытом.

За спиной оратора вспыхнул огромный экран во всю стену, на котором образуя фигуру, напоминающую скорее неправильный овал, с неровными, словно обрезанными краями отобразились четыре огромных камня. Четыре столпа, расположенных в произвольном порядке, разной формы, величины и степени разрушенности.

— Не буду сегодня утомлять никого из нас ненужными, всем хорошо известными подробностями. Не одно поколение людей уже успело вырасти после того, как в наш мир пришли эти необычные сооружения. Мы все знаем, помним и чтим имена археологов, открывших для нас это величайшее из чудес света. Они были настоящими героями, принесли свои жизни на благо всего человечества.

Зал снова наполнился аплодисментами. Карлтон легко постучал в один из микрофонов. Весь его вид от уложенной волосок к волоску прически до начищенных блестящих туфель выражал скорбь. Люди притихли, отдавая дань памяти погибшим.

Георгий чуть ослабил узел галстука и сделал глоток воды из бутылки. Чертов дресс-код!

Он слегка повернул голову на своего подопечного. Оленев Илья Михайлович перспективный ученый, приехавший на конгресс, как представитель одного дранкурского научного сообщества. Как раз в этот момент Илья Михайлович подносил к губам небольшую флягу. Видимо просто почтить минутой молчания ему показалось мало, он решил еще и помянуть героев. Сделав глоток, он убрал флягу назад во внутренний карман пиджака.

Георгий слегка поморщился. Надо заканчивать задирать Архипова. А то скоро тот его нянькой в детский сад отправит.

— Конечно же, — опять разнесся над залом голос лорда Карлтона, — мы не можем не вспомнить и не отблагодарить тех, кто вошел в состав первого Комитета по защите мира. Двенадцать человек — представители разных государств, они не побоялись и взяли на себя ответственность за судьбу мира и жизни миллиардов людей.

Георгий скривил губы. Ему было невероятно скучно. А еще он был безумно раздражен. Он злился на себя, Оленева, Архипова и даже на этого зануду Карлтона, который так умело, но предсказуемо манипулировал фактами, отмечая все сомнительные действия Комитета, а выставляя напоказ лишь заслуги и достижения.

Как-то совершенно без зазрения совести знаменитый ученый забыл сказать, что первый Комитет был создан для того, чтобы защитить мир от сверхъестественной угрозы, которой в те времена считали Источник. Что после гибели почти двух тысяч человек в впервые месяцы от выброса неизвестной энергии, находка была возвращена в землю, а сверху залита бетонной пломбой в несколько десятков метров толщиной.

— Но энергия Источника уже успела дать новый импульс для развития целой цивилизации и навсегда изменила жизнь нашей планеты! — голос Карлтона вибрировал от важности и значимости произносимых им слов. — Люди уже не смогли вернуться в прошлую жизнь. Люди изменились. Мы помним те великие, сенсационные открытия, которые были сделаны вчерашними лаборантами, к которым их коллеги с более высокой ученой степенью шли годами или десятками лет. Помним музыкантов, художников, создавших свои нетленные шедевры, достойные стоять в один ряд с известным наследием великих деятелей разных эпох. Врачей, изобретающих лекарства, которые ставили на ноги даже безнадежно больных. Инженеров, конструкторов, генетиков, политиков, военачальников, которые вошли в историю, в честь которых были названы улицы, проспекты, исследовательские центры. И это все дал нам Источник! Наша эпоха Возрождения!

Пользуясь тем, что зал предсказуемо взорвался аплодисментами, Георгий фыркнул и прикрыл глаза.

Да, Источник изменил жизнь, оголив в людях их скрытые возможности тела и разума. Благодаря новым клеткам, которые образовывались в крови измененных, вроде неких вкраплений различных форм и объемов, похожих на искры и создающие определенный рисунок, человек получил способности, о которых он раньше даже мечтать не мог.

Георгий чуть сполз по креслу, приняв более удобную позу. Оленев делал уже третий или четвертый глоток из своей фляжки. Так его зацепила речь коллеги! Расчувствовался светоч науки хренов!

Так если они тут все собрались, чтобы почтить память, почему ее действительно не почтить? Да, сейчас благодаря Источнику и излучаемой им энергии, мир достиг необычайных технологических, научных, культурных высот. И это, как твердят все великие деятели разных отраслей, еще не пик.

Только какую цену за все это пришлось заплатить? К чему скрывать то, что было? Ведь это и есть история.

Георгий вслушался в льющуюся с подиума речь. Может, этот оратор все же вспомнит и почтит память тех, чьими жизнями человечество выстлало себе дорогу в рай? Но Карлтон уже перешел к повестке съезда в целом, а потом сузил до тем первого дня. Слушая его ровный, уверенный голос, Георгий сам и не заметил, как задремал.

Разбудило его движение сбоку. Пахло перегаром. Он резко вскинул руку. И нос Оленева уткнулся ему в тыльную сторону ладони, одновременно с приглушенным «гав».

Дегенерат!

Георгий бросил на своего подопечного холодный взгляд.

— Выспался? — весело поинтересовался тот. — Пойдем, будешь теперь охранять мое тело на банкете.

Судя по тому, как его развезло, вряд ли дело было в небольшой фляжке, укрытой в пиджаке. Скорее всего он начал почитать Источник еще в номере.

Пробираясь сквозь ряды кресел, Георгий заметил, что зал существенно опустел, хотя на

подиуме еще стоял один из участников съезда, рассказывая о своих достижениях.

— ... в том числе и синдром Ларанга, — донесся до Георгия голос ученого. — Всем хорошо известно...

Он резко остановился, и Оленев не ожидавший подобного, буквально врезался в него и запутавшись в ногах, упал на кресло.

— Что? — раздраженно зашипел он.

— Илья, — рассеянно отозвался Георгий, — вы идите, я вас догоню на банкете.

Оленев недоуменно посмотрел на него, перевел взгляд на подиум, закатил глаза и стал пробираться дальше к выходу.

— Всем известно, что Руны — это главная ценность современного человечества. Осколки, которые мы получаем от Источника. Маленькие камешки, заряженные энергией и сохраняющие ее в течение определенного отрезка времени. И где используется то, что напрямую дает Источник человечеству?

Георгия отвлек небольшой шум, похожий на вибрацию. Он обернулся. Сзади через два ряда сидел мужчина, как и все одетый в строгий костюм. Он был в стильных очках с тонкой металлической оправой и густой бородой, закрывающей половину его лица. Мужчина отключил свой смартфон и убрал в карман.

— В оборонной промышленности, в военной, космической. Но никогда в медицине, в реабилитационных центрах, хотя бы даже в спорте. То есть Руны — всегда для человечества в целом, но никогда для человека напрямую.

Поднялись еще несколько человек и стали пробираться к выходу.

— Если бы Комитет, а с ним правители стран, которые постоянно получают свою квоту от Источника, выделяли хотя бы малую часть из своих рунных запасов на мирные цели и думали бы о людях, то и наука, и прогресс, и все человечество в целом получили в разы больше!

С этими словами ученый, резко закрыл крышку своего ноутбука, тем самым убрав картинку каких-то молекул с большого экрана, и покинул подиум.

Георгий выругался сквозь стиснутые зубы, тяжело выдохнул и начал пробираться на выход.

На фуршете народа было много. Как показалось больше, чем в зале. Но возможно, что не все кто выступает в следующие два дня, присутствовали на открытии и торжественной речи. Однако, несмотря на многочисленность публики, столы ломились от изысканных, дорогих блюд, а официанты без устали сновали между гостями и разносили напитки.

Чтобы не привлекать к себе внимания и поддерживать образ младшего сотрудника, которого начальство взяло с собой мир посмотреть, Георгий взял с одного из проносившихся мимо подносов бокал шампанского и теперь восторженными глазами рассматривал разношерстную публику, не забывая при этом перемещаться так, чтобы его подопечный всегда оставался на виду.

Оленев же не отказывал себе в удовольствии. Он шумно общался с коллегами, перемещаясь от одной группки людей к другой. Заигрывал с девушками. Без стеснения налегал на блюда и уж тем более не забывал знакомиться с содержимым большинства подносов.

Смотря на него, Георгий не совсем понимал, что такого ценного может завтра рассказать миру этот клоун и уже тем более зачем ему нужен был телохранитель.

Через некоторое время Оленев присоединился к группке своих коллег с виду столь же

веселых, как и он сам. Вскоре один из них подозвал официанта и что-то ему сказал. Георгий заметил, что при этом он сунул молодому человеку в карман несколько свернутых купюр. После чего, став обладателем двух бутылок виски и бутылки шампанского, компания направилась к выходу из зала.

— Илья, вы куда? — Георгий догнал своего подопечного уже у самых лифтов.

— О! — Оленев вальяжно похлопал его по плечу. — Это мой аспирант. Заботится обо мне.

— Давай возьмем его с собой, — предложила одна из девушек, мало похожая на ученую даму. Впрочем, может на самом деле чья-то аспирантка. — Он симпатичный.

— Он — зануда, — отрезал Илья и покачал пальцем из стороны в сторону прямо под носом своего телохранителя. — Он испортит мне все веселье. Лучше жди меня внизу или хочешь в номер поезжай. В общем сегодня ты мне больше не нужен.

Георгий стиснул зубы изо всех сил стараясь держать себя в руках, чтобы не схватить этого пьяного придурка и не потащить в номер. Однако, не имея на это никаких прав, ему оставалось лишь смотреть, как компания загружается в просторную кабину с огромным зеркалом и уезжает. Он подождал пока лифт остановится, чтобы посмотреть на каком этаже будет отдыхать компания и, вызвав другой лифт, спустился вниз в вестибюль, ждать клиента.

Золотые лучи уходящего солнца били в окна, окрашивая холл гостиницы мягким, теплым светом. Маккаа готовилась к ночи. Малюсенькое государство размером с не самый большой город любой страны, окруженное на одну треть зонами отчуждения, являлось научным мировым центром, появившимся в их мире после эпохи Скорби.

Здесь круглогодично проходили различные симпозиумы, выставки, фестивали из различных областей человеческой деятельности. Днем Макка одетая в строгие костюмы, следовала деловому настрою своих гостей и удовлетворяла все их духовные и научные устремления. Вечером блистая фривольными нарядами и разноцветными огнями, столица прогресса и мировых технологий дарила людям вечный праздник и неутомимое веселье.

Сидя в вестибюле гостиницы, Георгий уже три часа наблюдал за непрерывным потоком посетителей, отмечая смену их поведения, настроения, нарядов. Он поднимался в номер, где веселился его подопечный с коллегами примерно час назад, благо найти его по крикам, раздававшимся из-за двери и громкой музыке было не сложно. Открывший дверь мужчина, окликнул его подопечного и тот, выйдя к нему с недовольным физиономией, снова заявил, что не нуждается в охране своего тела и послал его отдыхать.

К стойке администрации подошел мужчина, протянул девушке карту от номера и, улыбаясь, что-то ей сказал. Он все еще был одет в костюм, как и во время выступления, чем заметно отличался от большинства, уже переключившихся на ночной режим. Собственно, именно этим он и привлек внимание скучающего и все больше раздражающегося с каждой минутой Георгия.

— Простите, — он успел поймать мужчину уже у самой двери. — Я видел ваше выступление днем. Там в зале, — зачем-то уточнил он.

— Очень приятно, — оживленно и несколько удивленно ответил ученый и протянул ему руку. — Доктор Фернсби.

— Георгий, — представился в ответ тот и, видя вопросительный взгляд, добавил, — я не из вашего круга, я сопровождаю здесь одного вашего коллегу. Я слышал вы что-то говорили о синдроме Ларанга. Простите, я не имел возможности услышать все, что вы говорили целиком, но меня очень интересуется эта тема.

Доктору Фернсби на вид было лет сорок или около того, а может наоборот чуть больше. Он был невысокого роста, щуплого телосложения, с тонкими руками и небольшими кистями рук, как у подростка. Его русые волосы были зачесаны назад, но было видно, что это для них новинка и они явно пытались принять более привычное положение, норовя упасть вбок. Еще у него были светло зеленые, водянистые глаза, близко посаженные друг к другу, маленький слегка вздернутый рот и тонкие губы. Если бы его нужно описать одним словом, то очень хорошо подошло бы слово маленький или компактный.

Видно было, что ученому польстило внимание человека со стороны и он предложил отойти от дверей и где-нибудь присесть. Они устроились на одном из мягких, удобных диванов, куда сразу подошел услужливый официант и предложил чего-нибудь выпить. Оба заказали по чашке кофе. Фернсби попросил еще и бокал коньяка. Георгий отказался. Пока он не доставит своего клиента в номер — он на работе. А после он обязательно выпьет и скорее не один бокал. Так его достал и весь сегодняшний день, и окружающая обстановка, но больше всего Оленев, который, как Гронский предполагал, еще попытается попортить ему нервы.

— Понимаете, Георгий, я занимаюсь вопросом Источника, Рун, излучения и влияния всего этого на людей уже очень много лет. Еще со студенческой скамьи. Вся моя жизнь принадлежит Источнику, как бы пафосно это ни звучало. В какой-то момент своей работы, я понял, что Источник — это не просто излучатель энергии, это подобие антенны из другого измерения или Вселенной.

Георгий, который как раз в этот момент делал глоток из своей чашки, подавился напитком и закашлялся. Горячая жидкость больно обожгла губы. Однако доктор будто не заметил его реакции и продолжил.

— А Искры — это некое коллективное целое, которое сетью окутывает наш мир.

— Для чего? — выдавил собеседник, все еще откашливаясь.

— Этого я пока понять не смог, — покачал головой доктор, опрокинув в себя порцию коньяка.

Георгий сжал губы, пытаясь унять пекущую боль. В который раз обвел глазами холл, чтобы не упустить своего подопечного, если тот вдруг решит уйти без него. За барной стойкой увидел того же мужчину в очках и с бородой, которого заметил в зале во время выступления Фернсби.

— И как это связано с синдромом Ларанга? — вернул он ученого к интересующей его теме.

— Согласно моей теории, люди, страдающие синдромом Ларанга, как это принято считать, не отторгают Искру, их тела также, как и тела других носителей принимают ее, но их организмы не способны мутировать. Они не становятся частью единого целого. Подобный организм делает Искру бесполезной как частицу одного чего-то большего. И она старается избавиться от такого носителя, разрушая его организм, чтобы освободиться.

— А кроме этой теории у вас что-нибудь есть? — уже не совсем вежливо спросил Георгий. Он чувствовал себя обманутым. Снова и снова. Как бег на месте, где никогда не стать победителем.

— Почему вы так интересуетесь этим вопросом? — Фернсби пристально смотрел на него.

— Личное.

— Мне жаль, — искренне произнес собеседник, — синдром Ларанга довольно редкое в

наше время заболевание. Насчет же моей теории, мне сложно что-то сказать. Для меня синдром Ларанга не является самой целью. Да у меня и практического материала нет.

Георгий бросил на доктора предостерегающий взгляд.

— Рун, — поправился доктор, — да и страдающего этой болезнью тоже, но если...

— Нет, — резко ответил Гронский и встал, — спасибо, что уделили время.

Доктор Фернсби тоже поднялся, положил на стол прямоугольный кусочек пластика.

— Если вы захотите более подробно изучить этот вопрос, обязательно свяжитесь со мной.

Он ушел. Гронский некоторое время смотрел ему вслед. Потом, даже не взглянув на визитку, пошел к стойке бара, поняв, что без коньяка ему все же не обойтись.

После чего он снова поднялся в номер, где проводил время Оленев. В этот раз ему открыла девушка, которая сообщила, что его клиент дрыхнет уже больше часа и его не могут добудиться. И посоветовала зайти попозже.

Глава 2

— Вызови мне такси, — Оленев, как он думал, появился неожиданно из-за спины Георгия и попытался хлопнуть его по плечу. Тот мягко ушел в сторону и подопечный, не получив опоры, рухнул вниз, уткнувшись лицом в спинку дивана. — Раз уж ты до сих пор здесь.

У ученого мужа за спиной болтался какой-то совсем миниатюрный рюкзак в розовых стразах и пайетках. От него несло алкоголем, сигаретами и женскими духами. А еще от него фонило Рунами.

Георгий подобрался. То, о чем ему говорил Архипов?

— Назовите адрес, куда мы едем.

Оленев покачал головой.

— Еду я, ты свободен на сегодняшний вечер.

— Простите, Илья, но меня нанимали не вы. И не вам менять мои должностные обязанности.

— Ладно, — слегка раздраженно дернул плечом ученый, — квартал зодчих, гостиница «Алехандро Сирэ».

— Вы ночуете не в нашей гостинице?

— Пока не знаю, хранитель моего тела, — Оленев продемонстрировал ему свое приобретение. — У меня обширные планы на этот вечер. Ты не теряй мое время напрасно, вызывай такси, раз уж напросился в помощники. Я сейчас подойду.

Георгий вышел на улицу и развернул браслет на руке. Легко провел пальцами по экрану, вызывая отклик смарта. Краем глаза, через стеклянную дверь, он видел, как Оленев о чем-то щебетал с девушкой с ресепшена, а потом протянул ей рюкзачок. Девушка с улыбкой ответила, тут же вызвала портье и передала аксессуар ему. Оленев приложил руку к груди и отвесил девушке поклон, после вышел на улицу, где его уже ждал телохранитель и прибывшее такси.

— Не хочу выглядеть чучелом, — заявил он и уселся в машину, — попросил отнести мою находку в номер. Думаю, с милашкой, которая его забыла, я лучше встречусь завтра.

— А я думал вы ограбили Барби, — сухо отреагировал Георгий и отвернулся к окну, погружившись в свои мысли. Машина мягко катила по вечерней Макке, сверкающей яркими огнями.

— Дранкурец, — все таким же развязано вальяжным тоном неожиданно произнес Оленев, — странная легенда. С твоей-то внешностью.

Из отражения в стекле на Георгия смотрели ярко-голубые глаза, которые дополняли светлые волосы и высокие скулы.

— Я родился в Содружестве в доминионе Дранкур. И явлюсь его гражданином, так же как и мои родители.

Он уже привык к такой реакции незнакомых людей на его внешность. Дранкурское Содружество — юг Скаллы, пески с одной стороны, моря и океаны с другой. Смуглая кожа, темные волосы, карие глаза — вот внешность южан с небольшой амплитудой различий в зависимости от доминиона.

— Я видел, как ты кривил губы во время речи нашего светила, — не унимался Оленев, в

котором пробудилась острая жажда общения. — Не любишь официоз?

— Любишь не любишь это не те понятия, которыми я руководствуюсь на работе, — сухо ответил Гронский. — В мои обязанности входит сопровождать вас.

— А мне показалось, что у тебя были претензии к оратору, — усмехнулся ученый.

Георгий медленно повернулся к своему клиенту. Сейчас то ощущение близкого излучения энергии Источника отдалилось, почти исчезло. Но профессиональное чутье никак не давало расслабиться. Даже слегка притупленное порцией алкоголя.

— Считаешь, что Комитет был неправ, когда принял решение снять пломбу с Источника? — неожиданно прямо спросил Оленев.

— Мне просто всегда было интересно, чем они руководствовались, поступая подобным образом. Те самые люди, которые сначала спасли этот мир, а потом погрузили его в хаос?

— Они посчитали, что через десять лет камни больше не являются угрозой, а люди с Искрами стали необходимостью для уже измененного мира. Что носители смогут изменить жизнь всего человечества к лучшему. Будут сделаны новые сенсационные открытия, люди смогут дольше жить, меньше болеть, наконец покорят космические просторы.

Георгий фыркнул и снова отвернулся. Пикироваться на эту тему он точно не хотел. Это было все равно, что спорить о том, что было в начале: яйцо или курица.

Только перед тем как люди стали покорять космические просторы и выращивать органы в пробирках, чтобы продлевать жизни, погибли сотни тысяч невинных и были разрушены десятки мегаполисов. Энергетическая волна, выплеснувшаяся после освобождения Источника сожгла города, стоящие вдоль границ Нохар-Аг. Вторая волна развеяла пепел, оставшийся от домов и людей и пошла крушить дальше все, что попадалась ей на пути. Третья — распространилась далеко за границы пустыни нанося урон всему живому, что оказывалось в радиусе ее излучения.

Люди в страхе и панике бежали от границ выжженных территорий. Оставляли дома, нажитое, имущество, лишь бы быть дальше от смертоносного излучения. В уцелевших городах, селах, деревнях не справлялись с потоком вновь прибывших. Повсеместно образовался дефицит рабочих мест, уменьшились зарплаты, исчезли социальные выплаты. Жилье превратилось в большие общежития. Настал длительный период хаоса и разрухи. В эти страшные годы от голода и болезней умерли еще сотни тысяч людей по всему миру.

Правда спустя несколько лет потрясений, чаяния тех, кто принял решение снять пломбу с Источника, начали сбываться. Количество носителей Искр заметно выросло. Новоявленные уникамы предлагали выход из кризисной ситуации. Огромными темпами начала развиваться промышленность и сельское хозяйство, подтянулась медицина.

— Мы живем в светлую Эпоху развития и всевозможного прогресса, — опять поддел Оленев, игнорируя его нежелание продолжать этот разговор. — Не зря же те первые члены Комитета получили почетные звания Прогрессоров. Светлая им память.

— В народе их больше принято называть безумными жрецами. Ибо еще никто и никогда в этом мире не приносил в жертву такое количество народа. Пусть даже и на благо всего человечества в целом, — все же парировал Гронский.

Из-за отекавших после долгого пьянства век на него остро глянули темно-карие глаза собеседника. Впрочем, Георгий уже и сам отметил абсолютно связную речь, скоординированные движения, отсутствие вальяжности, которую его клиент позволял себе на протяжении всего их общения. Несмотря на уляпанную пятнами различного происхождения рубашку, сбитый набок галстук, помятую щеку со следами помады Оленев

был не менее трезв и адекватен, чем сам Георгий.

Теперь профессиональное чутье не просто подвывало на затворках сознания, оно встало на дыбы, распушив холку.

— Ты слишком вольно рассуждаешь об устройстве нашего мира, — уже гораздо тише произнес Илья. — Ты не доволен, чем наделил Источник лично тебя?

Георгий едва заметно дернул бровью. Что здесь можно было бы сказать, если бы он захотел пооткровенничать со своим подопечным? Источник дал ему много, но и цену запросил немалую. Он — Бог, который любит жертвоприношения.

— Дата появления Источника в нашем мире — есть начало всего! Нам этого уже не изменить, дранкурец.

Такси остановилось у гостиницы, названной в честь выдающегося архитектора современности, который спроектировал и здание самой гостиницы в Макке и много других оригинальных, где-то даже эпатажных зданий по всему миру.

— И какая у тебя установка насчет меня? — усмехнулся ученый. — Ты не похож на обычного телохранителя. Впрочем, я догадываюсь, кто ты и без твоего чистосердечного признания.

— Доставить домой твою шкурку целой и невредимой, — в тон ему ответил Георгий, — со всем содержимым и аксессуарами, если они имеются.

— А если я не захочу?

— А ты можешь не захотеть?

— Каждый сам делает свой выбор.

Оленев тяжело провел ладонью по лицу, словно переодевая маску. На Георгия снова смотрели мутные глаза человека, сильно перебравшего алкоголь, но явно нежелающего на этом останавливаться.

— Бывай, хранитель моего тела, — с вновь вернувшейся вальяжностью, подопечный похлопал его по плечу, — увидимся завтра на конференции.

— Илья, — остановил его Георгий, когда тот уже положил руку на слегка проступившее очертание ладони на внутренней стороне двери, желая ее открыть. — Я могу тебе помочь.

— Не можешь, дранкурец, — качнул головой Оленев, — потому что сам еще не знаешь в какое дерьмо ты влез.

С этими словами он открыл дверь, вышел из машины и слегка покачивающейся походкой уже расслабившегося человека направился в сторону гостиницы.

— Кирилл Игоревич, вызывали? — Георгий вошел в кабинет генерал-майора Архипова, заместителя главы службы по оперативной работе и его непосредственного руководителя.

— Полковник! — генерал кивнул, приветствуя подчиненного, — заходите, Георгий Сергеевич. Хотел сообщить вам очень радостную новость. Я все-таки ошибся.

Георгий слегка скривил губы, цепляя на лицо самое свое непроницаемое выражение, на которое был способен. Архипов был старше самого Георгия на пятнадцать лет и стал самым молодым генералом за всю историю дранкурской Стражи, имеющим подобное звание и занимающим столь высокую должность. Только вот отношения руководителя и подчиненного не сложились с самого первого дня.

— Незаменяемые люди бывают, — ошастливило Георгия высокое начальство, — и это ты, полковник.

После подобного начала ждать хорошего продолжения явно не стоило.

— Через несколько дней в Макке начинается очередной съезд ученых, посвященный

появлению Источника в нашем мире. Туда придет наш выдающийся деятель Оленев Илья. Его очень давно не было дома, и он забыл поделиться с нами своими многообещающими находками в мире науки. Ты будешь рядом с ним на протяжении всей конференции, а после вернешь его домой.

Георгий замер, не веря тому, что только что услышал.

— Вы издеваетесь, генерал?

— Отчего же? — тот состроил самую непонимающую физиономию.

— Я — страж. А не телохранитель.

— Кстати, о телохранителе. На время поездки — ты Георгий Сергеевич Гронский, телохранитель высшего разряда, работаешь в охранном агентстве «Крепость». Кстати одна из элитных контор в Содружестве. Там работают только очень крутые парни. Вот твои документы.

Генерал достал из ящичка стола и положил перед Георгием карту с чипом, на котором были его данные и код личности.

— В принципе привыкать ни к чему не надо. Ты-это ты, со всеми твоими данными, вплоть до места проживания, только работаешь на охранное агентство. Это для самого Оленева, для остальных — ты его аспирант. То, что ты страж — знаешь только ты.

— Нет, — ровно ответил Георгий. — Я сегодня же напишу рапорт.

И он, развернувшись, пошел к двери.

— Вернись, Гронский, — остановил его голос Архипова. — Сядь и слушай меня внимательно. Да — ты страж. А наша служба была создана именно для того, чтобы стоять на защите Родины и Источника. Именно он дал тебе твои умения, способности, твою судьбу и, однажды присягнув, ты не имеешь права уйти с этого пути. Мы особенные. И наша служба не прихоть. Призвание.

Еще Архипов был фанатиком. Службы, Источника, Искры. И это знал каждый, кто хоть более-менее общался с ним. Так же, как и знал, что если генерал садится на своего любимого конька, то с ним лучше не вступать ни в какие прения.

— Ты же не идиот, полковник, и не ребенок, чтобы не понимать, что происходит сейчас в мире. Мы на пороге новой гонки. И впереди два лидера Содружество и Вестленд. И речь идет не об очередном витке создания какого-то сверхмощного оружия. В этом мире его и так столько, что, если кто-то начнет по-настоящему войну, эпоха Скорби нам покажется манной небесной. Грядет эпоха Разума и кто окажется на гребне этой новой волны, тот и выиграет гонку.

Георгий едва удержался, чтобы не поднять руку и не попытаться стряхнуть с ушей всю патоку, приправленную пафосом, которую ему здесь навешал собеседник.

— На этой конференции Оленев кое с кем должен встретиться и получить от него вещь, которая очень интересует нас. Но есть подозрение, что он не захочет везти ее домой. Ты должен не спускать с него глаз и ни в коем случае не допустить, чтобы то, что нужно нам, перешло в чужие руки.

После того как Архипов перешел на серьезный, деловой тон общения, Георгий тоже собрался.

— Что это за вещь, я могу знать?

— Как ты думаешь, если для ее транспортировки нужен страж? — остро взглянул на него генерал.

— Как мне провезти ее в Дранкур, через две границы?

— Когда она будет у тебя, позвонишь мне. Я дам дальнейшие распоряжения.

— Что с Оленевым? Его тоже надо тащить домой?

— Смотри по обстоятельствам. В принципе, если будет упираться, то и черт с ним.

Но знать о тебе он должен ровно столько, сколько прописано легендой. Нам пришла команда из самого Центра, чтобы все было тихо, мирно, гладко и надежно. Именно поэтому я отправляю тебя. Несмотря на наши некоторые разногласия, я не могу отрицать твой высокий профессионализм.

Георгий кашлянул. Теперь точно надо было писать рапорт и валить на все четыре стороны.

Все было слишком неправильно с самого начала. И искренняя откровенность генерала, и открытая похвала в его сторону и неприкрытая дружелюбность. До самого отъезда в Макку Георгий много раз прокручивал разговор с Архиповым, пытаясь найти в нем то, за что можно зацепиться и вывести генерала на чистую воду и только сейчас, смотря вслед уходящему Оленеву, он нашел то, что искал.

Если Оленев ученый, то он — на самом деле телохранитель. А Архипов — скотина. Вне зависимости от всех переменных.

— Вы можете какое-то время еще постоять здесь? — вслух спросил он у водителя.

— Счетчик поставлен на время, — легко ответил он. — Сами решайте.

Гронский кивнул, не отрывая глаз от окна. У самого входа к Оленеву подошла довольно привлекательная девица в элегантном, но возможно чуть более открытом наряде чем следовало бы даже в вечерней Макке. Впрочем, с таким телом ей это было простительно.

После ухода подопечного дышать в машине стало легче. Исчезло давление излучения.

Оленев обнял подошедшую блондинку и, уткнувшись ей в ухо, что-то замурлыкал. На девушку у лифта та совершенно не была похожа. Девица радостно засмеялась и прильнула к его губам. После чего оба исчезли за сверкающими дверями отеля.

Георгий резким движением достал карту из кармана пиджака и протянул ее водителю. Тот приложил к светящемуся треугольнику на приборной панели с логотипами ведущих мировых банков, и как только расчет был произведен, Гронский бросился вслед за своим подопечным.

Оленева он увидел сквозь стекло в холле. Он, все так же обнимая свою спутницу, шел в сторону лифтов. Георгий остановился у входа, отыскивая глазами парнишку в форменной одежде отеля.

— Привет, — он подошел к молодому человеку, стоящему у самой двери. — Помощь твоя нужна.

С этими словами он вложил несколько купюр в руку портье. Тот скосил глаза, оценивая оплату будущей услуги и слегка приподнял одну бровь.

— Видел тут мужик в стельку пьяный с одной красоткой заходил только что? Мне нужно знать в каком номере они остановились.

На лице парня проступила настороженность, борющаяся с желанием заработать.

— Да ты не переживай, я не ревнивый муж и не из органов. Это мой босс, я обязан его завтра на конференцию доставить, а если он всю ночь пробухает, то его доклад накроется медным тазом. А влетит нам обоим.

С этими словами Георгий продемонстрировал последний аргумент. Еще несколько купюр с таким же номиналом, что уже лежали в руках служащего гостиницы.

— Узнаешь — это твое.

Вернулся паренек минут через пять и с довольной улыбкой сообщил своему неожиданному спонсору этаж и номер комнаты.

— Номер они сняли аж до десяти утра, — улыбнулся он, когда обещанные купюры перешли к нему, — придется тебе сильно постараться, чтобы доставить своего шефа на вашу конференцию.

Георгий поблагодарил его, демонстрируя кислую физиономию, что было совершенно искренне и вышел из отеля. Напротив был небольшой сквер, со скамейками, фонтанами, клумбами и миниатюрной копией Источника, которая обязательно должна была быть в каждой столице любого государства и в крупных мегаполисах

Сквер, в котором он расположился, оказался достаточно многолюдным. Сюда постоянно заходили люди, останавливаясь около Источника. Стояли несколько секунд с торжественными лицами и шли дальше. Часто мимо Георгия проходили родители с детьми. Он знал, что через несколько улиц начинается детский квартал. Он уже не раз видел рекламные проспекты и щиты, развешанные повсюду и приглашающие маленьких путешественников окунуться в сказочный мир.

Георгий хорошо помнил интерактивный мост, по своей форме напоминающий сказочный портал с голограммой одного из героев легендарного мультфильма, который одетый в черную, закрывающую лицо маску, с ног до головы закутанный в такой же плащ с летящими по нему сверкающими звездами, протягивал раскрытую ладонь каждому проходящему мимо, говорил дежурные фразы вроде: «давай пять», «как дела, старина, давно не виделись», «приходи еще — поболтаем». Дальше любого вступившего в портал ждали такие же трехмерные изображения принцесс, единорогов, рыцарей и драконов, превращая переход по мосту в волшебное путешествие.

Темке бы здесь понравилось. И это здание, и этот мост, и волшебный лес сразу за порталом с напичканными там чудесами электроники и техники их современного мира.

Только вот за шесть прошедших лет он так и не смог заставить себя приехать сюда снова.

Глава 3

Государство Маккаа. Столица Макка.

6 лет назад

— Сегодня мы наглядно покажем, какое зло может причинить энергия Источника.

Генерал-лейтенант Гилмор Рейли из центрального Вестлендского Управления Стражи нажал на кнопку своего ноутбука и лицо террориста застыло на экране.

— Это пришло сегодня через час после второго взрыва, — обратился Рейли к стражам, собравшимся в комнате для переговоров, которую один из отелей выделил для экстренного сбора и служебного совещания.

— Больше ничего нет. Как и прежде они не выдвигают никаких требований. Просто сообщили, что будет еще как минимум один теракт. Сейчас полиция и силовики прочесывают каждое здание в квартале, а власти города пытаются эвакуировать всех гостей.

Один из присутствующих поднял руку.

— Полковник второго ранга Шейл Периш, Управление Хардана, — представился он, — что вообще известно об этой секте?

Взгляды присутствующих переметнулись к говорившему. Оперативник с седьмым уровнем — большая редкость. Или вестлендцы, как обычно, решили выпендриться и быть на голову выше остальных?

Генерал быстрым движением провел по экрану своего планшета, лежавшего рядом. Смахнул несколько страниц.

— Они существуют уже три года. Но никаких агрессивных действий за ними не было замечено. Так, клоуны, которые призывали людей отречься от Источника и вернуться к истокам. Такие всегда были. Власти на них внимание не обращали. Несколько часов назад полиция накрыла их главный офис в одном из горных графств в Эверийском королевстве. Как оказалось, в их «Армии Просветления» уже более ста человек и судя по всему есть богатые спонсоры. Другой информации пока нет. Какие у кого мысли?

— Я считаю, что следующих заложников они попытаются убить с помощью энергии Источника, дабы наглядно показать свою правоту, — произнес один из офицеров и тут же быстро добавил, — майор Гронский, Дранкурское Управление.

— Дранкурец, значит, — хмыкнул генерал. — С чего вы решили, майор, что будет использовано излучение?

— На всех видео один и тот же человек, но посмотрите на него здесь, — Георгий махнул головой в сторону экрана, — на его красные глаза, на лицо, на сетку набухших, выпирающих сосудов. У этого человека был явный контакт с Рунами.

— Откуда же у него могут быть камни, майор?

— Семь месяцев назад нападение на кочевников. Когда неизвестные устроили бойню почти на самой границе с пустыней. Тогда со слов орклийцев у них были похищены Руны, недавно ими полученные. То есть излучение от них идет очень сильное. Для детей, которые в большинстве своем потомственные носители, этой дозы хватит, чтобы убить.

Генерал отбил нервную дробь пальцами по столу. Поднялась еще одна рука.

— Колонель Алан Альжбет, Управление Макки, — взял слово еще один участник совещания, невысокий, широкоплечий, крепкого телосложения. — Согласен с доводами

майора. Сам думал примерно также, только никак не мог понять, откуда у них могут быть Руны. И если наши предположения верны, то мы должны взять обыск зданий на себя. Мы стражи сумеем почувствовать излучение.

— Полиция сейчас занимается этим, — заметил Периш.

— Нам надо начать с тех мест, где по тем или иным причинам затруднена эвакуация — опять взял слово Гронский. — Отдаленные улицы или зона аниматоров. Там в большинстве своем дети, оставленные на временных воспитателей и это, затруднит процесс их передвижения на другое место.

Генерал пролистал несколько файлов на ноутбуке и на экране появилась карта квартала.

— Сейчас разделим на секторы и за каждым закрепим участок.

Его прервал резкий звук звонка.

— Отставить, — произнес он, почти сразу отключив связь, — зона растениеводства, Шатер Цветов.

Служебный микроавтобус гнал по улицам. Стражи, чтобы не тратить лишнего времени по пути надевали защитные формы, проверяли свои ВИРСы[1], настраивая оружие под себя. Около здания с куполообразной крышей, по форме на самом деле, напоминающей шатер, украшенный ажурными металлическими цветами, уже собралась полиция и силовики спецназначения, стояла машина саперов и скорой помощи.

— Моему адъютанту удалось связаться с архитектором здания, — генерал Рейли сосредоточенно смотрел в свой планшет. Быстрыми, скупыми движениями, перелистывая страницы. — С обратной стороны купола на расстоянии двух третей по высоте от земли есть окно, за ним небольшая площадка, от которой отходят четыре трубы. Стебли ромашек.

В другое время картина, описанная генералом, показалось бы забавной. Однако сейчас никто не думал веселиться.

— Откройте каналы для передачи данных, я вам сейчас сброшу подробные схемы. Трубы эти для спецэффектов каких-то были спроецированы, рассчитаны на небольшие вагончики с сюрпризами, поэтому они не сильно надежные, есть все шансы рухнуть. Но с другой стороны и ждать вас оттуда никто не будет. Пойдете по два человека. Всего четыре группы. Эти ромашки, находятся на лугу в самом центре шатра. Дальше ориентируетесь. Осталось шестнадцать минут выделенного нам времени. Полковник Периш — старший на время операции.

Луч карманного фонаря разрезал темноту надвое, позволяя разглядеть абсолютно черное нутро трубы примерно на полметра вперед. Подвесной тоннель, по которому передвигались стражи, начинался с крутого наклона. Благо пропитанная специальным составом куртка липла к металлу, замедлив предвиденное падение.

— Черт! — выругался Георгий сквозь зубы и, цепляясь за рельсы для вагончика, пополз вперед. ВИРС, пристегнутый к ноге, ответил протяжным скрежетом. Он перетащил оружие выше, зажав подмышкой, чтобы оно не билось о трубу и не создавало ненужного шума. Правда если верить описанию проектировщика, все тоннели были обиты звуконепроницаемыми материалами для бесшумного передвижения праздничной атрибутики.

Георгий посмотрел на часы.

Полторы минуты, как они начали спуск. И почти шесть, как расстались с генералом.

Чиркнул по стене ВИРС. Гронский еще плотнее прижал к себе оружие. Передвигаться

по узкой трубе в полной защитной форме, да еще с зажатым подмышкой ВИРСом было тяжело. Пот под шлемом стекал, заливая лицо, щипля глаза. Форма под защиткой тоже была насквозь мокрая и липла к телу, что тоже не придавало резвости.

Да еще в мозгу будто будильник подвесили, которые беспрестанно тикал, напоминая о том, что время безостановочно бежит.

Георгий поднес часы к глазам.

Плюс две минуты.

Он снова оттолкнулся ногой. Движение получилось слабым, и он почти не продвинулся. Приклад ВИРСа уткнулся в трубу. Георгий перебросил его за спину, закрепив ремнями, теряя драгоценные секунды. Кляня себя за вынужденное промедление, со всей силы оттолкнулся и рванул вперед. Стало легче.

Неожиданно плечи уперлись в стены. Георгий сделал попытку сильнее оттолкнуться ногами, но ботинки скользили и пробуксовывали. Бесполезно пропадали секунды. Он по кругу осветил тоннель. Даже на глаз тот заметно сузился.

— Валер, — Гронский оттолкнулся руками, уходя назад, — отползай. Я возвращаюсь.

— Не понял???

— Мы почти пришли, как и указано в схеме. Только нам здесь не пройти. Надо снимать форму.

Он выполз на более широкое пространство. Перетащил ВИРС вперед себя, снял шлем.

— Это самоубийство, — услышал он натужный голос напарника, который, как и сам Георгий, извиваясь ужом, пытался стянуть с себя защитную куртку, — там полно Рун.

— Заложники там без формы.

Плюс пять минут двадцать три секунды.

В обычной форме ползти стало гораздо быстрее даже с учетом того, что приходилось толкать перед собой оружие и защиту.

Плюс две минуты.

Наконец поклажа уткнулась во что-то твердое.

Георгий опустил взгляд на часы.

Итого двадцать девять минут двадцать девять секунд. От тридцати минут, данных им террористами до того, как они начнут убивать заложников.

Луч фонаря осветил большой ровный круг, которым заканчивался их лаз. Сердцевина ромашки. Сквозь защитку Георгий нащупал ВИРС и с силой двинул прикладом по центру цветка. Дверца бесшумно отворилась.

Он и в самом деле оказался на лугу. Четыре огромных ромашки с белыми блестящими лепестками и яркими желтыми сердцевинами склонялись над поляной с сочной зеленой травой.

Посреди всей этой безмятежности и удовлетворения в самом центре луга кучкой, прижавшись друг к другу, сидели заложники. Сорок девять детей и пять, сопровождающих их взрослых. Чуть в стороне лежали трупы. Георгий успел рассмотреть троих.

Фонило энергией Источника.

Бахнула входная дверь, незаметная за одним из лепестков.

Мягко прошелестел ВИРС.

Террорист, ворвавшийся на поляну, с огромной дырой в груди вылетел обратно, в еще не закрывшийся проход.

Георгий вытолкнул форму. ВИРС. И головой ушел вниз. Перевернулся в воздухе,

приземляясь на ноги и хватая оружие.

Барьер.

Мысленный приказ самому себе. И сознание стража привычно разделилось на части. Одна часть по-прежнему контролировала внешнюю обстановку. Остальные выстраивали рисунок Искры, формируя энергетические барьеры. Четыре силовых контура, наложенных друг на друга. Почти на полную мощь. Его защитное поле слилось с барьерами прибывших первыми полковника Периша и его напарника Джэрсона, накрывая куполом заложников.

В дверь за лепестком ввалились еще трое бойцов из «Армии». Ливень пуль обрушился на созданные барьеры, пытаясь пробить в них прорехи. Георгий почувствовал, как рвутся два его контура. Досадно вскрикнул Джэрсон.

— Держите барьеры, — приглушенно прорычал Периш, — у третьего МАГ[2].

Да чтоб их! Против МАГов нам долго не продержаться.

— Где Мартин и маккцы? — словно вторя его мыслям, проскрипел Периш, — Долго не выдержим. Джэрсон ранен.

Георгий нащупал свой ВИРС.

— Надо снимать этого урода. Я сейчас чуть выйду из контура. Прикроешь?

Он нырнул в центр луга, падая на колени рядом с детьми. Как можно ближе. Так, чтобы защита вокруг них была самая прочная. Сосредоточился, отрывая от сознания еще один фрагмент, пытаясь создать пятый контур. Впереди, если выберется, его ждала учебка и новый уровень.

Краем глаза Гронский видел, как один за другим вышли из строя два террориста. Его четыре уровня держались крепко, защищенные неполным пятым. Бесперебойно работал МАГ. Частицы расплавленного металла со сверхзвуковой скоростью, разлетались по поляне, пытаясь пробить защитное поле. Неожиданно террорист дернулся, рука с МАГом уехала в сторону, и он начал заваливаться на бок. Гронский обернулся.

— Похоже я вовремя, — Валера обвел глазами место бойни.

За дверью послышался топот ног. Сзади заскрипела одна из труб, распахнулась сердцевина очередного цветка и на поляну выпрыгнул колонель Мартин.

— Извините, ребята, но эти трубы..., - дальше шла непереводаемая эверийского игра слов.

Георгий, чувствуя, как усилилась защита, бросился вперед, к одному из убитых террористов, забирая у него оружие. МАГи по своей мощности где-то даже превосходили ВИРСы, но в отличие от личного оружия стража, воспользоваться им мог кто угодно. В нем оставалось еще больше половины патронов.

— Джэрсон, прикрывай Дранкурца, — отдал команду Периш.

Первые два ворвавшихся террориста были буквально размазаны по стенам непрерывной очередью МАГа, вторые успели сориентироваться и начали огрызаться одиночными выстрелами. Георгий почувствовал острую боль в боку.

— Черт! — скривился он. — У двоих АРП[3]. Они гасят барьеры.

Зашелестели ВИРСы. Сзади послышались приглушенные голоса детей. Георгий обвел глазами испуганных заложников, которые теперь жались друг другу, глазами полными ужаса, смотря на происходящее вокруг них. Старшей девочке было лет девять не больше. В основном малыши пяти-шести лет.

Перед глазами мелькнуло худое, бледное лицо сына. Георгий отогнал ненужные сейчас эмоции.

Со страшным скрежетом стала раскачиваться очередная труба. Потом ее железные бока оплавилась и с треском разошлись в стороны под натиском силы. На поляну вывалилась последняя группа.

Сейчас должно стать полегче. Словно вторя его мыслям, в воздухе разлились новые выплески силы.

За дверью вновь раздался шум. Алан, держащий вход под своими контурами, слегка поморщился.

— Фон усиливается, — сообщил он.

Из-за двери потянуло дымом.

— Излучение Источника резко возросло. Они притащили Руны, — напряженный голос Периша.

Комнату наполнила тяжелая энергия Источника. За дверью раздался сильный взрыв. Деревянное полотно разлетелось на щепки. Сорвало одно из соцветий и выбросило в центр поляны. С диким скрежетом оторвалась оставшаяся без опоры труба и обвалилась на пол.

По разрушенной поляне расползлся огонь. И энергия Рун.

— Надо эвакуировать детей, — произнес Гронский, обращаясь к старшему.

— Мы в ловушке, — хрипло ответил Периш, пытаясь откашляться. Дым забивал рот, нос, слезились глаза.

— Нет, — резко качнул головой Георгий. — Через трубы.

Все, кто слышал их разговор, повернули головы к оставшимся металлическим конструкциям.

— Не выдержат, — с сомнением произнес Джэрсон. — Их слишком много.

— У них вес-то какой.

— Испугаются, остановятся, назад поползут. Застрянут. Мы уже не сможем помочь. А если нас в этот момент взрывчаткой? Посмотри, что стало с той трубой! Они же даже вылезти не смогут.

— Если пойдем на прорыв — всех положим. Я возьму эвакуацию на себя.

Время на принятие решения больше не осталось. Дым заполнил все небольшое пространство комнаты. Еще чуть-чуть и заложники просто задохнутся от этой гари. Энергия Рун мутила сознание и отбирала силы, несмотря на все барьеры. Сквозь языки пламени в развороченном дверном проеме можно было видеть вооруженных людей, заполняющих коридор.

— Дранкурец, эвакуация на тебе, — отдал приказ Периш. — Мы прикрываем. Выиграем вам время сколько сможем. Ты знаешь, если они все же прорвут наши барьеры, ты останешься в самом эпицентре событий. Один на один. Без права уйти.

Георгий бросил на него пронзительный взгляд и тихо фыркнул.

Энергия рун переплеталась с черным дымом. Трещал и плавился воздух, сжигаемый взрывами. Гвалт выстрелов, ругань бойцов, испуганные крики детей переплетались в клубок. Георгий, закрытый от прямых атак террористов защитными барьерами стражей с женщиной-аниматором и еще одним парнем, поднимали, запикивали перепуганных детей в трубы.

С диким грохотом рухнула еще одна ромашка. Поляна сотряслась. Труба, в которую недавно залезло около десяти детей устрояюще качнулась из стороны в сторону. Послышался перепуганные визги. В барьер ударила взрывная волна. Боковым зрением Георгий видел, как упал Джэрсон. Как Периш бросился вперед, прикрывая напарника. Поймавшего сразу несколько пуль Мартина, отползающего за упавшую ромашку, пытаясь

выставить уровни. В ушах стоял плотный, вязкий шум. Очередное маленькое тельце в его руках. Плачь. Утешающий, почти ровный голос девушки — аниматора.

Тяжесть излучения навалилась в полную силу. Георгий повернул голову, пытаюсь понять, что случилось с рассеивателями.

— Валер, — прошептал он, падая на колени рядом с напарником.

— Есть кто-нибудь на связи? — голос Рейли где-то невозможно далеко.

— Майор Гронский, — с трудом ответил он.

— Вытащили всех. Теперь отойдите с того места. Спускаем десант. В павильоне уже группа зачистки. Держитесь.

Георгий нащупал, валяющийся рядом ВИРС. Краем глаза заметил движение справа. Присмотревшись, он различил несгибаемую фигуру вестлендца. Периш со своим седьмым уровнем пока еще держался. После грохота, царившего здесь, заполнившая павильон тишина, заставляла нервничать и постоянно держать палец на спусковом крючке.

Вестлендец увидел его, обернулся.

— Рейли сказал, что идет подкрепление.

— Вовремя, — усмехнулся Периш и оценивающе посмотрел на него. — Майор? С пятым уровнем?

— Сорвали сюда перед самой учебкой.

— Поздравляю, считай экзамен ты прошел. Доложу в рапорте для твоего руководства.

Громыкнуло сзади. Упала часть стены. Автоматные выстрелы прорезали черный дым.

— Полковник! — заорал Гронский, как перчатку, на одном вдохе стянул с себя оставшиеся три контура, и швырнул защиту в вестлендца, сбивая с ног и уводя с зоны поражения. И тут же две пули вошли в шею и живот.

Если бы его не вызвали на это задание, он бы в эти выходные привез сюда сына.

Как все правильно сложилось...

— Иди! Я прикрою. Выполни свой долг!

Приятный уверенный баритон с металлическими нотками врезался в поток воспоминаний. Гронский от неожиданности вздрогнул и повернул голову. Мальчишка лет десяти держал в руках одного из знаменитых супергероев, который весь переливался огнями, махал страшным топором и говорил, записанные на чип фразы.

Георгий улыбнулся, хотя и был удивлен. Такие были популярны скорее в его детстве, чем у нынешнего поколения детей. Потом увидел отца мальчика, который постоянно нажимал на какие-то кнопки на игрушке и возбужденно рассказывал сыну о героях прошлых времен.

Надо бы Темке такого приобрести. Поиграем. И привезти его наконец сюда. Прошлое надо оставить в прошлом.

Гронский резко поднялся со скамейки и быстрыми шагами пошел к отелю. Нет, его так и не отпустило до конца. За годы службы он успел поучаствовать во многих операциях, но ни что не оставило такой глубокой зарубки, как то, что случилось в шатре Цветов.

Что-то тяжелое упало на асфальт почти перед самым входом в гостиницу. Закричала женщина. Туда, откуда послышался звук, стали подтягиваться люди. Гронский вскочил на ноги и бегом бросился к толпе. Бег в ночной Макке был почти преступлением. Но что-то необъяснимое гнало его вперед. То ли сознание, растревоженное непрошенными воспоминаниями, то ли потому что город науки у него прочно ассоциировался с чем-то плохим, то ли не давало покоя излучение, которое он ощутил от Оленева.

У входа в отель собиралась толпа народа. Люди возбужденно переговаривались между собой, периодически смотря на верхние этажи. Кто-то снимал на смарт. Повинуясь интуиции, Георгий подошел к толпе. Осторожно раздвигая толпившийся народ, он добрался до эпицентра события.

На асфальте в луже собственной крови и разбросанных мозгов лежала подружка его подопечного.

[1] ВИРС — волновой излучатель рунной силы. Индивидуальное оружие стража
Элемент поражения — силовая волна или силовой луч, формирующийся из энергии Руны

[2] МАГ — магнитный автомат Гравэ. Поражающий элемент — пуля, для придания скорости которой используется магнитное поле.

[3] АРП — АнтиРунный пистолет, который может пробивать барьеры стражей.

Глава 4

Гронский, подражая возбужденному настрою людей, мягко дотронулся до смарта на тыльной стороне руки и сделал несколько кадров. Нельзя было ничем выделяться из общей массы. Не переставая фотографировать, он вышел на свободное пространство и набрал номер Оленева. Впрочем, не особо надеясь, что тот ответит.

Потому что сам еще не знаешь в какое дерьмо ты влез.

Ученый ответил после двух гудков.

— Оленев, а ты не думаешь, что самый лучший выбор — просто остаться в живых.

Жестко, пока собеседник не разорвал соединение, произнес Гронский.

— Ты, о чем? — голос подопечного звучал собранно. А еще рвано, как дыхание у человека, который быстро идет или даже бежит. Или бежал недавно.

— О том, что я видел, как полицейские собирают мозги твоей подружки с асфальта. Где ты?

Оленев колебался, но не долго. Видимо, все же умел выбирать правильно.

— Район «подушек», пересечение улиц Озерной и Магистральной. Бар «Пятое колесо».

В трубке послышалась громкая музыка. Потом абонент отключился.

Георгий огляделся вокруг. Нашел глазами несколько такси на стоянке гостиницы. Побежал туда, наплевав на все условности. Район «подушек» — обычный спальный квартал, который есть в любом городе. Заставленный небоскребами и напичканный последними достижениями техники, которыми макцы любят подчеркнуть свою особенную близость к науке и достижениям человечества.

Бар «Пятое колесо» находился в самом начале Магистральной улицы, широкого проспекта с магазинами и многочисленными заведениями, где можно было отдохнуть, перекусить, привести себя в порядок и порадоваться всевозможными благами, которые привык получать современный человек. Сама улица выходила на основную магистраль Макки, предоставляющую возможность уехать в пригород или к трем основным вокзалам: аэро, авто и железнодорожному.

Вот, значит, как, господин Оленев, решили смыться?

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понимать, зачем «ученый» назначил встречу именно на этой улице.

Георгий уже видел броскую вывеску бара, которая освещала довольно большую площадку перед самым заведением и часть дороги. Впрочем, в Макке вообще любили яркое освещение, так что само понятие ночь здесь растворялось в неоне и других всевозможных огнях, заполняющих улицы.

Распахнулась дверь и на улицу быстрыми шагами, переходя на бег, выскочил Оленев. Оглянулся на бар, откуда уже не скрываясь выбежали еще двое. Ученый рванул через дорогу. У одного из преследователей в руках появилось оружие.

Луч лазера заскользил по асфальту, уверенно цепляя фигуру беглеца. Выстрелы разрезали воздух.

Барьер!

Первый уровень с самым минимальным наполнением силы. Но этого хватило, чтобы сбить Оленева с ног и смертоносные снаряды пролетели мимо. Ученый лежа на асфальте

оглянулся назад. Увидел луч, скользящий по его ноге и резво перекатился в сторону. Пули одна за другой отскочили от асфальта.

Барьер!

Выставив все пять контуров, Георгий бросился вперед, закрывая собой Оленева.

— Держись рядом! — рывкнул он подопечному. — Сделаешь шаг в сторону — ты мертвец.

Очередная очередь ударилась о защиту и отлетела. Вступил в игру «Нокс[1]» второго. Георгий выругался, когда пули с бешеной скоростью разрывали контуры, срезали защиту.

Барьер!

Гронский едва успевал выстраивать разлетающиеся уровни. В голове начало шуметь. Фон Рун, появившийся вместе с Оленевым, не помогал. Наоборот отвлекал.

Он сделал еще два коротких шага вперед. У «Нокса» закончился заряд. К счастью оружие у противника было не самой последней модификации, и нуждался в более частой перезарядке.

Четыре секунды на смену. Пошел отчет.

Раз.

Георгий молниеносно воспроизвел пять уровней защиты.

Из «Нокса» выпал использованный цилиндр.

Два.

Страж смял два контура, переходя от защиты к нападению.

Новый заряд встал в нужный отсек.

Три.

Щелкнул держатель.

Стуток силы ударил ближайшего преследователя по корпусу. От резкого удара того развернуло и отшвырнуло на несколько шагов.

Четыре.

Георгий воссоздал четыре контура, пользуясь ситуацией. Ударил, вливая в рисунки всю имеющуюся силу. Стрелок дернулся несколько раз и бесформенным кулем осел на асфальт. Со смятыми в кашу внутренностями уже не до стрельбы.

Гронский едва сдержал стон боли, когда сознание вернулось в привычный режим. Оленева рядом уже не было. Он поборол желание подобрать валяющийся в двух метрах «Нокс». Полиция в Макке, как и шесть лет назад не очень любила быстрые действия, искренне считая, что в напичканном электроникой, камерами слежения и другими техническими штучками городе, ни один преступник не окажется безнаказанным.

Страж был уверен, что дроны уже засекли случившуюся перестрелку и явно зафиксировали личности нарушителей порядка. Поэтому разгуливать с оружием без имеющегося на то разрешения только привлекать к себе совершенно ненужное ему сейчас внимание.

— Эй, страж!

Услышал Георгий приглушенный голос ученого. Потом его голова показалась из-за одной из припаркованных машин. Он махнул рукой и побежал по указанному направлению.

Из-за поворота вывернул темно-синий «Крезер». Гронский рванул к своему подопечному, жестами показывая, чтобы тот двигался быстрее.

— Через два дома у меня машина припаркована, — сообщил Оленев, когда страж поравнялся с ним.

Барьер!

Мысленно взвыло то ли подсознание, то ли интуиция.

— Держись рядом, — приказал Георгий, чувствуя, как по вискам, лбу стекают капли пота. Непрерывно держать барьер на максимальном уровне довольно тяжело.

В это время что-то тяжелое ударило по внешнему контуру. Опалило жаром.

— Ты горишь, — любезно сообщил Оленев.

— Заткнись, — не так вежливо ответил Гронский. Пришлось разрывать сразу три контура, избавляясь от огня.

Надо было взять «Нокс». Полиция далеко. А их безумные фанаты уже на пятки наступают. Георгий чуть повернул голову, желая рассмотреть, чем их пытаются убить.

Новый удар по защите. Контур стал совсем тонким. Оступился Оленев и растянулся на тротуаре. На перекресток выехало несколько машин, перекрывая дорогу преследователям. Георгий подхватил ученого под локоть и рывком поставил на ноги.

— Там, — слегка скривившись, он указал на стоящий в нескольких метрах «Ларс». Мощный, стильный, безупречно сияющий своими стальными боками спорткар, гордость эверийцев, по праву считающихся лучшими автопроизводителями после эпохи Скорби.

Оленев положил руку на ручку двери, плотно прижав все пять пальцев к внутренней стороне. Автомобиль тихо пикнул, показывая, что признал хозяина.

— Садись за руль, — он снова поморщился и пропустил Георгия вперед. Гронский заметил следы крови.

— Зацепило? — спросил он, ныряя на водительское сидение и снимая автомобиль с автоматизированного управления.

— Есть немного, — Оленев тяжело упал на сидение рядом.

Георгий посмотрел в зеркало заднего вида. Темно-синий знакомец ехал сзади. Страж выругался сквозь зубы.

— Хорошая у них машинка, трудно будет уйти. У него мощность почти как у твоего.

— Это не мой, я его в прокат взял, — подопечный закрыл глаза и положил руку под куртку куда-то в район печени.

— Куда ехать? — Георгий досадливо поморщился. Очень плохо. Им бы сейчас в больницу.

— Давай на главную магистраль. Попробуем затеряться в потоке. Потом посмотрим по ситуации.

С перекрестка выруливал большой белый джип. Георгий резко рванул вперед, оставив внедорожник позади себя и отгородившись им от преследователей. Водитель послал вдогонку возмущенный сигнал.

— Лихо ты, — хмыкнул подопечный. — Часто водишь сам?

— Да, — довольно сухо ответил Георгий, — люблю рулить.

— Заметно.

Гронский уверенно гнал вперед. Проскочили первый светофор. С легкостью обогнали несколько автомобилей. За ними словно привязанный следовал внедорожник, не подпуская преследователей ближе.

— Где Руны?

Оленев резко повернулся к нему.

— Как ты узнал?

— От тебя фонило, когда мы ехали в такси, около отеля, да я и до сих пор чувствую их

излучение.

Проигнорировав предупреждающее мигание светофора, Георгий наконец вылетел на автостраду, оторвавшись от погони. Впереди маячил двухэтажный туристический автобус. Сзади пристроился фургон, разрисованный пиццей. На соседней линии, отставая от «Ларса» на несколько автомобилей, пристроился знакомый «Крезер».

— Да чтоб тебя!!!

— Немного вдоль реки пройдем и свернем к автовокзалу, — Оленев откинулся на спинку кресла. Теперь Георгию хорошо было видно расплывшееся красное пятно по рубашке. — Скоро будет дорожная развязка. Сейчас там в связи с новым туристическим маршрутом через Нохар-Аг постоянный ажиотаж. Легко затеряться.

Автомобиль преследователей переместился на их полосу позади фургона. Взвизгнули тормоза и раздался громкий гудок. Автобус свернул с магистрали на шоссе, ведущее к речному порту. Гронский вывернул за ним, успев проскочить очередной светофор.

Оленев с трудом оторвался от кресла и стянул с себя куртку. Под ней у него оказался совсем небольшой рюкзак, в котором проступали края какой-то коробки. Сзади послышался разъяренный гул машин. Георгий резко обернулся. Нарушая все возможные правила движения, автомобиль преследователей, выскочив перед фургоном с пиццей, рванул через светофор, подрезая встречные машины на перекрестке.

— Твою ж мать! — снова выругался он сквозь зубы. Гронский подал машину в сторону, съезжая на обочину и прибавив газу, обогнал автобус. Теперь он несся вперед вдоль набережной, бросая поочередно тревожные взгляды то в зеркало, то на своего подопечного.

Еще его безумно раздражало непрекращающееся шуршание, поселившееся в голове, как только он встретил Оленева. Ученый со стоном сквозь стиснутые зубы стянул с себя рюкзак и бросил на колени стража. Георгий одной рукой расстегнул молнию и достал из рюкзака металлическую коробку. Защитный бокс для хранения и транспортировки Рун.

— Дата появления Источника, — прошептал тот, поймав его взгляд.

Вот же олень безмозглый!

Георгий едва сдержался, чтобы не взвыть в голос.

Знакомый «Крезер» опять показалась сзади. Теперь между «Ларсом» и преследователями не было больше никого и расстояние между ними начало заметно сокращаться. Гронский снова подался влево, пытаясь повторить маневр с объездом. Но расстояние между ограждением и боком впереди ехавшей машины было совсем узким и ему пришлось сдать назад. Сосед возмущенно просигналил.

— Я должен был отдать его в том отеле... Той девушке...

— Почему не сказал мне? Я для чего тебе был нужен?

— Ты для меня помех. У нас с тобой изначально были разные пути. Я не работаю ни на твою контору, ни на Дранкур в целом.

«Крезер» наседали. Уже хорошо были видны лица преследователей. От сильного удара по машине Оленева бросило на приборную панель. Тот застонал и сполз вниз. Георгий взял его за плечо, откидывая назад.

— Сейчас оторвемся. На вокзале обязательно какой-нибудь медпункт должен быть. Зажми рану.

Георгий снова сдал влево, но вместо того, чтобы ехать вперед, неожиданно остановился. Преследователи вместе с потоком машин пронеслись мимо. Страж начал сдавать назад. Доехав до уже знакомого поворота, он пристроился в крайнюю правую линию и вновь

поехал вперед.

Они доехали до поворота с указанием «Речной вокзал» и съехали с трассы. Автомобиля преследователей не было видно. Остановились у очередного светофора. Впереди уже была видна река и мост. Где-то вдалеке по воде шел прогулочный кораблик. Справа виднелось здание вокзала.

— Мне всегда казалось, что ваша служба дутая величина... Никогда в вас не верил...

— Я тебе не зубная фея, чтобы в меня верить, — Георгий скосил глаза на подопечного.

Загорелся разрешающий свет светофора, и он начал выворачивать направо. С противоположной стороны перекрестка вылетел уже знакомый джип. Гронский резко выкрутил руль, пытаясь избежать столкновения. «Ларс» понесло вбок. Колеса не удержали сцепления и автомобиль со всего маха врезался в ограждение.

Из внедорожника уже выходили двое незнакомых парней. Гронский положил руку на шею ученого, пытаясь нащупать пульс. Его не было. Георгий выругался сквозь зубы. Схватил рюкзак и выскочил из машины. Преследователи бросились за ним. Что-то больно распоролу кожу щеки и ударило по плечу. Страж неожиданно вильнул вбок и перескочил за ограждение моста. Под ним в свете солнечных лучей сверкала река. Он оттолкнулся и прыгнул вниз.

Из-под моста не спеша выплывала баржа.

Барьер!

Все пять уровней в считанные мгновения выстроились в защитный контур. Это смягчило удар о металлические контейнеры, которыми была заставлена палуба баржи. Что-то противно хрустнуло в спине. Некоторое время он лежал, хватая воздух, как выброшенная на берег рыба.

На мосту стояли двое из джипа. Первая пуля ударила по ящику возле самого уха и отскочила. Вторая — где-то в районе ноги.

Разлеживаться времени не было. Оторвав тяжелое, непослушное тело неуклюже перекатился и упал в образовавшуюся щель между контейнерами. Сзади, где он только что лежал, послышались глухие удары.

Из-за контейнеров было видно, как преследователи бегут по мосту в сторону самого вокзала, где размещалась точка проката с многочисленным водоплавающим транспортом. Гронский отлично понимал, что на скоростном катере его догонят уже в течение пяти-семи минут. В зависимости от того как быстро бегают эти головорезы и расторопности работника проката. Или же последний пункт можно вычеркнуть. Судя по тому, что они творили на дороге им было глубоко наплевать на законы и человеческие жизни.

Баржа тем временем проплывала мимо искусственного островка посреди реки с красиво засаженной зеленой рощей, словно игрушечным домиком и небольшой пристанью для мелких судов. Подождав, когда его грузовоз подплывет как можно ближе к импровизированной суше, Георгий ползком добравшись до борта, чтобы его не было видно издали, упал в воду.

Проплыв почти до середины островка, он остановился, ожидая, когда промчится катер, преследуя его баржу. Его расчеты оправдались и ждать пришлось недолго. Поднимая волны, преследователи с немалой скоростью приближались к баркасу.

Гронский выбрался на сушу и прячась среди деревьев добежал до моста, соединяющего островок и большую землю, понимая, что сумел выиграть немного времени для маневра. Даже если те из джипа уже доплыли до баржи, им еще ее нужно будет проверить, после чего

они скорее всего поплывут на островок и будут обшаривать его. Небольшую фору он смог себе отыграть.

Георгий выбежал на набережную. Люди с удивлением оглядывались на него. Еще сутки назад его дорогой костюм теперь висел на нем мокрой грязной тряпкой. Пиджак и брюки были порваны в нескольких местах. Рассеченная пулей щека, больше не кровоточила, но судя по ощущениям выделялась распухшей бордовой полосой.

Затеряться не получится.

Стараясь не привлекать к себе еще большего внимания и не переходить на совсем уже откровенный бег, Георгий лихорадочно думал, как ему лучше выбраться из Макки. Звонить Архипову сейчас нет времени. Пока подоспеет помощь, его тут на куски разрежут. Надо выбираться самому.

С Рунами по воздуху не получится никак. Проверки на аэровокзалах всегда самые строгие. На поезде чуть меньше, но риск попасться с Рунами все равно велик.

Машина — тоже не вариант. Между границами двух государств Маккаа и Дранкурским Содружеством лежал кусок пустыни и зона отчуждения. Тут надо специальное разрешение. Конечно он мог запросить его у своего Управления, но это время.

Георгий остановился, перевести дыхание.

Думай, Гронский, думай! Надо выбираться.

Он оглянулся, внимательно сканируя местность. На глаза попала рекламная вывеска. С яркого, подсвеченного щита, подмигивая ему фарами, смотрел туристический автобус.

Сейчас там в связи новым туристическим маршрутом через Нохар-Аг постоянный ажиотаж.

Вот оно! Туристов не проверяют так тщательно, и он сможет провести свой груз. Главное, чтобы деньги у туриста были. Да и до развязки здесь недалеко.

Гронский заказал кофе и горячие бутерброды в небольшом кафе при автовокзале, ожидая свой рейс.

Первый автобус выезжал рано утром, и до отбытия было еще чуть более получаса. Как и говорил Оленев, народа здесь действительно было очень много. Кто-то покупал туры по Макке, другие хотели посмотреть окрестности и пригород, но больше всего людей жаждало увидеть Нахар-Аг и зону отчуждения. Проехать, как вещали экскурсоводы по краешку истории. Приблизиться к сердцу их современного мира.

Ведь долгие десятилетия пустыня была полностью закрыта для праздных путешественников. Слишком большой риск. Но после возведения Карьера сила излучения в этих местах значительно снизилась и ученые пришли к выводу, что недолгое пребывание в наиболее отдаленных от Источника местах пустыни не принесет вреда. А где, как не в Макке верить выводам ученых?

Георгия не интересовал второй этаж автобуса, который пользовался наибольшим спросом любопытствующих туристов. Пустыню Нахар-Аг он видел десятки раз. И из иллюминаторов аэрокапсул, и из окон служебного микроавтобуса, и даже посреди песчаной бури, прячась среди туч пыли и песка от одной из банд отщепенцев.

Поэтому билет в самый дальний угол автобуса на первом этаже для него был идеальным вариантом. Для женщины в туристическом павильоне, где Гронский приобрел кусок пластика, сообщающего, что он стал счастливым обладателем двух мест в последнем ряду, он был неожиданным клиентом. Потому что купленные им места хотя и были самыми дешевыми, обычно оставались пустыми, так как из них почти не было обзора. И продать их

было большой удачей.

— С девушкой поругался, — жалостливо рассказал Георгий придуманную на ходу легенду для отвода глаз, если его преследователи все же доберутся и до этого места, — думал сделаю ей сюрприз, она простит.

Женщина участливо кивала. Но в ее взгляде, которым она периодически окидывала обычные дешевые джинсы и слегка помятую футболку, на которые Георгий успел сменить свой многострадальный костюм в привокзальном торговом центре, заросшую двух дневной щетиной, да к тому же поцарапанную физиономию, явно было видно, что с такой шпаной, да еще явно жлобом нормальной девушке делать нечего.

На табло загорелась информация, что на его автобус началась посадка. Гронский допил кофе и, засунув в рот последний кусок бутерброда, вышел из кафе. Из зала ожидания вышла молодая женщина в легком светлом платье, на высоких каблуках и огромным чемоданом. Перед самой лестницей она остановилась и в легком замешательстве оглянулась назад в поисках помощника.

— Простите, — обратилась она к Георгию, — вы мне не поможете?

И обворожительно улыбнулась.

Гронский кивнул и потянулся за ручкой. В последний момент по привычке все проверить, поднял глаза и успел зацепить напряженный взгляд девушки ему за плечо.

Георгий начал разворачиваться, когда игла вошла ему в шею.

[1] «Нокс» — один из видов современного огнестрельного оружия. Основан на использовании рунного заряда, как главного источника энергии при выбросе пули.

Глава 5

Первое, что почувствовал Георгий, как только сознание начало возвращаться к нему, уже знакомый шелест в голове и фоновое излучение Рун. Бокс по-прежнему был где-то рядом. Сам он сидел посреди комнаты, похожей на гостиничный номер, пристегнутый к стулу наручниками.

— Очнулся, шустрый ты наш, — оповестил остальных присутствующих в комнате светловолосый, здоровенный тип, на руке которого была надета перчатка с металлическими нашлепками. Водитель того самого джипа, который смял их на перекрестке. Второй — его напарник, которого Гронский тоже узнал, держал в руках цилиндр напоминающий отрезок металлической трубы, что-то среднее между бейсбольной битой и полицейском дубинкой.

Здоровяк взял со стола шприц и не церемонясь вколол его в плечо пленнику.

— Теперь рассказывай по порядку. Кто ты? Откуда у тебя Руны? Где диск? — первый показал рукой на стол, где третий их коллега с помощью специального счетчика считывал уровень излучения с бокса, который отдал ему Оленев.

— Георгий Гронский, приехал на конференцию с Оленевым Ильей...

Кулак, затянутый в перчатку с силой врезался в скулу, разрывая кожу на щеке, подтверждая мысли пленника насчет нелепого аксессуара одежды у здоровяка. Перед глазами запрыгали красные искры.

Светловолосый пододвинул еще один стул ближе к нему и сел.

— Так называемый Оленев Илья кое-что забрал у нас без спроса. Мы просто очень хотим вернуть наше имущество.

В голове шумело. После химии, которой его накачали, четкость сознания пока не восстановилась и у Гронского никак не получалось выстроить барьер. И сколько его организм будет отходить от этой дряни он не знал. Надо тянуть время.

— Ладно! — зло выдохнул он, отбрасывая уже отработанную первую легенду и примеряя вторую. — Мое имя на самом деле Георгий Гронский, я работаю в охранном агентстве, — начал он. — Меня наняли сопровождать ученого на конференцию в Маккаа.

Теперь удар пришелся по второй щеке. Георгий стиснул зубы, переживая первую, острую боль.

— Мы видели тебя у бара на Магистральной. И как ты наших положил. Очень похоже на штучки стражей. Еще раз солжешь мне, познакомишься с моим приятелем, — белобрысый показал на своего дружка, стоящего с битой за его спиной.

— Это был обычный силовик на несколько зарядов. Я работаю в охранном агентстве «Крепость». Мне всего лишь надо было сопроводить, а потом вернуть домой моего подопечного.

Здоровяк ударил в нос. Тот противно хрустнул и на губы, подбородок потекла кровь.

— Я тебе лошадиную дозу мекса ввел, ты не можешь мне врать. Хочешь сказать, что простым охранникам вшивают кодировку от сыворотки?

— Потому что нет никакой кодировки! Осел! Я не вру.

Белобрысый ударил.

— Кто ты? Где диск?

Каждый вопрос чередовался с ударом по лицу.

— Да пошел ты! Иди уши прочисть, мудила! Говорю же тебе, я ничего не знаю о делах Оленева.

Гронский пытался выстроить рисунок Искры, но каждый удар ослабевал связь сознания с его телом. И контур размывался вместе с сознанием.

Потому что сам еще не знаешь в какое дерьмо ты влез.

— Что тогда это?

Здоровяк указал на бокс, лежащий на столе рядом с программистом.

— Оленев отдал в машине, когда понял, что кранты ему. Сказал, что я должен отвезти своему руководству.

— А диск?

— Не знаю я ни о каком дис...

Договорить он не успел. Дубинка врезалась в ребра, выбивая дыхания. После второго удара внутри что-то хрустнуло. Третий раз дубинка со всего маха опустилась ему на колено. Светловолосый плеснул в лицо чашку воды, не давая попрощаться с сознанием.

— Не надоело героя из себя строить? Просто скажи, где он.

Георгий облизал разбитые губы.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — сипло ответил он. — Никогда его не видел.

Здоровяк ударил дважды. По губам и скуле, в очередной раз вспарывая кожу. Сознание опять скользнуло куда-то в сторону небытия, но удержалось на самом краю. Георгий глухо застонал.

— Уровень сильный, порядка девяти-десяти условных единиц, — сообщил тот, который возился с боксом, — равен только что отделенным Рунам. Защита бокса выдержит еще пару часов, потом надо менять.

Георгий прикрыл глаза, в который раз пытаясь выстроить рисунок. Пока его не трогали, возможно получится сосредоточиться. Он понимал, что время его почти закончилось. Знать бы еще за что он все это терпит. И что за диск от него требуют. Оленев, сука, ничего не сказал. И Архипов тоже.

Я не работаю ни на вашу контору, ни на Дранкур.

А Архипов знал об этом диске? Он дал понять, что у Оленева надо найти и забрать Руны.

— Ингрис, Нарси, — наконец подал голос еще один. За все часы это были его первые слова. До этого он или сидел в кресле, отстраненно читая что-то на своем смарте или смотрел в окно. Ни во что не встречая. Он был одет в легкую светлую рубашку и джинсы, как обычный турист. — У нас нет больше времени. Решите наконец вопрос.

Георгию удалось выстроить два контура. Слишком слабо, чтобы вывести из строя всех сразу.

— Слышал? — обратился к нему светловолосый. — Просто скажи, где диск. И мы уйдем. Даже убивать тебя не станем. Ты нам в общем-то не нужен.

— Я не знаю, где диск.

Здоровяк подошел к нему, расстегнул наручники, освобождая руки.

— Говорю же я всего лишь сопровождал Оленева в поездке, — Георгий сжал зубы, понимая, что ничем хорошим это освобождение для него не светит.

Подтверждая его мысли, Ингрис схватил его руку и положил на деревянный подлокотник стула.

— Держи! — отдал он приказ своему коллеге, — сейчас ты мне все скажешь.

Это он уже к пленнику, заноса биты.

— По пальцу за каждый неверный ответ. Пока не скажешь, гаденыш. Надоело с тобой возиться!

Барьер!

Дубинка обрушилась на мизинец, разрывая в клочья выстроенный контур. Георгий взвыл.

— Не слышу!

После второго пальца на глаза опустилась кровавая пелена.

— Где?!

Третий Георгий уже не чувствовал.

Вода освежала. Он текла по избитому лицу, смывая кровь, боль, проясняя рассудок. Георгий слизывал с губ живительную влагу вперемешку с кровью. Болела каждая клеточка тела. Рука горела словно в огне. Но в голове было ясно. Если не считать усилившегося шелеста. Фон излучения усилился. Наверное, истончилась защита бокса. Или они пытались его открыть. С этих недоносков станется.

Перед глазами всплыл рисунок. Неожиданно четко и ярко. Рисунок стихийной Искры. Что с этим делать страж не знал. Его основная Искра — сила. Как у любого стража. Все они знали контуры всех своих Искр, но умели использовать только основную. Другие могли лишь фоново дополнять, укреплять, усиливать, но не больше. Соединить рисунки это была мечта всех теоретиков, которые писали целые трактаты о возможном прорыве и что это даст человечеству.

Георгий еще раз облизал губы. Сейчас он очень бы хотел знать, что это даст ему лично. Здесь и сейчас.

Сознание привычно расслоилось на пять сегментов. Пять контуров стихии уверенно встали один на другой. Мысленно соединить. Наполнить силой.

Краем глаза Георгий видел ноги здоровяка и часть биты.

Барьер!

Защитный контур ударил здоровяка по ногам. Как оказалось, стихийная Искра была гораздо слабее основной. Если бы страж ударил пяти уровневый барьером по незащищенной плоти, любитель ломать кости остался бы без ног. Так, к огромному сожалению Георгия, он отделался переломами и рванными брюками, из которых торчали обломки костей.

Энергия Искры притупила боль. Он чувствовал потоки крови внутри своего тела, наполненные силой. В сознании ярко вспыхнул рисунок.

Краем глаза страж увидел ствол пистолета, направленный на него.

Барьер!

Искры Силы сомкнулись в рисунок, сминая, погребая под собой стихийные Искры. Пять контуров привычной силы наполнили его сознание ощущением собственной мощи. Близкое излучение Рун делало его барьер смертоносным оружием.

Одна из граней контура врезалась в главаря, выбила оружие из его руки. Мужчина булькнул, замер. Его светлая рубашка разошлась, обнажая глубокую кровавую полосу, разделившую на две части не только ткань, но и тело.

В барьер врезались пули. Георгий обернулся. Третий, отбросив свои электронные игрушки, лупил по нему чем-то очень похожим на уменьшенный МАГ.

Два контура слетели за пару секунд.

К Нарси присоединился хозяин дубинки. Его оружие хотя и не было карманной версией

самого крупного достижения оружейников последнего века, но тоже заметно подтачивало ресурсы Искры.

Барьер!

Георгий подправил контуры и бросился к стволу, выроненному убитым главарем. Размозженное колено не выдержало подобной прыти. Нога подвернулась, и он упал. Шипя от боли, Гронский перекатился по полу и схватил оружие.

Третий строчил не переставая. Теперь к нему присоединился еще и белобрысый. Контуры рвались. Истончалась защита. Беспрестанно вливая силу в контуры, он рванул к столу, хватая бокс с рунами.

Возиться с кодом возможности не было, и Георгий ударил силой, вскрывая замок.

Когда трое вооруженных головореза в упор палят по тебе достижениями современных оружейников можно и так.

Барьер!!!

Волна излучения ударила по врагам. Георгий схватился за голову, в которой словно бомба взорвалась. Из носа хлынула кровь. Неконтролируемая сила выжигала сознание сегмент за сегментом. Он перестал за него хвататься и в который раз за прошедшие часы провалился в темноту.

Очнулся на этот раз он довольно быстро. Излучение Рун висело в воздухе плотным туманом. Шелест в голове усилился. В комнате в живописном беспорядке валялось четыре трупа и фрагменты их тел. Того, кто был с МАГОм в буквальном смысле размазало по стене.

Гронский прислушался к себе. В голове стоял тот же туман, прорезаемый вспышками острой боли при любой попытке выставить хотя бы один рисунок для создания защиты.

Он повернул голову и наткнулся на собственное отражение в висящем на стене зеркале. Отекшее и посиневшее от побоев лицо с рваными кровавыми разрезами. Залитая кровью одежда. Распухшее колено, которое отказывалось работать. И рука, словно в бочке с огнем.

Откатывал адреналин боя. Избитое тело отказывалось игнорировать полученные травмы. Не помогали ни уговоры, ни угрозы, ни попытки принуждения. Чувство самосохранения убеждало, что четыре лично сотворенных трупа не самое лучшее соседство. Даже если он докажет, что это была самооборона и они сами виноваты, легко он не отделается.

Гронский с трудом дотянулся до валяющегося на полу бокса. Выставил максимальный барьер и открыл разбитую крышку. Остановил взгляд на невзрачных, серых камнях примерно с половину ладони каждый, исчерченных линиями. Излучение било по контурам. Виски сжимало так, что казалось голова сейчас лопнет.

Георгий захлопнул хранилище и попытался починить замок, понимая, что у него не получится. Герметизацию уже не восстановить. И пока Руны не поместить в исправный бокс они будут распространять вокруг себя энергию Источника.

Георгий доковылял до окна, пытаясь рассмотреть, где находится. Оpoznать место получилось довольно легко. Он был на берегу той же реки в какой-то зоне отдыха, в одном из похожих друг на друга бунгалов. Время было раннее, но из других коттеджей уже начали выходить люди, устраиваясь на лежаках загорать или шли купаться, где-то был слышан детский визг.

Энергия Рун уже заполнила пространство его убежища, скоро она начнет выходить во внешний мир. И люди, которые приехали весело провести время на берегу милой речушки начнут получать опасные дозы излучения. Что ему делать? Выходить с таким боксом еще

опаснее. Для окружающих он будет как бомба замедленного действия. Позвонить местным властям? Значит провалить все дело. Позвонить Архипову? Помощь от него придет минимум через два часа. В самом лучшем раскладе.

Георгий посмотрел на бокс. Сколько он сможет удерживать излучение? Он сел в кресло, подтянул к себе Руны. Так чтобы они попадали под сдерживающие излучение контуров. Выставил барьер на предельном уровне. Положил на колени ту самую мини копию МАГа, которая была у программиста. На всякий случай. Два часа — не самый большой срок, в конце концов. Бывали ситуации и похуже. Включил смарт и набрал Архипова.

Георгий откинул голову на спинку кресла. Тело ломало от боли. Хотелось просто закрыть глаза и отключиться, чтобы больше ничего не чувствовать. Да еще под черепной коробкой постоянно стоял все тот же непонятный шелест, превратившийся в навязчивый гул.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងម ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូ ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ

Что ему теперь делать со всем этим добром? Контуров рисунков рвались один за другим. Поправлять их становилось все сложнее. Он уже почти чувствовал жар излучения. Глаза невыносимо горели. Голова казалось сейчас лопнет.

Он должен выдержать. Этого его долг. Он клялся защищать...

— *Курсант Гронский!*

— *Я — Гронский Георгий Сергеевич, принимаю на себя огромную ответственность и имею честь вступить на особую службу, называемую Стражей.*

Торжественно клянусь быть верным Службе, беспристрастно служить ее идеалам, и добросовестно выполнять возложенные на меня обязанности.

— Гронский, ты меня слышишь? Гронский!

Я принимаю на себя высокое право быть частью единого, великого целого. И всегда стоять на защите своего Отечества и людей.

Я осознаю, что дар данный мне Источником особый. И я клянусь не растерять эту ценность до конца своих дней и всеми силами способствовать его сохранению и приумножению.

— Никос, давай ранд. Времени больше нет.

— Николай Алексеевич, — новый, растерянный голос. — Может не выдержать, мы ему уже столько вкололи.

— Я сказал — коли! Я отвечаю.

В плечо вошла игла. Георгий с трудом разлепил непослушные веки. Перед ним сидел тот самый бородач, которого он видел на конференции и в холе гостиницы.

— Гронский, — мужчина пристально смотрел на него. — Тебе лучше?

Что это? Смена галлюцинаций?

— Дайте воды, — на всякий случай попросил Георгий, пытаюсь осмотреться. Тот же номер. Окно. И даже то же кресло, в котором он сидел. Не было МАГа, бокса, Рун.

В голове нарастал шум. Сердце неожиданно бухнуло, с удвоенной силой ударилось о ребра. Георгий почувствовал, как расслабляется каждый нерв.захотелось вновь закрыть глаза и больше ничему не сопротивляться.

Он изо всех сил вцепился в подлокотники кресла. Словно хватаясь за ускользающее сознание. В руку ткнулся холодный стакан. Он сделал несколько глотков, остальное

выплеснув себе на лицо.

Бородач напрягся. Но уже было ничего не важно. Что такое «ранд» он не знал, но сопротивляться влиянию препарата не было больше сил. Гронский закрыл глаза. Его голова против воли опустилась на грудь. Рисунок стихийной Искры вспорхнул под закрытыми веками. Наложить друг на друга пять контуров, отделить ту часть сознания, которая еще принадлежит ему от гнетущего давления сыворотки. Сосредоточиться на этих маленьких только ему подвластных точках. Все остальное не он.

— Откуда у тебя Руны? — словно из другого мира прозвучал голос бородача.

Небольшая пауза.

— Мне их дал Оленев.

— Что с ним случилось?

Георгий чуть помедлил с ответом. Казалось произошедшее было уже не в этой жизни. И не с ним.

— Он сказал, что встречался с какой-то женщиной, чтобы отдать ей Руны. Но их выследили и ее убили. Он сбежал.

Пауза.

— Дальше.

— Мы с Оленевым уходили от погони. Его ранили. Он отдал мне Руны. Он понял, что я страж.

— Где диск?

Молчание затянулось чуть больше обычного.

— Какой диск?

— У Оленева был диск.

Пауза.

— Диск.

В голосе бородача появился металл, словно он пробивал стену.

— Я не знаю. Я уже говорил.

Пауза.

— Я хочу еще раз услышать. Где диск?

Если же я нарушу мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара и всеобщее презрение человечества!

Стража превыше всего!

— Береги Искру, лейтенант. Теперь ты один из нас.

Глава 6

Доминион Дранкур.

Георгий не отрываясь смотрел на спящего Артема. Его веки беспокойно трепетали, словно он хотел сбросить с себя болезненный сон и распахнуть глаза. Худенький, десятилетний мальчик... Какой же он худой! И бледный. С ввалившимися щеками и черными кругами под закрытыми веками.

Ольга приютилась осторожно с самого края кровати, боясь потревожить его тяжелый сон. Слегка обняла одной рукой, едва прикасаясь губами к темным, взъерошенным волосам. Ее глаза были плотно закрыты. Георгий знал, она это делала специально, не хотела смотреть на него.

Несколько ночей назад сердце Артема остановилось на пять минут. Целых пять минут он был без сознания, не дышал и мозг не реагировал ни на какие внешние воздействия.

— Он пережил клиническую смерть, — голос жены из телефона звучал глухо и отстраненно, — его организм почти разрушен. Он смог прожить даже больше, чем нам обещали. Как сказал Владимир Александрович, внезапная смерть от инфаркта самое легкое и безболезненное, что с ним может произойти. Это лучше, чем если он будет мучиться.

Артем родился обычным ребенком. Отмеченный сразу тремя Искрами: сила, разум и стихийные. Ему измерили размеры рисунков, поставили на учет и выдали положенный сертификат носителя. А через три года, когда они с Артемом приехали на первую положенную проверку и новые замеры, встревоженный врач, который вместо обычных полчаса стандартных процедур забрал мальчика на несколько часов дополнительных исследований, вынес им приговор.

— У вашего сына синдром Ларанга, — Мещиненко смотрел с искренним сочувствием, — мне жаль.

Судорожно вздохнула Ольга. Она была успешным и талантливым врачом и сразу поняла термин, который произнес ее коллега.

— Синдром Ларанга? — переспросил Георгий, не обладая подобными знаниями.

— Неприятие Искр, — пояснила жена.

— Ольга Дмитриевна абсолютно права, — подтвердил ее слова Владимир Александрович, — у людей с синдромом Ларанга тело не выдерживает давление силы, которое идет от Искры и носитель погибает.

— Но уже прошло более ста лет с тех пор, как в жизнь людей вошел Источник! — Георгий никак не мог понять, что хотел до него донести врач, — с тех пор люди изменились, подстроились, научились даже управлять своей Искрой.

— Пока ученые не смогли объяснить появление подобного недуга. Медицина не способна ни управлять процессом разрушения тела носителя, ни справиться с ним.

— В наше время медицина научилась справляться с раком на любой стадии, — упорно произнес Георгий, — уничтожила большую часть вирусов и избавила человечество от всех пандемий. Мы летаем в космос, доктор!

— Что нас ожидает, Владимир Александрович? — твердый голос Ольги прервал их спор.

— Пять лет, — Мещиненко уже ждал этот вопрос, — максимум семь. Первое время он

будет как все дети, но потом его организм начнет разрушаться. Это будет чудо, если Артемий доживет до десяти лет. Слишком рано у него проявился синдром.

Первые два года Артем и вправду был самым обычным ребенком. Уже начали стираться и ужас приговора, и тяжесть, оставшаяся от разговора с доктором, и ощущения беды, притаившейся у порога. А потом сын начал болеть. Так они с Ольгой называли любой несчастный случай, происходящий с Артемом. Это была просто болезнь, обычное недомогание, от которого можно избавиться с помощью домашней аптечки, стараясь не впускать внутрь себя то, что их жизнь неуклонно катится под откос.

Если Тёма играл с друзьями в футбол, то любое падение или столкновение заканчивалось травмой или переломом. Если уходил с одноклассниками в поход, то возвращался на скорой с каким-нибудь отравлением. Или мог потерять сознание в школе от переутомления или любого даже незначительного волнения.

Вскоре он перестал общаться друзьями и часто сидел дома, общаясь лишь с мамой, которая ушла с работы, чтобы быть с сыном все время, и реже с отцом, которому приходилось часто отлучаться на службу.

В семь лет организм Артема перестал принимать пищу, и он стал таять буквально на глазах, пока не оказался в больнице под капельницами. Через несколько месяцев все снова наладилось, и он смог вернуться почти к нормальной жизни. Еще через полгода он вновь оказался в реанимации, когда неожиданно отказали почки, а через две недели уже был дома под опекой Ольги.

— Рисунок Искры разрастается. Она укрепляется в его крови, мутирует, а его тело не может выстроить защиту. Потом, получив силу из какого-то органа, ее рост прекращается. Но только на время, пока не будет нового всплеска.

Объяснял лечащий врач перепады со здоровьем у их сына.

Потом были и астма, и припадки эпилепсии, и кровотечения. Но они научились бороться, научились жить с этим, научились даже быть счастливыми и радоваться каждому новому дню, которые дарил им жизнь. Пока несколько ночей назад у Артема не остановилось сердце. словно судьба, которая отвела несколько лет на остаточное счастье, постучала в дверь и сказала: «Пора!»

Георгий тихо поднялся и подошел к жене. Ольга все так же не реагировала на его присутствие. Он мягко провел тыльной стороной ладони по ее щеке. Устала. Как же она устала! Как у нее осунулось лицо. И скорбные морщинки залегли вокруг губ и между бровей. Еще совсем недавно только веселые лучики разбегались вокруг глаз, когда она смеялась.

— Оля, прости, — шепотом произнес Георгий. — Это была командировка на три дня. Я тебе не врал. Просто я допустил ошибку и дал своему подопечному сесть за руль в нетрезвом состоянии. Он переключил управление на себя. А там огромный такой джип вырулил с перекрестка. Я-то почти не пострадал, ты же видишь лишь царапины. А он всмятку. Потом допросы, что да как. Архипов сказал, что я должен до конца это дело вести.

— Ты попал в аварию, когда сопровождал клиента. Он погиб. Ты получил травмы. Это то, что остальные должны знать о твоём пребывании в Макке. У моего помощника подпишешь бумагу о неразглашении. У тебя есть, что мне сказать?

Архипов вызвал его к себе после нескольких дней пребывания в лазарете Управления. Когда начали потихоньку уходить синяки с лица и затягиваться порезы. Хуже дело обстояло с коленом и рукой, но за столь короткий срок даже с учетом возможностей современной медицины его тело не смогло бы восстановиться от полученных травм.

Поэтому он и не вернулся домой, и его командировка затянулась на более длительный срок, чем он обещал Ольге. Больше всего ему хотелось к семье, но знал, что, если в таком виде покажется жене, будет только хуже.

— Я так и не понял, почему вы отослали в Макку именно меня. Моя легенда никуда не годилась. Как телохранитель, я не мог ни на что повлиять. Оленев меня посылал при любом удобном случае.

Архипов удивленно поднял брови.

— А кто бы мог повлиять? Кого бы можно было к нему приставить, чтобы он не имел право послать. У нас свободная страна и граждане не рабы. Если бы мы его к чему-нибудь принудили, он поднял бы шум, а все вокруг стали кричать о произволе дранкурцев и попирательстве прав человека. И только страж мог почувствовать Руны. И ты с этим справился, полковник.

Георгий криво улыбнулся.

— Тебя тревожит что-то еще? — уточнил генерал, слегка подаваясь вперед.

— Я не уберег своего подопечного.

Архипов откинулся назад в кресло.

— Ты — не телохранитель, Гронский. Твоя задача была почувствовать Руны и не дать им уйти в чужие руки. О предателях не стоит жалеть.

— Как скажете, Кирилл Игоревич. Я могу идти?

Генерал кивнул. Георгий поднялся, но дохромав до двери, остановился.

— Есть еще кое-что, — медленно начал он, — не знаю насколько это будет вам интересно. Мелочи, конечно, но мне кажется, я должен вам сказать.

Было видно, как Архипов напрягся. Его взгляд, казалось, сверлил подчиненного насквозь.

— Слушаю.

— Когда меня поймали, напичкали какой-то химией, и я никак не мог собраться, чтобы воссоздать рисунки в голове. Но я постоянно чувствовал эти Руны. Они были рядом. Когда я потерял сознание, меня стали обливать водой. И что-то во мне словно переключилось. Я смог очень четко сделать рисунок стихийной Искры. Все пять уровней, наполнить их силой и ударить по одному из этих головорезов.

Генерал аж подскочил на своем стуле. Помимо того, что он был главой оперативного подразделения, под его руководством был еще исследовательский отдел. И Архипов очень много своего времени и внимания уделял развитию Искры в носителях и любое, что выходило за рамки обычного, становилось предметом его изучения и страсти.

— Ты считаешь это мелочью, Гронский?

Нет, он не считал. Именно поэтому и сказал об этом. Ему нужно было заинтересовать собой генерала. Дать себе время на обдумывание сложившейся ситуации. Найти выход.

Она даже не пошевелилась. Все так же лежала, уткнувшись в волосы сына.

— Мне так жаль, Олька, что меня не было с вами в этот ужасный момент. И тебе пришлось одной все это тянуть на себе. Я и сам не знаю, как мне теперь все это пережить.

Жена молчала. По ее щеке проскользнула одинокая слезинка. Георгий опустил на пол рядом с ней, облокотившись спиной на кровать и прижавшись головой к ее напряженной спине.

Через некоторое время дыхание Ольги выровнялось, и она по-настоящему уснула. А он все сидел, слушая рваное, тяжелое дыхание сына и тревожное, беспокойное жены. За все эти

семь лет он так и не смог найти ответ на вопрос почему все это случилось с ними. Как вообще в их прогрессивном и постоянно развивающемся мире может существовать подобное. Он устало опустил веки погружаясь в свое уже привычное состояние непреходящей боли и мучивших его каждодневных вопросов. На которые он так и не смог найти ответа.

У Георгия обнаружили Искры при рождении. Как и положено замерили количество условных единиц, внесли его имя в картотеку и поставили на учет. Через пять лет количество изменилось в два раза и четко стал вырисовываться рисунок Искры. К моменту совершеннолетия уже было ясно, что Георгий является обладателем в равноценном соотношении Искр разума и силы, которые дополняли элементы стихий.

Свою будущую жену Георгий встретил, когда ему было двадцать два года и ему оставалось всего год, чтобы закончить спецучилище для носителей. Со своими приемными родителями Ольга жила в Дору столице Сверского королевства. Ее удочерили в пять лет, когда после несчастного случая девочка потеряла своих близких, и в Дранкур она приезжала раз в год, навестить оставшуюся здесь родню.

Юная, стройная, с копной темно-каштановых волос, струящихся по точеным плечам и фиалковыми глазами, говорящими о ее ярком наследственном даре с преобладанием Искр стихий, она с первого взгляда перечеркнула все, что у него когда-то было в прошлом и все что имелось в настоящем, оставив лишь один возможный вариант будущего — рядом с ней. В первое свидание он сделал ей предложение выйти за него замуж, которое она приняла с такой же легкостью, с какой оно было сделано, а еще через месяц стала его женой.

Правда, родственники, что с одной стороны молодоженов, что с другой, не сказать, что были особо рады столь скоропалительному развитию событий, но вслух не осуждали и не мешали семейному счастью. Родители Георгия даже выделили молодым комнату в своей квартире, пока не обзаведутся своим жильем. К тому же несмотря на свой новый статус учебу будущий офицер не бросил, и поддержка родных пришлась как нельзя кстати.

После окончания спецучилища Гронский сразу же был зачислен в Стражу. То, о чем он мечтал с самого детства и к чему стремился, он получил даже быстрее, чем мог предположить. Через год у молодой семьи уже была небольшая квартирка на окраине города. Своя. А еще через год родился Темка.

Карьера стремительно шла вверх. Георгий просто был рожден для того этого. С постоянно растущей Искрой Силы и почти неизменяющимися рисунками других Искр, он идеально подходил для этой службы.

У них было все. Большая квартира в центре города, уютный дом в одном из Приморских районов Доминиона, свой небольшой автопарк, развлечения, путешествия, любые желания. А полгода назад на день рождения он подарил Ольге годовой абонемент на пользование воздушным пространством в границах всего Содружества. Несмотря на то, что в их время подобный способ передвижения по Доминионам был довольно популярен, годовая аренда аэрокапсулы, стоянки, обслуживание, мастера, который обязательно приписывался к машине стоили немалых денег, к тому же требовало особого разрешения доступа к зонам свободного пролета над территорией доминионов, что полковник Гронский, воспользовавшись своими связями, смог-таки выбить для своей любимой жены.

Он смог подарить ей обещанную сказку. Только никак не может продлить жизнь сыну.

Ты же не Бог, Гронский!

Эта мерзкая мыслишка жила на затворках сознания, и он никак не мог от нее

избавиться. Правда и выйти на первый план Георгий ей тоже не позволял. Потому что это значило согласиться с реальностью, опустить руки, сдаться.

А он не собирался сдаваться и каждый день, каждый час искал выход. И боялся лишь одного — не успеть. И уже никогда не забудет пережитый ужас той ночью, когда у Артема остановилось сердце.

Не успел. Не успел. Не успел.

Кричало и бесновалось в его голове, когда он посреди ночи сбежал из лазарета Управления после возвращения из Макки и на бешеной скорости мчался в больницу, за эти годы ставшую вторым домом.

Ты не Бог, Гронский!

Утром перед самым обходом, Георгий поднялся с пола, на котором так и просидел остаток ночи и, поцеловав спящую жену, вышел из палаты. Он знал, что Ольга теперь не оставит сына, пока не будет хоть какой-то ясности с его состоянием. Значит, надо принести ей завтрак и кофе. Кафе еще не работало, и он успел заскочить в лабораторию, находящуюся в этом же корпусе тремя этажами ниже, чтобы забрать результат своего анализа, который он сдал вчера, как только вырвался из лазарета Управления. Забрав, большой светло-зеленый конверт, Георгий опустился на один из диванов в просторном светлом холе среди других подобных себе несчастных, ожидающих приговора врача или весточки от своего близкого.

Гронский вскрыл конверт. В его крови было обнаружено два сильнодействующих вещества. Одно из них стимулятор, который обычно колют тем, кто получил большую дозу излучения, чтобы помочь организму справиться с переизбытком энергии. Второе же — запрещенный психоактивный препарат, который может быть применим к кому-либо только по решению суда.

Георгий задумчиво кривил губы, смотря на конверт.

Ты сам еще не знаешь в какое дерьмо ты влез.

Что это за диск? Куда Оленев мог его деть? Или же теперь он главный подозреваемый?

Георгий остановил неподвижный взгляд на конверте, уходя в себя, сосредотачиваясь на своих воспоминаниях, прокручивая в голове день, проведенный в Макке. Может у него получится вспомнить или осознать какую-то мелкую, возможно упущенную деталь.

— Добрый день, Георгий.

К нему подсел уже немолодой, худощавый мужчина, в круглых очках с темной оправой и лицом, заросшим трех или даже четырех дневной щетиной. Гронский покосился на незнакомца, но не счел нужным отвечать на приветствие. Не было для него в этом дне ничего доброго.

— Простите, — смутился мужчина, словно прочитав его мысли, — за мою бестактность.

Он протянул Георгию визитку.

— Меня зовут Глеб. Глеб Еларин. Я знаю, как избавиться от синдрома Ларанга.

Глава 7

За семь лет болезни сына Георгий слышал эту фразу десятки раз. Каких только специалистов не встречали они с Ольгой по всей территории Содружества и за его пределами. А уж сколько среди них было мошенников, авантюристов, обычных вымогателей, пытающихся нажиться на чужом несчастье.

— Знаете, как избавиться от синдрома Ланранга? — фыркнул Георгий, тяжело проводя рукой по лицу.

— Знаю, — Еларин упрямо наклонил голову, отчего стекла в его очках вызывающе сверкнули в свете ярких ламп. — Мне не хотелось бы говорить об этом здесь. Давайте отъедем до ближайшего кафе на въезде в город. И я вам расскажу, что знаю.

Георгий колебался всего несколько секунд. Процентом девяносто девять перед ним сидел очередной проходимец, отлавливающий родственников тяжело больных пациентов и предлагающий свои дорогостоящие услуги, но он точно знал, что, если не выслушает, не сможет спокойно жить. Он не имел права упустить даже призрачный шанс.

В придорожном кафе в столь ранний час было совсем пусто. Георгий заказал себе чай, а Еларин кофе с молоком. Оба молчали. Георгий с вялым равнодушием человека, который ничего хорошего не ждал от этой встречи и для себя решивший, что как только допьет свой напиток сразу уйдет. Глеб же наоборот был возбужден и постоянно перемешивал ложкой остывающий кофе, но еще не сделал ни одного глотка.

— Георгий, не подумайте, что я пытаюсь запудрить вам мозги или попусту отнимаю ваше время...

— Прежде всего скажите, откуда вы меня знаете.

— Я часто бываю в этой больнице по роду своей деятельности. И вас, и вашу семью видел не один раз. Я узнал, чем болен ваш сын, и меня заинтересовал ваш случай.

— Тогда давайте перейдем к делу, — сухо попросил Георгий. Ему не очень понравилась подобная бесцеремонность, что со стороны этого Еларина, что со стороны персонала больницы. — Что вы мне хотели сказать?

— Как всем известно доктор Ларанг один из Прогрессоров и все оставшиеся годы своей жизни после вскрытия Источника, он посвятил изучению его энергии, Искр, как они влияют на человеческий организм и как люди могут использовать их для дальнейшего блага цивилизации. В своих трудах он разделил всех людей на три типа, по принципу воздействия на них Источника. Первый тип — это те, которые не могут стать носителями ни при каких условиях. Они просто не способны взаимодействовать с энергиями камней. Второй — это носители Искр.

Глеб прервался и сделал несколько больших глотков из своей чашки.

— И третий тип по делению Ларанга — люди, чьи тела не принимают энергии Источника, их организмы не выдерживают давления силы, которое идет от Искры, и та их убивает.

Георгий допил свой чай, демонстративно отодвигая от себя пустую чашку.

— Вы хорошо знаете теорию развития человечества после эпохи Разрушения.

За прошедшие семь лет Георгий изучил всю литературу, которая имела хоть какое-нибудь отношение к синдрому Ларанга. Научную, околонуучную, фантастическую,

бульварную, желтую прессу. Все, что могло помочь ему найти ответ на один единственный вопрос: как вылечить сына. Мог пересказать работы наиболее выдающихся ученых по этому вопросу или наизусть процитировать тезисы врачей, работающих над этой проблемой. Но к сожалению ни его память, ни его знания, ни его начитанность не приносили никакого результата.

— Существует и другая теория, — словно не слыша собеседника, произнес Еларин. — Источник — это не просто излучатель энергии, он является чем-то наподобие антенны из другого измерения или Вселенной и что Искры — это некое коллективное целое, которое сетью окутывает наш мир для только ему пока известных целей.

— Вы сейчас говорите о теории доктора Фернсби? — иронично поинтересовался Гронский.

— Вы о нем знаете? — собеседник даже не попытался скрыть удивления. — Он мой ученик. Но он захотел большей славы. Даже нашел себе влиятельного покровителя. Думает, что один сможет вытянуть эту теорию.

Георгий никак не отреагировал на подобные признания.

— Я с ним лично разговаривал не так давно. И он мне вкратце рассказал о своей теории. Но правда добавил, что к синдрому Ларанга она имеет весьма слабое отношение.

Еларин поправил очки.

— По так называемой теории доктора Фернсби люди, страдающие синдромом Ларанга, не отторгают Искру, их тела также, как и тела других носителей принимают ее, но их организмы не способны мутировать. Они не становятся частью единого целого. Подобный организм делает Искру бесполезной как частицу одного чего-то большего. И она старается избавиться от такого носителя.

Георгий тяжело выдохнул и потер лоб.

— Вы всерьез в это верите? — скептически уточнил он.

— У меня есть доказательства. Мы сравнивали анализы крови и других тканей разных людей с синдромом Ларанга. Их рисунок Искр отличен от других носителей, которые позволяют своим организмам подстраиваться под влияние Источника.

— Почему же никто кроме вас этого не видит? Ведь возможно тогда можно было бы найти способ помочь людям, умирающим от этой болезни.

Доктор жестом подозвал официантку и заказал еще один кофе.

— Почему вы решили, что никто не видит? Просто если открыть эту информацию, значит признать, что теория Ларанга не верна. И что все эти годы люди неправильно воспринимали Источник. Что все гораздо сложнее, и он по-прежнему приносит людям вред.

Георгий откинулся на спинку стула.

— Я понял, Глеб, вы состоите в одной из сект. Тех самых, которые постоянно надрываются и кричат о том, что Источник — зло, его надо уничтожить, а заодно и всех носителей. И было бы здорово вернуть прежний мир.

Собеседник вымученно улыбнулся.

— Если говорить вашими словами, Георгий, то я на самом деле сектант. Мой идол — это наука.

Уставшая после ночной смены девушка принесла заказанный кофе и поставила его перед Глебом. Еларин бросил на нее мимолетный взгляд и снова вернулся к своему собеседнику.

— Долгие годы научный центр, в котором я работаю занимается так называемым

синдромом Ланграна, мы провели большое количество исследований. Наблюдали за разными людьми с этим заболеванием. Изучали их реакцию на то или иное лечение и пришли к выводу, что состояние больного значительно улучшается, когда он приближается к Источнику.

Георгий чуть подался вперед, положив руки на стол и придвинувшись к Еларину.

— Что вы имеет ввиду? — напряженно спросил он.

— Последние пять лет я живу в северной части Адентона.

— В зоне отчуждения?!

— В нашем кругу не очень приветствуется именно это название. Ведь для кого-то это место становится новым домом.

Гронский потер щеки. Еще раз окинул своего визави с головы до ног. Как будто только сейчас увидел. Лицо бледное, осунувшееся, красные словно от недосыпа глаза, щетина, одежда неброская, простая, не рванная, не затертая, но и новой ее не назовешь. И он пьет кофе так, как будто больше никогда не собирается спать.

— В зонах отчуждения, — упрямо повторил он, — я слышал, в ходу разные энергетика. Почему?

— Там нельзя быть в расслабленном, спокойном состоянии. Всегда надо быть собранным, в тонусе, чтобы суметь вовремя среагировать на выплески Источника.

— Выплески энергий в зонах отчуждения — это ложь. Карьер надежно защищает мир от любой агрессии Источников. Это доказанный факт. Больше агрессии исходит от самих отщепенцев.

Еларин вымученно улыбнулся.

— Кто по-вашему эти отщепенцы? Вы хоть раз были в этих зонах?

Перед глазами пронеслось бескрайнее море песка. Стена пыли, поднимающаяся до самого горизонта. Завеса, которая спасла жизнь ему и еще одному стражу, пытающихся уйти от банды вооруженных до зубов головорезов.

— Увы, — совсем уже сухо ответил Георгий. — Это те самые недобитки, которых по какому-то недоразумению не уничтожили после эпохи Скорби.

Ученый удивленно посмотрел на него.

— Вы имеете ввиду те преступные группировки, которые создавались теми, кто не захотел уходить из разрушенных городов? А потом противостоял властям?

Георгий посмотрел на часы. Сейчас должен начаться утренний обход. А его опять нет рядом с семьей.

— Вы, наверное, думаете, что я снова уйду от главного, — быстро произнес Еларин, увидев его жест, — но, если не пояснить мою точку зрения, вы не поймете моих дальнейших объяснений.

— Я уезжаю через пять минут.

— Здесь я не могу не вернуться к доктору Лорангу и его разделению носителей на подтипы. Первые — это пассивные особи, чьи предки пережили первые Эпохи, и их дар — наследственный. Все ткани их тела пропитаны энергиями Источника, которые оставляют свой определенный рисунок и воздействуют на те или иные органы или части тела и активируют его скрытые возможности. В первые годы — это и правда был прорыв. Ученые, врачи, инженеры, деятели искусств все они привнесли свою огромную лепту в развитие нашего мира. Но что происходит сейчас? В наше время существуют целые семьи, даже кланы, в которых потомки занимаются одним и тем же делом, династии художников,

врачей, политиков и многих других известных миру деятелей. Все они представляют собой единую массу, такой своеобразный планктон, разрастающийся и населяющий наш мир. Обычные люди с измененными Искрами клетками, которые стали рядовым населением планеты. Им хватает того фона излучения, который разлит в воздухе, и при любом увеличении излучения они просто гибнут. Первая волна мутации, которая завершила свое преобразование. Они уже ничего не дадут миру нового.

Георгий изумленно смотрел на собеседника. Вот же его угораздило связаться с ненормальным. В последнее время ему просто везет на встречи с придурками.

— Сейчас началась вторая волна. Пришло время тех, кто умеет управлять своей Искрой — активный тип носителей. Чаще всего их родители не были одаренными, и их дар — больше случайность, чем закономерность. Из-за очередной активизации Источника, непредвиденного выплеска энергии, облучения женщины во время беременности и других подобных случаев. Особая каста носителей — стражи. Впрочем, не вам мне это говорить. Вы самые яркие представители этих новых преобразований, которые претерпевает человеческий организм под воздействием энергии Источника. Но подобные носители уже проявляются и в других сферах нашей жизни. Которые так или иначе умеют управлять своей Искрой.

— И при чем здесь зоны отчуждения?

— Карьер не может существовать вечно. Когда-нибудь людям надоеет это язва на теле общества и энергия Источника свободным потоком наполнит наш мир. Кто тогда выживет? Как вы считаете?

— Отщепенцы? — саркастически уточнил Гронский.

— У большинства, кто живет там сильный активный дар, с почти равноценными рисунками нескольких Искр. Но они не желают вставать на учет и быть либо предметом бесконечных исследований, как это было с первыми носителями, либо, чтобы их считали мутантами, либо использовали против их воли. Вторая волна на подходе — человечество еще не привыкло к подобным проявлениям дара.

Георгий встал.

— Простите, но у меня сейчас своих проблем хватает, чтобы переживать еще за других. Какими бы несчастными они не были.

— Когда больной синдромом Ларанга попадает в зону отчуждения болезнь отступает, — быстро произнес Еларин, пока собеседник не ушел. — Мы провели не один эксперимент. Организм человека больше не разрушается, не случаются новых приступов, и Искры перестают проявлять столь явную агрессию по отношению к носителю. Они чувствуют близость Источника.

— Но..?

— Болезнь отступает, замирает, но не уходит совсем. Как только больной отдаляется от Источника все начинается заново.

Георгий тяжело опустился назад на стул.

— Вы хотите сказать, что все, кто живет в зонах — больные синдромом Ларанга? — догадался он.

— Нет, что вы! — всплеснул руками ученый. — На самом деле синдром Ларанга не самое распространенное заболевание. И если им и занимаются, то больше генетики, пытающиеся выяснить причины изменяющие клетки носителя так, что они даже начинают отвергать Искру. Таких людей немного, но они есть. Мы ищем способы, как помочь этим несчастным. Проблема в том, что большинство больных состоявшиеся люди, не дети, как это

случилось с вашим сыном. Развитие этого синдрома в таком возрасте — это чуть ли не единичное исключение. Обычно это взрослые люди, занимающие свое место в обществе, имеющие дома, семьи, тот или иной достаток, и они не готовы менять свою привычную жизнь на жизнь в зоне. Некоторые из моих подопечных закончили свои дни самоубийством, предпочитая смерть подобной альтернативе.

Георгий вздрогнул. Но кому как не ему было знать о чувстве обреченности, которая поселилась в нем с тех пор как он узнал о болезни сына и с которой все сложнее становилось бороться.

— Кто-то не выдерживал и просто уходил, возвращался домой и умирал от вновь подступившей болезни.

Волна той самой обреченности и безысходности с новой силой накрыла Георгия.

Нет никаких шансов. Мне не выиграть в этой борьбе. Я всего лишь обычный человек. Отец, который хочет продлить своему сыну жизнь.

— И что вы хотите от меня, — устало спросил он. — Вам нужен Артем, как новый материал для ваших экспериментов? Ни я, ни моя жена не согласимся на подобное.

— Избавить от синдрома Ларанга можно, — ответил ему Еларин. Просто и обыденно но почему-то после его слов волна, поглотившая Георгия, не отступила, наоборот выросла, готовая утащить на самое дно безнадежности и отчаяния. — Больной всегда должен находиться вблизи Источника. Но ведь как известно эту энергию распространяют не только сами камни, но и те частички, которые они отдают.

Лицо Георгия застыло. Он без пояснений понял, о чем говорит его неожиданный собеседник. Такой платы за спасение сына с него еще никогда не требовали.

Но доктор то ли не заметил его изменившегося лица, то ли сделал вид, что не заметил.

— Руны, — коротко, но очень емко произнес он, — осколки источников с тем же самым излучением силы. Они могут стать спасением для людей с синдромом неприятия.

— Руны — собственность государства, — жестко произнес Гронский.

— Сама процедура довольно проста, — Еларин как будто не слышал последнего замечания. И происходит, как пересадка костного мозга. У пациента забирают часть костного мозга и смешивают его с растертой в мелкую пыль Руной. И потом вновь вводят пациенту. Всего несколько часов под общей анестезией. И шанс на новую жизнь.

Ученый говорил тихо, спокойно и очень размеренно. Словно хотел, чтобы его собеседник прочувствовал каждое слово.

— Ни один датчик не считает эманации Руны. Но постоянное присутствие частички Источника внутри носителя успокоят Искру, дадут ей понять, что она по-прежнему часть большого целого. Она перестанет уничтожать тело носителя.

— И часто вы делаете такие довольно простые процедуры, — едко спросил Георгий.

— Больной синдромом Ларанга и так уже ходячий мертвец. Смерть от одного или другого, какая разница. Но в случае операции у него появляется шанс.

— Вам от меня нужны Руны? Вы этого хотите?

Ученый едва заметно покачал головой.

— Разрешите мне исследовать вашего сына, — неожиданно произнес Еларин. — Заберите из этой больницы и привезите в мою лабораторию. Я исследую его кровь, клетки, Искры.

Ученый неотрывно смотрел Георгию в глаза. И тот почувствовал, как у него по спине бегут мурашки.

— Я наверстаю упущенное время, и твой сын будет жить. Но он должен быть со мной.

Гронский резко отодвинул стул и пошел к выходу. На душе остался мерзкий осадок. Ему вдруг захотелось на самом деле схватить Темку и увезти подальше от этого маньяка. Туда, где его не смогут найти. Усилием воли он стряхнул с себя из неоткуда взявшуюся панику.

Неожиданно сильно его схватили за плечо. Георгий стиснул зубы, но не обернулся.

— Руки! — жестко приказал он.

— Когда смерть уже будет держать его своей когтистой лапой, вспомни обо мне, — Еларин обошел его вокруг, вставая спереди, цепляя пытливым взглядом. Словно изучая. Словно пытаюсь узнать. Или вспомнить. — Твой сын не должен умереть. Слишком большая потеря.

Георгию нестерпимо захотелось ему врезать. Но тогда следующие несколько часов он проведет не с семьей, а в полицейском участке. Он с трудом разжал кулаки и обойдя Еларина, продолжил свой путь.

Отъехав со стоянки и слегка придя в себя, Георгий позвонил жене. Длинные гудки сменились писком автоответчика.

— Олька, хватит дуться, — он знал, что она все равно его выслушает, — я пошел тебе за завтраком. И наткнулся на очередного дятла. Он мне тут полчаса мозги выклевывал. Прошу тебя будь милосердна, давай позавтракаем вместе. Теперь только ты можешь меня спасти.

Тишина автоответчика сменилась очередным писком и в смарте раздался голос.

— Пап, я тоже хочу с вами завтракать. Приезжай скорей, пока мы с мамой с голоду не умерли.

Глава 8

— Привет, Грон! Я знаю, что тебя определили в рейд. У меня несколько дней выходных образовались. Давай пересечемся хотя бы на час-другой. Расскажешь, как у вас дела.

Полковник Олег Арсенин был лучшим другом Георгия еще со спецучилища, которое они закончили в один год, после чего оба были распределены в оперативное подразделение Стражи Дранкура.

— Сегодня в восемь, где обычно, — коротко ответил Гронский на сообщение друга.

В кафе, где они с Арсенином на самом деле часто бывали, он пришел первым. Успел заказать любимый напиток Олега, нехитрые закуски и себе чай.

— Гляжу чайком балуешься. Тебе и вправду завтра в рейд, — Олег появился из-за спины, хлопнул его по плечу, пробежался глазами по расставленным на столе снеди и напиткам и опустился в кресло, напротив. Арсенин был типичным дранкурцем с карими глазами, неизменным ежиком темных волос и слегка смугловатой кожей. А еще два метра роста, атлетически сложенная фигура и широченная улыбка на открытом круглом лице — И как тебя угораздило?

— Ха-ха, — ответил Георгий на шутку друга.

— Рад тебя видеть, ты совсем исчез. Хотя бы весточки иногда шпи, как у вас дела.

— Как-то все так складывается кувырком в последнее время, — Гронский слегка виновато улыбнулся. — Совсем тяжело стало. Артем уже три недели в больнице. Пока не знаем, когда домой выпишут.

— И как же Архипову удалось выдернуть тебя из отпуска?

Гронский едва заметно скривился. Секретарь генерала позвонил вчера вечером и передал распоряжение начальства. Вот и все мастерство.

— Знаю, что у тебя еще десять дней осталось, но у нас здесь аврал, — Архипов сразу перешел к делу. — Не могу тебя и дальше прикрывать перед центром. Мне два дня назад звонили, спрашивали, что у меня с кадрами творится.

— Я же за свой счет, — угрюмо ответил Георгий. — По семейным обстоятельствам.

— У офицера Стражи не может быть семейных обстоятельств. Служба на первом месте, потом семья, это один из наших постулатов. Ты сам это знаешь.

— Кирилл Игоревич, я же вам уже говорил...

— Не начинай заново мне мозги компостировать, — жестко отрезал генерал.

Георгий скривил губы. Нет, их отношения с Архиповым никогда не наладятся. И нельзя расслабляться. В одно приключение генерал его уже втянул.

— А жить ты будешь на что? Частная клиника для сына, врачи, лекарства? Годовая аренда капсулы? Ты думаешь, я не знаю, сколько это стоит денег?

Да, два месяца без зарплаты подточили их финансовое благополучие. Все, о чем говорил генерал стоило на самом деле дорого, но он не мог оставить сына. Для Георгия был важен каждый день, проведенный вместе. Тем более он не знал, сколько их еще осталось.

— Я рада, что ты с нами, — просто сказала Ольга, — мы должны быть вместе. Все остальное ерунда. Что-нибудь придумаем.

— Большинство оперативников сейчас на мысе Полюсова, — продолжил генерал, — от тебя мне нужно одно сопровождение. Потом посмотрим. Времена наступают тяжелые,

Гронский. Любой страж на счету. А с твоими возможностями, ты не имеешь права оставаться в стороне.

— Ты мне еще не рассказал о твоей поездке в Макку. Что вообще это было? Мы думали, что ты рапорт напишешь.

— Я уже почти написал, но Кирилл Игоревич умеет быть убедительным.

— Твое неожиданное перемирие с Архиповым — до сих пор новость номер один у нас в Управлении.

Георгий махнул рукой и благословенно прикрыв глаза, торжественно произнес.

— Начальство оно от Бога. Нельзя на него долго обижаться.

— На начальство или на Бога? — уточнил Олег.

— По-хорошему ни на того, ни на другого, — засмеялся собеседник, — проблем меньше будет.

— С каких это пор ты таким умным стал?

Вот как из Макки еле ноги унес, так и стал.

Олег плеснул себе виски из бутылки в стакан.

— За встречу, — коротко произнес он.

Георгий отсалютовал чашкой с чаем.

— Так что там за история с твоей поездкой в Макку? Твое возвращение было крайне фееричным. Как тебя Оляка такого красивого домой пустила?

— Я четыре дня в лазарете провалялся. А Оля сказала, что Макка — это культурная столица нашего мира и только ее муж оттуда с разбитой физиономией каждый раз приезжает.

Олег засмеялся и снова взял бутылку в руки.

— Грон!

— Нет, — Георгий качнул головой. — Скажу лишь то, что Архипов втравил меня в очень нехорошую историю. Не хочу, чтобы тебя это даже по касательной задело. Теперь выкручиваюсь, как могу.

— Получается? — Олег явно не собирался отставать.

— Не знаю. Пока все подвешено. К тому же ты знаешь, Архипов любит, чтобы было все строго по его. А я не всегда могу соответствовать его идеалам.

Он вдруг бесшабашно улыбнулся.

— Не получится, сбегу.

— И далеко собрался?

Георгий фыркнул.

— Мне вон Периш через зятя постоянно приветы засылает. Как ты думаешь, с моим проявившимся шестым он меня возьмет?

Арсенин не отрываясь смотрел на друга.

— Не-а.

У Георгия вытянулось лицо.

— В смысле, не-а? Не возьмет?

— Не сбежишь.

Георгий еще раз фыркнул, уже более насмешливо.

— Оболтус! — наградил его Арсенин привычным эпитетом.

— Мамочка! — не остался в долгу тот.

— Еще бы! Кто же как ни я, тебя еще с училища из все твоих нехороших историй

вытаскивал? — Олег достал из внутреннего кармана легкой куртки три билета и протянул другу.

— Мировой финал по бочке, — прочитал тот название мероприятия.

Артем любил эту игру. После очередного приступа, чтобы как-то отвлечь сына, Георгий привез его в спортивный клуб, где проводился очередной турнир по бочке. С тех пор он стал фанатом этой игры и даже сам начал играть в нее в одном из специализированных клубов для детей с ограниченными возможностями, где он мог даже в инвалидном кресле почувствовать себя счастливым и похожим на других детей.

— Через неделю, — уточнил Олег, — не забудь, а то ты совсем потерялся. А лучше отдай Теме, он не забудет.

— Спасибо, старина, — Георгий улыбнулся, чтобы не завывать в голос. — Я и вправду потерялся. Архипов сказал, что мы все в полном аврале. Расскажи мне, что у вас происходит?

— У нас?! — вытаращился на него Арсенин. — Ты в курсе, что есть такие штуки — телевизоры называются? Или интернет еще — там тоже можно новости прочитать.

Гронский развел руками.

— Вестленд предложил Оркли стать их колонией.

Теперь пришел через Георгия таращиться на друга.

— Официально это конечно будет называться по-другому. Вестленд предложил Оркли заключить политический альянс и стать его частью со всеми политическими и экономическими преференциями.

— И зачем? Государство Оркли — на две трети — зона отчуждения. Все остальное пески и кучка кочевников. У них даже городов нет. Да что там городов- домов как таковых. Зачем они нужны Вестленду?

— А ты подумай, давай отвлечись немного и мозги уже включи.

— У Оркли есть только одна ценность — из-за близкого расположения к пустыне Нохар-Аг и самому Источнику непосредственно у них повышенная доля при распределении Рун, что при их территории и количестве населения просто сверх крыши. За счет чего они собственно всегда и жили. Продавали ненужную им часть Рун и были в шоколаде.

— Угу! А если Оркли войдет в состав Вестленда, то все что имеют они, будет иметь и королевство. Кочевникам выделяют какой-нибудь округ и денежные компенсации, а в песках островитяне разместят свои платформы с установками.

— Тем самым убирая расстояние, которое всегда было между Вестлендом и нашим материком. Уже будет не так важно, что между нами океан. Что наши?

Арсенин закатил глаза.

— Ну ты даешь, Герка. Весь мир на ушах — ты словно с Луны свалился. Наш президент уже подал прошение Комитету на разрешение размещения на мысе Полюсова наших установок, чтобы усилить его обороноспособность за счет Рун. Официально это звучит, конечно, по-другому, но все понимают истинную цель.

Георгий подтянул к себе тарелку с сладостями и задумчиво положил небольшой кусок десерта себе в рот. За последнее время он настолько погрузился в свою жизнь и сузил границы интересов ровно до трех человек, что ничего вокруг на самом деле больше не замечал.

— Так вот, что имел ввиду Архипов, когда сказал, что все оперативники на мысе Полюсова. Ты тоже оттуда? Гляжу физиономия у тебя загорелая.

Арсенин кивнул.

— Щиты ставим. Проверяем устойчивость земли, чтобы не трянуло в самый нужный момент и все эти платформы не скovyрнулись прямо в пролив. Самое мерзкое, что первое поселение начинается всего за несколько километров от нашей базы. Барьеры ставим в полную силу. Те, кто слабее пятого — выгорают за неделю, да и мы уже с трудом держимся. Стали давать выходные. Меня вот сюда отправили. Думаю, что и тебя уже не отпустят. К тому же если сейчас наши договорятся со Свердловским королевством, то еще и там будем ставить. Будь готов.

— Устанавливать платформы у свергов? Прямо на границе с Оркли? Или лучше сразу базовый центр? У тех в королевстве нет ни того ни другого. Им даже не надо запрашивать разрешение Комитета.

— Уже!

— Уже договорились? И что же наше правительство пообещало Дору?

— Десять процентов Рунного запаса.

Гронский замер. Его рука с очередным орешком замерла на полпути.

— Десять процентов, — тихо повторил он за другом.

— Ты чего, Гер? Подчитываешь что ли?

Георгий молчал, погрузившись в себя.

— Вот скажи мне, Олег, ты когда-нибудь задумывался о том, почему ни одно государство нашего мира не используют Руны на самом деле на благо хотя бы своего народа? Всем известно жесткое правило, камни — достояние народа, они принадлежат людям, но никогда человеку. По-че-му?

— И где же они по-твоему должны использоваться?

— Почему ими не оборудуются научные центры, исследовательские институты, лазареты в конце концов?

Арсенин, не спуская с собеседника пристального взгляда, по глоткам цедил свой морс.

— Потому что, если случится очередной катаклизм мы не бросим ученых или докторов на волны излучения, пытаюсь закрыть ими других людей. А энергия Рун единственная наша защита. Если их разбазаривать на научные центры и лазареты, то что будет, если вдруг Источник опять начнет нас уничтожать? Повторится эпоха Скорби?

— Разве Карьер возведен не для этого? Зоны отчуждения? Сколько еще защиты нужно? Источник — величайшее достижение нашего мира. Он дал людям шанс на новую жизнь. Тогда почему мы его так до сих пор боимся? Почему он на самом деле продолжает убивать? Почему об этом не говорят напрямую?

Георгий прервал свою пламенную речь, тяжело выдохнул.

— Выговорился? — сухо спросил Арсенин, стараясь не разжечь в собеседнике дальнейшего желания дискутировать на подобные темы.

Но на Георгия это простое замечание произвело обратный эффект.

— К тому же разве Руны используют лишь на защитные установки? Сколько процентов этих самых платформ из защитных превратились в боевые? ВИРСы, эрдэшки, все последние достижения оружейников строятся только на использовании Рун. Чего только стоят системы, генерирующие излучение похожее на энергию Источника. Это то, что больше всего нужно людям? Правда?!

Олег поставил пустой стакан на стол, крутя его в пальцах.

— Ты понимаешь, что ты несешь? — тихо произнес он. — Если тебя кто услышит, как

минимум лишишься погон, а может и не только. Я не знаю, что у тебя в голове, Грон, и честно скажу, не хотел бы быть на твоём месте, чтобы понять, но выкинь всю эту чушь. Ты и Оля твоя молодые ещё совсем и у вас все впереди.

Лицо собеседника исказила злость. Он жестко опустил чашку на блюдце. Тонкое стекло обиженно звякнуло. Губы дрогнули, чтобы ответить, но он сдержался. Георгий опустил глаза на часы, резко поднялся.

— Спасибо, что рассказал новости, — и не глядя больше на друга, вышел из кафе.

Своего напарника недавнего выпускника спецучилища лейтенанта со вторым уровнем, Георгий встретил рано утром в Управлении, после чего они, сев в служебную аэрокапсулу, полетели в сторону пустыни Нохар-Аг.

Лейтенант с восторгом смотрел на него и Гронский легко чувствовал его почти неприкрытые радость, ожидание, нетерпение. Первый рейд — событие значимое для любого стража. Как билет в новую жизнь. Некий обряд, знаменующий переход на новый уровень. Трамплин для прыжка в пока ещё закрытое будущее, но ради которого приходилось пахать прошедшие шесть лет.

У Георгия тоже когда-то был первый рейд и были похожие чувства. Он их хорошо помнил. Правда не успел насладиться радостью нового бытия, когда оказался на границе с Оркли, участвуя в боевой спецоперации по усмирению кочевников. После чего любые рейды воспринимались спокойно и больше не вызывали эмоций.

Но паренька Георгий хорошо понимал и будь у него другое настроение обязательно бы ответил на все вопросы, от которых того вот-вот должно было разорвать. Но сейчас полковнику было не до чужих восторгов. На душе ещё оставался осадок от разговора с Арсениным. Ольга с утра сообщила, что выписка сына в очередной раз откладывается. И конечно же не выходила их головы его поездка в Макку. Допрос бородача, нежданная любовь Архипова, его проявившиеся новые умения. Будущее, которое уже очень много лет было более чем определенным, вдруг стало туманным, потерявшим свои привычные очертания.

Через несколько часов они долетели до зоны отчуждения на границы Адентона и Нохар-Аг и пересели в микроавтобус, где их уже ждали сверские стражи.

— Приветствую коллег, — весело произнесла капитан Астли. Высокая, крепкая, с крупными чертами лица и внимательными карими глазами. В Стражу редко, когда принимали женщин, но Сабрина была одной из тех, кто смогла сделать себе карьеру на этом поприще. Наделенная, как физической силой, так и силой своих Искр она не уступала в профессионализме своим коллегам мужского пола и вряд ли кто из её напарников считал недостойным или опасным быть с ней в рейде.

— Рад тебя снова видеть, Сабрина, — Георгий хлопнул по подставленной ладони. Он с капитаном Астли часто пересекался по службе, и если не друзьями, то хорошими приятелями они точно были.

Вторым свером был майор Итон Барнис, с которым Георгий тоже был лично знаком, хотя и не так хорошо, как с Астли.

— Мой напарник, лейтенант Михаил Илийский, выпускник дранкурского спецучилища. Первый рейд.

— Добро пожаловать, коллега! — стражи по очереди поприветствовали новенького.

И когда все расселись по своим местам, Георгий согласно инструкции, поднял металлическую перегородку, отделяя место водителя от основного салона и закрыл окна,

превращая микроавтобус в наподобие закрытого бункера, полностью обшитого особым металлом с напылением, задерживающим излучение энергии Источника. Сабрина взяла пульт, лежащий рядом с ней и включила освещение и кондиционер.

— Как дела, ребята? — легко спросила капитан, всегда легкая и позитивная в общении.

— Дранкурец, ты что такой хмурый? Не выспался? — поддел его Итон.

— Да, — махнул рукой Георгий, — всякая ерунда в голову лезет с самого утра. — Самое время развеяться. Лучше расскажите, что у вас там происходит? Как сверы реагируют на скорые изменения?

Какое-то время разговор строился на происходящих в мире событиях. Потом лейтенант все-таки смог найти в лице Итона кладезь знаний, а Сабрина с Георгием переключились на другие темы.

Капитан Астли не спеша рассказывала ему о своей ферме, на которой она жила с родителями и мужем и приглашала через месяц в гости с семьей, когда у них созреет первый урожай земляники. И она угостит их своими фирменными ягодниками.

Почему бы и нет? Сейчас через недельку махнем в Аллертон, посмотрим турнир. Темка обязательно придет в себя. Он всегда возвращается после приступов. А потом съездим к Сабрине в гости. В Дору обычно очень красиво в мае. Ольга будет рада.

Георгий в очередной раз потер виски, словно пытался разжать невиданные тиски, которые сжимались на его голове последние минут десять. Итон нажал на кнопку, слегка опуская защитные пластины с окна.

— Карьер, — официальным голосом проинформировал он. В машине, где еще совсем недавно царила непринужденная, веселая обстановка, вдруг стало мрачно и отчужденно. — Приехали.

Глава 9

— Ой, — вдруг сказала Сабина и провела пальцами под носом, вытирая струйку крови. Микроавтобус трянуло. И он резко встал. Чертыхнулся Барнис, когда его с рывком швырнуло вперед и ремни безопасности жестко врезались в тело.

Георгий потянулся к шлему и перчаткам, краем глаза замечая, как его движение повторяет Сабрина. Лейтенант уже в полной экипировке нажал на кнопку открытия двери.

— Не открывается, — произнес он.

Итон застегнул шлем и опустил перегородку, отделяющую их от водителя. Нос микроавтобуса был расплюсчен о тяжелые створки ворот. Все вокруг было в осколках стекла и брызгах крови. Водитель лежал лицом на руле, не подавая признаков жизни.

Миша снова нажал на кнопку выхода и с силой ударил ногой по двери.

— Что происходит? — растерянно спросил он.

— Так не получится, дверь не выломать, — Георгий подался вперед. Оттолкнувшись руками от перегородки, он одним движением перенес себя на место рядом с водителем. Поднял тяжелое тело и нащупал кнопку открытия дверей.

На грудь давило. Во рту ощущался металлический привкус крови. С непривычным скрежетом дверь салона поехала в сторону и застряла на середине. Гронский осторожно откинул тело водителя на спинку сиденья. Вся его нижняя часть тела была сплошным месивом из ошметков плоти, покоруженного металла и разбитого стекла.

— Мертв, — констатировал Георгий, чувствуя, как начинают дрожать пальцы от гнетущего давления энергии Источника. Он разжал веко погибшему. — У него вместо глаз — кровавая жижа.

— Какого черта здесь так фонит?! — прорычал Баркли через закрытый шлем.

— Барьер, — коротко отдал приказ старший, слегка прикрывая веки, так чтобы одновременно видеть и что происходит вокруг, и внутри себя. Выстроил в сознании рисунок Искры силы и залил ее энергией.

— *Барьер*, — мысленно повторил он про себя, чувствуя, как по телу выстраивается силовой контур. По своему более чем десятилетнему опыту службы Георгий не мог вспомнить подобного случая. Излучение у ворот охраны всегда было минимальным. От него закрывала даже легкая защитная форма. А дальше водитель никогда не заезжал. Стражи шли к коменданту, забирали положенный им груз и довозили его до нужной точки. Конечно Источник фонил и излучение бывало зашкаливало, но столь сильные выбросы были редкостью.

Свер подошел к глухой калитке чуть в стороне от ворот и пару раз с силой ударил носком ботинка.

— Бесполезно, — оценил его действия Георгий, — Сашку нашего зацепило, поэтому он и затормозить не успел, а ворота не открылись.

Итон еще раз со злостью пнул дверь.

— Миш, звони в управление, доложи обстановку. Скажи, мы идем внутрь. Пусть высылают еще ребят.

С этими словами Гронский достал ВИРС, переключая его на нужный режим луча. Направил ствол на дверь и нажал на спуск. Металл слегка оплавился, но выдержал первый

удар. Второй луч проделал дыру в двери. Третий — разворотил замок.

Георгий поставил оружие на предохранитель, но убирать не стал.

— Что? — коротко спросил он у напарника, который только что закончил разговаривать с управлением.

— Сказали, что никаких новых данных у них нет. Им никто не докладывал о нестандартной ситуации.

Брови Гронского удивленно поползли вверх. Обстановка складывалась не ахти какая. За воротами явно происходило что-то неладное. А у него среди подчиненных не только двухуровневый новичок, но и сканер. Опытный и сильный, но как оперативник не годится совсем.

Но и не выполнить задание они тоже не могут. Транспортировка и сохранность Рун на первом месте для любого стража, поставленного на рейд.

— Я иду первым, — произнес вслух полковник. — За мной Итон. Потом Сабрина — сканируешь местность. Миш, на тебе прикрытие.

— Да! — коротко ответил лейтенант, чуть уходя в себя и накладывая второй рисунок Искры на первый, выставляя усиленный контур.

Первый пост охраны встречал их плотным туманом. Мутный и липкий он полз по полу, стенам, бетонным ограждениям, ложился на защитный костюм, налипал на шлем, закрывая обзор.

Сабрина споткнулась. Приложила руки к голове, словно хотела сорвать защиту.

— Ставь второй уровень, — услышал Георгий голос майора. Резко обернулся, оценивая ситуацию.

— Усиливаем барьеры!

В ушах стоял какой-то гул. Георгий слегка мотнул головой, сосредотачиваясь. Пытаясь услышать что-нибудь еще. Но густеющий с каждым шагом туман, казалось гасил все звуки.

Охранник нашелся рядом со своим постом. Он лежал на полу в луже собственной крови. Еще двоих группа нашла в соседней комнате

— Их тоже накрыло излучением, — проговорил Барнис, присев над телом и разлепив веко, осмотрел глазное яблоко.

До внутренних ворот, за которыми располагались штаб-квартира коменданта и комнаты охранников было около двадцати метров. Давление Источника усилилось. Итон выставил третий уровень силы. Слегка замедлила шаг Сабрина, усиливая свои барьеры. Георгий воссоздал третий слой рисунка и наполнил до краев энергией. Чуть поколебался и наложил на него контуры еще одного слоя. Надо было пробить эту пелену. Он был ведущим и не имел права рисковать.

Туман словно стал прозрачнее. Теперь он не лип к форме и не путался под ногами. Он рассыпался на липкие, белесые клубки, открывая обзор, возвращая звуки.

— Ребята, — слегка повысив голос, позвал Георгий, чтобы его услышал весь его маленький отряд. — Поставил четвертый. Видимость налаживается.

Он повернул голову в сторону лейтенанта. Тому приходилось хуже всего.

— Итон, замени лейтенанта, — все-таки решил он сделать перестановку. — Миш, держись рядом со мной. Майор, выдержишь?

— Пока нормально. На третьем хорошая видимость.

— Будем тебя подменять.

— Исполняю!

Георгий кивнул, прекращая разговор, сосредотачиваясь на своих ощущениях. Чем ближе подходили к внутренним воротам, тем больше становилось звуков. Крики, ругань, выстрелы из «Дарков», которыми пользовалась охрана Карьера. В двух шагах почувствовался сильный выплеск. Георгий переключил свой ВИРС на максимальное излучение, уверенно соединяя его с контурами рисунка, наполняя энергией.

— Здесь кто-то балуется ВИРСами, будьте осторожны. Надо закрываться. Выставляйте максимальные уровни.

Группа слегка замедлилась. Три выплеска силы слились в один. Туман рассеялся еще больше. Теперь барьеры отражали силу Источника, ощутимо уменьшая его давление.

За поворотом раздались торопливые шаги и на группу выскочили пять вооруженных людей в защитной форме с ВИРСами в руках. Не замедляя шаг, они начали стрелять по стражам.

Первого снял ведущий. Второго зацепил Итон, взрывая его защитные поля, выводя из строя, после чего его добила Сабрина. Георгий вливал силу в контуры всех троих, укрепляя барьеры и подстраховывая на случай их повреждения. Лейтенант двумя выстрелами отбросил еще одного, накрывая направленной волной излучения.

В следующее мгновение Георгий почувствовал, как невидимая волна разрезает воздух рядом с ним, разрывая выставленные барьеры. Упал на колени лейтенант. Гронский бросился назад, закрывая напарника, растягивая свои щиты.

Сбоку ударило. Со всех сторон навалился туман, исчезли звуки. Давление сдавило виски.

Пятый. Четвертый. Третий. И второй почти в лоскуты. Не смертельно, но за столь короткий срок очень неприятно. Как будто вены вывернуть наизнанку.

Бросилась вперед Сабрина, закрывая его.

— Барьер! — услышал Георгий ее напряженный голос. Мягкая волна накрыла их обоих, давая время на передышку.

Он зажмурил глаза. Не до условностей сейчас. До красных звездочек под веками. Вернее, красных искр, которые вспыхивая то тут, то там, выстраивались в необходимый рисунок. Первый есть. Подправить второй.

— Барьер, — сквозь стиснутые зубы. Третий рисунок встал над вторым.

Барьер. Четвертый выровнялся.

Барьер.

Наполнить силой. Сразу все пять уровней. Георгий сморгнул красную пелену перед глазами. Теперь Искры уже не были отдельными рисунками. Целое полотно его универсальной защиты.

Пальцы сняли ВИРС с предохранителя. Переключатель излучения втоплен до предела. Сила потекла свободным потоком, заряжая вплавленную в оружие Руну.

Спусковой крючок. Нажатие. Волна мощного излучения вырвалась вперед. Сминая самого ближнего, отбрасывая от капитана Астли.

Спуск. Второй падает с прожженной в груди дырой.

Спуск. Волна.

Спуск...

Быстрое сканирование окружающей обстановки.

Расслабил палец.

Стражи собрались в круг, спиной друг к другу, сканируя каждый свой участок.

— Тот, который меня снял, — тихо произнес Георгий, так, чтобы слышали лишь свои, — он мне все барьеры разнес. До первого. У него, как минимум пятый ВИРС. Может больше.

— Паршиво, — коротко ответил свер, не прерывая контакта с окружающей обстановкой.

Остальные все так же сосредоточено кивнули.

— И, Сабрина, спасибо, — не мог не сказать Гронский.

— Береги Искру, — ответила женщина стандартным пожеланием всех стражей.

— Все звуки идут справа, — повернул голову Итон.

— Сабрина?

— Да, все звуки и движения идут от поста спереди. Четко чувствую повышенный уровень излучения, — ответила женщина на запрос командира.

— Там первый круг Карьера.

— Не то излучение. Источники я чувствую по-другому. Это энергия Рун. Скорее там недавно пользовались ВИРСами силой возможно более пятого.

Оперативники оценили услышанное. Коротко переглянулись.

— Идем, как и шли, — начал раздавать указания Гронский, — Первым я, чуть сзади и левее Сабрина. Докладываешь обстановку. Любой всплеск. Любое пойманное движение. Справа. Чуть сзади Миша. Итон на тебе прикрытие. На максимальном уровне. Дойдем до поста, проверим там. И я тебя сменю.

— Я в порядке, — коротко ответил Барнис.

Он подправил последний уровень, закрепляя контур. Снял излучатель с предохранителя.

— Вперед! — коротко скомандовал полковник.

У комендантского поста тумана опять стало больше. Он окутывал плотной пеленой верхнюю часть стены, здания, опускаясь на землю колючим дождем, усиливая и без того тяжелое положение, в котором оказалась группа.

— Смотри, — Сабрина чуть замедлила шаг у поворота. Около стены сидел человек. Его голова была опущена на грудь, пальцы все еще крепко сжимали излучатель.

— На нем форма стража, — отметил Георгий, не останавливаясь, — но не наша. Да и не вашего управления тоже.

— И ВИРС у него другой модификации, — согласилась женщина, — очень странно.

Астли внезапно замолчала. Ее взгляд стал более рассеянным. Она резко развернулась и рванула за поворот, где оставалась вторая половина группы. Георгий вылетел следом, буквально через мгновение после того, как не более чем в трех метрах от его товарищей упал серебристый диск с неровными краями и шероховатыми вкраплениями невзрачного серого камня.

Один.

— Миша, не спрессовывай контуры!

Два.

— Итон, ударь защитой!

Три.

Георгий успел сделать один прыжок назад. Схватить за плечо Сабрину, выталкивая за себя. Закрывая всеми своими барьерами. Она в прыжке успела извернуться и прижаться к нему, укутывая их обоих внутри его защиты своими щитами.

Мощная, почти бесшумная волна излучения накрыла все в радиусе не менее сорока

метров. Георгия с Сабриной протащило вперед и с силой швырнуло о землю.

— Ни хрена себе обычный рейс, — простонал полковник, опираясь на руку и пытаясь подняться.

Где-то под ним совсем не по-женски выругалась капитан Астли.

— Это же самовзрывной эрдэ[1], уровня седьмого не меньше! — наконец оформила она свои эмоции.

— Ребята, — прошептал Георгий.

Он рывком поднялся на ноги. Чувствуя, как рот полностью заполнен кровью. И она стекает по подбородку. На шею. Однако снимать шлем было нельзя.

Усилился туман. Рванными, плотными клочьями он упал вниз, расползаясь по земле. Словно Руна выплеснув свою силу, притянула к себе Источник. Словно они были одним живым организмом.

Лейтенант недвижно лежал лицом вниз. Георгий добежал до напарника. Упал рядом с ним на землю. Перевернул на спину. Весь его шлем с внутренней стороны был забрызган кровью. Гронский потянулся, чтобы снять его, но опомнился. Расстегнул верхние застёжки куртки, прикладывая пальцы к шее, нащупывая пульс.

Жив.

— Сабрина, — Георгий повернулся к женщине, и слова замерли у него губах, когда он увидел, что осталось от майора Барниса.

Гронский поднялся на ноги и подошел к старому товарищу, отдавая последний долг уважения и памяти.

— Сабрина, — тихо повторил он, — нам надо убираться отсюда. Миша еще жив. Мне надо, чтобы ты просмотрела это здание.

Капитан Астли бросила на него собранный взгляд. Еще раз обернулась на погибшего товарища, прощаясь, и ушла в свое подсознание, наполненное Искрами.

— Здание чисто. Есть остаточный фон, но видимо там недавно была стрельба. Движения тоже не чувствую.

— Тогда идешь первой, сканируешь. Я тащу лейтенанта.

И подхватив напарника за подмышки, потащил в полуразрушенное здание.

Здесь все было обшито толстыми металлическими листами пропитанными специальным раствором, замедляющим проникновение и распространение излучения. Пол, стены, потолок, даже на окнах пристроены глухие пластины, как в микроавтобусе, поднимающиеся с пульта управления или после нажатия кнопки на стене.

Сейчас многие окна были выбиты, а механизмы покорежены. На полу лежали тела людей в защитных формах охранников. И судя по тому, что на них как раз-таки была защита, а на окнах не было не только стекол, но и самих пластин, убиты они были не прямой энергией Источников, а той, что бьет из оружия.

Георгий с Сабриной осторожно положили Мишу на пол, оглядываясь.

— Надо найти более целое помещение, чтобы была возможность снять с него шлем и расстегнуть куртку.

— Я посмотрю, — капитан огляделась и замерла на месте. Пальцы дернули рычаг предохранителя.

Напрягся Гронский.

— Что? — почти неслышно спросил он.

Сабрина не ответила. Медленным шагом она шла к окну, держа ВИРС перед собой

Гронский рывком поднялся с пола и пошел за ней, выправляя барьеры. Через несколько шагов он уже и без сканера слышал звуки, привлёкшие ее.

Под самым окном на полу лежал офицер охраны Карьера. В его животе торчал кусок металлической пластины. Он натужно, хрипло дышал. Пальцы одной руки лежали на пластине, словно он хотел ее вытащить. Пальцы второй в бессилии скребли пол.

Шлема на голове не было. Тот лежал рядом со сломанной застежкой. Видно бедолага сорвал его с себя. Георгий опустился рядом. На лице хорошо были видны следы ожогов. Глаза, наполненные страданием, были красными с полопавшимися сосудами, но еще целые.

— Я поставлю воронку, оттяну энергию, — Сабрина опустилась рядом. — Я не рассеиватель, но полегче ему станет.

За окном послышались шаги. Несколько пуль ударились об оконную раму. Еще две врезались в барьеры Сабрины, которые она успела выставить, защищая себя и раненого. Георгий бросился вперед, снимая ВИРС с предохранителя. Первые два выстрела сняли одного из засевших за одним из зданий стрелка. Второму сорвали с головы защитный шлем. От удара мужчина упал на землю. Бесперывно отстреливаясь, к нему подбежал один из подельников и рывком ставя на ноги, потащил его в укрытие.

Георгий успел увидеть плотную повязку, закрывающую глаз и сетку шрамов, пересекающую щеку. На мгновение замер. Он где-то видел этого стрелка.

Серебристый диск со свистом вспарывая воздух, влетел в разбитое окно и упал рядом с капитаном Астли.

Один. Сделать шаг, закрывая собой раненого охранника и сканера, не способного выставить столь мощный барьер.

— Сабрина, уходи!

Два.

Положить рисунок стихийных Искр на контуры Силы.

Три.

— Барьер!!!

Полыхнул огонь. Взрывная волна врезалась в стену пламени. Две силы замерли, словно мерясь кто кого. А потом волна трансформировалась в большой ком, оттолкнулась от преграды и снося на своем пути остатки окон, двери, стены, стекла с огромной скоростью вылетела в противоположную сторону. Георгия поток сильного воздуха поднял вверх, закрутил в воронку и вышвырнул к бетонной стене.

[1] РД (эрдэ) — рунный детонатор. Взрывное устройство, основанное на энергии Рун.

Глава 10

Георгий пришел в себя в больничной палате. Белое постельное белье, стерильные стены, приглушенный свет, игла капельницы в вене. Некоторое время он лежал, не шевелясь, безразлично смотря в потолок. В голове шумело. Мысли неторопливо толкали воспоминания о последних событиях. Вязко, скомкано, неповоротливо. Мешанина образов, лиц, разговоров. Карьер, мертвые охранники, ВИРСы. Разорванное тело Барниса. Безжизненное лицо Миши Сабрина с воронкой над раненым охранником. Рисунок огня, наполненный силой. Рунный диск под ногами. Серый бетон. Стена.

Дальше все терялось в этом непроглядном сером цвете. Он закрашивал воспоминания. И все попытки прорваться сквозь него заканчивались вспышками головной боли.

Георгий вытащил иглу и осторожно встал с кровати. В принципе чувствовал он себя нормально. Кроме головной боли ничего особо не тревожило. Немного ломило мышцы. Но так всегда бывает после таких перегрузок. Он подошел к висевшему на стене зеркалу. Вместо белков глаз одно сплошное кровавое пятно. Еще более резко выступили скулы на заметно осунувшемся лице.

— Георгий Сергеевич, — в палату вошла медсестра, — как вы себя чувствуете? Зачем вы встали?

— Где я? — спросил он, послушно возвращаясь на кровать.

— Как где? — опешила женщина. — В лазарете Адентона.

Гронский нахмурился. Перед глазами мелькнул серый бетонной пол и тела людей. Очень много тел.

— Сколько дней я здесь?

— Чуть более двух суток, как вас привезли. Теперь ложитесь, давайте руку, сейчас я померю параметры вашей жизнедеятельности, и позову Дмитрия Валентиновича.

Вошедший врач, как и недавно общавшаяся с ним медсестра была в легкой защитной форме. Лазарет для облученных. Вокруг Карьера было несколько таких зон. Здесь после каждой смены измеряли уровень энергии у охраны и персонала. Сюда привозили пострадавших от излучения. Здесь проходили медицинские обследования будущие стражи.

Дмитрий Валентинович задал интересовавшие его вопросы, сообщил, что с ним будут делать в ближайшие несколько дней, порекомендовал больше спать и хорошо есть и ушел. Как только за врачом закрылась дверь, Георгий расслаблено опустился на подушку и закрыл глаза. Личных вещей при нем не было. Только больничная пижама. Надо раздобыть смарт и позвонить Ольге.

Как оказалось, смарт ему пока вернуть не могли до особого распоряжения начальства. Однако ему удалось уговорить медсестру, и она согласилась позвонить жене и сообщить, что с ним все в порядке.

Вечером, уже после последнего обхода врача и всех положенных процедур, к нему палату вошел Арсенин. Осторожно оглядываясь, он тихо закрыл за собой дверь и приветственно улыбнулся. Георгий рывком сел на кровати. От подобных действий закружилась голова, но он даже не обратил на это внимание.

— Ну ты и фонишь, Гронский! Как бокс с Рунами.

Так вот почему медперсонал ходит в защите. А он уже даже не чувствует излучения.

— Как ты здесь? Мне сказали, что мы все пока в режиме секретности. Даже смарт не отдают.

— У нас все Управление на ушах стоит. Все только и говорят о случившемся в Карьере. Ты сам как?

Георгий пожал плечами.

— Как видишь жив-здоров, а вот мой группе не так повезло. Младший мой тяжело ранен, мне сказали, что он здесь в лазарете, но пока в себя не приходил. Итона Барниса разорвало взрывом эрдэ. Еще Сабрина. Знаю, что ее увезли свои.

Арсенин опустил на стул рядом с кроватью.

— Весь мир, как развороченный улей. Хорошо, что у тебя смарта нет. Мозги просто взрываются.

Георгий тяжело провел ладонью по лицу.

— Ты-то мне, надеюсь, расскажешь?

— Произошел сильный выброс энергии Источником. Погибло очень много из заключенных, охраны, рабочего персонала. Почти две трети людей, находящихся на тот момент там. Последний раз такое было около пятидесяти лет назад.

— Ты имеешь ввиду тот случай, когда решили увеличить количество отделенных Рун и Источник на запчасти разобрать? — изумился Георгий.

Олег кивнул.

— С чем связана подобная активность сейчас?

— На Карьер было совершенно вооруженное нападение и использовалась энергия Рун. Наши умники из исследовательского отдела уже сделали предварительный вывод и сообщили, что подобная деятельность злоумышленников и повлияла на Источник. Но еще будут проводиться замеры и так далее и тому подобное.

— И кто же напал на Карьер? — Георгий аж головой махнул, словно отгоняя наваждение. — И зачем?

— Ни на тот, ни на второй вопрос ответа пока нет. Наши, как представители страны получателя приехали взять свою отложенную долю. Помнишь тот случай с Эверийцами, когда Дранкур уступил им свою очередность в получении Рун и заимел право на внеочередной запрос?

Собеседник кивнул.

— Вот наши сейчас и запросили вернуть им должок.

— Почему сейчас?

— Расплатиться со сверами.

— Резерв закончился? — сыронизировал Георгий.

Арсенин покачал головой.

— Наше представительство в Комитете сторговалось с представительством сверов до семи процентов вместо десяти. Но с условием, что они будут отдавать Рунами только что отделенными от Источника.

Бред. Георгий саркастически скривил губы. Конечно Руны имеют свойство терять свой энергетический запас, но ни за год и даже не за два. И в запасниках Дранкура, как у государства, близко расположенного к Источнику и понесшего наибольшие потери в эпоху Скорби с состоянием резерва всегда было отлично.

— Говорят, что имеет место быть диверсия, чтобы сорвать заключение сделки со сверами.

Гронский неверяще хмыкнул.

— Откуда вся эта информация?

— Я с Володькой Румяновым, следователем нашим общался. Вот он мне и поведал.

Кстати, он теперь ждет не дожидается, когда ты очухаешься.

— Я — то, что ему могу сказать? Если бы не ты, я бы даже этого не знал.

— Это ты сейчас серьезно? — воскликнул Арсенин, ошарашенно глядя на друга. —

После того, как ты в разгерметизированной форме без шлема и перчаток лез целоваться с Источником? Никак тебя успокоить не могли, пока не вырубил.

Гронский замер. Закрыв глаза. В темноте отчетливо проступили четыре каменных силуэта.

- នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ, - непонятный шепот врезался в уши. — នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ

Пытаясь огородиться сам не понимая от чего, он стиснул голову руками.

— Что это было, Гер? — тихо спросил Арсенин. — Ты понимаешь, что мог уже здесь не сидеть?

Георгия затрясло, когда он представил то, что описал ему Олег. Это просто какое-то чудо, что он сидит здесь, разговаривает с другом, мечтает вырваться к семье. Что было бы с ними, если этого чуда не произошло? Кто бы помог Темке? Кто бы поддержал Ольгу?

— Я ничего не помню, — медленно ответил он. — Только этот чертов диск у ноги и мысль, что это уже точно все. Конец. А потом я выставил рисунок стихий поверх всех пяти контуров силы и дал им взорваться.

— Будет тебе, что Архипову рассказать. Он такое любит.

— Это ты вообще меня обрадовал. Меня отсюда когда-нибудь выпустят?

Он досадливо махнул рукой и замолчал. Олег достал смарт и протянул другу.

— Держи, знаю же я, о чем ты сейчас мечтаешь больше всего.

Георгий слабо улыбнулся.

— Ночь уже, не буду пугать. Я тут упробил одну медсестру позвонить Оле. Попросил передать, что я в карантине после рейда.

— В режиме повышенной секретности уговорил медсестричку позвонить, — повторил за ним Олег. — Вот знаешь, чему я по-настоящему тебе завидую, Гера?

Тот совершенно искренне пожал плечами.

— Исключительному терпению твоей жены. Моя Ирка меня уже на орбиту загнала бы, если вокруг меня крутились все эти барышни.

— Если хочешь — могу поделиться секретом.

Арсенин вопросительно приподнял брови. Всем своим видом выражая всепоглощающую заинтересованность.

— Я никогда не даю ей повода, — серьезно ответил Георгий.

— Святоша ты наш, — тут же парировал друг.

Гронский улыбнулся, пытаясь сбросить с себя тяжесть.

— Теперь бы отсюда поскорей вырваться.

— Я хочу извиниться, Гер, за те слова, которые сказал при нашей последней встрече.

Взгляд Георгия стал жестче. Но он был рад, что Олег заговорил об этом. Не сделай он этого и они словно яд разъедали бы их дружбу, пока не оставили от нее и следа.

— Ты — мой лучший друг. И твоя семья мне тоже родная. И Темку я люблю, я вообще его крестный. Просто ты меня пугаешь в последнее время. Ты то уходишь весь в себя, то

вообще исчезаешь, то начинаешь вести себя необычно или говорить странные вещи. Я боюсь, что ты натворишь каких-нибудь глупостей.

Гронский иронично скривил губы.

— Извинения приняты, — с облегчением произнес он, — спасибо за наставления, мамочка.

— Ой ты мой мальчик, — неожиданно засюсюкал тот и сделал движение, будто хочет погладить его по голове, — у тебя уже глазки слипаются, мой хороший. Давай, я тебе одеялко поправлю.

— Агу, — Георгий на самом деле натянул на себя одеяло, повернулся на бок. Глаза и вправду слипались. — Завтра приходи, шнурки мне погладишь.

— Пошел ты, — беззлобно отмахнулся Олег и вышел из палаты.

— Пап, ты идешь? Я уже все подготовил.

Боковым зрением Георгий видит сына, стоящего в дверях с шаром в руке.

— Наш папа опять колдует, — это Ольга вышла из кухни. С полотенцем в руках. Вытирает мокрые руки. — Получается?

Георгий потерял концентрацию и рисунок огня вспыхнул, разрушая выстроенные контуры силы. Он уже который раз пытается научиться выставлять рисунок стихийной Искры поверх его основной. В теоретических выкладках все получалось. На деле пока нет.

Он морщится. Как обычно — такое быстрое разрушение контуров отдается болью внутри тела.

— Пока нет, но я знаю, что смогу. Всегда есть кто-то первый.

— Гений ты наш, — смеется жена и кладет горячие руки ему на шлем, — попробуй сначала подтяни Искры Разума. Как твой отец всегда говорит.

Голова начинает гореть. Он как будто весь в огне.

Он с силой сжимает шлем руками. Нет дома, нет сына с шаром для бочке, нет Ольги. Георгий подтягивает ноги к животу, поднимаясь на колени. Голова слишком тяжелая, чтобы ее тоже оторвать от земли. Поэтому она остается там. И какое-то время он замирает, набирается сил. Рывок. И голова поднимается за телом.

Есть разрушенное здание комендантского поста. Выгоревшие стены. И высоченная бетонная стена. Прямо перед глазами.

Карьер.

Со стоном Георгий опускает голову обратно на землю. В уши ввинчивается какой-то гул.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ

Сил подняться нет. Но если он сейчас не встанет, у него взорвется голова или он сойдет с ума. Он подполз к стене и держась за нее, поднялся на ноги. Так переставляя руки и ноги, Гронский и пошел, следуя за зовом. Вернее, за гулом. Он точно уже и сам не понимал.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ

Стена окончилась узкой, самой обычной калиткой, в которую мог пройти всего один человек. Георгий толкнул, ничего не ожидая. Но дверь медленно поддалась, и он почти ввалился внутрь.

Карьер. Первый круг.

Он огляделся. Пустое, тусклое пространство. С серыми бетонными полами, такими же стенами и очень высоким потолком. Вышиной где-то с пятиэтажный дом.

До второй стены было около сорока метров. Стояли теннисные столы. Какие-то

спортивные снаряды. Где-то вдалеке были видны какие-то станки. Повсюду лежали тела людей. В лужах собственной крови, сожженные или иссохшие серые оболочки с провалами вместо глаз и носов.

Георгий нашел вторую дверь и вышел на следующий круг. Здесь все было похоже. Все тоже серое пространство из сплошного бетона. Только потолки чуть ниже и до следующего круга ближе. И тоже везде столы, снаряды, спортивные площадки и трупы.

Он нашел следующую дверь. Сам не понимая куда идет и зачем. Шум из ушей не уходил. Он просто шел вперед, зная, что только так сможет избавиться от него. Прийти на зов.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ
នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល

Третий круг был еще ниже и меньше, но пространства здесь хватало, и он уже с трудом переставлял ноги. Красная пелена стала более плотной, глаза горели будто в них плеснули кислотой. Внутри него что-то бесновалось и билось, словно хотело выпрыгнуть из тела.

Очередная дверь далась с трудом. Нет, она не была заперта. Но сил, чтобы ее открыть понадобилось гораздо больше. Георгий перешагнул через порог и замер.

Он оказался в большом замкнутом пространстве, по кругу которого на одинаковом расстоянии стояли одноэтажные бараки с толстыми бетонными стенами. Бункеры, всплыло в голове знакомое слово. А посреди них, образуя фигуру, напоминающую скорее неправильный овал, с неровными, словно обрезанными краями стояли четыре огромных камня. Четыре столпа, расположенных в произвольном порядке, разной формы, величины и степени разрушенности.

Георгий опустился на колени. Снял перчатки и шлем. Ему хотелось освободиться от всего лишнего. Что смогло помешать сближению. Стать частью единого целого. Дошел до первого уровня бункеров. В голове уже не шумело. В ней все звенело и переливалось от неизвестного ранее восторга. Он расстегнул молнию куртки.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ
ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល
នៃការទាំងមូលជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ ការទាំងមូល

Глава 11

Архипов прибыл на следующий день, еще до обеда. Георгий, который спал не более пятнадцати минут, но которых хватило для того, чтобы это желание отбило начисто, весь извелся, издергался, пытаюсь найти способ связаться с семьей, а еще лучше сбежать к ним. Поэтому проводить утекающее словно песок сквозь пальцы время в кровати и бояться закрыть глаза, чтобы еще раз не увидеть унылые серые стены, а уж тем более не услышать этот мерзкий шепот, было выше его сил, и он нервно мерил шагами палату, как запертый в клетке зверь.

— Кирилл Игоревич! — Георгий удивленно замер посреди комнаты, увидев столь раннего гостя. — Доброго вам дня.

— Полковник, — коротко кивнул Архипов. — Как самочувствие?

Гронский никогда раньше не задумывался, что такой обыденный вопрос может вызывать нервный тик.

— Спасибо, Кирилл Игоревич! Отлично! Готов к службе!

Архипов степенно оустился на стул.

— Раздумываешь как сбежать? — прямо спросил он, когда Георгий, преодолевая себя, вернулся на опостылевшую кровать.

Полковник неопределенно пожал плечами. Скорее о последствиях. Так как понимал, что подобная самоволка может встать ему слишком дорого, вплоть до ареста или даже заключения.

— Можешь не отнекиваться, я же знаю, что сейчас в твоей голове творится. Рвешься домой.

У Гронского начал дергаться второй глаз.

— После нашего разговора тебе отдадут смарт, чтобы ты мог связаться с женой. К обеду, если все твои анализы будут в норме, тебя выпишут, и сможешь ехать домой. Через семь дней буду ждать тебя в штабе. Хочу предложить тебе новую должность, полковник. Нашему исследовательскому отделу очень нужны такие как ты. И как только ты умудрялся скрывать такие таланты?

Среди оперативников Архипов был известен тем, что никогда не ходил вокруг да около. Всегда начинал с самого главного и излагал суть вопроса сразу. Поэтому, когда генерал озвучил свое предложение, Георгий не растерялся.

Смарт. Выписка из лазарета. Отпуск. Новая должность при самом генерале. А если Георгий сможет зафиксировать свое достижение и закрепить навык, то это будет прорыв и оперативники, имеющие такую способность будут в разы эффективнее. Сабрина тоже видела, что он сделал, а значит, в курсе и ее руководство. Переманивать же ценных сотрудников на свою сторону среди конкурирующих служб уже давно не было зазорным.

— *Гений ты мой,* — хихикнул в голове голос Ольги.

— *Талантливый,* — поправил он жену.

— Кирилл Игоревич, — осторожно начал Георгий, — я благодарен вам за смарт, за то, что вошли в мое положение и за отпуск конечно же.

— Но мое предложение тебе не очень интересно, судя по-твоему тону. Кто бы сомневался.

— Я — силовик, боевой оперативник. Что мне делать в штабе?

— Как что? — сделал вид, что удивился Архипов. — Не будет разъездов. Будешь всегда на одном месте. Разве ты не этого хотел?

— Кирилл Игоревич, — поморщился Георгий, как человек, которому опять наступили на болезненную мозоль. — Я много думал в последнее время. Анализировал все то, что со мной произошло. Я понимаю, что был не прав, когда отказывался от дальнейшего обучения.

Генерал пристально смотрел на него.

— Как только вернусь в Управление, напишу рапорт с просьбой принять меня в учебный корпус для прохождения курса и получения нового уровня.

— Конечно напишешь. Не позволю больше твоим слабостям влиять на службу, — невозмутимо ответил генерал. — Но сначала, как ты мне уже обещал, расскажешь, все, что с тобой произошло в последнее время. Как ты умудрился создать контуры из стихийной Искры, а потом и вовсе соединить основную и дополнительные силы, а после чего еще на одну аттестацию пойдешь. Я тебя, Гронский, в покое не оставлю. И даже не вздумай от меня сбежать.

Георгий едва удержался, чтобы все так же ровно смотреть на собеседника.

— Да уж куда я от вас? Где я еще такое чуткого и всепонимающего руководителя найду?

Он даже не попытался скрыть иронию. Но тут память услужливо подсказала, что их отношения с генералом выправились не так давно и что лучше попридержать свой язык и особо не нарываться.

— На самом деле я уже несколько лет холил и лелеял в своей голове идею, о том, что если постоянно не упускать из сознания рисунок других Искр кроме основной, то они не ослабевают. И все время пытался так или иначе их соединить. И ни разу у меня ничего не получалось. Ни разу! Видимо в моменты острой опасности активировать механизмы, которые я давно выстраивал. Не уверен, что смогу это повторить.

Генерал внимательно слушал, не спуская с него глаз.

— В твоей крови рисунки всех трех Искр одинаковы. Ты этого достиг только силой мысли?

Гронский слегка растерялся.

— Хорошо, Георгий Сергеевич, — Архипов поднялся. — Тебе сейчас вернут смарт. Думаю, уже сегодня уедешь домой. А через семь дней жду у себя. Пообщаемся уже более предметно. До встречи.

Генерал выполнил свое обещание и через несколько часов, после того как медсестра отсканировала все показатели его жизнедеятельности и взяла кровь на определение количества условных единиц Искр и качества рисунка, лечащий врач выписал Георгия из лазарета.

В хранилище Гронскому выдали его вещи, упакованные в защитный бокс.

— Ваша форма, господин полковник. Ее доставили вместе с вами в аэрокапсуле. Фонит от нее сильно. Уровень девятый не меньше, а может и больше, — оповестил его оператор камеры хранения, — когда доберетесь домой, сразу сдайте ее в ваше Управление. Здесь работы на два, а то на три дня затянет.

Все лазареты находились на нейтральной территории и не принадлежали ни к какому государству, поэтому влезать в личное пространство сотрудников других служб не имели право. А форма стража — это не просто одежда, это универсальная защита, подогнанная по всем индивидуальным размерам, настроенная на нужные параметры и чипированная

служебной информацией.

Георгий поблагодарил, взял бокс и чуть ли не бегом покинул лазарет. Но на улице его ожидало еще одно проявление неумной заботы Архипова — аэрокапсула с выделенным пилотом. Гронский аж языком цокнул от умиления. Это же надо как Кирилл Игоревич за него переживает!

Через два часа он был уже в Дранкуре, где прямо с летной площадки взял такси и помчался в больницу, до которой было уже рукой подать. Поэтому Георгий решил нарушить инструкции и не делать крюк через весь город, чтобы сразу ехать в Управление.

По дороге он несколько раз созванивался с Ольгой и знал, что состояние Артема в последние дни чуть улучшилось и возможно скоро они смогут забрать его домой.

— Папа! — сын радостно улыбнулся и попытался сесть. — Ты наконец вернулся.

— Привет, спортсмен! — Георгий обнял мальчика, как бы невзначай помогая ему, подтягивая на подушки. — Я очень спешил. Извини, пришлось задержаться на службе.

— Да мы уже знаем, — хихикнул тихонько Тема, — мама сейчас тебе все расскажет о твоей службе.

— Болтун! — от дверей раздался нарочито серьезный голос Ольги. — Не выдавай моих секретов.

— Прости, Оля, — отец семейства обезоруживающе улыбнулся, — я знаю, что задержался, но там какая-то ерунда вышла...

— Знаю, я твою ерунду, — жена слегка скривила губы, явно показывая, что она начинает злиться, — по всем каналам только о ней и говорят.

Георгий вопросительно поднял брови.

— О Карьере и сколько человек там погибло. И что этот день большинство стран объявило у себя днем траура и памяти.

Он и сам листал ленту новостей, пока был в дороге. И о количестве погибших, и о новых волнах, которые до сих пор распространяет Источник, и о панике, которая поднимается среди людей, и о незапланированном сборе Комитета.

На котором представители Дранкурского Содружества на полном серьезе заявили, что произошедшее в Карьере несомненная провокация со стороны некоторых стран для того, чтобы помешать забрать им Руны, так как опять-таки же некоторые недружественные им государства были против их права на востребование долга. А самое главное обвинение, которое выдвинули представители Дранкура — это то, что повышенное излучение Источника вызвало агрессивные действия террористов, которые пользовались мощным оружием на территории Карьера, тем самым спровоцировав камни на подобную реакцию.

Представители Вестленда хотя на них и не указывали на прямую пальцем, были настолько шокированы подобными обвинениями, что просто покинули заседание, не сказав ни слова.

Комитет потребовал от Дранкура доказательств.

Прямых доказательств не оказалось. Террористов живыми взять не удалось, а идентификация их личностей показала, что все они были наемниками, имеющими гражданство разных государств. Зацепкой было лишь мощное и современное оружие, которым на данный момент оснащены лишь армии некоторых стран. Однако представители Дранкура потребовали у Комитета наложить вето на присоединение Оркли к Вестлендскому королевству до выяснения всех подробностей.

— Опять телевизор смотрели? — придал своему лицу строгое выражение Георгий и

сначала глянул на сына, который сделал вид, что испугался и натянул на голову одеяло. Потом перевел взгляд на жену, которая почему-то ребенка не поддержала. — Только папа за порог, и вы сразу от рук отбились. Мне знаете, что дядя Олег сказал? Что мы с вами туземцы, которые не знают о благах цивилизации.

Георгий достал из кармана куртки три билета, которые дал ему Арсенин.

— Кстати он тебе подарок передал. Держи, спортсмен, послезавтра едем.

Глаза Артем засветились и он, радостно схватив билеты, начал внимательно их изучать.

— А Владимир Александрович отпустит? — слегка поник мальчик.

— А с Владимиром Александровичем твоя мама поговорит.

— Ты думаешь он ее послушает?

— А то! — выставив ладонь вперед, заверил его отец. — Ты же знаешь какая она у нас строгая. Я сам ее боюсь.

Вечером Ольга выгнала его из больницы, сказав, что он выглядит чуть краше покойника и что ему надо поехать домой отоспаться и привести себя в порядок, а уже завтра вернуться за ними. Как не хотелось их оставлять, Георгий не мог не признать ее правоту, и оставив семью, поехал домой.

Квартира встретила пустотой и тишиной давно оставленного дома. Он включил свет, тоскливо осматриваясь по сторонам. Завтра вернутся Ольга и Темка и все будет как прежде. Георгий упал на диван в гостиной, так как сил куда-то еще идти не было. Снял с руки смарт, разворачивая его до размера небольшого планшета и начал читать свежие новости.

Комитет наложил вето на объединение Вестленда и Оркли, и дал Дранкурскому Содружеству месяц на предъявление доказательств. В ответ Вестленд добился от Комитета заморозки разрешения на размещение Дранкуром Рунных усилителей на мысе Полюсова до окончания расследования произошедшего в Карьере и выяснения всех обстоятельств.

Смогут ли теперь одни доказать причастность других к этому нападению, но целый месяц у Дранкура есть. А за это время они явно придумают, как похоронить такой желанный для вестлендцев и абсолютно ненужный для Содружества союз и оставить все как есть. А по возможности и возобновить установку усилителей на мысе Полюсова.

Сверское королевство приняло нейтральную сторону, не желая вступать в конфликт ни с одной из сторон и на всякий случай отказало Дранкуру в установке платформ с усилителями на своей территории.

Георгий отложил смарт в сторону. Закрыв глаза. Стараясь ни о чем не думать. Хотелось выспаться. По-настоящему. Встретить новый день полным сил, что бы этот день ни принес. И никаких снов. Серого бетона. Трупов. Ввинчивающегося в мозг навязчивого шепота. Смысл, которого не мог понять.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

Георгий распахнул глаза. Он стоял у самого Источника. Пальцы уже справились с застежками шлема, и он снял его, чтобы тот не мешал.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

Все осталось где-то позади. Стены ограждения. Изуродованные человеческие тела. Серая пустота кругов. Источник — он его манил. Он говорил с ним. Георгий опустился на колени. Форма тоже жутко мешала, и он расстегнул воротник куртки. Опустил руки на бетонный пол. В ладони врезалось что-то жесткое.

Руны. Их было много. Целое поле осколков. Разбитое целое.

ការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

На задворках сознания, очень далеко мелькнула мысль, что это форменное самоубийство. Что нельзя вот просто так стоять здесь. Слишком близко. Но они ему были необходимы.

ការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

Георгий собрал в ладонях целую россыпь камней.

Гронский вскочил на диване, хватая ртом воздух.

— *Ваша форма, господин полковник. Ее доставили с вами в аэрокапсуле. Фонит сильно. Уровень девятый не меньше.*

Георгий опустил глаза на свои ладони.

ការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ

Вскочил на ноги и выбежал в коридор, где рядом с входной дверью он оставил бокс.

Бред.

Сон.

Чертова галлюцинация.

Рывком поставил бокс на стол. Набрал комбинацию цифр. Щелкнули замки.

Я должен быть уверен.

От формы на самом деле шло осязаемое излучение. Но сейчас Георгий его почти не ощущал.

Он рванул куртку, вытаскивая ее из бокса. Непослушными пальцами нашел карман и потянулся к собачке замка. Резко дернул молнию.

Волна излучения ударила неожиданно. Но Георгий не зря считался одним из лучших.

— Барьер! — на автомате произнес он онемевшими губами.

Контур рисунка, наполненный силой, остановил чужую энергию.

— *Когда доберетесь домой, сразу сдайте ее. Сказали, что пропитана сильно...*

Георгий рванул куртку, вытаскивая ее из бокса. Непослушными пальцами нашел карман и потянулся к собачке замка.

Твою мать твою мать твою мать твою мать...

Надел перчатки. Поставил все пять уровней барьера. Из кармана высыпалась целая горсть камней.

Глава 12

— Твою мать!!!

Заорал он, пнув ни в чем не повинный столик, стоящий рядом. Потом отшвырнул стул. Поднял бокс и запустил его в стену.

— Этого не может быть, — он запустил пальцы в волосы, с силой сжав их.

Не может быть. Что теперь делать?

Энергия, идущая от Рун давила. Ее уже было достаточно, чтобы она начала представлять угрозу для соседей, которые явно в этот час ночи были дома.

Вдох. Выдох.

Просто надо успокоиться.

Георгий положил Руны в обратно в карман куртки. Упаковал форму в бокс. Застегнул замки, герметизируя. Неумело сделал рассеивающую воронку. Это была не его специализация. Но развеять сгусток энергии у него получилось. Тем более после того, как он убрал форму в защитный бокс, излучение больше не чувствовалось.

Он должен был отвезти форму в Управление сразу, как только прибыл в Дранкур. Гронский взял с полки ключи от квартиры, поднял бокс и пошел к двери. Неприятностей теперь не оберешься. Служба всегда щедро награждала тех, кто был ей верен, но и строго наказывала за любое нарушение правил. За то, что проигнорировал инструкции и не сдал форму сразу после рейда ему светил строгий выговор и денежный штраф. Неприятно, но пережить можно. Собственно говоря, эти риски он просчитал и решил, что может хотя бы один раз в жизни отступить от правил, чтобы больше времени провести с сыном.

Только на тот момент, когда он принял подобное решение, он еще не знал, что у него в куртке полный карман Рун. А он даже не может объяснить откуда они у него взялись. Гронский тяжело опустился прямо на пол. Еще раз посмотрел на свои ладони.

Сейчас он все помнил. Взрыв, Карьер, бетонные стены, бункеры...

Источник.

Четыре серых камня, исчерченных неизвестными письменами.

После того, как ты в разгерметизированной форме без шлема и перчаток лез целоваться с Источником.

Он видел его своими глазами. Держал Руны голыми руками. Слушал, что он говорит.

— Это всего лишь камни! — заорал он пустым комнатам. — Гребанные камни! Они не умеют разговаривать!

Источник — это не просто излучатель энергии, он является чем-то наподобие антенны из другого измерения или Вселенной, а Искры — это некое коллективное целое, которое сетью окутывает наш мир для только им пока известных целей.

Георгий в отчаянии схватился за голову.

ការទាំងមូល នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូលជាផ្នែកមួយ
នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ ការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល នៃការ ទាំងមូល ជាផ្នែក
ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល

Пора было отставить панику и решать, что делать.

Звонить Архипову? Самая здравая мысль. Он, конечно же по голове за такое не погладит. И даже не обвинишь его в предвзятом отношении. Уберет из оперативного

подразделения. Или вообще отстранит от службы. Или уже без вопросов заберет к себе в штаб.

На опыты.

А если это и есть происки Архипова? Он ни разу ни слова не сказал о том допросе, который ему учинил этот Моршанин? О том, что ему вкололи запретные вещества. О диске. Почему Архипов не спросил про диск? Все спрашивали, а он нет.

Георгий криво усмехнулся. Прodelать такую спецоперацию в Карьере, чтобы подставить его?

Это у тебя, Гронский, мания величия разыгралась. Легче тебя было бы просто убить.

Но как он вообще мог это сделать?! Взять эти чертовы Руны. Как он смог их пронести? Группа, приехавшая после них, которая и вытаскивала его из Карьера не была уполномочена обыскивать его. Они должны были лишь снять уровень излучения, забрать его форму и вместе с ним транспортировать в лазарет. Что они собственно говоря и сделали. А в лазарете тем более уже не занимаются подобным. У них свои правила.

Что со мной вообще происходит, черт побери?! После того, как я соприкоснулся с теми Рунами в Макке, все пошло кувырком. Стихийные Искры, звучание Рун, соприкосновение с Источником.

Я схожу с ума?

Может все дело в том, что он проигнорировал развитие своих способностей и теперь это выходит ему боком? Не зря же на шестой уровень даже время в учебке продлевается. Может есть что-то такое, чего он просто не знает и, не находя выход, Искры начали разрушать его сознание?

Или у него началась профессиональная болезнь стражей? Рассудок не выдерживает постоянного воздействия излучения и разрывает свою связь с действительностью. Иными словами, сумасшествие. Не зря же большинство оперативников выше третьего уровня либо уходят в отставку после определенного срока в оперативных подразделениях, либо переводятся в другие отделы.

— Тридцать шесть, — вслух произнес Георгий, чтобы избавиться от бредовых мыслей. — Рано еще.

Тогда, что со мной происходит?!

От всех этих невеселых мыслей его отвлек звонок смарта. На экране вспыхнула фотография жены. Все мысли разом вылетели из его головы. Сердце замерло и упало куда-то далеко вниз. По крайней мере он его больше не чувствовал.

— Что случилось?

— Прости, я напугала тебя, — голос Ольги был тихим и каким-то абсолютно уставшим, словно безжизненным. — Я не выдержу до утра. Хотела поговорить с тобой.

— Почему не позвонила раньше? — Георгий почувствовал, что сердце вернулось назад и теперь бешено стучит. — Что случилось?

— Сегодня вечером после того как ты уехал, я разговаривала с Владимиром Александровичем.

— Что он сказал?

— Он против нашей поездки. Сказал, что Артем больше не встанет, его организм истощен до предела, — ее голос прервался. — Владимир Александрович дал ему неделю. Максимум, как он сказал, если случится чудо — то две.

И она зарыдала. Она почти никогда не плакала, что бы у них ни случалась. Научилась

бороться со слезами, загонять их внутрь себя, чтобы не пугать Артема.

— Почему, Гера? — перемежая слова с всхлипываниями, продолжила говорить Ольга. — Я так надеялась, что за эти семь лет что-нибудь переменится. Изобретут лекарство от этой болезни. Или хотя бы поймут, как продлевать жизнь. Хотя что-нибудь. Знаешь, я бы даже согласилась на какие-нибудь экспериментальные методы. Только бы у нас появился шанс.

— Олька, Оленька не плачь, я сейчас приеду.

— Нет, ты же знаешь, ночью на посещение надо выписывать спец пропуск. Мне просто надо было услышать тебя, поговорить.

— Я всегда с тобой.

— Знаю, — она перестала плакать. — Приезжай, как договаривались утром. Мы будем ждать тебя.

Георгий еще некоторое время слушал гудки отбоя. Нажал на кнопку отключения и положил смарт рядом с собой.

— *Я бы даже согласилась на какие-нибудь экспериментальные методы. Только бы у нас появился шанс.*

Что делать? Какой путь выбрать? Смириться? Сбросить старую шкуру и иди в новую жизнь с новой надеждой?

— *Вы с Олькой молодые. У вас еще все впереди.*

Или бороться? За каждый день. Миг, проведенный вместе. Вздох. Улыбку. В каждом новом восходе солнца, встреченным вместе, видеть еще один шанс.

— *Больной синдромом Ларанга и так уже ходячий мертвец. Смерть от одного или другого, какая разница. Но в случае операции у него появляется шанс.*

— Приветствую героя, — голос Арсенина из смарта звучал бодро, а на заднем фоне были ясно слышно визги дочерей и голос жены.

Георгий фыркнул. Еще одна бессонная ночь давала о себе знать. Не было сил даже разговаривать.

— Зря ты иронизируешь, — нравоучительно заметил Олег. — Архипов вчера на собрании речь толкнул. Сказал, какие вы все герои. Будете к наградам представлены и там еще каких-то плюшек отсыплют.

— И во сколько оценили наши жизни?

В трубке повисла тишина.

— Ты о чем, Гер?

— Станный это рейд был, — медленно ответил тот, — с самого начала. С каких это пор на рейд ставят стража меньше третьего уровня? Да, и Сашка, водитель совсем еще зеленый был. Он даже не успел отреагировать.

— Это не претит уставу. Если по какой-то причине нет стражей подходящего уровня, руководство имеет право поставить на рейд оперативника более низкой квалификации. А у нас, я тебе уже говорил, сейчас от третьего и выше почти все на мысе Полусова.

— Оперативник, — иронично усмехнулся Гронский, — возможно из лейтенанта Илийского еще и вправду получится оперативник, но с его уровнем в той бойне у него не было шансов. Было бы по-другому и Итон не погиб бы.

— Но при формировании рейда никто не знал, что там такое будет, — возразил Арсенин. И по интонациям, с которыми он произнес последние слова, Георгий понял, что собеседник начинает злиться.

— Просто, если по твоей логике меня тоже надо было на мыс Полюсова отправить, а не в этот рейд. Я бы принес больше пользы. Я неделю безвылазно смог бы там отработать. Может и больше. А получается меня используют всего лишь для транспортировки Рун.

— Грон, ты сегодня спал?

— Нет, — Георгий прикрыл глаза. Вряд ли он и сейчас бы смог. Хотя голова гудела так, что не было сил ни о чем думать. Даже разговаривать было тяжело. Да он уже и сам не понимал, зачем он все это говорит Олегу. И что такое его мысли? — И вчера тоже.

— Тогда, Гронский, иди проспись. Или напейся. Лучше к жене езжай, она тебе мозги враз на место поставит. Иначе и вправду влипнешь в крупные неприятности. Тебе дали задание — ты его выполнил. Жаль Итона, и Сашку, лейтенанта этого твоего, но мы все стражи и то, что случилось там — это и есть наша служба.

— Я уже по уши в неприятностях. Все идет наперекосяк. Не выкрутиться.

— Ты что реально думаешь бежать?

Заткнись, Гронский! Ты не имеешь право его впутывать.

Он слегка натужно засмеялся.

— Думаю, воспользоваться твоим советом и выспаться, потом поеду в больницу. Спасибо, старина.

— Грон...

— Кстати, билеты я уже купил.

И он нажал на кнопку отбоя.

— Приемная доктора Фернсби. Слушаю вас.

— Могу я поговорить с самим доктором Фернсби?

Конечно же визитку ученого Георгий безвозвратно потерял в Макке, но найти нужный ему номер не составило труда.

— Кто его спрашивает?

— Мы встречались с ним в Макке. На конференции. Передайте ему, что мы с ним разговаривали о синдроме Ларанга. Мне очень нужно поговорить с ним.

— Подождите минуту.

Заиграла музыка.

— Давен Фернсби, — раздался голос ученого, — слушаю вас.

— Здравствуйте, доктор. Мы с вами встречались в Макке, в холе гостиницы. Мы еще разговаривали об Источнике и Искрах, и немного о синдроме Ларанга.

— Я помню вас, — после небольшой паузы произнес Фернсби. — Вы еще сказали, что это неприятность случилась с кем-то из ваших близких.

Георгий тяжело усмехнулся. Неприятность.

— С сыном. Ему десять лет. Диагноз поставили в три года. Сейчас врачи дают ему не более недели.

— Мне очень жаль. Что вы хотите от меня?

Гронский зажмурился. Неужели он и вправду это делает? Неужели он готов поверить первому встречному? Готов отдать сына, как подопытного кролика? Изменить свою жизнь? Жизнь Ольги? Ведь он даже не спросил ее. Готова ли она?

Я просто хочу, чтобы он жил!!!

- Вы сказали, что от синдрома Ларанга можно излечиться.

— Я сказал, что это лишь мои теории. Которая пока не подтверждена практикой.

— Я помню, — глухо подтвердил Георгий, — вы еще сказали, что у вас нет практического материала.

Он замолчал, пытаясь справиться с собой.

— У меня есть умирающий сын и Руны.

Собеседник несколько раз неуверенно кашлянул.

— Я не смогу дать вам никаких гарантий.

— Мне нужен всего лишь шанс.

Теперь молчание затянулось на более долгое время.

— Есть два решения проблемы. Первое — постоянное переливание крови, насыщенной излучением Рун. Это не так рискованно. Но сами понимаете, больной будет практически привязан к больнице. И ему всегда нужна будет свежая партия крови. Второй способ — частичная замена костного мозга на рунный порошок. Шансы пятьдесят на пятьдесят. Его организм либо примет Руну, либо нет.

Владимир Александрович сказал, что он больше не встанет. Ему осталась неделя.

— Ему осталось жить семь дней, — Георгий сам не узнал своего голоса. — Времени почти не осталось.

Доктор тяжело вздохнул.

— Вы понимаете, что в случае положительного исхода, он должен будет какое-то время находиться под моим присмотром? Я должен буду наблюдать за ним.

— Да.

— И что ваша жизнь уже не будет прежней. Даже если все пройдет хорошо, я не смогу рассекретить свой проект. Руны — достояние человечества, а не отдельно человека. Нас запрут в Карьере, если кому-то станет известно о наших с вами делах. Ваш сын должен будет умереть для всех, чтобы иметь право жить.

— Я понимаю. И уже решаю этот вопрос.

— Сегодня вечером, я с группой врачей еду с медицинской миссией в Оркли. Завтра с утра там уже будет оборудовано все необходимое для врачебных манипуляций. Привозите сына. Я посмотрю его и возьму нужные мне анализы. После чего скажу, смогу ли я вам помочь или нет.

Георгий нажал на кнопку отбоя. Какое-то время стоял, смотря на гаснущий браслет на руке. Хотелось швырнуть его об стену и растоптать. И забыть о том, что только что произошло. Вычеркнуть. Изменить. Вернуться в прошлое, где еще не было идущей по пятам смерти.

Я должен поговорить с Олей. Я не имею права один принимать подобные решения.

Но сначала надо сделать еще один звонок. Решительным движением Георгий вновь оживил экран погасшего смартфона, нашел нужный ему контакт — Шейл Периш — и нажал на кнопку вызова.

Артема привезли домой уже к обеду. Всю дорогу до дома сын спал, следуя совету лечащего врача, давать организму как можно больше времени для отдыха и восстановления. Потом они проводили время, как это всегда любили делать. Смотрели фильмы, спортивные матчи, готовились к завтрашней поездке. Потом Ольга укладывала Тему спать, а Георгий ждал ее в спальне, стоя у огромного окна, смотря на ночной город.

Жена тихо подошла, обняла, уткнулась носом в плечо.

— Я соскучился, сладкая моя, — прошептал Георгий, глядя ее по волнистым волосам. — Безумно. Сегодня ты будешь только моей. Возьму с тебя за все.

— Бери.

И он брал. За все дни одиночества и боли. За вынужденные разлуки. За их бесконечные попытки удержать дарованное счастье любой ценой. И за предстоящую разлуку.

Уже под утро, она уставшая и сонная свернулась клубочком у него под боком, положив голову на плечо. Георгий поцеловал ее в лоб, на несколько секунд задержавшись, вдыхая запах чуть влажной кожи.

— Пора прощаться, Олька.

Она распахнула глаза, из которых разом испарилась вся истома и сонливость. Приподнялась на локте.

— Ты о чем?

— Мы с тобой можем спасти нашего сына.

Дорога к аэропорту Дранкура шла по берегу моря, проходила через длиннющий тоннель в скале и серпантинном забирала в горы на высоту более чем две тысячи метров, где и располагалась взлетная полоса и само здание воздушного вокзала.

Артем спал на заднем сидении. Чтобы поездка для него прошла легче, Ольга дала ему таблетку успокоительного. Сама она сидела на сидении рядом с водителем и, отвернувшись, неотрывно смотрела в окно. Было еще совсем раннее утро и дорога была почти пустая.

Георгий в этот раз не стал брать на себя управление автомобилем и, задав маршрут, поставил на автоматическое управление. Сейчас не хотелось ни отвлекаться, ни расслабляться. Сейчас хотелось быть вместе с семьей, чувствовать их каждой клеткой, каждым нервом.

Только вот Оля после того, как он все рассказал ей, отдалилась от него. Нет, она не противилась, не спорила и сделала все как он сказал. Но словно на автомате, словно против своей воли.

— Олька, повернись ко мне, пожалуйста, — тихо попросил он.

Она поколебалась немного, но выполнила его просьбу. Ее лицо все было в слезах. Она научилась так плакать, беззвучно и почти незаметно, чтобы не расстраивать Артема.

— Я не знаю, как мне жить без тебя, Гера. С того самого дня как ты ворвался в мою жизнь и сделал предложение стать твоей женой. Я не умею.

— Это ненадолго, моя хорошая, — он как мог улыбнулся. — Сейчас я отвезу вас в аэропорт. Там вам с Артемом будет легче и быстрее добраться до Оркли. После сядете на поезд и через несколько часов прибудете на границу с первой зоной отчуждения. Когда приедете, позвонишь по телефону, который я тебе дал. Вас встретят.

— Я это уже поняла, Гера. Не волнуйся, я все сделаю. Меня больше беспокоит, как будешь ты добираться.

— В самолет с Рунами мне никак не сесть. А через зоны отчуждения и пустыни, используя свой статус стража, я смогу добраться до Оркли. Доктор Фернсби сказал, что ему понадобится время для обследования Темы. Я как раз прибуду к тому времени.

— Что потом? — Ольга испытывающе на него смотрела. — Наш сын теперь будет собственностью доктора Фернсби?

— Он будет жить! — резко ответил Георгий. — Разве не это сейчас главное?

Она отвернулась к окну. Он тяжело выдохнул и тоже перевел взгляд на дорогу.

— На какое-то время мне придется вас оставить. Для всех мы улетели в Хардан на чемпионат. Я придумаю достоверную причину, почему вы не вернулись со мной в Дранкур. Первое время я должен буду ходить на службу как обычно, чтобы не привлекать внимания.

Думаю, мне понадобится полгода, может чуть больше, чтобы найти причину и уволиться из Управления или чтобы меня уволили. За это время я сделаю для нас всех новые документы. Я уже попросил одного знакомого помочь с этим. И мы начнем новую жизнь. Все втроем. Это главное.

Машина въехала в тоннель и в салоне стало значительно темней. Георгий потянулся, чтобы включить освещение, но Оля его остановила.

— Как же наши родные? — тихо спросила она.

— Сначала они будут знать то же, что и все. Потом найдем способ им все объяснить.

— Ты все время говоришь лишь одно слово — потом. Потом — это не руководство к действию. А что если это потом, будем еще хуже, чем сейчас?

— Если ничего не сделать, то даже этого потом не будет! — он повысил голос.

Георгий стиснул зубы, останавливаясь. Ночью она согласилась с его планом. При свете дня все стало тяжелее и страшнее. Как войти в бурлящую реку, даже не зная, сумеют ли они когда-нибудь выкарабкаться на берег.

— Я все эти годы искал способы. А теперь у нас есть призрачный шанс на это потом. Я не могу сказать тебе ничего конкретного, потому что все силы уходят на здесь и сейчас. Я только и думаю, как вы доберетесь, как мне провезти эти Руны, как вас примет Фернсби, что он скажет. Согласится ли он? Когда закончится этот этап, я начну думать, о том, что делать дальше.

Ольга тяжело вздохнула и погладила его по плечу.

— Прости, ты нашел способ спасти нашего сына, а я только истерю.

Георгий ободряюще сжал ее пальчики.

— В рюкзаке карта. На нее я положил все деньги, которые у нас были в данный момент и еще наличка. На первое время, потом я буду ее пополнять. Прости за это дурацкое «потом». Я тебя не подведу, Оля.

— Герка, а как же ты? — она жестко впиалась ногтями ему в ладонь. — А вдруг узнают про Руны? Давай уедем вместе.

— Я боевой офицер Стражи. Полковник пятого уровня. С заявленным шестым. Меня так просто не отпустят. Не забудут и не отступят. Будут искать. Мы не сможем все время бегать. Нет, чтобы жить нормальной жизнью Артем Гронский для всех должен перестать существовать. И мы вместе с ним.

Впереди показался просвет и лобовое стекло осветили лучи восходящего солнца.

— А Руны — они не учтенные. О них знаем только я и ты.

Георгий обернулся на спящего сына.

Главное, что я успел тебя спасти.

— А если не получится? — словно прочитав его мысли, очень тихо спросила Ольга. — Ты ведь не можешь не думать об этом.

Мог. И не думал. Так же как, когда они узнали о болезни они сначала верили, что это ошибка, потом в то, что организм сам справится, потом, что обязательно изобретут нужные лекарства. И сейчас он верил лишь в один единственный появившийся у них шанс.

Оля некоторое время сверлила его взглядом, а потом резко прильнула.

— Что бы ни случилось с нами дальше, знай, что ты все сделал правильно. Я всегда в тебя верила и буду верить до конца своих дней. И любить.

— Я тоже, — хотел сказать Георгий, но его прервал шум. Он перевел глаза за окно. На них с горы катился огромный валун.

Вскрикнула Ольга. Георгий еще смотрел на жену, когда пальцы уже отключали автоматическое управление. Он схватил руль, резко выкручивая его в сторону, пытаясь увернуться от камня и выскакивая на встречную полосу. Где на полном ходу влетел в вывернувшую из-за поворота фуру.

Барьер.

Георгий из последних сил потянулся к жене, пытаясь закрыть ее собой. Сознание мутилось. Рисунок никак не хотел выстраиваться в четкий контур.

Оля.

Глава 13

Нешадно болела голова. Все вокруг плыло. Словно он был в тумане, рядом с Источником. Георгий открыл глаза, пытаясь сфокусировать зрение на предметах вокруг себя. Холодные, темные стены, узкая жесткая койка, заправленная казенным бельем неопределенного мрачного цвета, на окне — железная решетка. Он остановил взгляд на сером потолке и какое-то время так и лежал, не двигаясь.

Воспоминания нахлынули потоком. Лучи солнца на стекле. Горы. Осыпающиеся камни. Пальцы, сжимающие руль. Удар. Руки в крови. Ольга.

Георгий резко сел. По голове словно молотом прошлись. На шее неприятно кольнуло. Он провел рукой, нащупывая тонкий металлический ошейник, с острой, длинной иглой у самой застежки, входящей в шею и тормозящей нервные окончания, отвечающие за воссоздание рисунка и построения контура. Блокатор способностей стража.

Распахнулась дверь. В комнату вошла медсестра с суровым, отстраненным лицом, а за ней охранник в форме стража.

— Где я? — отрывисто спросил Георгий, не дожидаясь пока она дойдет до него.

— Это лазарет для предварительно заключенных, — сухо ответила женщина.

— Что с моей семьей? Моя жена? Сын? Где они?

Медсестра четкими, отработанными движениями отсканировала показатели его состояния, сделала укол и отошла от койки.

— Нам запрещено отвечать на вопросы. Скоро прибудет врач.

— Просто скажите...

Закрывающаяся дверь стала ему ответом. Георгий откинулся на подушки. Сил не было ни на что. Лишь только прокручивать в голове одни и те же воспоминания, как заклинившую запись в проигрывателе. К счастью сил даже на это было ничтожно мало и скоро он погрузился в тяжелый сон. Который был прерван появлением того самого бородача из Макки.

Голова по-прежнему кружилась. Реальность то приближалась, то снова удалялась от него. Георгий закрыл на мгновение глаза и снова открыл, словно посетитель в его палате мог быть наваждением. Не помогло. Впрочем, сейчас даже это было не важным. Он с трудом сел.

— Я хочу знать...

Тяжелые руки легли на плечи и с силой опустили назад, припечатывая к подушке. В голове будто что-то оборвалось. Пришлось стиснуть зубы, чтобы не заорать от боли.

— Хотеть ты долго еще ничего не сможешь, Гронский, — спокойно ответил ему старый знакомый. — И лучше резких движений не делай, если уже к имеющемуся украшению не хочешь приобрести дополнительные.

Он кивнул на стол, на котором лежали наручники.

— Меня зовут Николай Алексеевич Моршанин, я следователь Центрального Управления Стражи Доминионов. Мне дали вести твое дело.

— Я хочу знать, что с моей семьей? — упрямо повторил Георгий.

Моршанин тяжело вздохнул.

— Когда приехала медицинская помощь, Ольга Гронская была уже мертва. В тебе еще

сканировались показатели мозговой активности и работа сердца. Правда никто не думал, что успеют довести тебя до лазарета. Архипов приказал собирать тебя по кускам, даже с использованием запчастей, если понадобится.

— Что с сыном?

— Его в машине не было. Скорее от сильного удара его выбросило наружу, и он скатился по склону в море. На камнях и траве нашли кровь, волосы и кусочки кожи. Экспертиза подтвердила, что эти следы принадлежат Артемию Гронскому.

Георгий закрыл глаза.

Чтобы не случилось с нами дальше, знай, что ты все сделал правильно. Я всегда в тебя верила и буду верить до конца своих дней. И любить.

Это я их убил.

— Гронский!!!

Крик следователя вернул его в реальность.

— С кем Оленев встречался в Макке?

Георгий нахмурился. Память с трудом давала нужную ему информацию. В голове билось лишь одно: их больше нет их больше нет их больше нет.

— Не знаю, — не хотелось ни о чем думать.

Моршанин ударил его ладонью по лицу. Жестко, без замаха. Резко поднял руку и вмазал. У Георгия все поплыло перед глазами. А в голове словно натянулась невидимая струна боли.

— Запомни, Гронский, ты больше не страж, не офицер, не спец боец. Ты сам перечеркнул свою жизнь, когда решил вступить не на тот путь. И связаться не с той компанией. На кого работал Оленев? Кому он должен был отдать Руны и диск?

Георгий поднял глаза на следователя.

— Я не знаю.

На этот раз удар был с размахом. Следователь не стал жалеть сил. Натянутая струна в голове резко оборвалась...

На следующий день следователь снова пришел в палату к Георгию.

— Мы знаем, что Оленев предал нас и собирался то, что принадлежит Дранкуру отдать другим людям. И сумел переманить тебя на свою сторону. Что он пообещал тебе за это?

— Этого не было.

Следователь ударил в живот. Георгий не устоял и рухнул на колени. Противно хрустнули ребра под повязкой. Моршанин пнул еще раз ногой. Гронский растянулся на полу. Грудь пронзило болью.

— Зачем ты ехал в аэропорт? Ты собирался в Вестленд?

— Мы летели с семьей на финал по бочке. Он проходил в Хардане.

Сердце болезненно сжалось.

Неужели это и вправду было в этой жизни? Неужели у меня были жена и сын? И мы хотели попасть на финал по бочке?

Георгий закашлялся, выплевывая кровь. В груди словно пылал огонь и каждый вдох давался все сложнее. Он сел на пол, опершись спиной на кровать.

— Ты из меня идиота решил сделать, Гронский? Нам известно, что Оленев не завершил свою миссию и не успел никому передать диск. Это должен был сделать ты? С кем ты должен был встретиться в Хардане?

Следователь опустил на корточки перед допрашиваемым. Сгреб за воротник

больничной рубахи.

— Ты мне все расскажешь. Так или иначе. Что ты вез в Вестленд? Где он?

— О чем вы? — прохрипел Георгий, с каждым его словом на губах появлялись и лопались кровавые пузыри.

Моршанин ударил кулаком в грудь.

— На кого ты работаешь?

— На Стражу Дранкура.

— Тогда верни то, что принадлежит нам, Гронский!

Следователь схватил его за плечи и с силой встряхнул. Сквозь черную пелену в глазах Георгий увидел, как распахнулась дверь и вбегающих в палату людей, которые оттащили от него Моршанина. Потом черная пелена стала плотнее, и он уже ничего не мог различить.

— Я ваш следователь Седов Александр Евгеньевич, мне дали вести ваше дело. Как вы себя чувствуете?

На стул около кровати опустился незнакомый мужчина в темно-синем строгом костюме. У него было внимательное лицо ищeyки с жесткими глазами. Словно сканерами, считающими собеседника изнутри.

Георгий тряхнул головой. Чувство было такое, что он еще не очнулся и видит один и тот же сон. Правда переменные в этом нескончаемом видении были разные, но смысл оставался тот же.

— Гораздо лучше, чем несколько дней назад, — довольно ехидно ответил он.

— Да, вам и вправду сейчас должно быть намного лучше. Ваше сломанное ребро пробило легкое, поэтому вы испытывали некий дискомфорт, но вам сделали операцию и заменили поврежденный орган. У вас сильный организм, как сказал ваш хирург и пересадка прошла очень удачно.

У Георгия на лице не дрогнул ни один мускул при этом известии. У него и в самом деле был сильный организм и крепкое здоровье. Он даже в детстве не болел ничем серьезнее насморка. У него никогда не было травм или наследственных заболеваний. Сильный, выносливый, крепкий — настоящий страж. С замененным органом его бы никогда не взяли на службу. Впрочем, в его положении имплантат не самая большая проблема.

— Опять играете в вашу извечную игру, добрый следователь — злой следователь. Вам никогда не надоест? Или этому специально учат? — вслух задал он вопрос.

— Не совсем понимаю, о чем вы, но я не добрый, Георгий. И не злой, не знаю какую роль вы определили мне. Мне очень важно, чтобы наказание понесли именно виновные. Я хочу разобраться во всем.

— Где же ваш коллега?

Седов очень внимательно посмотрел на него.

— Какой именно? У меня много коллег.

— Который приходил сюда до вас. Кулаки отбил?

— До меня у вас был лишь медицинский персонал и охранник. Вы его имеете ввиду? Это была вынужденная мера. Ваше поведение было неадекватно.

Он надо мной издевается?

— Мне ваш лечащий врач сказал, что ваши параметры жизнеобеспечения в норме. И вы уже готовы к общению.

Георгий хмуро посмотрел на следователя.

— Готов.

Следователь открыл ноутбук, стоящий на столе, и нажал на кнопку, оживляя изображение. На экране высветилась комната, стены которой были обшиты толстыми защитными пластинами с поглощающим излучение покрытием. В центре — большой стол, вокруг которого стояли люди в форме стражей. На самом столе — бокс.

Один из стражей подошел к ящику и поднес сканер к замку.

— Серийный номер 256698УД, — быстро забил номер в свой коммуникатор. — Был выдан Гронскому Георгию Сергеевичу после окончания рейда 2053ТР.

Щелкнули замки. Страж достал из бокса форму. Поднес сканер к небольшому чипу, зашитому в районе груди. На этот раз сканирование длилось чуть дольше.

— Форма принадлежит тому же Гронскому Георгию Сергеевичу, полковнику Дранкурского Управления, специалисту по контролю за транспортировкой и сохранностью Рун.

Другой страж надел защитные перчатки.

— Излучение от бокса превышает норму в девять раз, — оповестил он, проводя измерителем излучения по коробу, — излучение от формы максимальное — десять, что соответствует недавно отделенным от Источника Рунам

Прибор неожиданно громко пискнул. Сканирование было остановлено. Страж открыл один из карманов и высыпал из него россыпь камней.

Каждый камень был по очереди поднесен сначала к сканеру, потом к камере, где были зафиксированы степень его излучения, размер, объем, наличие письменных знаков.

Следователь вновь нажал на кнопку, завершая показ видео.

— Надеюсь, вы не будете отпираться, что это ваши вещи? Или говорить, что вам эти Руны подложили? Процедура была выполнена в соответствии с законом, при свидетелях и под запись.

— Это моя форма и мой бокс.

— Где вы взяли Руны?

— В Карьере. У Источника.

Седов едва заметно покачал головой.

— Хорошо, — он чуть подался вперед к опрашиваемому. — Расскажите мне теперь, что было в Карьере в ваш последний рейд?

Какую непонятную игру они ведут. С другой стороны правила мне все равно никто не объяснит. Если не этот следователь, то все равно будет другой.

Георгий, подробно рассказал с того момента, как их группа прибыла к Карьеру. Седов слушал, не перебивая до того самого момента, как допрашиваемый начал рассказывать, как у его ног упал рунный детонатор, как он смог создать дополнительный рисунок и защитить себя и тех, кто был за его спиной от взрыва.

— То есть вы при вашем пятом уровне смогли выставить барьер, который выдержал взрывную волну рунного детонатора по вашим же словам не менее седьмого уровня?

— Я вам говорю, я смог соединить рисунки сразу всех Искр. Видимо это меня и спасло.

Следователь недобро усмехнулся и что-то чиркнул в своем блокноте.

— Что было дальше?

— Меня отбросило взрывом, и я очнулся около первой стены Карьера. Я чувствовал себя очень странно. В голове стоял шум. Какое-то шипение или шепот, словно кто-то что-то говорил. И я пошел за этим гулом. Мимо всех кругов Карьера прямо к Источнику. На самом деле я очень плохо помню, что было дальше. Словно черная дыра в голове. Я помню Руны. И

что их было много. А потом полное забытие. Очнулся я уже в палате. Это все, что я помню.

Если начало своего признания Георгий говорил быстро и уверенно, то под конец речь его замедлилась. Вряд ли следователь всерьез воспримет его рассказ. Впрочем, чего они вообще от него хотят.

— Ладно, — наконец произнес Седов, когда молчание стало уже слишком затянувшимся. — Давайте пока предположим, что все было так, как вы говорите. Когда вы обнаружили у себя Руны?

— Вечером после возвращения.

— Разве вы не должны были сдать свою форму сразу по прибытии в Дранкур? Разве это не соответствует инструкции?

— Я спешил к своим, — Георгий тяжело выдохнул. Любое упоминание о семье выбивало его из колеи, и он терял остатки спокойствия. — Думал навещу их, а потом в Управление.

— Дальше, — сухо произнес Седов.

— Я ничего не помнил, что произошло, когда я зашел за первую стену Карьера. Воспоминания возвращались хаотично, обрывками. Уже ночью, когда я заснул, хотя это больше было похоже на состояние бессознательного бреда, я вспомнил, как я хотел отнести Руны к Источнику. Я открыл бокс, достал форму и получил подтверждение, что мне это не прислонило.

Следователь молча смотрел на него исподлобья.

— Почему не поехали в Управление, когда нашли Руны?

— Это было моей первой мыслью, — не стал отпираться Георгий, — но Руны — это был единственный шанс спасти моего сына. Я не смог от него отказаться.

Седов скривил губы.

— При чем здесь ваш сын и Руны?

Гронский тяжело выдохнул. И начал рассказывать следователю о своей встрече с Елариным, о предложении, которое тот ему сделал.

— Это был единственный шанс.

Седов некоторое время сканировал заключенного взглядом, словно и вправду пытаюсь рассмотреть его изнутри. Потом резко поднялся и вышел из палаты. Георгий остался один. И если честно он не знал, что лучше. Даже срывающий на нем злость Моршанин с его побоями был не самым худшим злом. Хуже всего было остаться наедине со своей болью и чувством вины.

— Прости, Оля, я так хотел спасти Артема, что забыл обо всем остальном. Хотел верить, что смогу вернуть нормальную жизнь нашему сыну. Я не спас его. И убил тебя.

— Чтобы не случилось с нами дальше, знай, что ты все сделал правильно. Я всегда в тебя верила и буду верить до конца своих дней. И любить.

— Нет, Оля, для меня нет никаких оправданий.

— Давай теперь обобщим все то, что вы мне рассказали в нашу прошлую встречу.

Через несколько дней Георгия привели в комнату для допроса, где его ждал Седов.

— Вы ударились головой о камень и начали разговаривать с Источником после чего решили принести ему осколки, чтобы соединить разъединенное целое. Заодно прихватили парочку себе, видимо для лучшего понимания объекта. Потом вы, наплевав на все правила службы, нарушили устав и на все забили. После чего, имея на руках то, к чему вы не должны были даже прикасаться, пошли на сделку с неизвестным вам мошенником, которого вы

вообще видели один раз в жизни и согласились на операцию, о которой ни одно медицинское сообщество, ни один исследовательский центр даже краем уха не слышал. Я ничего не упустил?

Георгий медленно кивнул. Что он мог еще сказать? Он бы и сам реагировал не лучше, услышав он подобное со стороны. Может вовсе не стоило этого рассказывать? Лучше было сказать, что он ничего не помнит. Руны он взял. Доказательство его вины есть. Что еще пытается следовать из него вытянуть? Думает, у него остались еще Руны?

— Решил играть в дурика, Гронский? — резко спросил Седов. — Сначала набрасываешься на врача. Потом придумываешь несуществующих людей. Теперь вся эта история с Источником и Рунами. Думаешь, поможет? Хочешь отсидеться в психушке?

— Не совсем вас понимаю.

— А я сейчас тебе все объясню, — следователь откинулся на стуле, не отводя глаз от задержанного. — Мы все знаем, Гронский. Нет смысла отпираться.

— От чего отпираться?

— Как давно ты работаешь на Вестленд?

Глава 14

— Ты — агент Вестленда. Пособник террористов, которые устроили бойню в Карьере, чтобы сорвать предстоящую сделку Дранкурского Содружества и Сверского королевства. Вестленду не нужны усилители на границе с Оркли, тогда теряется весь смысл их союза с кочевниками. Так как в этом случае вестлендцы все время будут под прицелом и не смогут развернуться во всей широте своего грандиозного замысла.

— Вестленд с Доминионами всегда держат оружие направленным друг на друга. Чем бы помешали островитянам наши усилители на границе с Оркли, если бы те стали частью Вестленда? На своей земле они могли бы делать, что захотят. Дранкуру еще пришлось бы потрудиться, чтобы иметь возможность законно использовать это оружие.

— Умный? — хмуро спросил следователь.

— Нет, — со вздохом ответил Георгий, — это всего лишь всем известные факты.

— Руны были похищены, сверы не получили оплаты, так как им нужны были камни напрямую из Источника. Их очередь на официальное получение еще не близка. Дору разрывает отношения с Дранкуром и заключает их с Вестлендом, у которого в случае подписания договора о вассалитете Оркли этих Рун становится довольно много. И вот у Вестленда уже новые союзники. Отличный куш. Надо лишь сорвать предстоящее получение Рун Дранкуром. Ведь передача считается осуществленной, когда комендант отдает камни прибывшим за ними стражам. Дальше уже вся ответственность лежит на них и на том государстве, которое они представляют.

— Когда наша группа зашла на внешнюю территорию Карьера комендант и охранники были мертвы. Нам никто не передавал Рун. Вы можете отследить это по времени. Часы из смерти и наше прибытие.

— И отследили конечно. Только ты и не должен был их убивать. Это сделали твои подельники. Ты должен был дойти до Карьера, вынести оттуда Руны и передать своим нанимателям.

— Нас там убивали, — напомнил следователю Георгий, — если я наемник Вестленда, то как бы я выполнил свою миссию будучи мертвым?

— Убили полковника Барниса. Был тяжело ранен лейтенант Илийский. А ты все время выходил сухой из воды. Иначе бы ты никак не спасся бы от эрдэ, который разорвался у твоих ног. Это был хорошо разыгранный спектакль. Но история, которую ты придумал про новые возможности Искр, очень красива. Главное ее не проверишь. Дальше ты заходишь на внутреннюю территорию Карьера. Там все страшно фонит из-за очередного сильнейшего выплеска энергии Источника, но тебе в защитной форме стража, да еще с твоим уровнем это не страшно. По крайней мере ты так считаешь. Ты находишь Руны, но длительное пребывание в зоне прямого излучения даже для тебя становится опасным. Я читал в отчете группы, приехавшей после вас, что тебя нашли у самых монолитов, без перчаток, шлема и в расстегнутой куртке. По их показаниям ты был глубоко не в себе. Ни на что не реагировал, не отзывался на их окрики и ни за что не хотел уходить от камней. Им даже пришлось тебя вырубить, чтобы оттащить от Источника.

Это было то, что Георгий никак не мог вспомнить. Но судя по тому, что ему сейчас говорил следователь это было уже не самое страшное.

— Стражи, прибывшие следом за вами, после того как оттащили тебя от Источника, погрузили в аэрокапсулу, чтобы отвезти в лазарет для облученных. В их обязанности не входило обыскивать тебя и твою одежду, к тому же ты нуждался в скорой медицинской помощи. И вместо положенной процедуры проверки тебя, опасаясь за твою жизнь, отправляют в лазарет. Правда, уровень излучения они отсканировали и зафиксировали. Подобные показания дал и пилот аэрокапсулы в своем рапорте по прибытии в Адентон, так как почувствовал сильный фон энергии Источника, исходивший от твоей формы. Что было совершенно логичным, учитывая твое пребывание непосредственно вблизи Источника. Дальше в лазарете все сделали ровно по уставу. Там как раз-таки очень любят соблюдать правила. Бокс открыли, зафиксировали количество условных единиц излучения, убедились, что они превышены, подписали протокол, по которому для рассеивания нужен специалист не ниже пятого уровня, и уточнили у ваших будут ли они оплачивать его работу или все сделают сами. Этим хапугам, как обычно, никто платить не собирался, поэтому бокс выдали тебе, и ты должен был его отвезти в Управление. Каждый твой шаг продуман и выверен. Ты знал, что самое сложное — взять Руны, устранив ненужных свидетелей. А вынести их за стены Карьера стражу твоего уровня уже не представляло никакого труда.

Седов прервался, не отрывая взгляд от обвиняемого.

— Есть, что сказать, Гронский?

Георгий покачал головой.

— Вы интересный рассказчик, Александр Евгеньевич, я послушаю вас.

— Скорее всего ты должен был отдать бокс с Рунами по дороге из лазарета. Но здесь вмешалась случайность — генерал Архипов предоставил тебе служебную аэрокапсулу. И твои планы были нарушены. Не успев получить новых инструкций, прибыв в Дранкур, ты сразу поехал в больницу, где была твоя семья. Хорошее оправдание за отложенную поездку в Управление, чтобы не сдавать бокс и форму. Кто же тебя за это всерьез накажет? Ты весь в горе, весь не в себе, спешишь к умирающему сыну.

Георгий стиснул зубы. Сдерживаясь. Чтобы не рвануть через стол и не врезать по этой самоуверенной, холенной морде, вбивая назад его гнусные словечки. Только что это дало бы? То, что его пристегнут к стулу как собаку? Не лучший итог.

Седов весь подобрался, словно только и ждал от допрашиваемого подобных действий. Усмехнулся краешком губ и продолжил.

— А потом уже и ночь, есть время, чтобы получить необходимые тебе инструкции. Так?

— Нет.

— Тогда почему ты не отвез бокс в Управление на следующий день? Сразу с утра?

— Я вам уже говорил, что, когда понял, что у меня Руны не смог себя пересилить и отказаться от единственного шанса спасти сына.

Следователь закатил глаза и откинулся на стуле.

— Нет никакого Еларина Глеба, мы проверили.

— С кем же я встречался в кафе? Или вы скажете, что я его выдумал?

— Нет, не выдумал. Мы смотрели записи. Встреча и правда была. Но вот, что интересно, Гронский, вы так удачно заняли столик, что весь ваш разговор нельзя было ни только услышать, так как все перекрывал шум кафе, но и считать по губам, так как камера лишь частично схватывала твое лицо и затылок твоего собеседника. Что вы обсуждали на этой встрече? Это был агент Вестленда? Он вербовал тебя? Или просто передавал указания твоего нанимателя?

Георгий покачал головой.

— Меня никто не вербовал. Он представился, как Еларин Глеб и сказал, что может помочь моему сыну. Я вам уже рассказывал. Моя вина лишь в том, что я присвоил Руны себе с целью использовать их в своих личных целях. И это я признаю. Во всем остальном, что вы пытаетесь на меня повесить, я не замешан.

— У твоей жены в сумочке были найдены деньги и карта с довольно крупной суммой денег. Это оплата за содеянную работу?

— Мы продали квартиру в Дору, которая досталась Ольге в наследство и одну из машин. Я не выходил на службу последние два месяца, денег на лечение стало не хватать. Это можно проверить.

— Проверили, не переживай, Гронский. Это действительно так. Ведь за твое предательство родины тебе должны были заплатить Рунами.

— Я вам уже говорил, я ни на кого не работаю.

Следователь бросил на него скептический взгляд и положил несколько листов бумаги.

— Это распечатка твоего разговора с полковником Арсениным. Ты был очень недоволен Службой и обвинял Управление, что оно тебя подставило и отправило на убой. Будешь отрицать?

Георгий тяжело провел ладонью по лицу.

— Разговор отрицать не буду. Но это были не обвинения. Скорее недоумение вызванное столь необычной комплектацией стражей в рейде. И сожаление, что погибли мои товарищи.

— Разве руководство не должно комплектовать рейд, опираясь на свое видение ситуации и необходимостью достичь поставленного результата. Разве при последнем твоем задании были нарушены правила?

— Я просто высказал свое удивление.

— Ты говорил о побеге. У тебя уже все было спланировано и готовы пути отступления. Заранее пытался оправдаться за свое планируемое предательство?

— Перед Арсениным? — поморщился допрашиваемый. — А смысл?

— Вы же друзья. Неужели для тебя нет ничего ценного в этой жизни?

Георгий вскинул на следователя злой взгляд.

— Поэтому и не стал бы ему звонить, если бы у меня на уме было то, в чем вы меня обвиняете. Не захотел бы его подставлять, — с трудом справился он со своим раздражением. — Да и вообще бы не стал говорить на подобные темы. Зачем мне давать вам повод подозревать меня? Ведь понятно же, что если начнется проверка, вы в том числе будете прослушивать все разговоры.

— А что ты скажешь на это, умник?

С этими словами Седов достал три паспорта и разложил их на столе перед заключенным.

— Что это? — не спешил их брать тот.

— Это ты мне скажи, что это. Тебе виднее.

Георгий по очереди открыл документы. Под тремя фотографиями: его, Ольги и Артема были указаны другие имена, другие даты и места рождения, но самое главное все они были подданными Вестленда.

— Первый раз вижу эти паспорта.

— Что ты еще мог сказать? — нарочито удивленно протянул следователь. — Мы нашли их при обыске твоей квартиры. Пытался сбежать? Новые документы, деньги, новая жизнь

под крылышком твоих новых хозяев. К тому же если ты и в самом деле думал, что твоему сыну сделают эту операцию, тебе его надо было спрятать там, где никто не знал о его болезни. Потому что в нашем мире от синдрома Ларанга не лечат.

— Если в кафе я встречался не с доктором, который обещал помочь с болезнью сына, то зачем мне надо было делать три паспорта? Ему оставалось жить не более недели.

— У тебя были куплены билеты. Для всех членов твоей семьи. В Хардан.

— Потому что там проходил чемпионат по бочке. Билет на это мероприятие у меня тоже есть.

— Вести умирающего ребенка за тридевять земель, чтобы побывать на матче? А если бы он умер по дороге?

— Вам не понять.

Внутри в очередной раз все свело от боли. Как будто кто-то прокручивал огромную мясорубку, только вместо мяса заправлял его душу, стремления, надежды, привязанности, все то, что составляло его сущность, внутреннее я, без чего любой человек перестает быть личностью и остается пустой, выгоревшей оболочкой.

— Ладно, не хочешь говорить, Гронский, я сам тебе все расскажу. Тебе остается лишь кивать, где правильно, — уверенно произнес следователь. — Вестленду было очень выгодно сорвать сделку между Дранкуром и сверями. В этом случае Дранкурское Содружество остается в меньшинстве. Вестлендцы уже разъединили Альтхам, подмяв под себя Нортландию. Оросия же всегда была с ними заодно. Вся их политическая и финансовая элита выходцы из Вестленда. Оркли должен в скором времени стать их колонией, оставались лишь сверы.

— И так подставиться? — не выдержал, прервал повествования следователя Георгий. — Все сразу же будут показывать пальцами на них. Что собственно говоря и случилось.

— А здесь очень тонкий расчет — подставить Дранкур. Что это мы все устроили, чтобы обвинить в содеянном их и сорвать подписание договора между Оркли и Вестлендом. Зачем же им все это устраивать, если на кону столь крупное и значимое событие? Так все и должны думать. Им нужно было лишь правильно найти исполнителя. Того, кто согласится продать свою Родину, но не за деньги. Должно было быть что-то большее, что-то более ценное. И слабым звеном оказался ты — Гронский. Со своими семейными проблемами и желанием вылечить умирающего сына. Если быть честным, я вообще не могу понять, как тебя допускали к службе. Ты ведь не стабилен и представлял опасность как для Стражи в целом, так и для тех, с кем ты ходил в рейды. Ну, это дело не нашего отдела, с кадрами пускай они сами разбираются. Тебе вкладывают в голову мысль, что решение твоей проблемы есть и что надо всего лишь вынести Руны из Карьера. И твой сын — жив и здоров. Даже если ты откажешься сразу, то эта мысль все равно будет сидеть в твоей голове, разъедать своим черным ядом изнутри. И когда пришло время, и камни были у тебя, то отказаться от соблазна ты уже не смог. Собственно, о чем ты сам и сказал.

Следователь замолчал, испытывающе смотря на обвиняемого.

— Тебе есть, что сказать, Гронский?

— Если согласиться с вашими раскладами, то получается, что для Вестленда я — ненужный и опасный свидетель. Королевство с Дранкуром тычут пальцами друг в друга, а Комитет решает кому это было больше нужно, и кто в самом деле виноват.

— Ты должен был погибнуть в той аварии, как и твоя семья, как любой человек, на твоём месте оказавшийся бы в машине. Но твои способности стража помогли тебе выжить. И

теперь для Вестленда складывается очень непростая ситуация. Твоя вина доказана, Гронский. Улик хватает и через несколько дней на очередном собрании Комитета Дранкур выдвинет обвинение Вестленду в попытке разрушить союз между Дранкурским Содружеством и Сверским королевством, нападении на Карьер, убийстве нескольких тысяч людей, похищении Рун. Ты сам понимаешь, что как их наемник ты будешь отвечать так же по всем пунктам. И тебя ждет вышка.

— Я уже понял, — усмехнулся Георгий, — к чему вы все это ведете.

— Да, Гронский, я предлагаю тебе сделку.

С этими словами Седов положил перед ним бумагу и ручку.

— Ты признаешься в содружестве с Вестлендом. Просто напиши, как все было. Как тебя завербовали и дали задание сорвать сделку между Содружеством и Сверским королевством. В обмен они обещали спасти жизнь ребенку. Суд учтет твое чистосердечное раскаяние и желание помочь исправить сотворенное. Получишь максимум пять-шесть лет в Карьере. Это справедливо. Заслужил. Зато потом сможешь попробовать начать новую жизнь. С белого листа и с очищенной совестью.

— А тело моего сына нашли? — неожиданно спросил обвиняемый.

На этот раз следователь выглядел удивленным по-настоящему.

— Тебе же уже сказали. Он вылетел из машины при ударе, упал на склон и скатился в море. Ты думаешь тело можно найти при таких обстоятельствах?

— От дороги до склона примерно десять метров. Он не мог туда никак попасть. Да и сам склон не гладкий каток, по которому так легко скатиться в море.

Седов остановил на заключенном тяжелый взгляд.

— На склоне нашли кровь Артема Гронского. Это подтверждает экспертиза. Дело закрыто. И если ты пытаешься хотя бы частично освободить свою совесть и взять на себя только смерть жены, то забудь об этом. Они оба погибли. И виноват в этом только ты. Или ты вправду думал, что кто-то будет лечить твоего сына? Надо было думать о семье раньше, прежде чем соглашаться на подобные предложения.

Георгий отодвинул от себя бумагу.

— Я взял Руны в Карьере. Я там был, у самого Источника и там были эти камни. И этому есть свидетели. И все, что я хотел — помочь сыну. Я не работаю на Вестленд. Еще я имею право на адвоката.

Глава 15

Адвокат у Георгия был уже на следующий день. Высокий, поджарый мужчина лет пятидесяти, с небольшой проседью в темных волосах и аккуратной бородке, и судя по дорогому костюму, кожаному портфелю с логотипом известного бренда и часам, выглядывающим из-под манжеты рубашки, брал за свои услуги немало.

— Добрый день, Георгий, меня зовут Виктор Григорьевич Малешский, я ваш адвокат. Ваши родители передают вам большой привет и просят вас держаться и помнить о них. Ваша мама очень хотела с вами встретиться, но, к сожалению, пока свидания вам запрещены.

Георгий представил себе голубые глаза мамы, которые несмотря на свой льдистый цвет никогда не были холодными. По крайней мере для него. Ее как всегда идеально ровную спину, горделивый поворот головы, выражение лица, умеющее не выказывать ни одной эмоции в любых жизненных ситуациях. И осунувшегося отца, который не умел воспринимать превратности судьбы с таким воистину королевским спокойствием как мама.

Как они переживут случившееся? Потерю сына, дочери, которой за прожитые вместе годы для них стала Ольга, внука, весь их рухнувший мир. Единственное на что надеялся Георгий на их уникальное умение держаться друг за друга, быть друг для друга всем, заполнять собой мир другого. Он тоже всегда так хотел.

— Я ознакомился с материалами вашего дела, — адвокат деловито достал бумаги из портфеля и разложил их на столе. — Вы сами понимаете, что оно очень непростое и для того, чтобы я смог вам помочь, вы должны быть со мной предельно честны. Наш разговор не прослушивают, можете не опасаться, что сказанное вами будет использовано против вас. Наша с вами беседа конфиденциальна. Это ваше право.

Георгий недоверчиво усмехнулся.

— Вы правда думаете, что здесь будут учитывать мои права?

— Георгий, я потомственный адвокат уже в четвертом поколении, с наследственной Искрой. Основная разум и небольшие природные вкрапления. Дар нашей семьи заключается в том, что мы чувствуем эмоции человека. Любые. Даже если носитель сможет их скрыть под маской равнодушия. Это как некое информационное табло в моей голове. Я сразу чувствую, когда зажигаются огоньки.

Он достал из портфеля небольшой прибор. Нажал на кнопку включения.

— Этот аппарат считывает любые записывающие устройства. А прослушку я почувствую сам. Человек — это эмоции, даже если он скрыт за проводами и приборными панелями. Я уловил от вас волну восхищения. Я не ошибаюсь?

Георгий не стал отпираться.

— Всегда уважал настоящих профессионалов.

— В Дранкуре всего три фирмы, подобной нашей. Еще совсем недавно было две, но конкуренты поджимают. Правда, у них несколько другие особенности и специализации.

Теперь уже Георгий удивился. Сколько же стоит этот уверенный в себе дядя со своим портфелем, набитым современными технологиями и своей Искрой. И откуда родители возьмут столько денег, чтобы он смог вести его дело.

— Теперь вы удивлены, обескуражены. А еще ощущаю некую неловкость, стыд, раскаяние. Опасения.

— Переживаю за родителей.

Адвокат тонко улыбнулся.

— Мне кажется, вы не очень хорошо знаете свою маму. После нашего с ней разговора у меня сложилось впечатление, что вашим недругам повезло, что ваша мама решила спасти вас через меня.

В том-то и дело, что хорошо знал. И знал, что она не умеет отступать. Поэтому и было страшно. Те колеса, под которые кинули его, имеют свойство перемалывать все на своем пути.

— Хорошо, тогда начнем, — Виктор положил перед ним диктофон и нажал на кнопку записи, — мне стало известно, что после того, как вы пришли в себя после операции вы напали на врача, который пришел вас осмотреть. Охраннику пришлось применить силу, и он нанес вам травму, после чего вам заменили легкое. Расскажите, что произошло.

Георгий ошарашенно смотрел на адвоката, словно тот вдруг заговорил с ним на другом языке.

— От вас сейчас исходят такие волны возмущения, что не надо обладать особым даром, чтобы их почувствовать, — усмехнулся адвокат. — Так что случилось?

— Моршанин Николай Алексеевич, он представился моим следователем и устроил допрос с пристрастием в первый же день, как я пришел в себя после аварии. Но так старался, что чуть не отправил меня на тот свет. Про имплантат вы уже знаете. После операции пришел Седов, представился моим следователем и начал меня допрашивать. Причем ни словом, не обмолвившись о случившемся. Как будто Моршанина и не было вовсе.

— В вашем деле сказано, что лекарства, которые вам вводили после операции могли дать побочный эффект в виде агрессии, галлюцинаций, неосознанного бреда. Возможно именно они вызвали подобную реакцию, и вы напали на врача.

Георгий нахмурился, вспоминая тот день.

— Я пришел в себя. В палату зашла медсестра, измерила мои показания и сказала, что скоро придет врач. Она сделала мне какой-укол. Я отключился. А потом пришел Моршанин.

Он растеряно провел рукой по волосам. Тот допрос, который устроил ему бородач в Макке никак не выходил у него из головы. Неужели и вправду эта встреча была лишь плодом его галлюцинаций? Спровоцированная препаратами и его воспоминаниями?

— Теперь я чувствую ваши сомнения.

— До нашей с вами встречи, я был абсолютно уверен в том, что со мной произошло. Это и правда может быть всего лишь моим воображением?

— Если вы ранее встречались с этим человеком, и он ассоциируется у вас с опасностью, ваш мозг мог смоделировать подобную ситуацию.

— Месяц назад я был на служебном задании. Там я на самом деле встречался с этим Моршаниным и он тоже устроил мне допрос с пристрастием, применив запретное вещество что-то вроде «сыворотки правды» только более мощное.

— Этот допрос был похож на прошлый?

— Он вел себя жестко и беспринципно, но рук не распускал.

— Вы потом думали о произошедшем? Это вас тревожило?

— Да, постоянно, — кивнул Георгий, — я схожу с ума?

Я путаю реальный и вымышленный миры. У меня постоянные провалы в памяти. Я беспрерывно прокручиваю в голове то, что со мной случилось, начиная с Макки.

— Не думаю. И я все обязательно проверю. Сейчас, как ваш адвокат я обязан вас

спросить: вы считаете себя виновным в преступлении, в котором вас обвиняют?

— Я не работаю на Вестленд. И не являюсь их агентом.

Адвокат пристально посмотрел на него.

— Из вашего допроса я понял, что все началось с вашей встречи с Елариным, а потом цепь трагичных событий привела вас сюда.

— Еларин очень настойчиво и довольно профессионально пытался вложить в мою голову, что я могу спасти сына. Он рассказывал мне об Источнике, Рунах, зонах отчуждения, делился закрытой информацией. И подвел все к тому, что у меня есть шанс и теперь мне осталось лишь принять правильное решение. Он хотел, чтобы я отдал ему сына.

— И вы его послушали?

— Не совсем, — Георгий качнул головой, — дело в том, что в той поездке, о которой я вам только что говорил, я встретил ученого, который занимается изучением Источника, Искр, их влияния на человеческий организм, в том числе и синдромом Ларанга. Теории Еларина очень совпадали с теорией Фернсби, только в отличие от первого, тот на меня не давил и ничего не требовал, не убеждал, не рассказывал сказок. Я позвонил ему и сам попросил помощи. Он согласился посмотреть Артема и после сказать сможет он помочь или нет.

— Его имя?

Георгий медлил с ответом.

— Он вряд ли имеет ко всей этой истории какое-то отношение. Если о нем станет известно, у него могут быть большие неприятности

— Вы договаривались с ним о встрече?

— Да, Ольга с Артемом должны были лететь в Оркли, чтобы с ним встретиться. А я хотел добраться через зоны отчуждения.

— Он знал, что у вас будут Руны?

Георгий кивнул.

— Я сказал, что согласен на экспериментальную операцию и что у меня есть камни.

— Он один из тех, кто знал про ваши планы и про то, что у вас есть Руны. Его нельзя сбрасывать со счетов, по крайней мере пока не докажем обратное.

— Давен Фернсби.

Адвокат сделал отметку в своем планшете.

— Вы можете не беспокоиться, как я вам уже сказал, наше с вами общение абсолютно конфиденциально. И я раскрою имя, только если у меня будут неопровержимые доказательства его вины. Кто еще знал о том, что вы поедете в то утро в аэропорт?

— Мы собирались лететь в Хардан на финал по бочке. Это была официальная версия для всех остальных.

— Кто знал о вашей поездке?

— Мой друг, Олег, это он купил нам билеты на матч. Еще мои родители. К тому же, как оказалось, за мной все время следили из Управления, как только я вышел из лазарета, даже прослушивали мои звонки.

— Как же они не засекли ваш разговор с доктором Фернсби? — уточнил адвокат.

— Я звонил с другого номера.

— Почему? Вы подозревали, что за вами идет слежка?

Георгий тяжело выдохнул. Покачал головой.

— Я знал, что иду против закона и Стражи. Взять Руны, присвоить их себе,

использовать на личные нужды — одно из самых серьезных преступлений нашего мира. Я подстраховывался.

— Хорошо, — Виктор кивнул. — Теперь расскажите мне, как у вас оказались Руны?

— Я взял их в Карьере, — в который раз повторил Георгий, — во время последнего рейда.

— Расскажите мне все подробно о том рейде.

Гронский тяжело положил голову на руки. Снова одно и тоже по кругу. Как белка в колесе. Как может совершенно далекий от Стражи человек понять, что такое их служба, рейд, барьеры? Он начал свой рассказ в очередной раз. Делал паузы, возвращался назад, когда адвокат на самом деле что-то не понимал или уточнял детали.

— Вы помните, как выносили Руны? — наконец спросил он, когда Георгий закончил.

— Я помню Источник и россыпь этих камней повсюду.

— Но как вы их клали себе в карман и выходили с ними не помните?

— Нет.

Адвокат сделал несколько пометок на своем планшете.

— Ваш рассказ почти стопроцентно совпадает с тем, что написано здесь. Не считая вашего разговора с Фернсби.

— Потому что я не вру. Не отрицаю своей вины, но и чужой на себя брать не хочу.

— Тогда, может есть то, о чем вы еще не рассказали следователю? Любая мелочь может помочь. Подумайте хорошо.

Георгий некоторое время смотрел на адвоката. Потом отвел глаза, переведя взгляд на шершавую поверхность стола. Выбил четкую дробь пальцами.

— Судя по вашей реакции вам есть, что сказать.

— Вы так спокойно выслушали ту часть моего рассказа, где я говорил о моем пребывании у Источника и о том, что я с ним разговаривал и даже бровью не повели. А Седов в открытую назвал меня сумасшедшим. Вы так не считаете?

— У меня с вашим следователем разные задачи, — спокойно ответил Малешский, — по мне на сумасшедшего вы не похожи. К тому же я чувствую, что вы говорите правду, по крайней мере, вы в нее сами верите. Однако если дальнейшее развитие событий повернется так, что нам будет выгодно использовать подобный аргумент в нашем деле, я вам сообщу.

— Я — страж. И я более десяти лет служил в Управлении. Одной из моих обязанностей было сопровождение Рун от Карьера до страны получателя. Либо как основной получатель, когда я вез камни в один из доминионов Содружества, либо как независимый наблюдатель, если рейд был в другую страну. Но чья бы очередь на получение Рун не была, действия всегда одни и те же. Объем бокса, вес, количество самих камней, их размеры, условные единицы излучения, его мощность — все учитывается. Любая мелочь, так как всем известно Источник осыпается редко, и чтобы накопить хотя бы на один стандартный бокс надо время. Очередность между государствами строгая и кратность получения у всех разная в связи с чем идут постоянные скандалы на любых заседаниях Комитета.

Адвокат внимательно слушал, не перебивая. Георгий слегка ушел в себя, пытаясь снова вспомнить, воспроизвести в своей голове то, что постоянно видел в своем сознании словно через мутное стекло.

— Когда я стоял у Источника, вокруг было очень много камней. Их хватило бы не на один бокс и не на одну передачу. Откуда они взялись? Почему их было так много? И почему опять был этот выплеск энергии, который убил столько людей?

— Что вы этим хотите сказать? — защитник ошутимо напрягся.

— Что это все было создано искусственно. Отколотые камни, ответная агрессия Источника.

— Кем?

Георгий пожал плечами.

— Я не участвую в этих играх. Например, Седов говорит, что это было выгодно Вестленду, чтобы легче было поработить весь мир и отодвинуть нас на задворки. Такая же официальная версия и самого Дранкура. Только вот присоединение Оркли — беспрецедентное событие. Кочевники ведь, если это было бы разрешено, ели бы из рунных тарелок. Я имею виду, что они как страна, расположенная ближе всего к пустыне и Источнику и сильнее всех пострадавшая от первых выбросов энергии, получают Рун больше остальных. И продают их по бешеной цене другим странам, согласно международной конвенции, которая не запрещает подобных сделок, если они будут согласованы с Комитетом. Оркли уже давно признано самым богатым государством мира. Но к ним постоянно едут ото всюду со всякими миссиями: гуманитарными, медицинскими, образовательными и прочими. Почему? Да потому что дружить с Оркли очень выгодно. И вдруг Вестленду удастся договориться с орклийским руководством на предмет их присоединения к ним. Не знаю уже, что они им предложили. Даже представить трудно. Слава Богу это не моя головная боль. Но скажите мне, Виктор, разве стоит подобная сделка каких-то дутых планов по завоеванию мира, непонятных амбиций, да даже вражды с Дранкуром?

Теперь адвокат быстрыми, широкими росчерками делал какие-то записи в своем блокноте. Георгий заметил, что он постоянно меняет места для своих заметок. К тому же на столе лежал включенный диктофон.

Малешкий закончил писать и поднял на него глаза.

— Вестленд хочет, чтобы ваше дело передали в международный суд и была создана независимая комиссия, которая будет вести расследование. Дранкур против. Говорят, что вы слишком ценный свидетель и что они готовы добровольно делиться всеми материалами. Теперь если с вами что-то случится, даже по вине несчастного случая — это вызовет громкий резонанс и все уже косо будут смотреть на Дранкур. Скорее всего в скором вам предложат подписать признание, запугивая высшей мерой наказания.

— Уже, — подтвердил Георгий его догадку.

— У вас есть еще что-то мне рассказать?

Заклученный задумчиво кивнул.

— Да есть еще кое-что. И для меня это самое значимое во всем этом деле.

Адвокат вопросительно приподнял брови.

— Я помню, как произошла авария. Мы с женой разговаривали, машина была поставлена на автоматическое управление.

Неужели это было? Оля, Артем, будущее, которое мы себе представляли. Где это все? Когда успело превратиться в этот крошечный ад?

— Потом с горы на нас стал падать огромный камень. Чтобы он нас не задел, я был вынужден вырулить на встречу. Последний поворот перед аэропортом. А там выезжала эта фура. Темка сидел за Ольгой, и я вывернул наш автомобиль, чтобы удар пришелся по моей стороне. Я помню этот момент, когда произошло столкновение, автомобиль перевернулся и нас отбросило к скале. Тема никак не мог выпасть в море. Если от удара его и выбросило из

машины, что тоже маловероятно, то он бы вылетел на камни, но никак не на склон, по которому он якобы скатился в море. Я уверен — он остался жив.

— Что вы этим хотите сказать?

— Уверен, если провести расследование на месте аварии более тщательно, мои слова подтвердятся. Артем никак не мог выпасть из машины в море. Зачем кому бы там ни было похищать ребенка, жить которому осталось не больше недели? Еларин при нашей встрече настойчиво повторял мне, что ему нужен мой сын. И эта мысль единственная, которая заставляет меня жить и бороться. Я не могу его бросить, я должен его найти.

Глава 16

Через несколько дней Георгия перевели из палаты в одиночную камеру, где как ему сообщил следователь, он будет находиться до суда. Он то метался из угла в угол, как загнанный зверь. То лежал на койке, не двигаясь и закрыв глаза, полностью погруженный в свои мысли и воспоминания. То сидел на полу, прислонившись спиной к стене, постоянно мучая себя одним и тем же вопросом.

Имел ли он право распоряжаться жизнью Ольги? Имел ли право так рисковать? Пусть даже желая спасти сына. Ведь она не имела возможности просчитать все риски, когда согласилась на его предложение. Не понимала до конца всей опасности. Он, просто пользуясь ее верой в него, заставил принять это решение.

Конечно же он не имел на это права. И ее смерть полностью его вина. Он возомнил себя Богом и решил, что сможет обмануть судьбу, предначертанную им, и теперь будет расплачиваться всю оставшуюся жизнь. Было лишь одно утешение. Что не долго. Впрочем, если верить теории о божественном происхождении человека и существования ада и рая, то нести заслуженное наказание он будет гораздо дольше, чем представляет.

— Гронский на выход.

Прошло почти две недели, когда о нем вновь вспомнили.

— При нашем последнем разговоре ты сказал, что слышал Источник и что ты можешь создавать рисунок из всех своих Искр, — взгляд Седова, как обычно, пронзал насквозь.

— Да говорил.

— Что ты еще видел у Источника? Может что-то необычное?

Георгий пожал плечами.

— До этого я никогда не был в самом Карьере, в мои обязанности по сопровождению входило дойти до коменданта, взять у него бокс с Рунами и довести до нужного места. Я не знаю, как там обычно. Три стены, зона бункеров, сам Источник, трупы. Не думаю, что это норма, но, наверное, вы не об этом спрашиваете?

Следователь слегка сузил глаза.

— Я спрашиваю про Руны. Как ты мог их взять без защиты?

Гронский поднял на него изумленный взгляд.

— Я очень плохо помню свое пребывание у Источника. О чем я вам уже говорил. Я был словно вне своего сознания. Я помню Источник. Гул в ушах. Руны я увидел уже здесь на видео, на котором снято изъятие.

— Или тебе их просто отдали уже упакованные в бокс. Так будет правдоподобнее.

— Так будет удобнее для вас.

Седов молчал, крутя в руках ручку.

— Мы хотим провести следственный эксперимент, — наконец медленно произнес он. — Ты готов поспособствовать следствию?

Георгий неопределенно пожал плечами.

— На это требуется мое согласие? Или это все равно будет, просто чуть позже, когда достанете необходимую бумажку?

Следователь неопределенно хмыкнул.

— Ты продолжаешь настаивать, что взял Руны сам в Карьере. Когда прибыла другая

группа стражей, они видели тебя без перчаток, шлема и в расстегнутой куртке.

— Наверное, — дернул плечом Георгий, — если свидетели это видели, значит было.

— Конкретного твоего взаимодействия с камнями они не видели. Их задача бала просто оттащить тебя от Источника. Так же как они и не видели, что ты делал в Карьере после того, как зашел туда? С кем встречался? Сколько у тебя на это времени ушло. Все, что с тобой происходило у Источника — просто отлично разыгранное представление. Чтобы замести следы. После столь фееричного шоу, кто будет смотреть на что-то еще.

— То есть доказательств, что мне передали уже упакованные Руны, у вас тоже нет?

Седов зловеще усмехнулся.

— Тебя сейчас отведут в комнату, где будут лежать Руны. Тебе нужно будет дойти до них и взять в руки. Для чистоты эксперимента формы на тебе не будет. Но блокатор мы снимем, и ты сможешь пользоваться своим способностями стража. Согласен?

Способностями стража, которых у меня наверняка больше нет. На что они надеются? Что меня сотрет в порошок при прямом контакте с Рунами?

Георгий кивнул.

Комната вся была обшита защитными пластинами. Перед самой дверью с Гронского, как и обещал Седов, сняли блокатор, и он вошел внутрь. На столе лежал открытый бокс с камнями. Теми самыми, которые нашли в его машине.

Он не успел сделать и шага, когда его впечатало в стену. Давление энергии, идущей от Рун было настолько сильным, что он не мог даже пошевелиться. Распластанный по стене, Георгий пытался выстроить рисунок, но раз за разом происходила осечка и контур распадался, не успев выстроиться в четкое очертание.

Перед глазами стояла плотная красная пелена. А внутренности казалось сейчас расплющатся и вытекут вместе с хлещущей из носа и ушей кровью.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

Только этого сейчас не хватало

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

Георгий оторвался от стены и сделал шаг вперед.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល
ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

— Воронка.

Георгий с трудом разлепил веки. Перед его глазами завис шлем стража. Сам он, судя по ощущениям, лежал на полу, а владелец шлема стоял рядом на коленях, накладывая на него контуры своего рисунка.

— Он приходит в себя.

— Давай еще раз.

— Воронка.

Обновленный контур рисунка впечатался в тело Георгия, впитывая в себя лишнюю энергию Рун, как тому показалось вместе со всеми внутренними органами. Да, работа Рассеивателя — это не то, что хочется испытывать на себе.

— Я в порядке, — прохрипел он. — Больше не надо.

Рассеиватель поднялся. Повернулся ко второму стражу, который как показалось Георгию смотрел именно на него, не отрывая глаз. Из-за шлема трудно было понять.

— Встать сможешь? — участливо спросил тот, кто ставил воронку и снял шлем. — Привет, Гер.

— Димыч? Ты здесь какими судьбами? — за все дни пребывания здесь Гронский еще ни разу не видел никого из родного Управления.

— Надо было забрать отсюда Руны. Вот мы и напросились.

Георгий перевел взгляд на второго стража. Ему не показалось. И теперь он точно знал, кто скрывается за шлемом.

— Привет, Олег.

Полковник Арсенин сделал шаг вперед, протянул руку и буквально выдернул Георгия на ноги. Снял защиту.

— Скотина, ты Гронский! — его лицо дрогнуло, но он сжал губы, сдерживая все то, что хотел сказать.

Правда выражение глаз спрятать не смог.

— Ты почему не выставил барьеры? — вместо всех обвинений быстро спросил он.

— Не смог, — честно ответил Георгий. — У меня здесь был несчастный случай. Легкое заменили. Видимо что-то изменилось в рисунке. Мне об этом правда не сообщили.

Дима присвистнул. И они переглянулись с Олегом.

— Это что же за несчастный случай такой? — спросил Арсенин.

Георгий пожал плечами. Вряд ли сейчас стоит об этом говорить. Да он и не смог, даже если бы и захотел. По коридору уже шли люди и вскоре к ним присоединились охранники.

— Порядок? — спросил один из них.

Георгий кивнул, сделал шаг в сторону от друзей. Второй конвоир надел блокатор. Гронский непроизвольно бросил взгляд на перекошенное лицо Олега. Дима отвел глаза.

— Рад был вас видеть.

— Господин генерал-майор, можно войти?

Архипов обреченно оторвал глаза от бумаг.

— Полковник, неужто мой секретарь вышел за кофе?

— Кирилл Игоревич, мне очень надо поговорить с вами, — Арсенин решительно закрыл за собой дверь. Он пытался попасть на аудиенцию к генералу уже вторую неделю подряд, но тот постоянно избегал встреч.

— Догадываюсь, о чем вы так настойчиво хотите поговорить, Олег Николаевич. Вернее, о ком.

— О Гронском, господин генерал-майор.

Архипов отложил в сторону бумаги и ручку.

— И ты по-прежнему считаешь Гронского своим другом? Изменника Родины, предателя, иностранного агента, покусившегося на самое святое, что есть у человека? Не боишься, что и тебя заодно с ним определят?

— И да, и нет, — четко ответил Олег.

— Не понял?

— Да, считаю его другом. Нет, не боюсь. Так как уверен в его невиновности.

— Ну, проходите, Олег Николаевич, присаживайтесь, — генерал жестом указал на стул, — у вас есть доказательства?

— Я знаю Гронского уже много лет, еще с училища. Я знаю, как он относился к своей службе. И всегда считал, что ему очень повезло, что он смог стать стражем.

Архипов скривил губы, но перебивать не стал.

— Но самым главным в его жизни — всегда была семья. Если бы он на самом деле был причастен к тому, в чем его обвиняют, он никогда бы не стал рисковать женой и сыном. Никогда бы не посадил их с собой в ту машину.

Олег замолчал. Генерал выжидающе смотрел на него.

— Это весомые улики, полковник, — скептически заметил он, когда понял, что продолжения не будет.

— В последние месяцы Гронский был сам не свой. И я понимаю, присвоить себе Руны с какой бы то ни было целью — преступление. Но то, что на него вешают — это уже вышка.

— Ему сказали, что он должен сделать, чтобы облегчить свою участь. Он отказался. Правда, что по мне это было бы справедливо. С изменниками нельзя по-другому. И никакие смягчающие обстоятельства не должны играть никакой роли. Он — страж. Он должен был служить Родине. Он давал присягу.

Олег бросил цепкий взгляд на генерала.

— А вы проверяли тех, из группы зачистки, которые приехали после? Которые снимали с Гронского форму и укладывали ее в бокс?

— С ними работал следовательский отдел.

— А после их проверяли? Не случилось ли у кого внезапного наследства или крупного выигрыша в лотерею? Может, кто из них купил дом на берегу океана? Или что-то еще в этом духе?

Генерал хмуро смотрел на посетителя.

— А водителя той фуры, которая смяла машину Геры? Что с ним?

— С ним все чисто. Устал. Заснул по дороге. А тут Гронский на встречу вылетел.

— Не проверяли значит, — тихо процедил Арсенин, — этих следаков самих бы проверить.

— А вы, полковник, — в голосе Архипова послышались стальные ноты, — кого подозреваете? Не Управление ли? Кого хотите обвинить, чтобы обелить вашего дружка? Стражу Дранкура? Или может сам Центр? Вы хотите лишиться погон? Или уже сразу составить компанию Гронскому?

— Нет, Кирилл Игоревич, — Олег стиснул зубы, так что было видно, как заиграли желваки на скулах.

— И еще: за твое самоуправство отстраняю тебя от службы на три месяца. Посидишь дома — остынешь. А если нет, вспомни участь Гронского, может поможет тебе остыть.

— Простите, господин генерал, я вас не понимаю. Какое самоуправство? Вы, о чем?

— О новых рисунках Искр Гронского. Мне Матвей Сергеевич рассказал, что ты у него спрашивал про них. А после, как он тебе отказал, с подобными просьбами обращался к его младшим сотрудникам.

Олег скривил губы.

— По-хорошему тебя со службы надо и вовсе выгнать с соответствующей характеристикой. Но сейчас времена уж очень беспокойные настают. И терять сразу двоих пятого уровня мне очень бы не хотелось. Вы меня поняли, полковник?

— Так точно, господин генерал! — вытянулся в струнку Арсенин. — Разрешите идти?

— Разрешаю, — Архипов вновь положил перед собой бумаги. — Все время заключения

Гронский всегда будет в блокаторе. Он бывший страж, кто же будет так рисковать и давать ему возможность даже теоретическую, пользоваться своими силами?

После ухода визитера Кирилл Игоревич некоторое время задумчиво смотрел на гладкую поверхность стола, не делая даже попыток открыть папку с документами, которую он положил перед собой. Потом протянул руку к ноутбуку, включая видео, которое он уже не раз успел просмотреть.

Экран вспыхнул и на картинке появилась небольшая комната с одним столом и боксом, стоящим на нем. И бывший полковник Стражи в обычной одежде безо всякой защитной формы, подходит к боксу и свободно берет Руны в руки, как обычные камни.

Он легко коснулся экрана браслета на своей руке. Вспыхнул дисплей смарта. Архипов несколько раз ткнул пальцем в экран, поправил наушник.

— Приветствую, — несколько сухо произнес он, после того, как поймал короткое «да».

— Генерал! — довольно бодро прозвучал ответ.

— У меня тут проблема намечается. У меня еще один с ума сходит. Решил в следователя поиграть. Я его от службы на три месяца отстранил, но я хочу быть уверен, что он не натворит глупостей.

Короткий смешок.

— Ну и кадры у тебя, генерал! Ладно, приставлю к нему своих. Пускай присмотрят.

— Только, ради Бога, прошу тебя без перегибов. Мне нужно просто, чтобы за ним понаблюдали. Терять еще одного пятого я не хочу.

Архипов даже не пытался скрывать раздражение.

— Зря ты бесишься, Кирилл, — неожиданно спокойный голос собеседника слегка остудил его пыл. — Это было не мое решение.

— Но ты на него повлиял.

— Слишком многое поставлено на кон. И чтобы сорвать главный куш, я готов всех твоих пятых в расход пустить, если они встанут на пути. И не только. Ты уж не обессудь.

— Я вышлю все данные, — холодно ответил генерал и отключил связь.

Было очень непривычно очутиться по ту сторону бетонной стены. Без защиты. Без возможности выставить барьеры. Со скованными за спиной руками. И постоянными выкриками конвоиров. Чувствовать себя загнанным зверем, попашим в капкан. И точно знать, что из этой ловушки ты уже никогда не выберешься без потерь. Рваться. Всем своим существом стремиться туда, где ты нужен. Быть с тем, кто в тебе нуждается. И оставаться бесправным пленником. С металлическим ободом на шее, чувствуя его холодное прикосновение, как безжалостные пальцы судьбы, сжавшиеся на твоём горле. Быть никчемным. Беспомощным. Отверженным.

Быть никем.

— Гронский, стоять! Лицом к стене! Ноги на ширине плеч! Руки!

Щелкнули наручники. Скрипнула металлическая дверь.

— Изолятор, — сухо оповещают его сзади. Потом толчок в спину, всего один шаг и слово свобода уходит из твоих мыслей, отделяется от тебя невидимой субстанцией и остается по ту сторону решетки. Ты больше ей не попутчик. Теперь ты обезьяна в клетке. И никому нет до тебя дела. Ни до твоих желаний, отчаяния, страха. — Ближайшие трое суток ты проведешь здесь. Для адаптации стены прошиты защитой первого уровня. После тебя осмотрят в медблоке. Если будешь признан пригодным, идешь в свой барак и начинаешь

выходить на смены. Отрабатывать свой долг перед человечеством.

Три дня полного одиночества, наполненного тревожным ожиданием и непониманием что тебя ждет дальше. Три раза в день приносят воду и коробку с сухим пайком. Завтрак. Обед. Ужин.

Боль в глазах. Невыносимое давление. Кажется, что чувствуешь каждый сосудик, который переполнен кровью и еще чуть-чуть и твои глаза вытекут на рубашку, пропитанную потом, вонью и грязью, так как в изоляторе не положены водные процедуры. И никого не волнует, что ты много часов трясся в микроавтобусе по пустыне в невыносимой духоте, и сквозь неплотно закрытые оконные щели тебя засыпало песком, который смешиваясь с потом, превратился в грязную кашу, коркой, покрывающую тело.

Защита первого уровня. Фикция. Для организма, не привыкшего к облучению это ничто. И кровь, идущая из носа, ушей, которую постоянно глотаешь тому подтверждение.

Но самое ужасное это воздух. Вернее, в этом месте нет воздуха. Какая-то вязкая, тягучая субстанция, которую никак не можешь вобрать в себя. Делаешь вдох, а она остается возле носа, не попадая в легкие. Хочется разорвать рубаху на груди, вместе с кожей лишь бы впустить в себя эту необходимую для любого человека смесь газов, которую никогда раньше не замечал и не ценил по-настоящему.

— Гронский, на выход! Лицом к стене! Руки за спину! — щелкают наручники на запястьях. Как будто он может отсюда убежать. Когда вокруг стражи с ВИРСами, снятыми с предохранителя и полно вооруженных охранников. — Не спать, Гронский! Тебя ждет рай, надо встречать его с широко распахнутыми глазами.

В темноте изолятора он не понимал, что у него с глазами. Лишь это невыносимое давление. Сейчас при свете дня их невозможно было открыть. Ужасная боль при любой попытке поднять веки и посмотреть на предложенный рай. И кровавые слезы, прокладывающие грязные дорожки на щеках.

— Поплачь, Гронский, — злорадный шепот у самого уха, — мы все знаем, кто ты. И кто виновен в смерти наших товарищей.

Пошел ты!

— Георгий, завтра вас переводят в Карьер. Вы будете ждать суда там в бараках предварительного заключения. Первый круг, — адвокат принес радостные новости уже вечером, перед самым назначенным отъездом.

— Почему Карьер?

— Комитет дал разрешение на создание независимой комиссии по расследованию вашего дела. Вестленд же добился, чтобы вас перевели на нейтральную территорию. Альтхамцы предложили Карьер. Наши были вынуждены согласиться.

— Да ни черта себе нейтральная территория! Это что шутка?!

— Но есть и положительная новость. Ваше дело будут рассматривать в международном суде. Это очень хорошо.

Адвокат по-настоящему выглядел довольным. Не надо было иметь его Искру, чтобы чувствовать это.

— Но я же пока не осужден. Как я могу отбывать еще не оглашенное наказание в Карьере?

— Георгий, вы же сами понимаете, что вы не выйдете из суда без какого-либо обвинения. Вы присвоили себе Руны и за это вы все равно будете нести ответ перед человечеством. И наша задача, чтобы вам больше нечего было предъявить. И это минимум

года три при хорошем раскладе. То время, которое вы проведете в Карьере до суда будет засчитываться в срок. Потом мы начнем еще одно дело. Подадим на апелляцию. Или, чтобы вас выпустили досрочно за хорошее поведение или придумаем что-нибудь еще. Но пока обо всем этом рано говорить. Нам еще надо добиться нужного решения суда.

Глава 17

— Добро пожаловать в Карьер! — оптимистично приветствовал новоприбывших, прошедших изолятор, охранник, встречающий их у барака, — теперь до суда вы будете находиться здесь. Вы все прошли карантин и были признаны пригодными для заселения в бараки предварительного заключения на первом круге отдельно от остальных заключенных. Но на смены будете выходить со всеми по общему режиму и установленным правилам. До суда на первом уровне, после — согласно вашему приговору.

Как и все, кто работал в подобных интернациональных местах, охранник говорил на алытхамском, который со времен эпохи Скорби был признан общим, международным языком, чтобы облегчить общение между людьми. Георгий знал алытхамский еще со времен спецучилища. Потом уже во время службы, общаясь со своими коллегами-стражами из разных стран подтянул и другие языки и для него подобной проблемы как языковой барьер не существовало никогда.

Первый круг Карьера неофициально и самими заключенными и охраной назывался бархатной зоной. Здесь отбывали срок политические, чиновники, попавшиеся на взятках, артисты, взятые на продаже наркотиков, врачи, совершившие непоправимые ошибки, любовные аферисты и прочие нерадивые граждане, преступившие закон, но не участвовавшие в жесткой уголовщине.

На втором отработывали долг перед человечеством те, кого осудили за грабежи, насилие, непредумышленные убийства, без особой жестокости и повторных залетов. Третий оставался за тяжелыми преступлениями, рецидивистами, и теми, кого приговорили к пожизненному заключению.

Был еще круг, так называемых бункеров. Длинные, бетонные бараки, расположенные ближе всего к Источнику. Внутри них все было поделено на небольшие зоны, в каждой из которой стояла капсула. Места отбывания наказания для смертников.

Женская зона была строго изолирована от мужской, но с похожими правилами и кругами, разделенными по тяжести преступления.

Отделенный от Источника двумя толстыми стенами первый уровень получал меньше всего излучения и считалось, что после нескольких лет пребывания здесь человеческое тело начинает адаптироваться и энергия камней перестает быть для него разрушающей.

Сидя в изоляторе, Георгий постоянно вспоминал тот день, когда в первый раз зашел за бетонное ограждение Карьера. Думал о том, каково это снова оказаться там. Представлял монотонную, нескончаемую, серую стену, спортивные снаряды, площадки, столы. И трупы.

На первом курсе спецучилища курсантам показывали документальные фильмы эпохи Скорби, и что происходило с людьми, попавшими под выплеск Источника. Что делает с телами сильное излучение. Во что превращаются телесные оболочки.

Трупы здесь на самом деле были. Не совсем такие, как их видел Георгий в своем последнем рейде, но они были. С бледной кожей, с красными слезящимися глазами и растрескавшимися от сухого, жаркого воздуха пустыни, губами.

Ни дать, ни взять — первый вид нежити — настоящие упыри. Ходячие герои страшилок про вампиров. Если бы киношники когда-нибудь рискнули и приехали сюда на экскурсию, они бы больше никогда не стали ломать голову над гримом для своих ужастиков.

А еще были зомби. С немного заторможенной реакцией на происходящее вокруг, замутненным взглядом алых глаз и серой словно ссохшейся кожей живого мертвеца. Но это превращение происходило на шестой-седьмой год отбывания срока. С более длительным сроком пребывания внутри бетонных стен Георгий пока еще не встречался.

Были еще другие персонажи. Георгий так и не смог подобрать характеристику. Правда после последней катастрофы, случившейся в Карьере, когда две трети заключенных были убиты или поражены сильным выплеском энергии, сейчас за стенами присутствовало больше новопривывших, как и сам Георгий.

Карьер очень срочно набивали новым «мясом». Раньше Гронский никогда не задумывался, а действительно ли это место было создано на благо человечества или Карьер всего лишь машина для перемалывания жизней, судеб, калечащая и убивающая душу, инструмент запугивания и манипуляций, очередной алтарь для неизведанного божества, нуждающегося в постоянных жертвах.

Изнанка той самой глянцевого, технически и культурно развитой, стремящейся в неизведанные дали жизни, которой, ничего не ведая, наслаждались одни и за которую сполна расплачивались другие.

— Гронский, ты сегодня опоздал на раздачу завтрака, — оповестил его старший надзиратель. — Ночная смена.

— В смысле опоздал? — Георгий не смог удержать иронии, прорезавшейся в его голосе. — Здесь можно куда-то опоздать? Жаль, что я не знал этого раньше. А то задержался бы с прибытием.

Жизнь в Карьере была строго расписана по минутам. В пять сорок пять подъем. Полчаса давались на утренние процедуры. Пятнадцать минут на получение утреннего пайка, который здесь назывался завтраком, быстрым запикиванием его в себя и построение перед выходом на уровень.

Потом начиналась первая смена, где заключенные пребывали на своем уровне шесть часов. После трехчасового перерыва на очередной паек, называемый обедом и небольшой отдых в защищенных от излучения бараках — вторая смена, которая, как и первая длилась шесть часов и заканчивалась вечерним пайком и ночным сном.

У каждого заключенного на ноге был браслет с датчиком, который фиксировал любое его перемещение как по времени, так и в пространстве.

Ревье Оутс — заместитель коменданта по первому уровню поднял на него холодный, колючий взгляд.

— То есть ты, кусок отброса, обвиняешь офицера, который честно несет свою службу, во вранье и не исполнении своих обязанностей.

Оутс демонстративно загнул один палец.

— И кстати, — продолжил он, так как на этот раз заключенный не стал оспаривать услышанное, — такие как ты здесь не задерживаются, они опаздывают и получают штрафные смены.

Он с явным наслаждением загнул второй палец.

— И такие как ты здесь не шутят, и уж тем более не иронизируют. И даже не открывают рот, если к ним конкретно не обращаются.

Третий палец присоединился к первым двум.

— Что мы имеем? — надсмотрщик очень внимательно посмотрел на свои пальцы. — Три нарушения плюс первое основное. Четыре ночных смены. Еще есть вопросы,

возражения, остроты?

— Нет, господин капитан. Я все понял.

Георгий и сам не знал зачем вступил в эту глупую конфронтацию с Оутсом. Только облегчил тому задачу. Впрочем, судя по тому, что все две недели его пребывания здесь он еще ни разу не пропустил ночную смену с фантазией у старшего надзирателя все было хорошо.

— Гронский, датчик движения зафиксировал твою недостаточную активность во время смен. Ты не знаешь основного правила? Тело в движении поглощает больше энергии, чем в состоянии покоя. Шесть ночных смен. Будет время вспомнить регламент. Возражения есть?

— Нет, господин капитан.

— Гронский, мне вчера лейтенант Шарлис сказал, что ты проигнорировал его замечание. Опять твои шуточки? Две смены. Есть возражения?

Георгий слегка помедлил с ответом. Пытаясь вспомнить то, о чем ему говорил Оутс.

— Меня, значит тоже игнорируешь. Еще две смены.

— Да, господин капитан.

Так было каждый раз. Как только заканчивались выписанные штрафные смены, всегда находился повод, чтобы назначить следующую. Надзиратель знал свое дело и никогда не упускал возможность доказать истинность постулата: был бы заключенный, провинность всегда найдется.

— Гронский! — Оутс, как обычно объявился перед второй сменой.

— Господин капитан, разрешите обратиться, — опередил его Георгий, в очередной раз не сдержавшись. Видимо он еще не научился чувствовать себя свободным, — хотел бы предложить вам свою помощь.

Надсмотрщик замер от неожиданности.

— Зачем вам каждый раз искать повод донести до меня, что я отброс достойный всяческого наказания и пачкать свой взгляд моей мерзкой рожей. Подсчитайте сразу на полгода, вычтите прошедший месяц и сразу назначьте. Возражений с моей стороны не будет, господин капитан.

Оутс очень недобро посмотрел на заключенного. Правда, за затемненной защитной маской выражение глаз было особо не разглядеть, но его напряженная поза, наклон головы, сжимающиеся и разжимающиеся пальцы говорили о том, что нежданному помощнику он не очень-то рад.

— Сто пятьдесят! — отчеканил Георгий, стараясь чтобы его улыбка не выглядела уж чересчур издевательской. — Не напрягайтесь, господин капитан! А то нас у вас много. Зачем вам лишний раз мозгами работать. Я за вас это сделал. Искра разума.

И он многозначительно постучал пальцем себе по виску.

— У тебя ошейник, — сквозь зубы процедил Оутс.

Георгий едва сдержал себя, чтобы по обыкновению, когда никто не видел, не просунуть пальцы под металлический обод. Боль в шее от иглы блокатора, мучила его постоянно, словно само тело сопротивлялось чужеродному предмету, мешающему ему слиться со своей внутренней сутью.

— Простите, господин капитан, забыл. Значит, я просто от рождения такой сообразительный.

На этот раз офицер ничего не сказал и, развернувшись, пошел прочь.

— Так что со сменами, господин капитан? — вслед поинтересовался Гронский.

Заткнись, идиот! Порезвился и хватит.

— Помолчал бы ты лучше, парень, — голос, раздавшийся сзади, словно озвучил его мысли. — Не думай, что он просто так это спустит.

— Увеличит количество ночей в месяце?

Гронский повернулся к неожиданному собеседнику.

— Ты и так месяц не вылезаете с ночных смен. А ночные смены — это не просто бессонные ночи и повышенная нагрузка, это штрафы за твои провинности. И как только подобных штрафов станет достаточное количество, тебе назначат уже настоящее наказание.

Георгий тяжело выдохнул. Да, придурок, не надо было связываться с Оутсом. Но ведь тот все равно бы назначал свои ночные смены в независимости от того удержал бы он язык за зубами или нет.

— Ты ведь знаешь, что внутренними правилами Карьера разрешается перевод заключенных на определенный срок из одного уровня на другой. За примерное поведение поощряется уровнем с более низким излучением. За плохое — наоборот. Третий уровень или даже бункеры. Недолго. Например, на пару часов. Но скажи, тебе это надо?

Гронский покачал головой. Но потом спохватился и произнес вслух.

— Нет. Спасибо, что предупредил.

Аллертонец Итон Фейн был слепым. Нет, не от рождения, а от Источника. Его глаза не выдержали давления энергии во время очередного выплеска и просто лопнули, как перезревшее яблоко. Самого Итона сумели спасти, а глаз уже было не вернуть. По прошествии нескольких месяцев, его организм пообвык и стал чувствовать себя более-менее нормально в окружающей обстановке, если здесь конечно вообще было применимо это слово, но пустые глазницы очень часто болели и воспалялись, и он испытывал нешуточные страдания, особенно в ночное время.

Итон Фейн был блистательным хирургом из потомственных с Искрой. Лучшим во всей Оросии и входил в десятку первых по всему материку. Пока как-то раз у него на столе не оказался пациент, который умер в ходе многочасовой операции. Родные обвинили врача в ошибке, приведшей к смерти. Наняли адвоката, который нашел свидетелей среди коллег и даже других пациентов, подтверждающих некомпетентность одного из лучших хирургов современности.

После первых дней протрации, когда Георгий начал оглядываться вокруг себя и втягиваться в новые реалии, он стал видеть много знакомых лиц. Из той, прошлой своей жизни. Лица, которые постоянно мелькали на экранах телевизора, улыбались со страниц глянцевого журналов, крутились в новостных лентах или на страницах социальных сетей.

Художник из Дору, который с мощью своего дара придавал своим полотнам гипнотическую силу. Только вот рисовал он не цветочки с яблочками в вазах, а мрачные готические сюжеты, из-за которых трое или четверо его поклонников покончили жизнь самоубийством.

Успешный архитектор одного из доминионов Содружества, который ради забавы создавал дома-лабиринты, из которых могли выйти лишь люди с Искрой разума. Он не учел, что другие тоже захотят повеселиться и просто не смогут выйти из подобной ловушки. Погиб ребенок — было громкое дело.

Талантливый ученый из Эверейского королевства. Он работал с Рунами и проводил смелые и нужные человечеству опыты. Потом в лаборатории случился какой-то несчастный случай, как говорят по неосторожности или халатности. Погибло несколько сотрудников и

был уничтожен почти весь запас Рун. Ему дали двенадцать лет.

Мошенник-музыкант из Нортландии, спортсмен — алытхамец с Руной, известный политик из Вестленда — все они блистательные, успешные и богатые, наслаждающиеся своей состоявшейся жизнью в один миг вдруг стали никем, никчемными и бесправными, отработывающими свой долг перед человечеством.

И Георгий поймал себя на мысли, что первый круг Карьера — это даже не отбывание наказания. Это какая-то показательная порка.

— Виктор Григорьевич, пришел ответ из Управления на запрос экспертизы с места аварии.

Помощник Малешского вскочил со своего места, как только в просторную приемную зашел его босс и направился за ним следом, на ходу рассказывая последние новости.

— Мне кофе, крепкий, без молока, — остановил молодого человека собранный, слегка резковатый ответ адвоката. — И приходи с докладом.

Через пять минут помощник уже сидел в его кабинете в кресле напротив, а Малешский с удовольствием вдыхал горький аромат с легкими ореховыми нотами, заполнивший его кабинет.

— Что тебе ответили из Управления?

— Что они дадут ответ в течение семи-четырнадцати дней согласно закону о предоставлении информации в рамках судебного расследования.

Малешский выдохнул. Приподнятое было настроение опять опустилось до первоначального состояния. Уже неделю он безрезультатно бился о глухую стену под названием Дранкурское Управление Стражи. Виктор хотел разобраться с тем, что произошло в лазарете для заключенных после того, как его клиент пришел в себя. Все сводилось к тому, что у Гронского было острое психическое расстройство на фоне произошедшей аварии и препаратов, которыми его накачивали в ходе множественных операций после автокатастрофы.

Только вот сам клиент не производил впечатление неуравновешенного психопата, одержимого навязчивыми идеями. Малешский хорошо чувствовал его уверенность в том, о чем он говорил, четкий ход мыслей и неоспоримую логику умозаключений. Конечно же сдобренную растерянностью, недоумением, возможно даже страхом, но до истерии, паники или уж тем более сумасшествия тому было далеко.

Виктор пытался поговорить с врачом, на которого якобы Гронский совершил нападение, или с охранником, который нанес ему травму с целью самообороны, но не смог достучаться ни до одного из них. Они соглашались с ним говорить только после решения суда и в присутствии адвоката. Медсестра, которая могла быть свидетелем произошедшего, коротко ответила, что не присутствовала в тот момент в палате, но, когда она ранее видела пациента, то он явно был неадекватен. Насколько был неадекватен человек, которого после операции собрали по кусочкам и буквально вытащили с того света, и который потерял в этой аварии всю свою семью, медсестра ответить не смогла. Пожала плечами и сказала, что определение состояния психики у пациентов не входит в ее служебные обязанности.

К тому же подав запрос по официальной базе данных, адвокат выяснил, что Моршанин Николай Алексеевич является штатным работником в исследовательском отделе Центрального Управления. После чего все стало еще более запутаннее. Зачем научному сотруднику приходиться к Гронскому в палату и допрашивать? Да еще применяя методы

насилия и нанося увечья.

Но и лжи от своего клиента он тоже не чувствовал.

— Что наши эксперты? — спросил Малешский у помощника.

— Они готовят заключение, но времени после аварии прошло уже довольно много и им необходимы данные первоисточника, то есть те материалы по этому делу, что хранятся в Управлении.

— Что тебе удалось выяснить на месте аварии?

Молодой человек слегка подобрался.

— Я разговаривал с работниками турбазы, которая находится на склоне той горы мимо которой проходит дорога в аэропорт. Они что-то скрывают. Говорят, что крупные обвалы, оползни и всякие камнепады в их местности бывают. Что, мол, ландшафт у них такой. Но, как они утверждают склоны укреплены, а перед самой дорогой стоят системы, фиксирующие возможные падения камней и мощными силовыми импульсами дробящие их на более мелкие части тем самым делая безопасными для машин.

— Что же произошло на этот раз? — скептически уточнил адвокат.

— Я расспрашивал местных. Несколько человек заявило, что подобное было не так давно, что они слышали шум падающих камней, но вроде никаких жалоб не было. Работники турбазы говорят, что они уже и не помнят, когда было похожее. Но все как один твердят, что в тот день или в дни предшествующие аварии не было дождей, землетрясений, сдвигов почвы. Все было как обычно, — помощник пожал плечами, — я осмотрел место, где лежал валун, упавший на машину нашего клиента и взял почву на анализ. Возможно мы сможем найти и понять, что послужило причиной сдвига и падения камня.

— Да. Хорошо.

— Чуть выше там есть база скалолазов, я поднялся на их стартовую площадку, осмотрелся, поговорил с инструкторами. И выяснил, что на маршруте есть смотровая площадка, откуда открывается вид на гору, склон, море и конечно же дорогу. Туристы обычно делают много фотографий оттуда. Я попросил инструкторов, работающих в тот день, произвести опрос среди своих клиентов, возможно кто-то из них снял что-нибудь интересное нас.

Малешский одобрительно кивнул. Александр был его двоюродным племянником. Уже год, как молодой человек окончил юридическую академию и работал у него одним из помощников, демонстрируя свои таланты и Искру, соответствующую по своей силе и назначению их семье.

— Предложи финансовое вознаграждение за нужную нам информацию.

— Уже, — коротко кивнул секретарь, — по нашей стандартной ставке, согласно сложности дела.

Виктор едва заметно улыбнулся. Если Саша проявит себя хорошо в этом деле, переведет его из помощников в младшие партнеры и можно будет отдавать тому часть дел. Еще один толковый адвокат в их юридическом семействе не будет лишним.

— Что удалось выяснить про Седова? — вслух поинтересовался Малешский.

Александр потянулся за своим планшетом для заметок.

— Седов на самом деле был приставлен к Гронскому после того случая с дракой и заменой легкого. Он и в правду может не знать, что там произошло, так же как и про Моршанина. Как тот охранник или врач могут не быть таковыми в принципе. Ведь медсестра, с которой вы разговаривали тоже не была прямым свидетелем случившегося. Она

уже узнала о так называемой драке постфактум.

— Согласен. И честно говоря, пока вообще не понимаю, зачем это все надо было устраивать. Так что там про Седова?

— Седов Александр Евгеньевич — личность довольно известная в своих кругах. Служит в Следственном комитете уже более двадцати лет. Вел не одно громкое дело. Помните, пять лет назад в Дранкуре был задержан помощник главы одного крупного промышленного комплекса, который занимался информационной политикой внутри корпорации и якобы сливал на сторону секретные данные? Или этот журналист, который опубликовал у себя на страницах в соцсетях сенсационные разоблачения первых комитетчиков и назвал их не Прогресорами, а истребителями рода человеческого. Этому шутнику с легкой руки Седова десятку в Карьере выписали.

Малешкий присвистнул.

— Да ладно! Кто вообще обращал внимания на этого шута?

— Разлагающая пропаганда, — нравоучительным тоном изрек Александр. — В общем, Седов это такой цепной бульдог власти. На кого спустят, того и грызет. Думаю, именно так и случилось с нашим клиентом. Просто дали команду сверху. Слишком много значит для Дранкура, да теперь уже и не только, какой приговор вынесут Гронскому.

— Копнуть глубже все равно надо, нельзя опустить ни одной мелочи.

— Да, Виктор Григорьевич, — сделал себе пометку помощник. — Кстати, вы просили меня найти тех двух стражей, которые забирали Руны из тюремного изолятора и видели Гронского после эксперимента.

— И?

— Один из них — полковник Арсенин, он служит с нашим клиентом с самого спецучилища.

— Отлично! Назначь мне с ним встречу.

— Он не отвечает на звонки уже почти неделю и на службе его тоже нет.

Адвокат задумчиво постучал пальцами по поверхности стола.

— А второй?

— Градов Дмитрий Алексеевич — служил с Гронским более семи лет в одном Управлении. Мне удалось с ним созвониться, и он готов с вами встретиться.

— Назначь встречу на сегодня. Как договоришься, скинь мне на почту время и место встречи, а также досье, что тебе удалось собрать на этого Градова.

Глава 18

Кафе «Древняя Руна» располагалась в самом центре делового района Дранкура. Многочисленные офисы, сверкающие небоскребы, теряющиеся в облаках, дорогие бутики, кафе с огромными стеклянными окнами и рестораны на любой вкус и кошелек. Район, кишущий роскошными авто и пешеходами в строгих одеяниях. Впрочем, последних пока еще мало. Как минимум оставалось два часа до конца рабочего дня, когда мужчины в темных костюмах при галстуке и начищенной, блестящей обуви, ухоженные женщины в юбках не выше колен, официанты, работники банков и брендовых салонов в униформах заполнят улицы, переходы, многочисленные скверики, зелеными островками, располагающимися между стремящимися ввысь гигантами из бетона и стекла. Правда в это время года, когда дождь льет с периодической постоянностью, а под ногами хлюпают лужи, люди предпочитают расслабиться, поболтать с друзьями и пропустить бокал другой чего-нибудь расслабляющего где-нибудь за уютным столиком многочисленных кафешек.

Когда Дмитрий Градов зашел в одно из таких заведений, Малешский его уже ждал за одним из столиков, на котором стоял заказанный чай в изящном стеклянном чайнике, две чашки и тарелка с небольшими авторскими бутербродами, нанизанными на острые разноцветные палочки, украшенными зеленью.

— Добрый вечер, Дмитрий Алексеевич, — адвокат привстал, приветствуя пришедшего, протянул руку. — Спасибо, что согласились встретиться со мной.

Место выбирал сам Градов. Деловой район располагался на другом конце города от штаба главного Управления Стражи и возможность наткнуться на кого-нибудь из своих была минимальной. И Малешский прекрасно понимал опасения стража. Его клиент был предателем, изменником Родины и самой Службы, такие контакты вряд ли кому пойдут на пользу.

Поэтому Виктор не удивился, когда от севшего за стол Градова, явно повеяло опасением, тревогой, сомнением, настороженностью.

— Добрый вечер, — кивнул Дмитрий. Тем не менее его рукопожатие было крепким, а взгляд внимателен и сосредоточен, как у человека уверенного, что он совершает правильное и нужное дело. — Не знаю, буду ли я вам полезен. Я как человек военный связан многочисленными запретами и тайнами, которые не имею права разглашать. Но если я чем-то смогу помочь Гере, я готов ответить на ваши вопросы.

И эту эмоцию адвокат чувствовал также ясно, как и другие. Она окутывала все сомнения и страхи и выходила на передний план, давая надежду, что встреча не будет напрасной потерей времени.

— Вы верите в его невиновность? — адвокат направил носик чайника в кружку стража, не сводя с него пристального взгляда.

— В то, что он не агент Вестленда и не террорист, устроивший бойню в Карьере — да, — пожал плечами Дмитрий, — в нашем отделе, по крайней мере среди оперативников, в эту чушь не верит никто.

— Он на таком хорошем счету среди коллег?

— Понимаете, Гера, он, как бы вам правильнее сказать?

Начало его речи прервало появление официантки. Градов прервался, сделал заказ и

когда девушка ушла произнес:

— С самого утра не ел. Дни сумасшедшие, постоянные какие-то проверки, квалификационные тесты, беседы с психологами. Все ищут, кто еще может стать иноагентом, — он с досадой закатил глаза. — Дурдом параноидальный, а не Управление Стражи.

Малешский сочувственно улыбнулся.

— Так вот Гера, — продолжил Дмитрий, сделав несколько глотков чая, — он у нас легендарная личность.

Брови адвоката поползли вверх.

— Вот даже как? И что же в нем такого необычного?

— Получить полковника в тридцать лет, это даже для стража довольно редкое явление. Тот же Арсенин полгода назад только погоны полковника надел, а ему уже тридцать девять к тому времени стукнуло. Полякову и вовсе сорок три. Есть еще двое в нашем подразделении, им уже по сороковнику каждому и пока у них твердая четверка, и не известно перерастут ли они этот уровень. А Герка он училище с полным третьим закончил.

В голосе Градова послышалось уважение и немного затаенного сожаления, может даже зависти, но пока окрашенной в светлые тона.

— У нас же на службе как: звание дают по уровню силы. Сначала эксперты отслеживают изменение рисунка Искры в крови, потом учебка минимум от трех месяцев, потом аттестация и новое звание, и конечно должностные обязанности, соответствующие новому положению. И тут Гера — выпускник училища с третьим уровнем. Только выпускникам старше летехи не положено, а третий уровень — это уже капитан. Ну его и отправили через месяц на границу с Оркли. Помните, двенадцать лет назад там в зонах отчуждения настоящие войны шли? Там обычные силовики уже не справлялись. Вот наших и подтягивали. Бойня там шла самая настоящая. Так вот Гронский вернулся оттуда уже в капитанских погонах. А потом понеслось: через три года четвертый уровень и майор, еще два с половиной пятый и полковник. За эти годы он где только не побывал. Везде, где жарко, там и он: и на войне был пять лет назад, когда Альтхамцы попытались свои бывшие территории отбить. Нортландия тогда у наших помощи просила. И когда террористы Макку захватили во время всемирной конференции, посвященной очередной дате появления Источника. Та еще жариска была! И подавление мятежей вдоль границ Нохар-Ага и доминионов.

Дмитрий прервался, подцепил одну из разноцветных палочек на блюде и положил к себе в тарелку. С удовольствием отпил чай из чашки.

— Как вы понимаете, естественно за это он и имел много. Повышенный коэффициент в окладе, премии, награды, ордены там всякие, медальки. Красов его выделял и жаловал очень.

— Красов? — Малешский сделал пометку в планшете.

— Генерал-лейтенант Карсов — бывший глава Дранкурского Управления и наш непосредственный начальник оперативного подразделения. Он в отставку по выслуге лет ушел три года назад, — охотно пояснил Дмитрий.

К их столику подъехала девушка-робот с подносом и выгрузила заказ на стол.

— Приятного аппетита, — пожелала она мелодичным голосом с едва уловимыми металлическими нотками.

Страж подвинул к себе тарелку, но каким бы не был голодным, продолжил свой рассказ.

— В нашем отделе знали, что Красов благоволит Гере, и многие думали, что генерал назначит его в себе замы, к тому же у нас тогда кадровые перестановки намечались.

— Не назначил?

— Несмотря на все заслуги Гронского генерал считал, что у того есть очень нехорошая черта, которая мешает ему двигаться вперед и достичь по-настоящему чего-то большого. И посоветовал тому меньше умничать и научиться держать язык за зубами. Это нам Герка сам потом рассказал.

— И что это значит? — уточнил адвокат. — У Георгия конфликтный характер?

Градов отрезал небольшой кусок стейка и положил в рот.

— Не конфликтный, — быстро пережевывая мясо, ответил он. — Но он на самом деле не умеет молчать. Как бы вам лучше объяснить? Ему обязательно нужно задать уточняющий вопрос, если он видит какую-то нестыковку, или подковырнуть, или добавить что-нибудь такое, чтобы показать, что он не согласен. Самое интересное, что всегда вроде по делу, но вы сами, наверное, понимаете, что начальство не всегда любит неудобные вопросы. Вернее, всегда не любит.

— Ясно, — Малешский поднес свою чашку к губам, делая небольшие глотки чая. — Как ваши коллеги относились к успехам Георгия? И одаренный, и успешный, и начальство благоволит.

Дмитрий пожал плечами. От него исходила волна некоторой растерянности, задумчивости.

— Знаете Гера никогда не звездил, не выпячивал свое превосходство, не кичился отношением с руководством. Он умел строить отношения со всеми и был душой компании. Помогать умел, поддерживать и не только словами, но и делом. В рейды с ним тоже было очень комфортно ходить, он никогда не тянул одеяло на себя и очень ответственно относился ко всему. Единственное недопонимание с коллективом у него случилось, когда примерно где-то около четырех лет назад он вдруг отдалился ото всех, начал избегать общения, не участвовал ни в каких посиделках, замкнулся в себе. В отделе стали говорить, что мол Гронский нос задрал, что ему не до нас, что Красов его своим замом сделать хочет и незачем ему теперь с простымиоперами якшаться.

— И что случилось?

— Олег нас тогда встряхнул хорошенько. Сказал, чтобы мы от Герки отстали и перестали его доставать. Что у него проблемы в семье, сын умирает и ему не до нас. Через некоторое время все привыкли к такому новому Гронскому. К тому же ни на самой службе, ни на его профессионализме это никак не сказалось.

Адвокат несколько задумчиво посмотрел в окно поверх плеча собеседника, на силуэт одного из небоскребов, на крышу которого медленно опускалась аэрокапсула. Градов доедал свой стейк.

— У вас в отделении все были в курсе этих семейных проблем? Георгий это как-то афишировал?

— Нет, — мотнул головой страж, — не афишировал, но со временем его охлаждение к службе становилось все более заметно. Он же всегда был фанатом своего дела, горел службой. Да, как он сам всегда рассказывал, он с самого детства грезил о Страже. А потом его ориентиры резко поменялись и это стало очень заметно. Знаете, он расставил новые приоритеты и строго держался выбранного курса.

— И как у него стали складываться отношения с новым руководством? Вы сказали, что

Красов ушел в отставку.

— О! — Дима в задумчивости провел рукой по волосам. — Здесь уже начинается совсем другая история.

— Вот как?

Малешский слегка подобрался. Все то, о чем ему поведал коллега его клиента было ему так или иначе известно. От самого Георгия, от его родителей, из запрошенного в Управлении досье. Заслуженный, боевой, с сильной Искрой, с довольно легким характером, со своими недостатками, но со стержнем внутри, который позволял ему оставаться самим собой и притягивал к нему людей.

Только пока не было ничего за что можно было зацепиться, чтобы понять, кому полковник Гронский очень мешал, что его так подставили.

— К нам в отделение назначили Архипова. Он из другого доминиона, но очень крутой мужик. Молодой, тогда еще пятидесяти не было, из оперативников, карьерист, с восьмым уровнем.

Адвокат слегка приподнял одну бровь, оценивая услышанное.

— И тут нашла коса на камень, — Градов недоумевающе развел руками. — И вроде даже не скажешь вот так однозначно, что к чему. Просто Гера уже к этому времени весь ушел в семью. Он при любом удобном случае брал отгулы, которые у него накопились за годы службы, если мог отмазывался от ночных смен, не любил отъезды, в общем все больше отходил от службы, меньше горел что ли всем этим. И это, как я уже говорил, стало заметно. Архипов же у нас он еще больший фанат Стражи, чем когда-то был Гронский и считает, что у стража на первом месте может быть только служба и на втором, и на третьем, желательном, тоже. А потом уже остальное. Вот он постоянно и цеплялся к Гере, а тот как я уже говорил молчать не мог. И не то, чтобы он сильно зарывался или преступал черту, нет, но Архипов ничего ему не спускал. А потом они и вовсе сцепились, как кошка с собакой.

Адвокат внимательно посмотрел на собеседника. От него исходило чувство какой-то ностальгии, даже радости или веселья.

— Наши мед эксперты обнаружили в крови Геры, что у него рисунок Искры уже давно перерос пятый уровень и ему надо повышать квалификацию. Это был взрыв. Пятый уровень — это определенная высота. Представьте себе, что вы делите ваше сознание на пять частей, в каждом создавая свой отдельный рисунок, заполняете силой и управляете по собственному желанию. Атака, защита, силовое поле, если понадобится закрывать еще кого-либо. Одновременно с этим надо держать под контролем все, что происходит вокруг и успевать принимать правильные решения. И прибавьте к этому еще энергию Источника, с которой страж постоянно в тесном контакте.

— Мне тяжело это сделать, — улыбнулся адвокат.

— Простите, — смутился собеседник, — просто хотел донести до вас суть. Так вот шестой — это уже нечто иное. После пятого любой уровень берется под контроль Центральным Управлением. Это усиленная учебка и тремя месяцами здесь не обойтись, как минимум полгода, и аттестация в главном штабе, и потом служба при ЦУ, пока они к тебе присмотрятся и решат куда тебя с такими возможностями лучше определить и где ты сможешь принести большую пользу. В общем Архипов уже написал письмо в центр, мол, так и так, растут кадры, какие мы тут молодцы, служим на благо отечеству и так далее в этом духе. А Гронский отказался. Уперся и ни в какую. Не поеду и все.

— Почему? — удивился Малешский. — Это ведь и новое звание, и должность, и

перспективы.

— Так ни для никого не секрет, что наше Центральное Управление находится не в Дранкуре. Недалеко от Адентора, почти в пустыне. Штаб-квартира Стражи и небольшой поселок вокруг с обслуживающим персоналом. Такой военный гарнизон доисторической эпохи. Это вам знаете не эверийцы, у которых целый район отгрохан под их ЦУ и не Вестленд с их искусственным островом посреди океана. Оставить семью Гера не мог, а взять их собой тоже было невозможно. К этому времени с ребенком совсем стало плохо.

— И когда происходили эти события?

— Где-то за полгода до того злополучного рейда.

Веселье ушло, оставив за собой четкий след тяжелой грусти.

— Архипов был в ярости. Ему и из центра прилетело и непосредственное начальство отымело за то, что с кадрами у него бардак и что он не справляется с возложенными на него задачами. Естественно Гронскому он этого не спустил.

— Что вы имеете ввиду?

— Стал очень осознанно и напоказ принижать все заслуги Геры, его опыт, знания, силу. Так показно, что мол, если тебе служба не нужна, то и в тебе Стража не нуждается. Стал давать ему задания уровня стажера меньше третьего уровня. Часто оставлял в штабе на какую-то бумажную работу. Ставил на приемку формы или боксов, привезенных с рейдов, гонял по учебкам, читать лекции первокурсникам на тему практического использования Рун.

— И как Георгий на это реагировал?

Градов как-то неопределенно дернул плечом.

— Замкнулся еще больше. Приезжал в штаб или куда его отсылал Архипов, отбывал номер и в конце рабочего дня уезжал домой. Так продолжалось более трех месяцев, пока однажды к нам не приехал зам главы Центрального Управления. На общем собрании, на котором присутствовал и Лазарновский, Архипов задвинул речь. Сначала говорил о службе в общем, о том, чем Стража является в целом для современного общества и о том, как она важна. Приводил яркие примеры. Перешел на известные личности. А в конце так незаметно повернул, что служба — это не игрушка и что единожды встав на эту стезю, у стража нет иного пути. И что если, кто не согласен с этим постулатом или ему не нравится, то лучше пускай уходит, незаменимых, как известно, не бывает.

В голосе Дмитрия даже не почувствовалась, открыто слышалась горечь еще свежей утраты и сожаление. Малешский не стал перебивать.

— Он конечно пальцем ни в кого не тыкал, но у нас только глухой не понял бы кого он имеет ввиду или совсем новичок вчерашний, — страж усмехнулся, — Гера пришел на следующий день в самом начале планерки, на которой опять-таки же присутствовал Лазарновский, положил перед Архиповым заявление на двухмесячный отпуск за свой счет. Генерал наш заметно напрягся и говорит, мол, ты понимаешь, о чем просишь? Кто службу за тебя служить будет? А Гронский ему, понимаю, господин генерал, но вчерашняя ваша речь тронула меня до глубины души. Вы самый чуткий, самый понимающий руководитель, о котором только можно мечтать. И вы вчера очень четко нам объяснили, что, если кого-то надо заменить, вы это обязательно сделаете. Пойдете навстречу вашим подчиненным и найдете способ заполнить любые пробелы. Я вам очень благодарен. Вернусь — отслужу.

Градов выдохнул и закрыл лицо ладонями, глухо засмеявшись.

— Надо было видеть нашего генерала в тот момент. Мы все думали, он сейчас по Гронскому всем своим восьмым шарахнет. Будет тому и учебка сразу, и аттестация, и отпуск

в каком-нибудь лазарете, как раз месяца на два, если конечно успеет защиту выставить. Думаю, что Архипова остановило лишь присутствие высшего начальства.

— Но отпуск, насколько я знаю, он ему все же подписал?

— Ага! Прямо с этой же секунды и буквально вышвырнул Герку за дверь. И тот пропал почти на месяц. Потом Архипов его вызвал к себе и дал ему задание сопроводить одного нашего ученого в Макку, где проходила трехдневная конференция и тот должен был там выступить.

— Сопровождение кого-либо разве является обязанностью стража?

— В том-то и дело, что нет. Это обычное дело для сотрудника любого охранного предприятия. Но Архипова попросили дать в сопровождение именно стража. Он мог бы дать это задание любому курсанту или только что выпустившемуся лейтенанту, но он отправил Гронского.

— То есть, чтобы еще раз показать тому на его место?

— Сначала мы так и думали, — задумчиво протянул Градов, — только вот когда Гера вернулся из Макки, они с генералом неожиданно заключили перемирие. Гера пообещал Архипову, что поедет в учебку, тот в свою очередь поощрил его за хорошую службу. Олег тогда еще попросил у Герки инструкцию по неизведанным доселе способам экстренного удовлетворения начальства, и Гронский обещал ему подарить на день стража.

— А что произошло между Георгием и генералом Архиповым, вы знаете? — Адвокат чуть прищурившись смотрел на собеседника.

— Нет, — тот помотал головой, — мы договорились встретиться с Герой через неделю и как раз поболтать по душам, но у его сына случилось очередное обострение болезни, и встреча не случилась. А потом началась вся эта катавасия по установке щитов на мысе Полюсова. Аврал полнейший. Туда пригнали стражей со всех наших доминионов. Пахали, как проклятые, уже не до закулисных игр стало.

— Но Гронского Архипов не вызвал с отпуска? — уточнил Малешковский то, что уже и так знал. В надежде услышать что-то новое.

— Нет.

Короткое «нет» до краев было наполнено удивлением.

— Насколько я понимаю, этот случай как раз подходит под правила, что на вашей службе начальство имеет право выдернуть с любого отпуска и отправить на задание, если случилось что-то неординарное.

— Да, абсолютно. Думаю, это было сделано ради рейда. Стражи уровня четвертого-пятого были вымотаны, рейд же предстоял в Карьер, курировать надо было Руны только что взятые у Источника.

— Это тяжело? Требуется большой опыт и сила?

— По большому счету нет. Я тоже был несколько раз в подобных рейдах. Хотя я и рассеиватель. Обычно третий, четвертый уровень — это за глаза. Думаю, решили привлечь Геру, как стража пятого уровня из-за этой истории со сверами. Видимо, чтобы уж точно осечки не было.

Адвокат сделал вид, что пролистывает написанное в планшете. Скорее похоже на то, что его клиента как будто специально берегли под этот рейд. Что, судя по тому, что он сегодня узнал — не совсем соответствовало поведению Архипова. Он должен был дернуть Гронского на этот мыс. Но вызвал только на рейд.

— У меня к вам еще несколько вопросов и я вас отпущу, Дмитрий Алексеевич, —

произнес вслух Малешский. — Насколько я знаю, Георгий был без сознания, когда его эвакуировали из Карьера и отвезли в лазарет для облученных. В официальном деле говорится, что стражи не стали проверять форму Гронского и поэтому не нашли Рун. Такое вообще могло быть?

— По инструкции стражи должны снять уровень излучения, чтобы передать информацию в лазарет. Если уровень зашкаливает и среди стражей есть рассеиватель, то тот должен поставить воронку, чтобы снизить потенциальную опасность для жизни пострадавшего.

— А если рассеивателя нет?

— На усмотрение стража. Смотря какой у него личный уровень или опыт. Поэтому пострадавшего и везут в лазарет, где ему смогут оказать профессиональную помощь.

Малешский сделал очередную пометку у себя в записях.

— Можете рассказать мне более подробно, что происходит в лазарете?

— Пострадавшего полностью обследуют, берут необходимые показатели жизнедеятельности, после чего предпринимают необходимые меры.

— А форма? Или другие личные вещи?

Дмитрий поцокал языком.

— А здесь уже совсем другая история. Медицинская помощь включена в страховку любого стража. Работники лазарета делают, что считают нужным, затем выставляет счет страховой компании, которая полностью покрывает расходы. Все остальное не входит в оплачиваемые услуги. Исследовательский отдел снимает все показатели с личных вещей и выставляют счет за услуги Управлению, в котором служит страж. Но никакое Управление не хочет платить по двойному, а то и тройному тарифу этим хапугам, поэтому те просто хранят вещи в защитных боксах, а потом передают их стражу, чтобы тот сдал их в свое Управление.

— Вы знаете тех стражей, которые забрали Гронского из Карьера?

— Нет, — слегка замаявшись ответил Градов. Эту заминку адвокат услышал, но как ни странно лжи не почувствовал. — В содружестве много доминионов и в каждом есть свое Управление. Кому-то после окончания спецучилища везет, как например тому же Гронскому или Арсенину, и их сразу распределяют в Дранкурское Управление. Но не все такие талантливые или одаренные Искрой, как они. Новоиспеченные курсанты проходят стажировку в разных Управлениях и после этого их отправляют на службу либо в свой доминион, либо в другое место, смотря как он себя проявит и какие у него перспективы. В Карьер могли отправить стражей из любого доминиона.

Адвокат отбил дробь пальцами по столу.

— Ясно, — задумчиво произнес он, — Георгия когда-нибудь пытались переманить на службу в другое Управление? Я имею в виду другое государство?

Градов слегка пренебрежительно фыркнул.

— Так это постоянная практика среди Управлений разных стран. Мы ведь все разные. Во всех государствах свои школы, уровень силы, приближенность к Источнику и так далее. В Маккаа, например, все управление состоит из несколько десятков стражей, да и то только в столице. В округах у них отделений Службы нет. Альтхамцы тоже не очень любят нашего брата. Конечно же Стража у них есть, как обязывает Комитет, но больше номинально. Самые сильные службы — это в Вестленде и в Содружестве. Еще эверийцы тоже придают этому большое значение, но у них там по несколько другому принципу устроено обучение. Страж пятого уровня — это ценность. И если какому-нибудь конкурирующему Управлению удастся

переманить в свои ряды такого сотрудника, это считается удачей.

— И что Георгий?

— Насколько я знаю с его слов, ему делали подобные предложения, но он отказывался.

— Почему?

Дмитрий неопределенно пожал плечами.

— Знаете, как его называют остальные коллеги из внешних Управлений?

Адвокат качнул головой.

— Дранкурец. Уже много лет. Я думаю в этом причина. Он — дранкурец. Вот и все.

Глава 19

— Георгий Сергеевич Гронский, бывший офицер Стражи, полковник пятого уровня. Боевой оперативник, заслуженный, обласканный своим государством. Продавший его за пару монет.

Сто пятьдесят ночей Оутс, конечно, не объявил, но пятнадцать выписал, о чем заключенному сообщил конвоир, явившийся в барак на десять минут позже окончания второй дневной смены. Георгий, которого не дернули сразу после отбоя, упал на койку не веря, что это на самом деле возможно. После месяца бессонных ночей, он иногда жертвовал даже приемом пищи, чтобы не терять драгоценные минуты, которые можно было потратить на сон в перерывах между сменами и научился засыпать стоя, если удавалось выделить время на бездействие, положенное по регламенту.

И вправду глупо было верить, что Оутс просто так спустит ему с рук его поведение. С трудом поднявшись на ноги, Георгий пошел за охранником. Прислонившись к шершавой стене, отделяющей первый круг от второго, закрыл глаза, пользуясь пятью минутами положенного отдыха. Ночью охранников было не так много, и они тоже, как и все люди любили поспать, однако датчик движения еще никто не отменял, поэтому для заключенных правила были одни и днем, и ночью.

В голове, как обычно стоял шум. Поселившийся где-то в черепной коробке и не оставляющий его ни на минуту с тех пор, как его привезли в Карьер. Только сейчас он не бился оглушающим гулом, а ушел на задворки сознания, словно и вправду тихий шепот. Очень навязчивый, тихий шепот.

Если бы он мог открыть Оутсу и его помощникам то, что творилось в его мозгах, они бы явно перестали тратить на него свои силы. Потому что он и без них сойдет с ума, если не найдет способ изгнать из своей головы этот ненавистный шум.

Голос, прозвучавший в ночной тишине, выдернул его из полузабытья и отодвинул шуршание в мозгах.

— Или скорее за пару камней. Как будет правильной, Гронский? — добавил второй голос.

Георгий открыл глаза, оценивая ситуацию. В этом круге охрана Карьера носила легкую форму первого уровня защиты от излучения и вместо шлема, защитную маску, поэтому он без труда узнал Оутса и троих охранников, которые сегодня были во второй смене.

— Никак, — Георгий покачал головой. — Я не продавал ни свою службу, ни свою Родину.

Глупая попытка. С ним сюда не говорить пришли. Или уж тем более слушать.

Стоящий ближе к нему охранник сделал шаг вперед и резко ударил кулаком в живот. И хотя заключенный ждал этого и как мог напряг мышцы, удар выбил из него весь воздух. Он закашлялся и согнулся пополам.

Черт!

Охранник ударил по лицу. Засадив перчаткой по скуле так, что казалось она уедет на другую сторону.

Мать...вашу!

Перед глазами заплясали разноцветные круги. Они вспыхивали в его голове яркими,

пульсирующими кляксами. А вместе с ними вспыхивали ярость, негодование, протест. Боль, пожирающая его все эти страшные, изменившее его жизнь месяцы. Копились, множились, росли и уже давно просились наружу.

Достали!

Гронский резко разогнулся. Его затылок со всей силы врезался в подбородок нагнувшегося к нему охранника. Клацнули зубы. Что-то булькнуло. И ночь прорезал крик.

— Яжик! Яжик! Мой яжик!

Охранник упал на колени, зажимая себе рот руками. По пальцам текла кровь.

— Смотри не проглоти, — посоветовал Георгий, — а то пока он из тебя выйдет, пришить уже будет невозможно.

Он повернул голову к оставшимся троем, растерянно переводящих взгляд то на своего товарища, то на заключенного.

— Что вы стоите? Давайте, вы же сюда пришли жизни меня учить. Начинайте уже!

Злой голос Гронского разорвал образовавшийся вакуум. К нему сразу подскочили двое, один из которых был Оутс. Георгий саданул ему под ребра. Успел увернуться от летящего кулака второго. В ответ нанося удар коленом в живот, и сразу же кулаком в челюсть. Сорвал с его пояса дубинку, переключая ее в режим шокера. Тут же получил сильный удар по плечу от третьего охранника. Не глядя, отмахнулся дубинкой, попав по лицу. Охранник дернулся и свалился кулем ему под ноги.

— Гронский, я тебя в бункер за нападение на охрану, — злобно процедил Оутс.

Он замахнулся. Георгий рванул вперед, успев приложить его обратной стороной дубинки в печень, а затем добавил ребром ладони по шее.

Я вас всех здесь научу как надо обращаться с офицером Стражи!

Адреналин разносил ярость по венам.

Нашли мальчика для битья!

Георгий вмазал надзирателю ногой по лицу. Ему доставляло удовольствие бить этого напыщенного альтхамца. Удар в ухо отбросил его от капитана. Он резко повернулся, ища на ком выместить неостывшую злость. Поднял руку, лоя на нее удар дубинки. В предплечье противно хрустнуло. Он пнул нападающего ногой по коленной чашечке. Вскрикнув от боли, тот отступил на шаг. Георгий уже хотел добавить, когда в спину что-то жестко ткнулось и тело пронзила острая боль. Мышцы свело судорогой, и он рухнул на бетонный пол.

— Гронский, за нападение на охрану Карьера...

Голос звучал невнятно, словно через мешок, набитый ватой. Звук дрожал.

— За причинение увечий...

То пропадал, то снова нарастал.

— ...сутки в бункере с первой степенью защиты...

Почему же ему так плохо? Георгий помнил, что его приложили шокером и он вырубился. Но от одного заряда не может быть так плохо.

— Наказание привести в исполнение немедленно.

Ломило предплечье. Наверное, все же перелом. Зверски болело все тело. Любая попытка повернуть голову и шире открыть глаза отдавалась болью. Да он даже и не шел сам, его под руки тащили двое охранников.

Значит после того как его вырубил, его еще и отпинали всей командой.

Уроды! Козлы! Тоже мне офицеры! Служаки! Позор Службы!

Конечно Карьер не относился ни к одной службе ни одного государства. Официально

это была отдельная организация со своим руководством, подчиняющаяся лишь Комитету, со своей силовой структурой, званиями и должностями, учебными корпусами и лазаретами.

Черт! Черт! Черт! Как же надоело постоянно чувствовать себя побитой собакой. Когда моя жизнь превратилась во все это дерьмо?

Мелькнула знакомая дверь. За которой серели все те же бетонные стены. Второй уровень.

នៃការទាំងមូលជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

Врезалось в мозг с удвоенной силой. Однако как ни странно это сейчас даже взбодрило. Словно укол адреналина.

— Отпустите, — прохрипел Гронский, — без вас дойду.

Его просьбу исполнили мгновенно, но так как заключенный предполагал нечто подобное, он успел выставить неповрежденную руку и не распластаться по земле.

Здесь все было так же, как и уровнем ранее. Только дышать стало тяжелее. И глаза резало больше. Георгий посмотрел на своих конвоиров. Сейчас они были одеты в полную защитную форму, со шлемами и перчатками. Хотя на охранниках, стоящих вдоль стены была одета форма, как и у их коллег с первого. А вот роба заключенных была гораздо плотнее и более закрытая. У некоторых на голове были головные уборы, нечто напоминающие береты некоторых силовых структур.

Защитка? Мелькнуло в голове у Георгия. В этом круге заключенным положена защита? Чтобы не сразу сдохли? Или это все новички?

— Это тот, кто Оутса отделал? — вдруг услышал он за спиной не очень-то завуалированный шепот.

Послышались смешки.

— Вы видели сегодня нашего капитана?

— Рожа, как отбивная.

Смешки стали громче.

— Молчать! — громкий окрик одного из охранников прервал начавшееся веселье.

— Молодец, парень! — услышал Георгий, уже когда перед глазами открылась следующая дверь.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល

Теперь голову будто взорвало. И он бы не отказался сделать звук потише. А еще лучше выключить насовсем.

Здесь все было гораздо мрачнее. Тоскливее. Тяжелее. Охрана, одетая в защиту, как минимум второй степени. Заключенные в прочных куртках со вставками из отражающих материалов, как на формах стражников, многие даже в спецмасках. Здесь никто не зубоскалил, не смеялся, не окрикивал. Здесь явно чувствовалась атмосфера застоялой обреченности и загостившейся смерти.

Георгий смотрел себе под ноги. Голова ощутимо кружилась. В носу противно хлюпало. Третья дверь осталась позади.

នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយ នៃការទាំងមូល ជាផ្នែកមួយនៃការទាំងមូល

Гронский непроизвольно схватился за голову. Гул вибрировал в мозгу, отражаясь

невыносимой болью и в без того гудящей голове.

Хватит! Хватит! Хватит! Как будто мне без вас проблем мало.

Он не отрываясь смотрел на четыре каменных столпа, возвышающихся на фоне серых стен. Словно пленники, навсегда замурованные в бетонный саван. Не божества, вершащие судьбы людей. Странники, попавшие в этот мир и выживающие здесь. Как могут.

— Слышь, Гронский, — услышал он сквозь рев, ехидный голос, — говорят, ты вот так без защиты уже был здесь. Даже Руны взял. Не хочешь повторить фокус? Будет чего ребятам за пивом рассказать.

Георгий перевел глаза на конвоира. Он только сейчас понял, что смотрит на мир через алую пелену. Один из охранников, который с ним говорил, глумливо улыбаясь, смотрел на него. Второй — демонстративно возился с замком в бункер, который якобы не мог открыть.

Допотопный век какой-то. Замок, ключ, железная дверь. В эпоху электроники и технического прогресса. Они бы еще шваброй подперли.

— Слышал, что с капитаном Оутсом неприятность произошла, — стараясь не перекрикивать гвалт, царящей в его голове, тихо произнес заключенный. — Передавай ему от меня привет. Скажи, что слезно благодарю за предоставленный выходной.

Дверь бункера запахнулась и Георгий, чтобы избежать ненужных ему тычков, нырнул в его прохладное нутро. И замер. Чувствуя, как у него на голове волосы становятся дыбом. Капсульные отели так называли сами заключенные бункеры.

Здесь и в самом деле было много капсул. Приговоренный к смерти помещался в капсулу, которая закрывалась и ставилась в закрытую ячейку. По вставленному в вену катетеру смертнику поступала в кровь питательная смесь для поддержания жизнеобеспечения.

По рассказам сокамерников Георгий знал, что подобным образом можно растянуть жизнь приговоренного к смертной казни до нескольких лет.

— Налюбовался? — ехидно спросили за спиной. — Тогда добро пожаловать.

Один из конвоиров открыл приборную панель и нажал на одну из кнопок. Из стены выехала пустая капсула.

— Ваш номер, мистер!

Дно капсулы было жестким и холодным. Полупрозрачная сфера закрылась над головой, и он медленно уехал в темное нутро стены, погружаясь в беспросветный мрак.

Сердце бешено стучало. Адреналин разносил по венам потоки крови. В ушах шумело. И этот шум заглушал даже ненавистный шепот. Георгий никогда не был склонен к каким-то необъяснимым страхам или фобиям. Не боялся закрытых пространств, темноты, тесноты, глубоких ям, но сейчас казалось это все откуда-то в нем вылезло разом, разъедавая изнутри дикой, необузданной паникой.

— Это всего лишь на несколько часов, — пробормотал он себе под нос, — я выберусь отсюда. Это не навсегда.

Тяжесть на груди лежала невыносимая. Несмотря ни на какую защиту. Обод жег шею. Хотелось сдернуть его с себя, вырвать вместе с мясом. Привычно разделить сознание. Выпустить силу. Не чувствовать себя таким беспомощным и беззащитным.

Вспомнил свою последнюю попытку выставить барьер. И осечки одна за другой.

Сломанное ребро пробило легкое и вам пришлось заменить его на имплантат.

Да всю его жизнь превратили в какую-то жалкую подделку.

Голова кружилась. Он словно падал в тоннель, наполненный Искрами и энергией

Источника. Георгий попытался воспроизвести рисунок, который когда-то очень много лет назад определил всю его жизнь. Он помнил, все линии, контуры, формы. Скопление точек и переплетения полос. Но выстроить в сознании не мог. Всегда что-то мешало. Размывало очертания. Отбирало силу. Смазывало эскизы.

Зато энергия давила. Ее было невыносимо много. И чем дальше он падал, тем невыносимее становилась эта тяжесть. Невероятно быстро кружили Искры. Вспыхивали и гасли, мерцали и пылали, исчезали и вновь появлялись. Исполняя вокруг него свой немислимый танец.

Георгий попытался открыть глаза и сесть, на мгновение забыв, где он находится. Но внезапно сузившиеся стены тоннеля не дали ему этого сделать. И он летел дальше, не имея возможности ни остановиться, ни за что-нибудь зацепиться, чтобы прекратить это беспомощное падение.

К счастью и у его колодца было дно. Мягкая, податливая субстанция сквозь которую он провалился, почти не замедляя движения. И неожиданно все прекратилось. Падение, верчение, тяжесть, головокружение. Даже в голове все стихло.

Гронский открыл глаза. Он стоял посреди какого-то горного плато, заваленного осколками камней. Вокруг стояли люди, сосредоточенно смотря вперед себя в одну точку. Он тоже перевел глаза, стараясь не выделяться от остальных. Это было важно сейчас.

В нескольких метрах от него стоял Источник. Правда сейчас тот выглядел несколько странно, совсем непривычно. Все четыре столпа отличались и по форме, и по размерам, и даже оттенка они были не такого, как обычно. И еще они стояли не по окружности, а в ряд, как бы немного друг за другом. Ближе всего к камням стояли четыре человека. Одна женщина и трое мужчин, один из которых прямо-таки выделялся своим исполинским ростом. Они были полностью обнажены, с наголо обритыми головами. И орнаментом из непонятных символов, полностью покрывающим их тела.

Четверо неотрывно смотрели на Источник. Рядом, полукругом на расстоянии в несколько метров стояли еще четверо. Двое довольно пожилых мужчин, одна женщина и одна еще совсем юная девушка, почти ребенок. Эти уже были в рубахах, но было хорошо видно, что открытые участки их тел покрывал все тот же непрерывный орнамент из букв или каких-то слов.

Позади них были еще люди. Очень много людей. Все они стояли в строгой последовательности друг за другом, полукругом, разделенным на четыре сектора. Приглядевшись Георгий понял, что построение людей повторяет расположение четырех столпов. Он огляделся вокруг себя. Он стоял во второй колонне, в ряду девятом или восьмом. Не получалось сосчитать точно. Все люди были одеты в серые длинные рубахи, платья, костюмы из просторных туник и штанов, похожего материала и цвета. И у всех на открытых частях тел виднелись похожие узоры.

Гронский обернулся назад. И аж присвистнул от удивления. Люди многоводной волной наводняли плато, спускались вниз по склону, заполняя ущелье. Все они держали обязательный строй, были одеты в серые одежды и на их телах были узоры. Правда он успел заметить, что чем дальше люди находились от Источника, тем их тела были меньше расписаны непонятной вязью.

Георгий поднял свою руку и увидел, что вся его ладонь, пальцы были украшены подобным рисунком. Он забрал рукав туники и увидел, что вязь уходит гораздо дальше по руке. С трудом преодолел желание посмотреть, что творится под штанами. Рядом стояли

женщины. Да и утешало одно, что руки, которые он рассматривал были не его, так же, как и стопы, и пальцы ног. Все было более мелким, хрупким, словно принадлежало подростку.

— Как же мне не нравятся такие сны, — пробормотал он себе под нос и замер. Слова, которые сорвались с его губ, были похожи на тот самый гул в голове. Только сейчас он понимал, что они значат.

Из-за Источника вышло два человека. В руках одного был кувшин, в руках другого глубокая чаша.

Они начали по очереди поить каждого из первой четверки.

Застучали барабаны. Георгий востепенулся, пытаясь понять откуда идет звук. Как оказалось, каждый крайний человек с той и другой стороны держал в руках нечто похожее на бубен, только гораздо большего размера, чем обычный инструмент.

Непрерывное чередование звуков и пауз заполнило плато, спустилось вниз по склону, отдалось эхом в ущелье. Этот ритм завораживал, настраивал на свою волну, заставляя всех чувствовать себя единым целым. И он тоже стал его частью. Частью целого.

В едином порыве люди ударили в ладоши и вытянули вперед правую руку ладонью вверх по направлению к Источнику. Словно просили что-то от него. Или на что-то благословляли.

И было во всем этом что-то неправильное, пугающее, заставляющее шевелиться на голове волосы.

Пора было просыпаться. Он больше не хотел спать.

Георгий подчинил себе руку и опустил ее вниз, нарушая целостность картины. Что нужно сделать еще, чтобы вынырнуть из этого бреда? Это всего лишь сон. Фантазия его перегревшегося мозга. Последовательность образов. Которую надо разрушить. Сделать то, что он не должен делать, следуя по определенному сценарию, диктуемому ему подсознанием.

Георгий еще раз бросил взгляд на окружающих его людей. Застывшие в ожидании лица. Поднятые руки. Бой барабанов. Ритм, отсчитывающий биение сердец. Он передвинул вперед ногу, нарушая порядок построения. Никто не отреагировал. Он сделал второй шаг. Третий. Задел плечом, стоящего в следующем ряду. Шлепнул по раскрытой ладони первого подвернувшегося мужчину.

Каждое движение давалось ему все легче и свободнее. Будто что-то сковывающее его внутри и мешающее действовать вдруг отступило на задний план и предоставило ему полную свободу действий. Он уже почти дошел до Источника, когда первая четверка сделала шаг вперед. Потом еще один и еще.

Ритм сменился. Он больше не был рваным, как будто неопределенным. Теперь он был торжествующим, словно подталкивающим вперед. Георгий уже почти поравнялся со второй четверкой, когда женщина и трое ее компаньонов повернулись лицом. Гронский сбился с шага, споткнулся и едва не растянулся на камнях.

Вся четверка широко раскрытыми глазами смотрели перед собой. Их лица белым неестественным пятном выделялись на фоне расписанных тел. Словно по команде люди сделали шаг назад, прислонившись спиной к столпам. Камни как будто ожили. Их серые поры стали мягче. И они прилипли к обнаженным телам жертв. Теперь Георгий уже не сомневался, что он видит. Это был самый настоящий ритуал жертвоприношения.

— Да ну нафиг такие сны! — закричал он и бросился вперед. — Я теперь вообще спать не смогу!

Еще он был уверен, что после того, как он потерял сознание, его опять чем-то обкололи. Потому что ничем иным подобные галлюцинации он объяснить не мог. Да что за черт?! Он им что ходячая лаборатория для испытания запретных препаратов? Надо будет на свидании поговорить с Малешским. Может это как-то возможно прекратить?

Камни поглощали своих жертв. Втягивали их в себя. Орнамент на камнях вплавлялся в кожу, превращая людей в свое подобие. Георгий прыгнул вперед и вцепился в руку женщины с явным намерением вытащить ее назад. Он должен был разрушить этот сон, чтобы тот перестал владеть над ним и отпустил назад в его реальность. Но камень не поддавался. Или это жертва уже стала его единой частью?

— Я вам сейчас покажу части, — зло прошептал он сквозь стиснутые зубы.

Он со всей силы дернул за неподвижную кисть. Понимая, что дерни он еще сильнее и та осталась бы у него в руках. Поднял глаза на лицо женщины. И пораженно замер. Оно не выражало никаких эмоций, кроме безмятежности и спокойствия. Еще сильно удивляло почему никто не пытается его остановить. Он уже ничего не сможет исправить? И что бы он ни делал эти несчастные уже обречены? Ритуал никак не прекратить?

Что-то теплое и мягкое коснулось его пальцев. Георгий, чувствуя, что его волосы без преувеличения на самом деле полностью встали перпендикулярно голове, опустил глаза. Кисть женщины уже скрылась в Источнике и теперь камень принялся за его ладонь.

Он дернул что есть мочи, намереваясь освободиться любой ценой. Пусть даже он отдаст часть кожи на пальцах. Или сами пальцы. Но камень неожиданно легко выпустил его руку. Георгий отлетел от Источника и больно упал на спину, на разбросанные вокруг осколки камней.

Это же Руны! Вот бы сюда комитетчиков. Пускай бы порадовались. Это ж сколько же оружия можно сделать.

Тела жертв уже полностью скрылись в камне, оставляя непоглощенными только лица. Их глаза были открыты, и они смотрели на всех все с тем же всеобъемлющим умиротворением. Не в силах продолжать смотреть на это, он перевел взгляд ниже, на сами камни.

— Начало, истина, материя, — неожиданно прочитал он, что было написано на одном из столпов, — дар, длина пути.

Он перевел глаза на второй камень.

— Познание, сущность, торжество.

— Жар, холод, влага, твердь, матушка, всего живого, единое.

На третьем камне было больше всего понятных слов. Он перевел взгляд на последнее изваяние.

— Сила, борьба, остановиться...

Да, что же это за...

Волна энергии обрушилась на плато. Накрыла всех присутствующих, спустилась вниз по склону, заполнила ущелье и потекла дальше. Последнее, что увидел Георгий — лица, навсегда застывшие в камне.

Глава 20

Первое, что Георгий почувствовал, когда схлынула волна — воздух. Он был легким, невесомым и невероятно вкусным. Его хотелось втянуть в себя как можно больше. Вдохнуть полной грудью.

Полной грудью, увы, не получилось. При любом резком или даже более-менее полноценном движении в груди, ребрах, еще где-то в спине отдавалось болью. Он открыл глаза. Напротив, него было окно с решеткой, в которое монотонно бил ветер. Едва различимо кружилась в воздухе песочная взвесь.

На соседних койках лежали другие пациенты, доставленные сюда из Карьера. Еще две кровати были пустые. Чуть в стороне стоял аппарат для поддержания работы легких, который непрерывно пищал. Георгий понял, что именно этот натужный писк и выдернул его из сна. Если этот бред, посетивший его голову можно было назвать сном. Он посмотрел на руку — она была его. Посмотрел на вторую — эта была в гипсе. Но первая точно была его.

Рядом с аппаратом вертелась совсем молодая девушка в легкой защитной форме, в которой обычно ходит персонал, не заходящий за стены Карьера. Девушка постоянно тыкала пальцами в разные кнопки, пытаясь наладить работу техники и очень интеллигентно ругалась. Наверное, училась жить взрослой жизнью.

В следующее мгновение ее ладошка взлетела вверх, и она с силой ударила по несчастному прибору, который возмущенно пискнув на неожиданно высокой ноте, затих. Вряд ли надолго.

Так его никогда не заставить работать, это же не человек.

Лениво проползла мысль в голове пациента. И он с каким-то отстраненным отупением понял, что не смог бы ее повторить вслух. Однако закрывать глаза Георгий тоже больше не хотел. За дверью послышался женский голос и девушка, встрепенувшись, вышла из палаты.

Гронский скинул одеяло, осматривая себя. По всему его телу расплзались иссине-фиолетово-черные кровоподтеки, несколько рваных ран, стянутых степлером и намазанных чем-то желтым. Он осторожно пошевелил руками, ногами и, стараясь не делать резких движений, встал с кровати.

У самой двери стоял кулер с водой. Очень простой, небольшого объема, с двумя кнопками подачи воды. Георгий залпом выпил три стакана, немного подумал и влил в себя четвертый. В голове заметно прояснилось, и он понял, что чувствует себя довольно сносно и даже бодро, если не считать заурчавшего желудка и уже привычной боли от иглы в шее. Все остальное почти не болело.

Сколько времени он пробыл в бункере? Что его ждет дальше?

Он огляделся вокруг себя. Перед глазами все еще стояли четыре столпа с застывшими в них лицами. Он еще долго этого не забудет. Что за бред живет в его голове? Как вообще такое может присниться?

Георгий обвел взглядом палату, пытаясь отвлечься. Аппарат для поддержания работы легких все так же стоял недалеко от окна. Он неуверенно подошел к нему. Пальцы привычно пробежали по гофрированным трубкам. Проверяя их на целостность.

— Гера, ты в доме мужчина или кто?

Ольга придает своему лицу очень серьезное выражение.

— Хочешь проверить? — он нарочито лениво отводит взгляд от экрана телевизора. —

Пойдем в спальню.

— Нет, давай здесь! — она поджимает губы, и тут же закрывает их рукой, чтобы не выдать улыбку.

— Давай здесь, я не против, — он встает с дивана.

Теперь надо проверить соединение пневмических магистралей.

— Я про наш аппарат, с ним опять что-то не так, — она пятится от него, упирается в стену.

— Я же знакомил тебя с инструкцией, — он прижимается к ней, чувствуя, как она улыбается.

Она всегда улыбается его близости.

— Я медик, а не техник.

— А я не то и не другое, — он мягко кладет руки на упругую попку, чуть сжимает пальцы, проводит ладонями вверх по спине.

Следующий шаг — осмотреть предохранительные клапаны.

— Я кофе тебе сделаю с твоими любимыми печенюшками, — шепчет она в ухо.

— Кофе в постель — это очень хорошо. Мне нравится.

Его пальцы цепляют застежку платья и тянут ее вниз.

— Ну, Герочка, ты у меня самый умный, самый талантливый, ты все умеешь. Ты же не заставишь меня ковыряться в этой технике самой.

— Хорошо, сладкая моя, умеешь ты уговаривать. Давай сейчас постель — кофе — постель, если успеем пока Темка не вернется от бабушки с дедушкой, можно еще печенюшки, а вечером я все сделаю.

Осталось проверить датчики и перезагрузить систему.

— Нет, — шепчет она в губы, — вечером тебя могут сорвать на службу. И ты опять умчишься. Давай сейчас техника, а вечером все остальное. Если получится.

Он повернул голову, так чтобы их глаза встретились.

— А вот это сейчас было обидно.

Он легко оттолкнулся ладонями от стены, понимая, что она права. Если вдруг он вечером будет вынужден уйти из дома, этот чертов аппарат должен работать. Нельзя оставлять ее одну со сломанной техникой.

— А ты пробовала его пнуть хорошенько? — спрашивает он, когда при включении раздается противный писк.

Ольга хохочет и кидает в него подушку.

— Так ты его никогда не заставишь работать, это же не человек.

Теперь нажать на кнопку включения. Засветился экран. Буквы перед глазами плыли, превращаясь в одно размытое, неясное пятно. Георгий что есть силы зажмурил глаза. Так, что под закрытыми веками запрыгали черные точки.

— Ой! — испуганный голос сзади заставил его обернуться. — Что вы делаете?

— Э... — он растерялся, — простите, я не должен был его трогать. Я видел, как вы мучаетесь, захотел помочь.

Девушка подошла к прибору. Пробежалась пальцами по нужным для работы датчикам. Проверила основные параметры.

— На самом деле работает, — она удивленно посмотрела на него. — Спасибо.

Он слегка улыбнулся кончиками губ и кивнул.

— Осталось только выстроить настройки и везите его к вашему пациенту.

Девушка несколько раз хлопнула глазами.

— Так это для вас.

Георгий завис, как этот самый аппарат. Красочно представляя, что было бы если ему и вправду он был нужен.

— Лихо у вас тут, — кашлянул он, — не поработаешь — не поешь. В данном случае не подышишь.

— Вы дышали, но были в отключке более трех суток. Сканеры упорно показывали на ваш имплантат. Словно организм пытался его отторгнуть. Мы хотели перестраховаться и поддержать работу легких, чтобы ничего не случилось.

— Главное, что все хорошо закончилось. Техника — цела. Я дышу.

В коридоре послышались крики и шум борьбы. Девушка удивленно распахнула глаза и выбежала за дверь. Георгий пошел следом. В небольшом приемном покое абсолютно голый, высоченный мужчина рычал и отбрасывал от себя женщин в форме лазарета. Одна из женщин повисла у него на руке, лишая подвижности. Он стряхнул ее с себя, отбрасывая в сторону. Но тут ему на шею сзади прыгнула та самая молоденькая медсестра, стараясь обхватить его ногами и видимо сделать удушающий прием. Наверное, она это видела в каком-то фильме.

Георгий, уже предвидя результат, нашарил рукой стул, стоящий у стены и двинулся вперед. В это время здоровяк двинул кулаком себе за голову, разбивая девушке нос и сбрасывая ее с себя. Но на него уже бросилась блондинка в очках с серьезным, сосредоточенным лицом и шприцем в руках. Громила наотмашь ударил ее тыльной стороной ладони. Отчего женщина отлетела в одну сторону, очки в другую, а шприц куда-то в угол.

Гронский обрушил стул на затылок мужчины. Подождал, когда тот недоуменно тряс головой, отшатнулся и стал разворачиваться на нового противника. И тут же получил сильный удар в челюсть и следующий ногой в пах. Нападающий согнулся и начал медленно опускаться на колени.

— Прости, парень, не люблю, когда при мне бьют женщин.

Только сейчас Георгий заметил, что кожа у мужчины очень плотная, так что это было заметно даже невооруженным глазом. С сероватым оттенком и черными размытыми линиями, словно не смытая грязь. А в следующий миг на него с визгом бросилась похожее существо только женского пола с серой кожей и недомытыми черными подтеками.

Она всей пятерней вцепилась ему в щеку, оставляя на его многострадальном лице кровавые полосы. Потом попыталась повторить тот же удар, который получил ее дружок, но Гронский успел увернуться, поймал ее за руку и заломив за спину, прижал к себе, лишая подвижности.

Ее лицо было совсем рядом, и Георгий почувствовал, как его бросает в жар. Сейчас ее глаза не выражали безмятежности, лишь злость и отчаяние. И еще немного удивления, когда она поймала его взгляд.

Неожиданно женщина глубоко вздохнула. Ее глаза закатились, и она начала оседать на пол. За ней стояла та самая блондинка со шприцем в руках. Она некоторое время изучающе смотрела на него, потом обернувшись в пол-оборота, произнесла:

— Света, окажи помощь нашему помощнику.

— Да, — коротко произнесла та, держась за нос.

Вокруг блондинки стали собираться участницы боя, жестикулируя и указывая на

странную парочку. Георгий стоя в дверях своей палаты, не мог отвести глаз от женщины, лежащей на полу.

Конечно же показалось. Просто сон еще никак не отпускает. А она... она такая... странная.

— Пойдем? — Светлана дотронулась до его плеча. — Вам нужно обработать лицо. Неизвестно, что у нее под ногтями.

Георгий взглянул на ее распухший нос и тяжело вздохнул. Кому еще больше нужна помощь?

— Меня зовут Леони Нотбер, я здесь главная, — блондинка пришла в его палату через несколько часов.

У нее были платиновые волосы, собранные в пучок на затылке, открывающие и даже подчеркивающие правильные, строгие черты лица, легкий почти незаметный макияж и внимательные глаза, цвет которых невозможно было понять из-за слегка затемненных линз очков. И синяк под скулой, который она уже успела чуть спрятать за косметикой.

Он кивнул. Права представляться в ответ у него не было. Да и зачем? Наверняка в планшете, который она держала в руках было его дело.

— Заключенный Георгий Гронский, — озвучив его мысли, произнесла госпожа Нотбер. — Ожидающий суда за измену Родине. Бывший офицер Стражи.

Слова раскаленным клеймом в очередной раз врезались в душу. Они что думают, что если будут повторять эти слова вновь и вновь, он сам в них поверит? Георгий стиснул зубы. Она заметила его реакцию и слегка усмехнулась.

— Я могу называть тебя Юрген? Заключенный Георгий Гронский звучит очень длинно. Он пожал плечами.

— Все мои эверийские коллеги и знакомые так меня обычно называли.

— С чего ты решил, что я оттуда?

— Ваше имя и ваш акцент. Только эверийцы умеют говорить на альтхамском так, мягко и округло. Придавая этому скрипу ржавого колеса мелодичное звучание.

Госпожа Нотбер бросила на него еще один внимательный взгляд чуть прищуренных глаз.

— Ты только при нашем коменданте так не выражайся. Альтхамцы — ужасные шовенисты.

Да уж здесь не поспоришь. Спесивый Альтхам, еще более высокомерный, чем Вестленд, словно на самом деле заледеневший в своих традициях — малюсенькое государство на севере материка и наиболее отдаленное от Источника. Однако благодаря наличию на их территории самых крупных месторождений алмазов и единственного в мире рудника с мавиитом, который, как выяснилось, продлевает и усиливает рабочий цикл Рун, они могли себе позволить независимый, закрытый образ жизни, не пуская чужаков на свою территорию.

— Истинный альтхамский сложно перепутать с другим языком.

— Ты тоже говоришь очень чисто.

— Я же бывший страж, — не смог сдержать он сарказма и тут же прикусил язык. Во рту почувствовался привкус крови. — Нас этому учили, — уже более мягко добавил он.

Леони усмехнулась.

— Лана сказала, что ты починил нашего старика, — и видя непонимающий взгляд собеседника, пояснила, — аппарат для стимуляции легких.

— Так получилось.

— Откуда такие умения?

— Сын болел тяжело и долго. Жена — врач с Искрой. Умела работать с медицинской техникой. У нас полквартиры было заставлено всем этим добром. А с электроникой возиться она не очень любила и это всегда было на мне. Вот и нахватался всего понемногу.

Госпожа Нотбер не стала больше развивать эту тему. То ли не было привычки ковыряться в чужих душах, то ли просто были не интересны столь подробные детали.

— Всего понемногу, — задумчиво повторила она, а потом добавила будто в продолжении своим мыслям, — это хорошо.

— Кто были эти люди? — Гронский все же не удержался, задал интересующий его вопрос. — Они очень странные.

— Это смертники, — легко ответила главврач, — они из бункера. Несколько часов назад Источник выплеснул повышенную порцию энергии, что вызвало острый сосудистый криз. Такое здесь часто бывает. Попробуем откачать у них излишнюю дозу излучения.

— И снова в бункеры?

— Осужденный в Карьере — должник перед всем человечеством. И обязан этот долг отрабатывать. Тем более смертники. Карьер — не санаторий.

— Спасибо, что просветили, госпожа Нотбер, — мрачно произнес Георгий. — Карьер — не санаторий. Карьер — это мясорубка для перерабатывания человеческого мяса.

— Живи в ладах с законом и никаких мясорубок, — в голосе женщины появились ледяные нотки. — Или ты считаешь себя невиновным?

Руны. Источник. Искры. Какой во всем этом толк, если это не может спасти жизнь? Не человечеству в целом, а всего одному человеку. Маленькому ребенку, который не заслужил подобной участи. Гронский не отрываясь смотрел ей в глаза. Натянул на губы улыбку, останавливая резкие слова, уже готовые сорваться с губ.

— Виновен, — всего одно слово. Отражение того, что осталось от его души.

Виновен, что не уберег. Не смог спасти. Не сдержал свое обещание.

Леони какое-то время выжидающе смотрела на него, будто ждала, что он продолжит. Их молчаливый диалог прервало появление одной из медсестер.

— Госпожа Нотбер, к вам посетители.

Она слегка удивленно приподняла брови и вышла вслед за своей сотрудницей. А еще через пять минут в палату зашел Седов Александр Евгеньевич.

— Не могу сказать, что рад тебя видеть, Гронский, — сразу без приветствий и предисловий перешел к делу следователь. — И не могу сказать, что был счастлив проделать столь длинный путь в столь невеселое место только потому, что ты даже здесь умудрился устроить беспредел.

— А я думал вы приехали разобраться, почему меня, еще находящегося под следствием и без приговора суда определили в бункер, — усмехнулся Георгий.

Седов скривил губы.

— Ничему тебя жизнь не учит, Гронский.

— Я хочу узнать, когда мне положено свидание с адвокатом?

— Через неделю, — следователь слегка склонил голову набок, — но вчера судья поставил на него запрет.

— Почему? — Георгий почувствовал, как внутри закручивается злая воронка.

— Потому что я получил на тебя характеристику с описанием твоего поведения. Ты весь

месяц получал штрафные смены за провинности. А несколько дней назад напал на охрану во главе со старшим надзирателем.

Ярость выплеснулась через края воронки, заполняя его всего до краев.

— Вы как себе это представляете? — процедил он, едва сдерживая себя в руках. — Я ночью, в очередную штрафную смену, после почти целого месяца бессонных ночей напал на четырех вооруженных охранников? Вы думаете мне не спалось, и я не знал, чем развлечься?!

— У одного из пострадавших после твоего удара был откушен язык и его пришлось пришивать. Капитан Оутс получил тяжелые челюстно-лицевые травмы и повреждение шейных позвонков. Остальные отделались более легкими ушибами. Тебе есть, что сказать на это?

Георгий прикрыл глаза, втягивая в себя все свои эмоции, запирая внутри. Иначе это могло закончиться еще большими неприятностями. Не будет свидания с адвокатом. Что с того? Малешкий и без него во всем разберется. Да и что он еще сможет ему сообщить полезного для расследования? Пожаловаться, что его здесь обижают? В бункере запирают? Препараты галлюциногенные колют?

— Спасибо за хорошие новости, Александр Евгеньевич, — улыбнулся он, — думаю о моем здоровье вам рассказывать нет стоит.

Седов неопределенно хмыкнул.

— Коменданту Карьера Ньорду Вестгейрду был объявлен выговор за превышение полномочий его подчиненными. Капитан Оутс не имел никакого законного права переводить тебя в бункер без постановления на то суда. Тебе полегчало?

— И действительно, зачем мне адвокат, когда у меня есть вы, Александр Евгеньевич, — стараясь быть не очень ехидным, произнес Гронский.

— Но это не значит, что нарушения правил сойдут тебе с рук, Гронский. На суде будут учитываться их тяжесть и глубина и они могут повлиять на окончательный приговор. К тому же их все равно придется отработать по возвращению в Карьер после суда.

— А если я не вернусь? Вы об этом не думаете?

Взгляд следователя стал более жестким.

— Ты — преступник, Гронский, и никакие дорогие адвокаты не помогут избежать тебе заслуженного наказания.

Заклученный нагло улыбнулся, не опуская глаз.

— А ты знаешь, Гронский, сколько здесь погибло людей при нападении террористов? Карьер — это отдельный мир со своими правилами и законами. Здесь у каждого погибшего остались друзья или даже родные. Ты — пособник преступников. Один из них. Как ты думаешь почему Оутс и его ребята ополчились на тебя? И это только вершина айсберга. Скоро поменяется смена и придут другие. Твою жизнь очень легко превратить в кромешный ад и без нарушения основных правил.

— И к чему вы все это говорите?

— Я могу походатайствовать за тебя перед судьей, и тебя на время следствия поместят в отдельную комнату. Где тебя, Гронский, будут кормить, поить, холить и лелеять, как свидетеля, а не бить как собаку по углам.

— Неплохие перспективы, — заметил Георгий, — а то мне и самому, знаете ли, надоело. И что же мне надо для этого сделать?

— Рассказать всю правду. Все, что ты знаешь. Раскрыть своих подельников, — вдохновенно перечислял следователь, — ты ведь понимаешь, что следствие можно

повернуть под разным углом. Ты ведь можешь идти по делу как свидетель, а это уже совершенно другой срок и другие меры.

Георгий перевел глаза за окно. Отсюда не было видно серых стен. Но они здесь, рядом. Они существуют. Алая пелена перед глазами, воздух, которым невозможно дышать, неподъемная тяжесть, которую они за собой скрывают. Надзиратели, охрана, боль от иглы блокатора. Непрерывный гул в голове. Бункеры. Сны.

Карьер ломает любые стержни.

— Хорошо, — наконец произнес Гронский. — Давайте бумагу, я напишу.

Глава 21

— Вот, — протянул Георгий бумагу с написанным текстом, подписью и датами. — Покаялся во всех своих грехах. Надеюсь на ваше снисхождение.

Следователь бросил на него настороженный взгляд и уткнулся в бумагу.

— Это что? — спросил он, быстро пробежав по строкам глазами.

— Описание всех моих преступлений. Я признаю, что нарушил устав службы и халатно пренебрег инструкциями, когда не довез форму после рейда в Управление. И пользуясь своим положением, решил присвоить себе Руны для личного использования.

Седов подошел к столу и взял чистый лист бумаги. Бросил его заключенному.

— Пиши, как согласился работать на Вестленд и был одним из тех, кто совершил террористическое нападение на Карьер и его бытовую зону. Как вынес Руны и передал их своим нанимателем. Как получил плату и пытался покинуть Дранкур, чтобы с новыми документами жить на территории Вестлендского королевства. Потом можешь написать, что ты раскаиваешься в содеянном и свой мотив.

Георгий, не отрывая глаз от перекошенного лица следователя, выслушал в который раз обвинения в свой адрес. Как топорно они стали работать. Уже безо всяких экивоков просто диктуют текст какой им выгоден. Доказательств не хватает? Или опасаются его адвоката? Иди что-то еще случилось, о чем он не знает?

— Простите, Александр Евгеньевич, — тихо произнес он, — но я не умею так бессовестно врать. Совесть не позволяет.

Седов застыл, буравя взглядом заключенного. Георгий подумал, что, если бы тот мог, обязательно ему сейчас врезал. Например, если бы они были в его кабинете, точно врезал. И ждал бы, что он сорвется и навалит в ответ.

Следователь круто развернулся и вышел из палаты. Гронский тяжело выдохнул и уже хотел было вернуться на кровать, когда посетитель вернулся вместе с главврачом.

— Госпжа Нотбер, — резко произнес Седов, — как здоровье вашего пациента? Когда планируете его отправлять назад?

Женщина слегка удивленно приподняла брови.

— Он всего несколько часов назад в себя пришел. Мы ему два стимулятора вкололи КА53 и СТИН. А потом еще обезболивающими накачали. И с имплантатом у него что-то не так. Вот аппарат стоит, как раз ставить хотела. В таком состоянии к Источнику нельзя. Организм не выдержит нагрузки даже на первом.

— А если я поинтересуюсь у коменданта?

— Ваше право, — главврач согласно кивнула, — только вряд ли у него будут другие данные о здоровье заключенного Гронского.

Следователь, не глядя больше ни на кого, быстрыми шагами вышел из палаты. Леони проводила его взглядом и повернулась к Георгию.

— Это ты такой талантливый? Или просто он нервный?

— Наверное совпадение, — неопределенно пожал плечами тот, — но спасибо. Правда не знаю, зачем вы это сделали для меня.

— Я же уже все объяснила, — устало, словно истратила все силы на общение, ответила Леони. — Ты вроде тоже здесь был, слышал.

— КАЗЗ и СТИН не колют вместе. Может вызвать резкое кровоизлияние в мозг. Если, конечно, нет цели прикончить пациента.

В ее взгляд вернулась заинтересованность.

— Не врал значит насчет того, что немного шарить в медицине, умник?

Георгий покачал головой.

— Ты, наверное, еще не успел заметить, но у нас здесь женское царство, — она слегка подалась к нему, — мужик нам нужен.

И не мигая стала смотреть на собеседника.

Не ожидавший подобного, Георгий ошарашенно замер. Несколько раз хлопнул глазами, мучительно пытаясь подобрать слова. Женщина насмешливо фыркнула и закатила глаза.

— Что, красавчик, привык, наверное, там на воле, что бабье вокруг тебя вьется? О чем сразу-то подумал?

Георгий еле слышно застонал и тяжело провел рукой по лицу.

— Надеюсь, я хотя бы не покраснел? — попытался отшутиться он.

— За твоими синяками не видно, — успокоила его Леони. — Техник наш уволился неделю назад. А ты сам видел какое у нас здесь оснащение. Не выносит аппаратура столь близкого влияния Источника. Под излучением электроника мгновенно выходит из строя. Вот у нас и стоят такие — ровесники эпохи Скорби. Даже сканеры и те глючат. Одного своего сотрудника я отпустила еще месяц назад. Проблемы у него в семье. Очень просил. А тут еще второй — по состоянию здоровья тоже нас покинул. И остались мы без мужских рук. У нас через неделю смена заканчивается. Вот нам никто замену искать и не стал. Комендант сказал, что за три месяца, пока будут работать другие смены, не спеша найдем. Вернемся будет нам и техник, и помощники.

Заведующая медчастью горестно развела руками.

— Вот я и говорю, Юрген, мужик нам необходим. А ты с техникой ладить умеешь, что самое главное. Да и вообще ты парень вроде неплохой. Одна беда у тебя — язык длинноват. Лучше научись держать его за зубами. Здесь с такими патологиями не очень жалуют.

С этими словами госпожа Нотбер взяла свой планшет со стола и пошла к двери.

— Состояние здоровья у тебя кстати довольно сносное. Фонить от тебя перестало еще ночью. Ты словно губка впитал излучение. Ты уж извини за подобные сравнения. Болевые ощущения от физических травм конечно еще будут. Легочные показатели пришли в норму. Проколом тебе обезболивающие, витаминчики, за неделю в себя придешь. После обеда я к тебе Лану пришлю, она скажет, что надо делать.

— Генерал Архипов? Разрешите с вами поговорить. Я не задержу вас надолго.

Замглавы Дранкурского Управления по оперативному подразделению повернулся на голос. Перед ним стоял незнакомый мужчина. Высокий, худощавый, импозантной внешности и в дорогом костюме.

— Виктор Григорьевич Малешский, — представился незнакомец, — я адвокат Георгия Гронского.

— А! — как-то неопределенно отреагировал Архипов. — Я уже говорил вашему помощнику, что мне нечего добавить. Все, что я знал, есть в его деле.

Генерал положил руку на ручку входной двери своего дома. Такого подвоха, как встреча с адвокатом, которую он довольно старательно избегал в последние дни, он не ожидал.

— И все же если позволите, я задам всего несколько вопросов по поводу вашего сотрудника.

— Георгий Гронский больше не относится к моему ведомству, — сухо проинформировал генерал.

— Но решения суда еще не было.

— Он нарушил основной постулат Службы. Присвоив себе Руны, он предал Стражу. Этого достаточно, чтобы навсегда лишить его высокого права быть ее частью.

В Доминионах Дранкурского Содружества Стража всегда была на особом счету — элита среди всех силовых структур. Должность главы Центрального Управления считалось равной министру обороны и подчинялся он непосредственно Верховному главнокомандующему. Стражей недолюбливали, считали их зазнайками, дутыми величинами не за что получающими свои немалые деньги. Но после разговора с Градовым Малешский посмотрел на Службу другими глазами. Очень много обычные граждане не знали об этой структуре. И что они могут и что на самом деле они делают. И как они это делают.

Архипов — мужик крутой. Фанатик Службы. Карьерист. Восьмой уровень.

Адвокат вспомнил, как Градов описывал то, что делает страж на пятом уровне. А значит стоящий перед ним человек, может разделить свое сознание на полноценных восемь частей, наполнить силой Источника и управлять ими по собственному усмотрению.

Это вызывало уважение.

— Я знаю, что вы не ладили с Гронским, как только перешли на службу в Дранкурское Управление? — задал он интересующий его вопрос.

Архипов поморщился.

— Знаю, о чем вы. Наверное, наслушались рассказов, что я опасался Гронского или даже завидовал ему, что он наступал мне на пятки и я хотел так обезопасить себя и свое положение. Знаю я все эти шепотки за спиной.

— Вас это расстраивало?

— Нет, конечно, — генерал задумался, поджав губы. — Когда я пришел в Дранкурское Управление, то уже был ознакомлен с досье каждого своего оперативника. И конечно же в первую очередь с характеристикой Гронского. Он яркая личность и как ни крути очень талантливый и перспективный страж. В свои тридцать шесть у меня тоже уже был пятый, но шестой я получил лишь пять лет спустя. А у Гронского просто кладезь возможностей. Его Источник одарил сверх меры. И выбрав свой путь, он не имел право просто так разбазаривать свой дар. Хочу — не хочу, это уже не те мерки, которыми должен руководствоваться страж его уровня. А он забыл об этом и решил, что сам волен решать, как распоряжаться подобной ценностью.

— *Прямо не служба, а рабство какое-то на галерах,* — подумал адвокат, но вслух этого произносить не стал. Пока генерал говорит, пусть говорит, а он слушает.

— Конечно мне претило такое отношение. Я уже представлял, как можно использовать подобные способности. Намечающийся шестой уровень в тридцать шесть лет — это прорыв. Шестых в Дранкуре не так уж много, а молодых и способных еще меньше. К тому же у Гронского стали проявляться и другие способности. Поэтому я всего лишь пытался привести его в чувство, напомнить, кто он есть, и что у него должно быть на первом месте. Если быть откровенным, я считаю, что стражам, которые решили посвятить Службе свою жизнь вообще надо запрещать заводить семью. Чтобы не отвлекались.

Малешский дернул бровью, лишь одним этим движением высказав свое отношение к услышанному. Генерал и в правду был фанатиком, не зря его так назвал Градов. И адвокат

очень четко чувствовал его эмоции. Веру в свои слова, непримиримость, нетерпимость, ярое осуждение, даже презрение. И совершенно не чувствовал лжи или попыток увильнуть от ответа, подменить правду на другие понятия.

Единственное, что смущало адвоката, что за всем этим он чувствовал что-то еще. Но даже он с его опытом и возможностями никак не мог определить. Интересно, использует генерал в разговоре с ним свою Искру? Барьер, например, первого уровня, за которым может скрывать свои эмоции от считывания? Если да, то стражи — это особый контингент, который никогда не расколются ни на каком детекторе или «сыворотке». По крайней мере стражи уровня Архипова или того же Гронского.

— Я знаю, — продолжил Архипов, — Гронский пытается свое предательство свалить на наговор. Что на него просто вешают содеянные не им преступления, используя в своих интересах. И обвиняет он никого иного, как родное Управление и меня, как самого главного злодея.

— Мой клиент отрицает свое участие в заговоре с Вестлендом и террористическом нападении на Карьер.

Генерал пронзительно посмотрел на адвоката.

— Он конечно же рассказывал вам о своих друзьях в Хардане? О майоре Стражи Хардана Элфи Ноа? О том, что майор Ноа — зять генерала Шейла Периша, который в свою очередь является главой Харданского Управления. Что как минимум два раза в год Гронский со своей семьей некоторое время гостит у майора в загородном доме, в том числе тесно общается и с самим генералом. И что майор не раз навещался в Дранкур с ответным визитом. Что Гронский является крестным отцом двух его сыновей близнецов? И что паспорта, которые были найдены у Гронского в машине после аварии были сделаны еще полгода назад?

Виктор уже много лет был адвокатом и за его карьеру ему приходилось попадать в разные ситуации. И подобные удары он умел хорошо держать.

— У моего клиента нет от меня секретов, — твердо ответил он, сбрасывая оцепенение.

— Вам виднее, — Архипов улыбнулся, — но сейчас прошу меня простить, мне пора.

Генерал с осязательным удовольствием скрылся за дверью своего дома. Малешский, развернувшись, медленно шел к своей машине. Почему никто не рассказал ему столь важные подробности о жизни Гронского? Ни сам Георгий, ни его сослуживец, ни родители. Думали, что он не узнает? Наверяд ли. Не считали важным? Возможно. Когда ничего плохого не замышляешь, то, наверное, на подобных деталях не делаешь акцент. Или просто хотели, чтобы он более глубоко увяз в этом деле и не отказался бы от него при появлении столь неприятных улик не в пользу своего клиента. Как бы там ни было, ему надо поговорить с Георгием. Предстоящее свидание внесет ясность в ситуацию.

Мысли адвоката прервал телефонный звонок.

— Добрый вечер, Виктор Григорьевич, — поприветствовал его Александр. — Нам на почту пришло письмо из секретариата суда.

— И что там? — по голосу помощника Малешский понял, что Саша звонит не с хорошими новостями.

— За постоянное нарушение правил Карьера вашему клиенту запрещены свидания. В том числе и с его адвокатом.

— Очень вовремя, — адвокат иронично скривил губы. — И что такое он сделал, что ему запретили свидания?

— Драка, нанесение увечий старшему надзирателю уровня и охранникам.

Виктор тяжело выдохнул.

— Еще новости есть?

— Пришли запрашиваемые документы из Управления.

— И что там?

— Из предоставленной информации стало известно, что после столкновения с фурой, автомобиль нашего клиента несколько раз перевернулся, ударился об скалу, а потом на них сверху упал камень. Ольга Гронская умерла на месте, сам Гронский получил множественные травмы.

— Что с мальчиком?

— Ремни крепления разорваны, видимо от сильного рывка. Судя по всему, во время столкновения, инерционное движение от удара вышвырнуло его в противоположную дверь, в сторону обрыва. На двери есть сильная вмятина. На траве много крови и обрывки одежды. Все говорит о том, что мальчик, на самом деле погиб. Но подождем заключение независимых экспертов.

Малешкий раздраженно застонал.

— День сегодня явно не мой. Пришли мне эти файлы, тоже посмотрю. И закажи мне билет в Хардан на завтрашнее утро. Хочу кое с кем пообщаться там.

— Вы нашли какую-то зацепку? — оживился Александр.

— Скорее доказательство вины моего клиента. Но я должен все проверить.

— Виктор Григорьевич, почему вы взялись за это дело? — вдруг неожиданно спросил помощник. — Вашим оппонентом выступает само Управление Дранкура. Все улики говорят против Гронского. И пока ни одной зацепки в его пользу. Что вас заставляет верить в его невиновность?

— Мотив, — адвокат ответил не задумываясь. — Я не вижу причину, по которой он совершил бы преступление, в котором его обвиняют. Ведь кто такой Георгий Гронский? Абсолютный везунчик. Он и удача всегда шли рука об руку. Вся его жизнь — это сплошная белая полоса. И шел он по ней легко и уверенно. Одарен Источником, успешен на службе, постоянное восхождение по карьерной лестнице, финансовое благополучие, счастливая семья. Единственная черная полоса, которая случилась в его жизни — болезнь сына. Но в Вестленде, как и в Дранкуре не лечат синдром Ларанга. Зачем ему было изменять свою судьбу на то, что он все равно бы не получил?

Глава 22

— Спасибо, что согласились встретиться со мной, мистер Ноа.

Малешкому удалось договориться на встречу с майором Стражи Харданского Управления Элфи Ноа уже к вечеру следующего дня.

— Это я должен быть вам благодарен за то, что связались со мной. Правда, не знаю, смогу ли я чем помочь вам и Георгу. Я, когда узнал, что с ним случилось, сказать, что я был ошарашен — значит ничего не сказать. Как разрыв эрдэ среди чистого поля. Георг — вестлендский агент. Забавно.

— Вы так уверены, что этого не может быть?

— Со всех сторон — это чистое вранье.

От майора, на самом деле, исходила такая волна уверенности, что оставалось только жалеть, что эмоции и чувства нельзя пришить к делу.

— Начнем с того, что Вестленд не устраивал диверсий в Карьере. Наше государство стояло на пороге величайшей сделки. И что Вестленд променял бы союз с Оркли на бокс с Рунами? Не понимаю, чем думает Комитет, когда ведется на такие провокации.

— Политика — вещь извилистая. Чаще всего чтобы прийти из точки А в точку В прямой путь не выбирается.

— Это как раз тот самый случай, когда прямой путь — самый верный.

Элфи пригласил адвоката к себе домой и сейчас они сидели на закрытой террасе и наблюдали как тугие струи дождя со всем своим осенним задором лупят по стеклам, разбиваясь брызгами и превращая вид за окном в размытое пятно. В помещении было слегка прохладно, но аромат глинтвейна, струящийся из стоящих на столе кружек, добавлял уюта и недостающего тепла.

— Отец моей жены — генерал Периш был знаком с Георгом еще до нашей с ним встречи. Они участвовали в одной операции в Макке. И, об этом я узнал уже позже, Шейл еще тогда предложил Георгу перейти на службу в Хардан. Столь перспективные кадры всегда будут лакомым куском для любого Управления. Правда не всякое Управление сможет финансово обеспечить свои аппетиты, но Шейл явно не поскупился. Однако Георг отказался, что тогда, что позже, когда уже они встретились у меня дома.

— То есть, когда Георгий приезжал к вам в гости, вы обсуждали с ним возможность его перехода на службу Вестленда?

Элфи покачал головой.

— Шейл сделал одну попытку, после чего я попросил его больше не наседавать на Георга со своими предложениями. Ведь сами понимаете, иначе вряд ли у нас получилось бы с ним продолжать отношения. Тяжело приезжать в дом, где тебя постоянно напрягают.

Адвокат согласно кивнул и взял в руки горячую кружку.

— И что ваш тесть?

— Согласился с моими доводами и сказал, что больше не будет говорить на эту тему, но его предложение остается в силе и, если Георг вдруг решит, он всегда готов к общению.

— Вы часто общались с Георгием?

— Три года назад он стал крестным моих близнецов. С тех пор мы обязательно встречались на днях рождениях наших детей и на наших с ним. В начале прошлого лета, я

пригласил его с семьей в наш загородный дом в южной части Вестленда. Они пробыли у нас четыре дня, а потом Георгу надо было возвращаться на службу, а у них в семье не принято было расставаться, и они уехали. Скоро день рождения моих сыновей, мы как обычно ждали их в гости.

Элфи замолчал. Отвернулся к окну, наблюдая за скольжением воды по стеклу.

— Если я вас правильно понял, у вас с Георгием сложились довольно крепкие дружеские отношения, которые связали не только вас двоих, но и ваши семьи.

Вопрос Малешского вернул вестлендца к разговору.

— Да, вы правы. Я скорблю по его утрате и переживаю за него.

— Не расскажите мне, что послужило началом этих отношений? Два старших офицера Стражи Вестленда и Дранкура. Вы настолько доверяли друг другу? У вас никогда не было сомнений, что Георгий может использовать встречи с вами по заданию своего руководства и пытается вас использовать? Или же у него могут быть подобные мысли в отношении вас?

Майор Ноа пожал плечами.

— Сначала я отвечу на первый ваш вопрос, господин адвокат. Мы познакомились с Георгом в рейде. Это была обычная служебная поездка в Карьер, чтобы забрать Руны, которые в порядке очередности предназначались нашему государству. Контролерами в тот раз были назначены дранкурцы. Как вы понимаете, это был полковник Гронский и его младший напарник, недавний выпускник спецучилища, лейтенант с уже почти проявившимся третьим уровнем.

Транспортировать только что отделившиеся от Источника Руны то еще удовольствие. Даже закрытые боксом и не представляющие угрозы для остальных, для стражей это головная боль, непрекращающееся давление, постоянное напряжение. Мы их чувствуем по-особому. Да еще неизвестно, как Источник отреагирует на отделение Рун.

— Простите? — вынужден был перебить адвокат. — Это что значит?

— Карьер само по себе место непростое, а Источник... — страж тяжело выдохнул, — а что такое Источник до сих пор неизвестно. Когда он осыпается всегда происходит выброс энергии. И тяжело предсказать, какой силы он будет.

— Ясно, — кивнул головой Малешский, которому если, что и стало ясно, так это то, что и об Источнике, и о Рунах, и о самих стражах простые потребители имеют весьма отдаленное представление.

— С получением Рун все прошло гладко и быстро. Взяли, поставили отметку о получении, наши сопровождающие приняли на контроль и сели в аэрокапсулу.

И видя снова непонимающий взгляд собеседника Элфи пояснил.

— Вестленд, так же как Нортландия и Альтхам не имеет прямых границ с пустыней. Если мы будем передвигаться по земле, то придется запрашивать разрешение на провоз Рун через границы других государств. К тому же любая страна может выставить свои условия, — страж поморщился, — в общем это муторно, долго и очень невыгодно. А по воздуху границ для официальной перевозки Рун не существует. И вот загрузились мы в нашу аэрокапсулу и поднялись в воздух. Мой младший напарник — он же пилот, естественно занят управлением летательного аппарата, который как я заметил он не поставил на автомат. Удивился, но не стал ему ничего говорить. Мы с ним хорошо знали друг друга уже много лет, и поэтому я доверял его решению. Сижу смотрю в окно на пустыню. Пытаюсь абстрагироваться от давления Рун. А Георг тихо разговаривает со своим напарником. Из их разговора я понимаю, что у лейтенанта на днях предстоит аттестация на третий уровень и что сегодняшняя

поездка, что-то вроде практического зачета. У стражей принято, если находишься в международной компании, говорить на общем. Закона такого нет, но считается очень дурным тоном, если разговариваешь на своем языке. Естественно, мне был интересен их разговор. Наши школы по обучению стражей считаются самыми сильными, но они разные, и я искренне развесил уши, надеясь услышать что-нибудь этакое, из закрытой информации. Но Георг заметил мой интерес и стал говорить громче. Потом начал обращаться ко мне с вопросами, спрашивал мнение по тому или иному вопросу. В итоге присели мы нашему лейтенанту на уши с двух сторон и давай делиться опытом. И вот вошли мы уже в полный раж, когда капсулу заметно тряхнуло. Как будто нас подбросило на огромной волне. И тут пилот говорит, что нас сносит к Источнику.

Пустыня Нохар-Аг, три года назад.

— Элфи, нас сносит к Источнику, — неестественно спокойный голос пилота, оборвал майора Ноа на очередной вдохновенной ноте. — Не могу ничего сделать.

Вскочил на ноги drankурец. Оказавшись рядом с пилотом, он считал информацию с лобового стекла, осмотрел пространство вокруг них.

— Расстояние сократилось на одну треть, с того момента, как мы вышли из зоны Карьера. Что случилось? Почему на ручном управлении?

— Электроника вышла из строя, почти сразу как мы поднялись в воздух.

— Почему не сообщил раньше?

— Так всегда бывает здесь, у Карьера. Электронику обычно вырубает рядом с Источником. Поэтому я даже не стал ее включать, когда мы поднялись в воздух. Но сейчас приборы так и не пришли в норму. Безопаснее было лететь на ручном. Я надеялся, что выйдем из этой зоны и все наладится. Но сейчас все автоматические режимы просто не реагируют.

Капсула вновь влетела в волну, приподнимаясь на воздушном гребне и стремительно падая вниз. Выругался пилот. Элфи провел рукой по губе, стирая кровь из прокушенной губы.

— Спускайся, — отдал он короткий приказ.

Летательный аппарат вновь подбросило в воздухе. В этот раз, чтобы удержаться на ногах, пришлось хвататься за поручни.

— Не могу, потоки воздуха слишком сильные.

— Отпускай управление, — вдруг произнес полковник, — иначе капсулу разорвет. Слишком большое сопротивление.

— Нас выбросит в пустыне, — напряженно ответил пилот, пытаясь выровнять аппарат.

— А так размажет об Источник. Наверняка нас уже заметили, найдут.

Неожиданно внутри тела что-то оборвалось и ухнуло вниз. Чтобы в следующее мгновение взлететь вверх. К горлу подкатил ком.

— Всем сесть на места. Пристегнуться, — услышал Элфи короткие, отрывистые команды. — Кир, давай ставь защиту на третий. Как мы с тобой говорили. Будет тебе экзамен сразу. Майор, пристегни к себе бокс, а то будем потом по всей пустыне ползать.

Что-то опять взорвалось внутри. Элфи, едва не прикусив себе язык, потянулся к боксу. Воздушное пространство неожиданно превратилось в бесконечный океан, где их капсулу, как беспомощную щепку бросало из стороны в сторону, снизу-вверх.

— Ставим барьеры! Все! На максимум!

В этот раз летательный аппарат крутануло вокруг себя. На какое-то время Элфи почувствовал себя подвешенным вниз головой. Треснул страховочный ремень. Бокс с Рунами оттягивал руку. Четыре уровня защиты почти не спасали от невероятного давления энергии, разлитой в воздухе повсюду.

Капсулу в очередной раз завертело. Оторвалась и улетела в неизвестность дверь. Элфи успел заметить, что лицо лейтенанта все залито кровью. И его старший ставит над ним дополнительный уровень защиты.

Ветер ворвался в салон. Завизжал на ухо. Попытался утянуть за собой. Летательный аппарат еще раз перевернуло. Сквозь завывания стихии Элфи слышал треск рвущейся ткани. Резкий порыв воздуха, словно гигантской рукой схватил его за куртку и вышвырнул из капсулы.

Барьер.

Когда он открыл глаза вновь, то обнаружил себя на узкой больничной койке. К его запястьям, щиколоткам, животу, груди и шее были привязаны широкие прочные ремни, жестко фиксирующие его тело и удерживающие в лежачем положении. Майор как мог обвел глазами небольшое помещение. В свете ярких ламп стерильная, выложенная самой обыкновенной плиткой комната напоминала лабораторию безумного профессора из дешевого фильма ужаса. Или карантинный бокс, которые много лет назад еще до эпохи Скорби использовали для изучения первых облученных. Еще возможно морг.

Помимо него в комнате присутствовало еще трое человек в темно-синих хирургических халатах, под которыми можно было заметить, что-то наподобие защиты от излучения для военных и маски на лицах. Один из них стоял возле его головы, пристально наблюдая за экраном монитора. Второй в ногах рядом со столиком, на котором лежали шприцы и еще какие-то ампулы, наполненные жидкостью. Третий чуть вдали на высоком стуле, похожим на те, которые ставят за барные стойки и держал в руках планшет, в котором делал записи.

— Пациент приходит в себя, — сообщил второй, стоящий у его ног.

— Вижу, — сухо ответил первый, не отрывая взгляд от монитора, как понял Элфи с его показателями жизнедеятельности. — Искры стали реагировать на пробуждение мозга.

— Кто вы? — прохрипел Элфи, дернувшись в ремнях. — Что вы делаете?

Первый перевел на него изучающий взгляд, потом вновь вернулся к экрану.

— Кстати у них и вправду отличный от других рисунок Искры. Даже по сравнению с активными носителями. Его и в самом деле можно назвать рисунком. Он реагирует на энергию Источника.

Мужчина повернулся к третьему своему коллеге.

— Миа, положи ему в руку камень.

Третий, который судя по имени оказалась женщиной, подошла к столу, взяла лежащую на нем перчатку и открыла бокс с Рунами.

Элфи снова дернулся, привлекая к себе внимание.

— Что вы делаете? Вы понимаете, кто я?

Миа, которая уже стояла рядом, усмехнулась и положила ему в руку небольшой камень. Ладонь обожгло, будто в нее вложили раскаленный металл. А через мгновение огонь вспыхнул в каждой клетке его тела. По мозгам ударил поток энергии. В глазах, меняясь калейдоскопическим образом, завертелись рисунки его Искр. Он хватал их горящим подсознанием, выкладывая в контуры, выставывая защиту.

— Потрясающе! — сквозь шум в ушах слышал Элфи голос первого. — Видели, как

реагируют Искры на появление осколка Источника? Видели, как он использовал его энергию? Миа, пока убери.

Давление исчезло. Майор расслабленно вытянулся на койке. Спина была мокрой от пота. Пот тек по вискам, лбу, заливая глаза.

— Уроды! — сквозь стиснутые зубы процедил он. — Вы понимаете, что просто так ни пропажа стража, ни бокса с Рунами не останется безнаказанной? Меня будут искать.

— Нейл, давай ему релаксант. Чтобы не дергался, но в сознании был.

— Пятьдесят шестой?

— Нет, давай ролс. Надежнее, только не забудь через двадцать минут антидот вколоть, а то загнется. Нам он еще нужен.

Элфи скосил глаза, наблюдая за первым. В вену вошла игла. Он стиснул зубы, но дергаться не стал. Надо было понять, чего хочет этот безумный вивисектор. Попытаться вывести его на разговор. Хирург повернулся к нему, блеснув скальпелем.

В следующую секунду за его спиной раздался тихий щелчок и первый рухнул прямо на него. Элфи почувствовал, как лицо и шею заливают чем-то теплым. Еще один щелчок. Вскрик той, которую звали Миа. Щелчок.

Тяжелое тело, лежащее на нем, уехало в сторону, наткнулось на стол и, сбивая аппаратуру, с грохотом ударилось о пол.

— Судя по всему я вовремя.

Дранкурец взял скальпель, выпавший из рук первого и перерезал ремни, удерживающие майора Ноа.

— Ты как?

Какое-то время Элфи безумными глазами смотрел на коллегу, словно свалившегося с потолка. Несколько раз моргнул, стараясь прийти в себя.

— Уже лучше, — он еще раз тряхнул головой, — но они мне какую-то дрянь вкололи.

— Идти можешь?

Пока вестлендец проверял свои возможности, Георгий обвел глазами комнату, увидел бокс.

— Так он здесь, — с явным удовольствием выдохнул он, — повезло.

У него на одном плече висел автомат, на другом какая-то сумка из плотной ткани.

— Ты-то сам как здесь? — все еще не веря в свое спасение, спросил Элфи.

— Тебя выбросило раньше всех, но к счастью, до земли было не более двух метров. И видимо тебя оглушило. Нас протащило дальше. Капитан твой головой сильно приложился, но жить будет. У Кирилла несколько переломов.

Георгий защелкнул бокс, протянул его владельцу.

— Барьер выставить можешь?

— В голове все плывет. Это видимо от того препарата.

Майор опустил глаза на руку. В центре ладони зияла самая настоящая дыра, размером с грецкий орех.

— Ух ты! — дранкурец бесцеремонно оторвал большой кусок халата у ближе всех лежащего тела. — Руны?

Вестлендец кивнул.

— Они какие-то эксперименты ставили.

— Уроды.

Георгий взял бокс и протянул майору укороченный УРП.

— Тебе легче будет. Здесь заряд только наполовину выработан.

С этими словами он пошел вперед. Элфи почувствовал всплеск энергии и понял, что drankureц выставил щиты и судя по тому, что прикрыло даже его, на все свои пять уровней.

— Как ты меня нашел?

— По следам, но тебя уже уволокли. К счастью, успел заметить, куда тебя потащили. Сейчас сам увидишь — с виду здесь полуразрушенный, заброшенный дом, а внизу что-то типа научного центра: лаборатории, хранилища для лекарств, что-то еще. Я заглянул в пару комнат, тебя искал.

— Спасибо.

— Рано еще, — Георгий резко обернулся. Сзади них явственно слышался топот ног. — Сюда направо. Делаем ноги. Держись меня, если не справляешься со своими Искрами. Я прикрою.

Глава 23

Оказавшись на улице, Элфи оглянулся вокруг себя. Позади на самом деле торчали останки когда-то большого, многоэтажного здания. Тихо вполголоса выругался полковник. Ноа повернулся на звук его голоса и замер. На западе, вдоль линии неба висело багряно-черное облако.

— Песчаная буря, — прошептал он. — Идет сюда.

— Нет, — возразил Георгий, — не сюда. Если сейчас уйдем на север, и сделаем крюк по зоне отчуждения, сумеем ее избежать.

Элфи вытер рукавом, струящийся по вискам пот. Стояла невыносимая духота.

— Что у тебя за сумка? — спросил он, вешая автомат на плечо и, переходя на бег, подстраиваясь под темп, заданный его путником. Хотя это было очень непросто. С каждой минутой его мышцы становились все слабее. Он вообще удивлялся как мог передвигаться на своих двоих. Видимо энергия от Руны стала неким уколом адреналина, который пока позволял держаться.

— Пока тебя искал, наткнулся на лабораторию. Там я позаимствовал у одного отзывчивого парня то, что у тебя за плечом. А потом заметил у них что-то вроде сейфа, который был открыт. Там лежали разные ампулы со шприцами, вот я взял образцы.

— Зачем? — Элфи аж споткнулся от неожиданности.

— Да у нас тут в отделение новый генерал пришел. Он любитель всех этих дел. У него даже свой исследовательский отдел есть. Вот, думаю, возьму, порадую человека.

Говоря это, Георгий постоянно оглядывался назад. Его лицо становилось все более мрачным.

— Четверо на квадроциклах прямо за нами.

Защитный контур вокруг них стал прочнее. Черпая его спокойную силу, Элфи вдруг понял, что может видеть рисунки своих Искр. Он попытался выставить барьер.

— Не трать силы, — дранкурец повернулся к нему, — я пока держу. Думаю, твоя защита нам еще пригодится.

Элфи сделал, что ему сказал напарник.

— Бежим вон к той постройке, — показал Георгий на останки одного из зданий, торчащих то тут, то там на самой границе Нохар-Аг и зоны отчуждения. — Попробуемся там спрятаться.

Им оставалось совсем немного до спасительного укрытия, когда из-за развалин показались еще два квадроцикла. Песок у самой границы щита взорвался фонтанчиками пыли.

Элфи сорвал автомат с плеча и несколькими точными выстрелами сбил первого водителя квадроцикла.

— Неплохо, — откомментировал полковник.

— ВИРС бы сюда. Стреляки-то у них не самые мощные.

— Ложись! — неожиданноскомандовал Гронский.

Ноа на автомате упал в песок, чувствуя, как с него слетает защита. Гронский стянув свою силу, ударил барьером по приближавшемуся с боку преследователю. Водителя швырнуло вперед на землю, и он упал под мощные колеса собственного квадрацикла. Воздух

прорезала автоматная очередь, разрывая пространство, там, где только что стояли стражи. Элфи, не вставая, вкинул оружие, снимая стрелявшего ответной очередью.

— Заряда почти не осталось, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Сил, правда тоже. Но этого вслух он говорить не стал.

В метре от них упал эрдэ.

— Уходим!

Георгий вскочил на ноги, хватая напарника за рукав куртки, рывком ставя на ноги. Они успели сделать несколько шагов, когда почувствовали накрывающую их волну.

— Барьер, — одними губами прошептал Элфи. Его четыре контура переплелись с барьером дранкурца, накрывая их прочной защитой. Волна излучения ударив, прокатилась по их щитам, разрывая рисунки.

В голове словно что-то разорвалось. И уже не сдерживая себя, майор упал на колени, стиснув голову руками.

— Моя голова, — простонал он, чувствуя во рту солоноватый привкус крови.

— Не волнуйся — на месте, — раздался рядом бодрящий голос, — но лучше нам сейчас валить отсюда. Этых безмозглых тоже задело. Как дети малые, ей богу! Волна же не в одну сторону распространяется. Зато пока они очухаются, мы должны быть от них как можно дальше.

Элфи пошатываясь, поднялся на ноги. Георгий уже стоял с боксом и своей неразлучной сумкой, смотря на черно-багряную полосу, полностью закрывшую горизонт.

— Нет, — замотал головой вестлендец, — это верная смерть.

— Это наше спасение, — возразил Георгий, — в зоне отчуждения нам точно не выжить. Здесь все враги. Туда же они за нами не сунутся. А если решатся, то мы будем на равных условиях.

И он, больше не слушая возражений, пошел вперед.

— Бред, — прошептал майор и последовал за ним.

Передвигаться становилось сложнее с каждой минутой. Внутри него ярким пятном горела тревога, как предвестник большой беды. Это странное чувство давило, сбивало шаг. Иногда Элфи ловил себя на мысли, что каждый шаг отсчитывает как последний. Но впереди постоянно маячила спина, иногда превращаясь в размытое пятно, и он упорно следовал за своим ориентиром.

Духота усиливалась. Вместе с ней пришла давящая, вязкая тишина. Словно из мира исчезли все звуки. Все труднее становилось дышать. Темнело. Багряно-красное солнце исчезало в мутной завесе. Бурая мгла все плотнее и плотнее заволакивала горизонт. Первый порыв раскаленного, колючего ветра ударил в лицо.

— Черт! — Георгий резко отвернулся от ветра.

— Надо защитить лицо, — тяжело дыша произнес Элфи.

Полковник бросил на него внимательный взгляд. И начал расстегивать куртку.

— Закроемся рубашками.

Но едва они успели стянуть с себя одежду, как сзади послышался рев мотора. К ним на полном ходу мчался один из преследователей на квадрацикле.

— Барьер, — услышал Элфи рядом с собой тихий, сосредоточенный голос. Почувствовал всплеск силы. Гронский вышел на шаг вперед. Но майор понимал, что тот не сможет ударить и закрыться контурами. Водитель успеет выстрелить, пока страж будет открыт. Прикрыть своего напарника ему нечем.

Ноа сорвал с плеча автомат.

— Черт! Заряда осталось всего на пару выстрелов.

— Бей по колесам. Водителя не снимешь.

Палец резко втопил спусковой крючок.

— Есть! — сквозь зубы процедил майор.

Квадрацикл на скорости понесло в сторону. Георгий, не дожидаясь последствий, побежал вперед. Элфи последовал за ним. Туда, где начинался ад. В лицо бил сухой, горячий ветер. Забежав в серую мглу, майор все же обернулся. Перевернутый квадроцикл лежал на песке, придавив собой водителя.

Ветер набирал скорость, поднимая вверх песок и пыль. В вое вихря пропадали все остальные звуки. Чтобы было слышно друг друга приходилось кричать.

— Уходим влево, там я видел несколько валунов, можно спрятаться за них. Хоть какое-то укрытие. Барьер выставить сможешь?

Чтобы не тратить силы, Элфи просто покачал головой. Песчинки огненным дождем били по открытым участкам тела. Контуры чужой силы легли на кожу. Стало чуть тише и ветер перестал сбивать с ног. Однако даже эта защита не спасала от мелкой пыли. Элфи стянул рубаху на лицо, закрывая глаза. Все равно на расстоянии двух метров уже ничего не было видно. Воздуха не хватало. Было такое ощущение, что он просто исчез, уступив место туче жгучего песка, которая нещадно секла тело. Колотилось сердце, взрывалась голова от немилосердной боли. Губы, рот, глотка пересохли. Мышцы превратились в неуправляемый кисель.

Нога попала в какую-то ямку и Элфи упал на песок. Зная, что подняться сил нет.

— Что? — рядом распластался дранкурец.

— Прямо перед твоим появлением в меня вкачали какую-то дрянь. Сказали, что есть не вколоть антидот, загнись через двадцать минут. Сколько уже прошло времени?

Полковник вскочил на ноги. Протянул руку напарнику.

— Вставай, там впереди метрах в пяти что-то есть. Ветер усиливается. Нам на открытом пространстве не продержаться.

Майор хотел спросить, что он там смог рассмотреть впереди в такой хмари, но даже язык отказывался шевелиться. Он вцепился в руку дранкурца. Тот выдернул его на верх, ставя на ноги и потащил за собой. Через десяток шагов, Элфи на самом деле увидел перед собой огромный валун, за который и было свалено его почти бесчувственное тело.

— Как ты его увидел? — прохрипел он.

— Никак, — слегка усмехнулся Георгий, — просто знал, что он должен быть. И все.

— А если бы не было?

— Значит шли бы дальше, пока не нашли.

Элфи чуть повернул голову, пытаясь рассмотреть напарника. Тот стараясь не высовываться из-за укрытия, пододвинул к нему бокс и сумку и начал расстегивать куртку.

— Когда сниму барьер будет совсем плохо. Камень этот хоть какое-никакое укрытие. Поможет. Главное держись. Не бросай бокс и автомат, тоже тяжесть. Еще сумку мою держи, а то объясняй потом Архипову, что буря унесла. У него даже песок по уставу перемещаться должен.

Майор почувствовал тяжесть куртки на свои плечах и голове, которая закрыла его от нещадно бьющего песка. Почти сразу исчезло спасительное давление барьера. И на Элфи в полной своей силе обрушился ад.

Бесновался всюду ветер. Выл. Ревел. Визжал. Пытался сорвать куртку, накинутую сверху. Бурая пыль облепила с головы до ног. Стало совсем темно. Несколько раз Элфи ловил себя на том, что пытается ускользнуть от реальности и забыться в сладкой невесомости, которая становилась все желаннее и притягательней. Даже сердце билось реже и тише. В одно из таких мгновений, когда он уже был почти на пороге полного отключения, он с силой вогнал себе зубы в ладонь и вернулся в сознание. Он еще несколько раз проделывал этот трюк, но вскоре и боль уже не стала ощущаться чем-то отвлекающим. Он все больше погружался в темноту внутри себя.

Он не знал сколько прошло времени, когда стихия отпустила. Разжала свои безжалостные пальцы и немного отступила. Именно отступила. Ибо ветер продолжал бесноваться, но словно это теперь происходило в отдалении. Примерно, когда в непогоду сидишь на веранде своего дома, а дождь во всю лупит по стеклу.

Рядом упало что-то тяжелое. А еще через несколько мгновений куртку слегка приподняли, и он увидел перед собой встревоженное лицо дранкурца.

— Живой?

Выглядел полковник очень изможденным. И Элфи прекрасно понимал, что непрерывно держать барьер в полную силу очень тяжело, да еще на таком уровне, как у Гронского. Но видимо его напарник не привык сдаваться ни перед разбушевавшейся стихией, ни перед свалившимися обстоятельствами, ни перед какими-либо другими трудностями.

— Скорее нет, — едва ворочая языком, ответил майор, не ожидая, что его услышат.

Георгий подтянул к себе сумку с препаратами и отполз в сторону. Проследив за ним взглядом, Ноа увидел еще одного человека, находящегося в зоне защитного барьера. Видимая часть его лица была сильно повреждена. На месте глазницы виднелось уже подсохшее кровавое пятно. Щека стерта до самого мяса.

— Твои дружки накачали моего напарника какой-то дрянью. У меня есть сумка с лекарствами из вашей лаборатории. Посмотри, что можно ему вколоть, чтобы он не загнулся от ваших экспериментов.

Мужчина не ответил. Георгий запустил руку в сумку, наугад доставая шприц и немедля воткнул его в бедро незнакомца. Тот взвыл, попытался дотянуться до иглы, точащей в его ноге, но тут же получил локтем по зубам и упал на песок.

— Я буду вкалывать тебе по шприцу и смотреть за твоей реакцией, пока не пойму, какой шприц мне нужен. У меня здесь их целая сумка, — холодный голос Георгия словно контрастный душ посреди зноя пустыни. — Я не врач, но кое-что понимаю.

С этими словами он нажал на поршень. Мужчина глухо застонал, но больше попыток мешать стражу не делал.

— Если скажешь добровольно, — Гронский хладнокровно достал второй шприц, — я позволю тебе взять из сумки любые ампулы, которые тебе нужны, чтобы не сдохнуть. По моему, полноценный обмен. Если нет, то своего напарника процентов на девяносто я все равно спасу, а ты сдохнешь в мучениях.

И доказывая, что он не блефует занес руку для второго укола.

— Какой препарат в него вкололи? — сквозь стиснутые зубы спросил незнакомец.

— Рас. Ралс. Ролс, — попытался вспомнить Элфи, — он как-то так назывался.

— Посмотри с руной ирсэ.

— Это что рунный алфавит? — насмешливую издевку в голосе не скрыло даже

завывание ветра. — Извращенцы.

Он полез в сумку, по очереди поднося шприцы и ампулы к глазам, пытаясь рассмотреть начертания на приклеенных бумажках.

— Вот он, — наконец достал он нужный шприц. — Что это за препарат?

— Если твой напарник не ошибся, то ролс — это очень мощный релаксант, способный остановить сокращение сердца и легких через определенное время после попадания в кровь. Если не ввести антидот, человек неизбежно умрет. Он продержался очень долго.

Голос говорившего был сипл и натужен. Наполнен болью.

Георгий подтолкнул ему сумку и переместился к майору. Остановил руку со шприцом на уровне его глаз.

— Давай, — кивнул Элфи, без слов понимая незаданный вопрос и закрыл глаза, держаться сил больше не было.

— Что дальше? — сквозь муть накатившего забытья, услышал он сиплый голос незнакомца.

— Слово свое я сдержал, — последовал невозмутимый ответ дранкурца, — ты дал то, что было нужно мне, я — тебе. Когда закончится буря, я сдам тебя властям.

— За то, что я отщепенец? — с явной ненавистью выдавил мужчина.

— За то, что ты со своими дружками напал на стража и украл Руны. Думаю, даже в зонах отчуждения известно, что это нарушение закона, которое карается строго и неизбежно. Так что не обессудь...

Что ответил незнакомец и ответил ли что-нибудь вообще, Ноа уже не слышал.

Когда он вновь начал ощущать мир, воя ветра не было и раскаленный песок не жалил со всех сторон. Элфи лежал на спине, рубашка на его лице по-прежнему была завязана, закрывая рот и нос. Дышать было трудно, но уже не невозможно. Раскаленный воздух пустыни жестко касался воспаленной кожи. Безумно хотелось пить. Он провел сухим языком по растрескавшимся губам.

Рядом лежал дранкурец. Его глаза были закрыты. Было похоже на то, что тот дремал. Незнакомца нигде не было видно.

— Кто это был? — сипло спросил Элфи.

— Это ты его подстрелил, когда этот придурок решил полезть за нами в бурю на своем драндулете, — оповестил его довольно бодрый голос Георгия. — А потом, когда мне нужна была разъяснительная лекция по препаратам, которые были у меня в сумке, я его нашел, вытащил полуживого из-под груды железа, да еще потратил на него драгоценный запас своей добычи. И никакой благодарности.

В воздухе по-прежнему висела красноватая взвесь. И солнца почти не было видно.

— И где он сейчас?

— А, — вяло махнул рукой Гронский, — я на несколько минут потерял концентрацию, контуры сбились. Он решил, что это хороший момент и деру дал. На моих-то препаратах силенок прибавилось. Сил догонять его уже не было.

— Что теперь с твоим драгоценным запасом? — подражая заданному тону, спросил Элфи.

— Все ампулы унесло ветром.

— А как же твой генерал?

Георгий задумался на несколько мгновений.

— Давай вообще не будем говорить, что они у нас были.

— Как скажешь, — Элфи слегка истерично хохотнул. — Сколько еще шла буря?

— Почти четыре часа. И еще около часа ты был в отключке, когда все начало стихать. Я у тебя хлопушку взял и послал сигнал о нашем местоположении. Нам ответили. Так что скоро подберут.

Майор ошарашенно посмотрел на напарника. Он знал среди его коллег бытовало мнение, что сигнальные хлопушки в эру спутниковой связи — устаревшая и ненужная вещь, которую вопреки уставу не нужно иметь при себе на задании. Но то, что такой решительный, отчаянный, бесстрашный человек, ввязывающийся в смертельные авантюры и готовый без оглядки рисковать своей жизнью ради того, кого первый раз видит, может быть настолько безответственным представить было сложно.

— Нет, правда, у меня их обычно две! — искренне воскликнул Георгий и для убедительно поднял руку с количеством пальцев, подтверждающие его слова, — ношу еще для того безответственного... э... чудака, который считает, что сигнальные хлопушки в эпоху спутниковой связи вчерашний день, но сейчас ни одной не оказалось. Наверное, выпали, пока я бегал туда-сюда.

— Представляю, как ты по своему смарту объяснял бы наши координаты в пустыне, занесенной после бури. Мы под третьим кустиком два шага направо от горизонта...

И Элфи захохотал. Выплескивая в этом смехе, пережитый страх, боль, растерянность, скальпель в руках безумца, бурые тучи жалящего песка, бесконечно количество шагов в неизвестность, безнадежность. Он понимал, что это похоже больше на истерику, но не мог остановиться, пока не выплеснул из себя все, как заразу, отравляющую душу.

Отсмеявшись, он сел. Провел рукой по лицу, пытаясь оттереть пыль.

— Теперь тебя можно благодарить?

— Валяй, — благодушно разрешил Георгий.

— Спасибо, — искренне произнес майор Ноа, — ты столько раз спас меня за эти неполные сутки, что простое спасибо — это несоизмеримо мало. Когда вернемся назад, я обязательно напишу рапорт. И расскажу, что только благодаря твоему бесстрашию, опыту и умению использовать свою Искру, миссия по транспортировке Рун была благополучно завершена.

Гронский тяжело вздохнул.

— Тебе это надо?

— Ты вернул бокс, не отдал его в чужие руки, не дал затеряться в буре. Ты же знаешь, что в таких случаях положено твоему государству и тебе лично.

— Я спрашиваю, тебе это надо? — с ударением на слове «тебе», повторил полковник.

Элфи замялся.

— Но...

— Мы — стражи, и нас не так уж и много. Мы постоянно попадаем в разные переделки. Служба у нас такая, здесь уже ничего не попишешь. Но если мы будем друг друга подставлять, бить в спину, ставить подножки на ровном месте, то однажды из очередной передрыги можно уже не выбраться...

— Это ответ на ваш первый вопрос, господин Малешкий. Георг трижды спас мне жизнь: когда вытащил из плена, не дал загнуться в песчаной буре и раздобыл антидот. А еще он спас мою репутацию, честь офицера, погоны, карьеру. За потерю Рун меня могли бы вообще уволить со службы. Не помогли бы ни какие родственные связи, ни заслуги.

— Как вы продолжили ваше общение?

— Вернувшись в Вестленд, я начал собирать о нем данные. Генерал Периш мне помог. Я узнал о его семье и трагедии с сыном. А еще Шейл рассказал об их совместной операции в Макке и как Георг переживал за тех маленьких заложников. Я понял, что он любит детей и предложил стать крестным моих близнецов. Которые кстати родились через два дня после моего возвращения из рейда. Общаясь с ним три года, я знаете, что понял?

Малешский вопросительно поднял брови.

— То, что он сказал тогда в пустыне насчет отношений стражей друг к другу не было просто словами. За три года нашего общения, я понял, что это его жизненный принцип. Если можешь помочь — помоги, если можешь спасти-спаси, может прикрыть — прикрой. Не подставляй, не предавай, не бросай в беде. Я несколько раз был в его компании и видел, как к нему относятся его друзья и сослуживцы. Открытый, дружелюбный, Георг всегда умел находить с людьми общий язык. И это был его фундамент, который он выстроил за годы своей службы. Чтобы быть уверенным, что сможет выбраться из любой передряги. И когда его увидите — передайте, что я, все что в моих силах обязательно для этого сделаю.

Глава 24

— Гронский, датчик движения зафиксировал недостаточную активность в течение последних двух дней. Ночная смена.

Георгий едва заметно скривил губы. Как сказал Седов, это только вершина айсберга. Новая смена — новые проблемы. Правда первые два дня его особо не трогали. Сообщили, что пятнадцать смен, объявленные Оутсом были аннулированы и на время оставили в покое, так как у каждого вновь заступившего на службу старшего надзирателя был свой счетчик и своя система поощрений и наказаний.

— Есть! — четко ответил он.

Неделя, проведенная в лазарете, дала возможность немного отдышаться, свыкнуться с новой действительностью и задуматься над тем, как себя вести дальше.

Как оказалось, отработка заключенными на объектах вне стен, являлась уже обыденной практикой. В Карьере и в самом деле была система поощрений за хорошее поведение или другие заслуги. За бетонными стенами были поставлены цеха, где мужчины и женщины могли выполнять полезную для общества работу, продолжая выплачивать свой долг человечеству. Под эту систему не попадали только смертники и находящиеся под следствием.

— Но ты сюда не за хорошее поведение попал, — в очередной раз поддела его Леони Нотбер, — а просто валяться в постели с тремя царапинами — слишком большая роскошь.

Она не скрывала к нему своего отношения: легкое пренебрежение, приправленное заметной долей осуждения и холодная отчужденность. И никогда не упускала возможность сказать что-то колкое, даже когда можно было просто с ним не общаться.

Но именно Леони Нотбер выбрала его среди других кандидатов в помощники, вытащила на целую неделю из плена серых стен и дала возможность поставить на паузу хаос, в который превратилась его жизнь.

С остальным персоналом в медблоке отношения сложились ровные. Видимо они уже привыкли к подобным подручным и чаще не обращали на него внимания. Он делал свою работу, которую ему говорили: от помощи в пищевом блоке до обязанностей медбрата во врачебной части и уходил в совсем небольшую комнату больше похожую на кладовую или подсобное помещение, которые отвели ему для сна.

Здесь открывая окно нараспашку, несмотря даже на постоянно задувающую осенними ветрами песочную взвесь, он мог дышать настоящим воздухом, наслаждаясь каждым вдохом. Еще чинил тонну старой техники, которую как ему иногда казалось госпожа Нотбер специально отыскивала на каком-нибудь складе, чтобы он не дай бог не остался без дела.

Иногда смотря на подобное барахло Георгий не всегда мог понять, что видит перед собой. В училище будущим стражам не рассказывали, как чинить технику, являющуюся ровесницей ушедшей эпохи. Да их вообще не учили разбираться в какой-либо технике, кроме оружия или транспортных средств, которые они использовали на службе. А его личных знаний на подобные раритеты явно не хватало.

Правда чуть пообвыкнув, Георгий начал понимать, что все ухищрения по ремонту сводились к тому, что надо было раскрутить пару винтиков, снять крышку и проверить на

целостность провода, отходящие контакты, определить срок службы и хранения микросхем. И сдать на утилизацию. Это были его единственные мысли в первые дни, когда к нему прилетал очередной привет из прошлого.

Но потом он понял, что здесь все было именно так. Механические приборы с кнопками, обычные выключатели света, двери с обычными врезными замками, открывающиеся обычными металлическими ключами. Это все ушло еще во времена их бабушек и дедушек, и в их современном, измененном, постоянно прогрессирующим мире встретить подобное, казалось, уже невозможно.

Здесь была совершенно другая жизнь, о которой за границами зоны отчуждения большинство людей не имело никакого представления.

— Света, а зачем ты здесь? — спросил он однажды у той молодой практикантки, которую увидел первой, после того как пришел в себя после бункера. С ней Георгий общался чаще всего и у них сложились довольно нормальные приветливые отношения. — Ты молодая, с хорошим образованием, живешь в большом городе, у тебя наверняка были другие возможности и другой выбор. Почему Карьер?

Она легко пожала плечами.

— Почему нет? Всего месяц из четырех. То есть один месяц в квартал и всего четыре в год. Хорошая зарплата, на которую вполне можно прожить другие три месяца, социальные выплаты, плюс у каждого государства есть свои дополнительные бонусы для тех, кто работает или служит в Карьере. В Содружестве, например, через семь лет выдают субсидию на покупку квартиры. Плюс возможность раньше окончить трудовую деятельность и получать выплаты за выслугу лет. Сюда на службу попасть не так-то и легко.

День и ночь в Карьере не сильно отличались друг от друга. Здесь почти не было дневного света. Бетонная стена заканчивалась мелкой, металлической сеткой, покрытой прочным защитным составом, который максимально сдерживал излучение, замедляя его распространение в большой мир.

Ночью лампы светили менее ярко и заключенных почти не было в периметре стен, по крайней мере на первом уровне. Георгий привычно шагал за своим конвоиром. Пытаясь лихорадочно понять, как ему быть дальше.

Это только вершина айсберга. Твою жизнь очень легко превратить в крошечный ад и без нарушения основных правил. Скоро поменяется смена и придут другие.

Предупреждение Седова постоянно всплывало в памяти. Что ему делать, если его опять захотят поучить жизни? Он же не может драться со всеми. Сейчас отдохнувший и пришедший в себя, Гронский хорошо ощущал собственные силы и трезво оценивал свои способности. В запале он может кого-то ненароком убить или покалечить. Давать калечить себя ему тоже не хотелось. Но больше физической боли он не хотел вновь испытывать на себе действие каких-нибудь препаратов. Не хотел отключаться и видеть сны. Он и так каждую ночь, едва стоило закрыть глаза, видел этот тоннель, в который он бесконечно падал. Горное плато. Чужой Источник. Четырех несчастных, отданных на жертвоприношение. И бой барабанов. Который звучал в его голове иногда заглушая даже уже въевшийся в мозг шелест.

— Кто эти люди? — спросил он однажды у Светланы, выбрав, как ему показалось, удачный момент, — которые напали на вас? Мужчина и женщина?

— Это смертники из бункеров, — легко ответила девушка, — я сама здесь не так давно, это моя вторая смена. Но другие рассказывают, что так бывает. Источник по-разному влияет

на людей.

В отличие от Леони Нотбер она ответила искренне. Но все равно оставалось слишком много вопросов. Почему вместе мужчина и женщина? Почему ему так показалось знакомым ее лицо? Почему они были обнаженными? И их очень странный цвет кожи.

Все эти мысли калейдоскопом проносились в его голове, пока он шел за конвоиром. К тому же ко всем его неприятностям и проблемам беспокоила боль в запястье правой руки, которая уходила по предплечью вверх, почти до самого плеча. Симптомы появились на второй день его пребывания в лазарете. Кожа на руке покраснела и отекала, пока это не переросло в навязчивое покалывание, а потом боль. Мази, перевязки, даже уколы приносили лишь временное облегчение, а через несколько часов все возобновлялось с новой силой. В итоге главврач пришла к выводу, что симптомы — последствия излучения, полученные в бункере и надо подождать, пока организм примет изменения и вернется в свое обычное состояние.

И он ждал. Как будто у него был выбор.

Надзиратель чуть замедлил ход и поравнялся с ним. Георгий напрягся. Скопил глаза в другую сторону, чтобы понять есть ли кто еще.

— Нас с вами доставляли в лазарет на одной аэрокапсуле, — неожиданно произнес офицер, — вы всю дорогу были без сознания и не можете этого помнить. Но в меня вкололи столько обезболивающих, что я помню большую часть пути.

Георгий от неожиданности сбился с шага и остановился. Из головы разом вылетели все рассуждения, сомнения, раздумья, шумы, чужие слова.

— В аэрокапсуле ваша защитная формы стража лежала рядом. А измеритель уровня излучения постоянно был включен. Мне очень хотелось помочь вам, и я наблюдал за его показателями, если вдруг они скакнут и вам что-нибудь будет угрожать. Но условные единицы фона всегда были в норме. Я вырубился уже почти под самый конец нашего пути

Георгий все так же молча смотрел на конвоира.

— Вы меня не узнаете? — спросил тот.

Гронский покачал головой.

— Я был тогда в Карьере. Была моя смена, когда напали террористы. Вы закрыли свою коллегу и меня от взрыва эрдэ.

— Вы тот раненый офицер, которого мы нашли на посту?

— Да. Капитан Алексей Ивохин, — он слегка смутился, — впрочем, мое имя вы уже знаете.

Но Георгий этого даже не заметил. В его голове осталась лишь одна мысль, пульсирующая яркой нитью.

Со мной не было Рун? Я их не брал, не выносил сам из Карьера?

— Я хочу отблагодарить вас. Помочь вам.

Гронский попытался взять себя в руки.

— Благодарить меня не за что. Вопреки всем предъявленным мне обвинениям, я выполнял свой долг. Я страж и должен был вас защитить. И я это сделал.

— В мою смену никто не верит этим обвинениям. Я разговаривал с ребятами.

— Скажите это Оутсу, — фыркнул Гронский.

— Оутс прихвостень коменданта. Это все знают. Без его указки тот ничего сам не стал бы делать.

Георгий тяжело выдохнул.

Зачем коменданту это было нужно? Чтобы сделать его жизнь невыносимой и заставить подписать то самое признание, которое от него требует Седов?

Но признание нужно Дранкуру, чтобы доказать причастность Вестленда к нападению на Карьер. А комендант — альтихамец.

Что тогда хотел добиться Оутс? Спровоцировать его на драку? А потом иметь возможность вновь притащить к Источнику без всякой защиты и посмотреть, как на это будет реагировать его организм? Как будто изучают его.

Или ставят опыты.

— Нам лучше продолжить ходить. Счетчик движения, к сожалению, я отменить не могу, — голос капитана ворвался в его тяжелые мысли. И он сделал первый шаг, выходя на полкорпуса вперед.

— Первый месяц у меня был сложный курс реабилитации. При захвате Карьера я нахватался излучения и был не совсем в себе. Какое-то время мне ставили диагноз нестабильности психики и признавали недееспособным. Потом все восстановилось и меня даже вернули на службу. Когда я вышел из больницы, я связался с вашим адвокатом и рассказал ему все то, о чем говорил сейчас вам.

— Вы очень рискуете, капитан. Даже наш разговор — это риск для вас. Вы становитесь ненужным свидетелем.

— Я знаю, что вам запретили свидания с вашим адвокатом. Может, вы хотите ему что-нибудь передать. Подумайте, что я могу для вас сделать?

Что тут думать-то? Все рассказанное капитаном может повернуть ход дела. Если измеритель излучения не показывал повышенный уровня силы, исходящей от него, значит Руны при нем не было. А это значит, что он сам не выносил Руны из Карьера. И основные обвинения, в пособничестве Вестленду, предъявленные ему, не будут иметь под собой никакой почвы.

А самое главное: все то, что с ним происходит сейчас началось не с того злосчастного рейда. Гораздо раньше.

«Прибывшие на место происшествия стражи, зафиксировали, что поведение полковника Гронского было необычным и не соответствовало норме. Он ни в какую не хотел уходить от Источника и оказывал сопротивление оперативной группе.

Оперативникам пришлось обездвигнуть полковника и его без сознания доставили в аэрокапсулу для дальнейшей перевозки в лазарет Адентона. Вместе с ним в аэрокапсуле находился капитан охраны Карьера Алексей Ивохин с тяжелым ранением в живот, получивший сильнейшую степень излучения, а также пилот летательного аппарата лейтенант Велес Бажен из Управления доминиона Ново-Орша.

Во время всего перелета полковник Гронский в себя не приходил и не показывал никаких признаков осознанного поведения так же, как и капитан Ивохин.

В рапорте, который лейтенант Велес Бажен написал по прибытию в Адентон, указывается, что в капсуле ощущался сильный фон энергии Источника, исходящий от формы Гронского. Получивший дозу излучения лейтенант провел несколько дней в Лазарете, после чего был отправлен домой для прохождения лечения в городской больнице и ему был предоставлен оплачиваемый отпуск для полного восстановления».

— Да, Саша, заходи, — Малешский оторвал глаза от экрана, отзываясь на тихий звук в дверь. — Я тебя здесь с самого утра жду. Рассказывай, как съездил. Удалось поговорить с

лейтенантом Баженом?

Александр привычно опустил в кресло напротив шефа.

— Увы, — он досадливо поджал губы, — за несколько дней до моего приезда его определили в лазарет для стражей с каким-то там профессиональным расстройством сознания.

— В его-то возрасте? — хмыкнул адвокат.

— Последствия излучения, — развел руками помощник, — так, по крайней мере, сказала госпожа Бажен.

Малешкий вопросительно поднял брови.

— Сначала она ни в какую не хотела разговаривать со мной. Вела себя грубо, даже агрессивно, сказала, что много тут нас всех на ее сына. А он еще не отправился от стресса после первого рейда.

— С этого момента поподробнее, — притормозил его рассказ босс. — Что значит много вас? До этого с Баженом разговаривал кто-то еще?

— Да, несколько дней назад. Приехал какой-то парень. Лейтенант наш, который до этого ни с кем не общался и сидел безвылазно дома, вдруг согласился с ним поговорить. А вечером приехали другие, в форме стражей и увезли его с собой. После чего матери сообщили, что у ее сына обострение расстройства и какое-то время ему придется провести в лазарете.

— Что еще сказала госпожа Бажен?

— Да в общем ничего. Ругала службу сына в целом, его руководство в общем, досталось даже нашему клиенту, сказала, что ее мальчик очень хороший и честный, и что теперь ему всю жизнь сломают. Как-то так. Но теперь у нас есть показания капитана Ивохина, которые могут перевернуть весь ход дела.

Малешкий откинулся на высокую спинку кресла.

— Капитан Ивохин ненадежный свидетель. В протоколе четко написано, что в момент транспортировки его и Гронского в Лазарет оба были без сознания. К тому же — он лицо заинтересованное. Из его разговора со следователем он ясно дал понять, что считает полковника Гронского героем и обязан ему спасением жизни.

— А вы исключаете такую возможность? Люди умеют быть благодарными. И у Ивохина для благодарности очень весомый повод.

— В нашу самую первую встречу с Георгием он сказал, что очень смутно помнит о своем пребывании в Карьере в те злополучные минуты. Он помнит Источник и Руны и помнит, как держал их в руках. Но он ни разу с уверенностью не сказал, что взял их с собой. И его сомнение, смятение, непонимание происходящего я не просто чувствую, как эмоции, скорее даже вижу, как образы в сознании. И это всегда меня смущало. Он обнаружил Руны лишь у себя дома, а так как объяснить их появление не смог, то просто сложил в своей голове, как ему казалось, два плюс два. Не зная того, что составляющих в этом уравнении гораздо больше.

Александр уважительно кивнул. Он уж как никто другой знал, как его босс умеет сканировать чужие эмоции и чувства, а уж если тот говорит об образах, то здесь уже сомневаться и вовсе не приходилось. Жаль, что до сих пор подобное проявление Искры не засчитывается судом, как весомая улика.

— Единственное место, где Гронскому могли подложить Руны — лазарет Адентона. Там всегда полно излучения, и Руны, закрытые в боксе, не привлекли бы лишнего внимания.

Потом, чтобы его не остановил какой-нибудь полицейский патруль, словив повышенный фон излучения, его посадили в аэрокапсулу и доставили почти до самой больницы, где Гронского ждала семья. И это еще одно подтверждение, что он ничего не знал о Рунах, которые у него были всегда с собой. Он бы не стал так рисковать женой и сыном. Даже герметичный, защитный бокс с активными Рунами представляет потенциальную опасность для окружающих. Не зря же в рейды ставят как минимум сразу четырех стражей.

— Тогда объясните мне, Виктор Григорьевич, почему те, кто затеял все это, были уверены, что исполнительный, ответственный, верный своей службе полковник Стражи, для которого долг и честь офицера не являются пустыми словами просто не сдаст Руны в Управление, как только их обнаружит? Тогда бы цепочка оборвалась и не было бы никакого иноагента и заговора против родины.

Малешский легко пожал плечами.

— Потому что за несколько дней до этих событий в жизни Георгия появился Еларин, который смог вложить издерганному и отчаявшемуся отцу, что есть способ спасти жизнь его умирающему сыну. И для этого нужны именно Руны. А то как Гронский переживал и искал способы предотвратить трагедию ни для кого из его окружения уже не было секретом. То есть те самые недостающие составляющие уравнения, о которых наш клиент просто не мог знать.

— По вашим раскладам получается, что Гронский не преступник, а жертва. И для него возможен даже оправдательный приговор?

Адвокат с досадой зацокал языком.

— Это всего лишь, как ты выразился, мои расклады. И на каждый пункт у меня пока нет ни одного весомого доказательства. Но картина в голове у меня сложилась, и я считаю, что не ошибаюсь. На завтра я пригласил Мэта, хочу запустить его по следам этого самого Еларина. Нужно выяснить, кто он на самом деле такой и откуда такой ученый взялся. Ты, я надеюсь, сумел выяснить, кто тот парень, что встречался с лейтенантом Баженом до тебя?

— После разговора с миссис Бажен я поехал в то кафе, в котором они общались. Представился столичным следователем, который ведет дело о суперзломном мошеннике, и администратор кафе любезно предоставила мне записи с видео камер, сделанных в тот день. Теперь у меня есть фотографии и в скором времени я предоставлю вам информацию.

Малешский кивнул, и Александр, поняв, что их разговор окончен, покинул кабинет шефа. Оставшись один, адвокат погрузился в свои мысли, прерванные появлением помощника. В этом странном уравнении сколько бы он его не решал постоянно появляются новые переменные.

Как только ему кажется, что он нашел ключ к ответам, за открытой дверью — лишь новые вопросы. На данном же этапе ему ясно лишь одно, что Гронский не нечаянная жертва, не случайно попавшийся под руку козел отпущения, которого положили на алтарь великой цели. Охота ведется именно на него. Его упорно загоняют в клетку, закрывая раз за разом новыми дверьми, ключ к которым он сможет найти, только когда ответит на один единственный вопрос.

Почему именно Гронский?

Глава 25

— Гронский, вчера мне пришло заключение с твоего последнего обследования, — начальник учебной части сидел за своим столом, держа в руках какой-то документ.

Георгий, как положено уставом вытянулся перед ним за несколько шагов, ожидая продолжения.

— У тебя начал меняться рисунок Искры. Самое большое через полгода, к началу следующего учебного года, у тебя будет полноценный третий уровень.

Курсант хоть и опешил от подобного заявления, но не мог не почувствовать, как по губам начинает расползаться довольная улыбка.

— Уникум ты наш, — Думчев поднял на него изучающий взгляд, — что с тобой теперь делать? Ты еще до лейтенанта не доучился, а уже капитанские погоны положены. Даже шустряки вроде тебя что Максимов, что Архипов или Зотский, имеющие восьмой в неполные пятьдесят, училище заканчивали, как все нормальные люди, не создавая лишних проблем.

— Я не специально, — отрапортовал Георгий, опуская глаза в пол, чтобы меньше светить довольной физиономией.

Думчев едва заметно покачал головой.

— Через неделю едешь в Дранкурское Управление на стажировку. Мне уже подтвердили запрос о твоем временном зачислении в их штат.

В этот раз курсант не смог сдержать своих эмоций и вскинул ошарашенный взгляд на старшего.

— Месяц, — слегка улыбнувшись продолжил тот, — тебе надо начинать подтягивать практические навыки. С тройкой уже нельзя просто торчать в учебке. Если постараться и сумеешь им понравиться, с твоим распределением вопросов не будет.

— Есть! — Георгий вытянулся еще сильнее. — Спасибо, Юрий Сергеевич!

— Свободен.

Служить в Дранкурском Управлении, несмотря на то, что в рейтинге оно уступало Центральному было стремлением многих начинающих Стражей. Гронский же мечтал об этом с самых юных лет, с тех пор как осознал свой потенциал и источник своей Искры.

Георгий шел по тротуару, наслаждаясь проснувшейся весной. В воздухе витали сладкие запахи, распускающихся цветов и буйствующей зелени. Уже по-летнему теплое солнце ощутимо пригревало спину и затылок. Он мог позволить себе не спешить, с каждым шагом растягивая удовольствие от встречи с родными улицами.

Георгий любил Дранкур. Этого гиганта, сотворенного из стали и бетона. С небоскребами, уходящими в небо, торговыми центрами, с тротуарами, выложенными разноцветной брусчаткой, с дорогами с вечно спешащими, гудящими машинами. Ему нравился его шум, ритм, скорость, достижения и прогресс, вносящие в жизнь удобство и комфорт.

— Добрый день! — совсем юная девушка с копной темно-каштановых волос. — Вы мне не поможете? Я никак не могу найти этот переулок.

Ее фиалковые глаза и в самом деле выглядели растерянными.

— Меня зовут Оля...

Олька...

Щемящая боль заполнила все вокруг, превращаясь в темную дыру, которая засасывала в себя все вокруг. Цветущие деревья, небоскребы, хрупкую фигурку, молодого курсанта.

Георгий попытался вынырнуть, собрать всю волю в кулак и вернуться в реальный мир. Пусть он и отличается от того, что он только что видел во сне. Пусть он разбит в дребезги и его больше не собрать. Пусть он снова расстанется с ней и сможет увидеть лишь, когда снова закроет глаза. Но это будет лучше, чем этот бесконечный, наполненный тьмой тоннель в никуда.

— Помогите! Меня кто-нибудь слышит?

Женский испуганный голос раздался казалось над самым ухом. Он был настолько реален, что Георгий отвлекся. Вздогнул от неожиданности. И нити, уже почти связавшие его с реальностью стали рваться.

— Помогите!

Его тянуло в воронку, наполненную пульсирующими искрами. Рисунками. Очень похожими на то, что когда-то было и его сутью.

— Пожалуйста! Меня кто-нибудь слышит?

Сознания что-то мягко коснулось, и Гронский вывалился из тоннеля. Головокружение прекратилось. Голос исчез. Он медленно открыл глаза.

Все та же тусклая лампа над дверью с дежурным освещением. Серые стены. Двухъярусные железные койки. Он выдохнул. Нет никаких барабанов. Гор. Чужого Источника. Никого не надо будет спасти.

— Ты что разоралась, блаженная?! Спать не даешь!

Злой, свистящий шепот вонзился в самое ухо. Георгий распахнул глаза. Над ним склонилась женщина лет сорока. Короткие темные волосы, глаза с красными прожилками, форма, заключенных Карьера.

Он подскочил на кровати, не рассчитав ширины койки, свалился на пол. Замер, смотря на женщину, снизу-вверх.

— Рейс, отстань ты от нее, — еще один женский голос, — сейчас поорет и перестанет. Ночь слишком короткая.

Георгий опустил глаза на свои руки. Худые, с бледной кожей, под которой просвечивались голубые нити вен, с длинными тонкими пальцами. Не его. Сложно вообще было сказать, что они принадлежали мужчине.

Это было уже чересчур!

— Ты кто? — вернулся первый голос. — Жрец? Почему ты не приходил раньше?! Зачем я здесь?! Я хочу домой!!!

Голос превратился в визг и ввинчивался в черепную коробку, грозя ее расколоть на множество частей. Георгий поднял руку и что было силы вцепился в нее зубами.

Кровь наполнила рот.

— Ты что псих?! — визг заполнил его до краев.

Сознание выключилось, как перегревшийся процессор.

Все та же тусклая лампа над дверью с дежурным освещением. Серые стены. Двухъярусные железные койки. Георгий встал на ноги и прошелся по камере. Рядом спал доктор, над ним на втором ярусе — спортсмен. Еще двоих он тоже знал, они прибыли в Карьер вместе. Он выдохнул вернулся на свое место. Тихо сел. Стояла глубокая ночь.

Георгий посмотрел на свое запястье. Именно свое. Никаких следов укуса, никакого

привкуса крови во рту. Никакого визга в голове. Уже привычный шепот. Но по сравнению с чуть не разорвавшим его черепную коробку ультразвуком, он почти приносил удовольствие.

Элфи как-то рассказал ему, что после той дряни, которую ему вкололи в зоне отчуждения у него потом еще почти три месяца побочка всякая вылезала. То слабость наваливалась, то мышцы переставали чувствоваться, то сознание уплывало.

Сколько же его еще будет глючить?

Так и не сомкнув глаз, Георгий просидел до самого момента, когда дежурный ночной свет лампы сменился на яркий дневной и в камере раздался вой сирены, оповещающий о начале нового дня. Такого же душного, монотонного, наполненного пылью пустыни, тяжестью Источника и томительным ожиданием.

В один из таких дней, Георгий заметил, что на смену не вышел капитан Ивохин. А еще через несколько дней на первом уровне появился новый старший надзиратель майор Лукас Вилер. Правда, как и сказал Ивохин, жизнь ему больше особо никто не отравлял. Не придирался на пустом месте, не выписывал ночных смен, и уж тем более не пытался воздействовать физически.

Были пренебрежительные взгляды в его сторону, издевательские усмешки, иногда даже открытое презрение, и, хотя это было не очень приятно, но и не самое страшное, что случилось в его жизни за последнее время. К тому же на фоне остальных становилось совсем уже непонятным отношение к нему Оутса. Неужели и вправду он зачем-то понадобился альтхамцам? При чем здесь они вообще?

Слишком много неизвестных составляющих вдруг стало в этой непростой задаче. Семья плюс Служба равно он, Георгий Гронский. Так было всегда. Это был он. А теперь? Теперь и его-то самого как такового нет. И вряд ли новое уравнение его жизни когда-нибудь будет написано.

Еще в последние дни жутко болела рука. Если раньше это было небольшое воспаление, перешедшее в раздражение, зуд, то теперь это стало навязчивой, непреходящей болью. Георгий задрал рукав куртки и замер. Сквозь красную воспаленную полосу на тыльной стороне запястья, растянувшуюся от кисти до самого локтя отчетливо проступала серая вязь незнакомых ему знаков.

— Виктор, приветствую, — голос в трубке звучал бодро, по-военному твердо, приветственно и очень уважительно. Малешский как азбуку читал эмоции собеседника. Что было совсем не трудно, учитывая их стаж общения.

— Доброе утро, Макс. Рад тебя слышать, — искренне произнес он.

Несколько дней назад Саша получил результаты пробы почвы склона откуда скатился валун на наличие взрывчатки или рунного детонатора, который мог бы спровоцировать сдвиг почвы и вызвать камнепад. Ответ пришел отрицательный. Почва была чистой, сухой, залитой специальным скрепляющим составом, который не так давно укреплялся согласно плановым работам.

После чего Малешский решил обратиться к своему хорошо знакомому, занимающему высокую должность в главном управлении прокуратуры Дранкура.

— Не знаю, будешь ли ты мне также рад через несколько минут, — хмыкнул в трубку собеседник, — но со своей стороны я рад, что ты обратился ко мне с этим вопросом.

— Не тяни, Макс, — слегка раздраженно бросил Малешский, уж очень не понравилось ему вступление.

— На той турбазе, которая находится выше по склону сильно напортачили. Они там

устанавливали какие-то новомодные штучки для поднятия уровня сервиса. Хотели клиентов больше привлечь. В общем бизнес у них там. Но то ли переборщили с новаторствами, то ли не рассчитали местный климат и устойчивость почвы. У них начались оползни и обвалы. Слава Богу спохватились они быстро, но стали исправлять своими силами. Так как разрешения на столь радикальные изменения ландшафта они у властей не получили. Та авария, которой интересуешься ты — не единственная. Неделю до этого тоже упало на дорогу несколько булыжников, но водителю удалось вывернуть автомобиль и избежать столкновения. Еще несколько было случаев, но тоже без жертв. Все это владелец и администраторы турбазы скрывали, чтобы их не закрыли к чертям собачьим. Теперь ими занялось наше ведомство. Предпринимаем меры. Ведутся восстановительные работы.

Малешкий тяжело выдохнул.

— Думаю, твоему клиенту просто не повезло, — сочувственно произнес собеседник. — Он увернулся от камнепада. Вылетел на встречу, а там фура. Совпадение...

— Борис, добрый вечер!

Мужчина, сидевший за барной стойкой повернул уставшее лицо с темными кругами под глазами. Ему было около шестидесяти. Среднего роста, крепкий, с хорошо заметными морщинами вокруг рта и глаз.

— Это опять ты, — хмуро произнес он и отвернулся от появившегося собеседника. — Я тебе уже все сказал. И вообще я с журналистами не общаюсь.

— Я частный детектив, — незнакомца не смутила эта грубость, и он сел на стул рядом, показывая, что уходить не собирается. — И мне нужно знать подробности той аварии. Всего несколько вопросов.

— А мне нужно, чтобы ты ушел, — Борис отвернулся и жестом показал бармену, что ему нужно повторить.

— В то утро вы тоже пили?

Мужчина остро взглянул на пришедшего.

— У никогда не пью за рулем. Я — профессиональный водитель.

Детектив кивнул головой.

— Точно! Ведь в вашей крови нашли не алкоголь, а запрещенные вещества.

— Откуда ты знаешь, умник? Это закрытая информация.

Борис осекся и резко замолчал.

— А я — детектив и мое дело выяснять даже скрытые от общественности подробности, — парировал незнакомец. — Так значит вы этого не отрицаете?

Водитель фуры дернулся, но ничего не ответил. Взял стакан, который поставил перед ним бармен и двумя большими глотками опустошил содержимое.

— Он сам вылетел на меня.

— Но вы не попытались как-то увернуться или затормозить.

— Я — водитель фуры! Если ты знаешь, частный детектив, это такая огромная машина, которая по щелчку не останавливается и не подпрыгивает в воздухе.

— От удара легковую машину перевернуло и впечатало в скалу. Если бы он просто врезался в тебя такого бы не было.

Мужчина, тяжело дыша, отвернулся. Поднял руку, в очередной раз подзывая бармена.

— Расскажи мне, что было в то утро, — донесся до него вкрадчивый голос. — Ты пил кофе в одном из кафе в здании аэропорта. Потом пошел на стоянку и сел в свою машину. Что было дальше?

Борис опустил голову.

— Я сел в машину, — тихо произнес он, — потом...

Он замолчал. Сильно нахмурил лоб, словно пытался что-то вспомнить. На его лице отражалась борьба, смятение, растерянность.

— Да пошел ты! — вдруг заорал он. — Отвали от меня, козлина! Или я сейчас вызову полицию.

— Ты не помнишь, что было, — не спросил, просто сказал детектив. — Не помнишь.

— Бармен! — водитель фуры поднял руку, — мне тут напиваться мешают. Журналюги шастают, житья от них нет. Я думал, здесь приличное заведение.

— Слышь парень, — бармен поставил перед очередным клиентом заказанную порцию напитка, — в наше заведение люди ходят отдыхать. Либо расслабляйся сам, либо не мешай делать это другим.

— Да я просто..., - начал было детектив, но тут крепкий мужик, сидящий все время чуть в стороне от остальных ближе к двери, поднялся и многозначительно посмотрел на настырного «журналюгу».

— Ладно, — произнес тот и, бросив еще один взгляд, на недавнего собеседника, отошел от барной стойки.

Он зашел в туалет и положив руки на раковину, какое-то время просто смотрел на себя в зеркало. Он уже знал, что на самом деле, произошло, но пока не представлял, как это можно доказать. Детектив открыл кран с холодной водой и с удовольствием умылся, освежаясь. В отражении зеркала он хорошо видел, появившегося за его спиной мужчину в серой, успевшей набить оскомину за последние дни, куртке с вышитым на плече знаком из рунного алфавита.

Детектив быстро пробежался глазами по парню, оценил новую модель шокера в его руках. Такими совсем недавно стали снабжать полицию. С рунными зарядами. Он незаметно хмыкнул и набрал еще пригоршню воды. Закрыл глаза, отчитывая чужие шаги.

Один. Два. Три. Поднятая рука. Тихий щелчок.

— Барьер, — прочитал он движение губ у своего отражения.

Заряд ударился о невидимый купол. Отрекошетил. И врезался в грудь только что зашедшему вслед за своим товарищем второму владельцу еще одной серой куртки. Тот замер, перевел ошарашенный взгляд на своего коллегу и рухнул на пол. Детектив, не давая никому опомниться, подскочил к первому и со всей силы двинул локтем по лицу, отшвыривая от себя.

Не тратя время, Олег выскочил из туалетной комнаты и больше ни на кого не оглядываясь, быстрыми шагами вышел на улицу. Что за ним слежка он понял уже давно, не слишком то они и скрывались. Словно специально все время были на виду, как живое напоминание, что он должен вести себя правильно. И он уже привык думать, что они так и будут всегда бездействовать. Но видимо, встречаясь с Борисом, он перешагнул ту самую черту, за которой заканчивалось это самое «правильно».

Колеса машины были пробиты. Олег потянулся к телефону. Тихо шелестя шинами, подъехал автомобиль. Остановился в нескольких метрах. Опустилось стекло.

— Неприятности, друг? — слегка развязно спросил водитель.

Олег состроил самое простецкое выражение лица.

— Да, вот хотел выпить чашечку кофе.

— Кофе лучше пить дома и не лезть на чужую территорию, — нравоучительно заметил незнакомец, — тогда и неприятностей меньше и всем спокойней.

Олег всей пятерней провел по короткому ежику волос. Тяжело выдыхая.

— Сигареткой не угостишь? Я свои, по-моему, в баре оставил.

— Это всегда пожалуйста.

Мужчина просунул руку в окно, протягивая пачку.

— Зажигалка есть?

— Найдется.

Олег протянул руку и схватив водителя за кисть с силой дернул вниз. Хруст ломающейся кости заглушил крик боли. Страж создал первый уровень и, наполнив силой едва наполовину, ударил по замку двери. Запищала электроника. Олег рванул дверь на себя. Водитель, чья рука все еще плетью висела на опущенном стекле по инерции выпал вперед. Перемежая ругань с угрозами. Олег схватил его за волосы и несколько раз от души приложил лицом о дверь автомобиля. Мужчина сполз на асфальт и затих.

Краем глаза Олег заметил движение. Поднял глаза. Взгляд его уперся сразу в два черных зрачка пистолета, зависшие над крышей автомобиля.

Арсенин нырнул вниз, прячась за капотом машины. Чиркнуло по крыше. Второй выстрел разнес заднее стекло. Несколько осколков врезались в руку. Страж выстроил сразу три контура, наполняя силой и неожиданно выпрямившись, ударил по стрелку. Его палец все еще жал на спусковой крючок, когда он начал заваливаться назад. Несколько пуль завязли в защитном барьере стража.

Сам же стрелок лежал на асфальте в нескольких метрах от автомобиля. Олег выбил у него пистолет из руки. Старый добрый Д-8. До сих пор пользующийся любовью у военных и почти всех силовых структур.

Послышался вой полицейской сирены. Из бара выбежал обладатель серой куртки, которому Олег дал по зубам. В отличие от своего товарища тот явно любил более современное оружие. Он, не прицеливаясь, вскинул модифицированный «Нокс» и нажал на спусковой крючок.

— Черт!

Олег прыгнул назад к машине, падая на землю, прижимаясь к капоту. По машине лупили пули. Он выставил барьер на все пять уровней, до краев заполнив силой. Оставшейся частью сознания, пытаясь просчитать выход из сложившейся ситуации.

Вой сирены приближался. Олег ползком добрался до валяющегося пистолета и не глядя сделал несколько выстрелов в сторону преследователя. Тот отпрыгнул за фонарь и затих. Со стороны соседнего проулка раздался рев мотоцикла.

— Арсенин! — услышал он незнакомый голос. — Я за тобой. Запрыгивай скорей.

На колебания времени не было. Олег еще несколько раз выстрелив в фонарь, за которым притаился обладатель серой куртки, прыгнул на сиденье за мотоциклистом и тот, дав по газам, рванул с места.

Глава 26

— Я знаю, что он врет, но пока никак не могу связать концы с концами.

Олег Арсенин сидел в большом удобном кресле в просторном, ультрасовременном кабинете, напичканном всякими новомодными техническими штуками и разной электроникой. Хозяин кабинета адвокат Малешский сидел за столом, напротив. Рядом сидел его помощник Александр, тот самый мотоциклист, который вытащил его из передряги в Бране.

— Вы проделали большую работу, Олег, — сказал ему адвокат, когда они встретились, — почему вы сразу не пришли ко мне?

— Не был уверен, что вы меня не пошлете. Я — страж и расследование преступлений не мое дело. Думал, скажете, чтобы я не путался у вас под ногами.

Виктор усмехнулся.

— Почему вы считаете, что водитель врет?

— Наш с ним разговор в баре не единственный. Первая наша встреча состоялась несколько дней назад. Он был чертовски пьян, но более разговорчив. Рассказал мне про свою жизнь, семью, работу. Про то утро. Когда, ожидая окончания погрузки, зашел в кафе, выпить чашку кофе. А потом он резко переключается на саму аварию, при этом постоянно путаясь в основных моментах. Иногда говорит, что это водитель легковушки на него вылетел, в другой раз говорит, что он сам его задел, вчера он мне сказал, что не птичка и взлететь не мог. Когда я его спросил, что было между кофе и аварией, он не смог ничего вспомнить. Словно в голове у него черное пятно. Но ведь так не может быть. Даже если он бы принял наркотики, как официально заявлено и заснул за рулем, он бы все равно помнил, как боролся со сном, как его тошнило или он хотел пить и отвлекся, чтобы достать бутылку. Или слушал пение птичек ранним утром в горах. Или еще что-нибудь!

— Может, он просто не хочет об этом говорить? Тяжело вспоминать, что ты становишься виновником гибели людей.

— Борис большую часть жизни проработал водителем дальних рейсов. С семьей у него не заладилось. Он женился, когда ему было уже почти сорок, у него родилась сначала дочь, а потом сын. Но жена ушла от него через пять лет после рождения первого ребенка. А дети остались с отцом. Видимо ради них он сменил свою работу и устроился развозить грузы для компании «НордХарм». Зарплата меньше, зато больше времени проводит дома. С помощью одного моего знакомого я взломал его соцсети.

Малешский дернул бровью. Видимо это была укоризна.

— Очень аккуратно, — оправдался Олег, — и узнал, что самый близкий человек для Бориса — его дочь. В его же личной переписке ничего интересного нет. Он не обсуждает свои проблемы ни с кем, по крайней мере, в сетях, а вот у девчонки есть, что почитать.

— То есть вы взломали не только сети Бориса?

— Так получилось, — Арсенин развел руками, — одно потянуло другое. Но зато она сильно переживает за отца и делится этими переживаниями со своим другом. Писала, что отец замкнулся в себе, стал много пить и когда она пыталась поговорить с ним, он рассказывал ей примерно тоже, что и мне. Кофе, черный провал, смятая машина, дорога, трупы. И что он ни разу не сказал, как произошла сама авария. Правда последние ее письма

были на более радостной волне. Она рассказывала своему другу, как счастлива, что поступила в Главную Академию Художеств Дранкура. Туда не берут ни за деньги, ни по благу. Исключительно по таланту и силе Искры. И для девчонки стало большим удивлением ее зачисление на один из факультетов.

Виктор бросил взгляд на своего помощника.

— Саша, что у тебя?

— Во многом моя информация совпадает с тем, что рассказал Олег. По приезду в Бран я в первую очередь решил поговорить с окружением Вязского. Дочь отказалась со мной встречаться, зато получилось разговорить нескольких его близких друзей. Борис — он не просто водитель дальних рейсов. Он — водитель с Искрой. У него повышенная выносливость организма, которая позволяет не спать сутками и какое-то время быть в высокой работоспособной форме без всяких допингов. Зарабатывал он всегда прилично, но, когда женился, решил поменять образ жизни и ушел работать в перевозки на близкие расстояния. Как сказали его друзья, жена не очень обрадовалась таким переменам финансовому благополучию и ушла. Но пить он не начал и продолжил жить, как и жил раньше. То есть работал и растил детей. Все, кто его знает постоянно подчеркивали его повышенное чувство ответственности и долга перед детьми. Он не влезал ни в какие авантурные мероприятия, дорожил работой, почти не пил и уж никто никогда не знал, что Борис может баловаться наркотиками. С ним самим я собирался поговорить в тот самый вечер, когда мы с тобой встретились.

Александр посмотрел на стража.

— Ты пришел первым и мне осталось лишь наблюдать за вами со стороны. Заодно я увидел тех двоих, что следили за тобой. Потом, когда ты вылетел как ошпаренный из кафе, я понял, что ситуация начинает меняться и тебе скорее всего понадобится помощь. Тем более Борис явно не был настроен на общение.

— Спасибо, — усмехнулся Олег, — твоё эффектное появление было очень своевременным.

— Какие выводы мы можем сделать из всего выше сказанного? — подвел черту Малешский.

— Виктор, у вас же наверняка есть протоколы с места аварии? И дача показаний самого Вязского. Можно их посмотреть? — попросил Арсенин.

Адвокат нажал несколько клавиш на своем ноутбуке и над столом появилась проекция экрана.

Олег внимательно разглядывал снимки с аварии: покореженный автомобиль, окровавленные тела на носилках, люди в форме стражей, помятая фура, растерянный водитель. Виктор видел его сосредоточенное лицо и буквально тонул в океане боли, которую сейчас испытывал сидящий перед ним человек, обреченности, безысходности, невозвратимых потерь.

— Здесь сказано, что после допроса на месте водителя фуры забрали в лазарет для облученных, — голос Олега был по-прежнему спокоен. — Почему?

Малешский пожал плечами.

— При аварии был поврежден бокс, и он получил дозу излучения.

— Это невозможно, — опроверг его доводы страж, — бокс стража невозможно вскрыть, разрезать, разбить чем-то тяжелым. Если бы все было так просто, то даже наша Служба не справилась бы с возросшей на этой почве преступностью и черным рынком Рун.

— Тогда ваша версия?

— Он на самом деле получил дозу излучения, — подтвердил Олег, — но не на месте аварии, а гораздо раньше. Перед тем, как сесть в машину. На него было совершено воздействие Рунами. Проще говоря его подвергли сильному, краткосрочному излучению энергии Источника. И как раз полная потеря памяти, ориентации, погружение в бессознательное состояние — самая обычная реакция носителя несильной или, как сейчас принято говорить, неактивной Искры.

Адвокат задумался на несколько минут, анализирую новую информацию.

— У вас интересная версия, Олег.

— Остается лишь правильно настроить автоуправление фуры и рассчитать время. Гера подъезжает к нужному повороту, на него падает камень, он выруливает на встречу. Вот и авария.

— Я выяснил, что обвал камней в том месте на самом деле естественная катастрофа из-за неправильного использования природных ресурсов. То есть в вашей теории — это форс-мажор, который нельзя предсказать, а уже тем более запрограммировать под него автопилот. Но Олега было не так-то просто сбить со своей точки зрения.

— В мире уже несколько лет практикуется нейронная стимуляция, чтобы заставить мозг вспомнить то, что человек сам не в силах. В данном случае это тоже может сработать.

— Нейронная стимуляция делается только с согласия пациента или по решению суда. В данном случае не думаю, что Вязский согласится на подобные манипуляции с собственной головой. К тому же он не является обвиняемым в этом деле. Он всего лишь свидетель, так как Георгий сам вылетел на него. Нужны очень веские доказательства его вины, чтобы суд назначил нейронную стимуляцию.

Арсенин вскочил на ноги. Сделал несколько шагов по кабинету.

— Какая гладкая получается картинка. Полковник Стражи Георгий Гронский, пользуясь служебным положением, умыкает из Карьера целый бокс с Рунами. Спокойно кладет их в машину, сажает туда свою семью, которой он дорожит больше всех на свете, и едет на встречу с агентом из Вестленда. По дороге на него падает камень, потом он врезается в фуру, и тут же нарисовывается целая дивизия представителей закона от полиции до Стражи, у него изымают Руны, а самого обвиняют в пособничестве террористам и измене Родине. В этой истории вас самого ничего не смущает?

Александр кашлянул.

— Я — адвокат, — спокойно отреагировал Малешский на прогнозируемую вспышку собеседника. Когда-то же должны были прорваться бушующие в нем эмоции. — Я не могу руководствоваться чувствами и зыбкими предположениями. Но я на стороне своего клиента. Поэтому я и пытаюсь раскрыть это дело. Пока у нас есть только эти факты. И на первый взгляд рассказанная вами история, на самом деле, очень смущает. Но я уверен, что в ней есть звенья, которые пока нам не известны. И они как раз-таки и есть тот фундамент, на котором крепятся все обвинения против Георгия.

— Перед самым моим уходом в отпуск, в который меня отправил Архипов, ко мне подошла одна из наших сотрудниц. Сказала, что перед походом в последний рейд Георгий просил ее найти информацию на одного человека.

— На кого?

— Моршанина Николая Алексеевича.

Александр издал придавленный смешок и повернулся к своему боссу.

— И как? Есть что-нибудь?

— Моршанин Николай Алексеевич — начальник службы безопасности Стражи всего Дранкурского Содружества. Личность то ли мифическая, то ли легендарная. Его настоящее имя Темнов Эдуард, но больше известен как Серый кардинал. Думаю, что лично его знает лишь узкий круг. Зато он владеет информацией обо всех и обо всем, что творится у нас в Службе. Он же руководит многими процессами. По слухам — Серый кардинал либо является настоящим главой Центрального Управления, либо подмял его под себя, либо его ближайший соратник. Официальная его должность — один из клерков в штабе ЦУ.

— Это точная информация?

— Еще какая, — уверенно произнес Олег, — эта дамочка служит в штабе при самом Архипове и имеет третий, то есть самый высший доступ ко всей информации Управления.

— И зачем ей помогать Георгию? — уточник Малешский.

— Эта довольно давняя история. Да и я толком ничего не знаю о ней. Как-то раз Герка со смехом обмолвился, что у него теперь есть личная волшебная фея в аппарате Архипова с номиналом в одно желание. Конечно же ничего толком он не объяснил, просто сказал, что оказал небольшую услугу, а она решила стать его должницей. Я и сам бы никогда об этом не вспомнил, если бы она не подошла ко мне.

Саша тихо хмыкнул. Малешский неопределенно дернул бровью.

— По ходу своего расследования я еще не встречал ни одного человека, который бы сказал о Георгии плохо. Кроме Архипова, но это другой случай. Он человек просто какого-то невероятного магнетизма. Словно в нем зашита какая-то особая программа. Вот вы тоже, Олег, бросили все свои дела, семью и мотаетесь по доминионам, ищите то, что сможет помочь вашему другу. Рискуете жизнью.

Олег пронзительно посмотрел на адвоката, явно пытаюсь понять, что стоит за его словами. И Малешский чувствовал в этом взгляде больше осуждения и недовольства, словно его слова чем-то задели собеседника.

— Много лет назад я сам попал в схожую ситуацию. Меня обвинили в преступлении, которое я не совершал. И мне грозил реальный срок, после которого о службе в Страже можно было навсегда забыть. И Гера, рискуя своей уже наметившейся блестящей карьерой в Дранкурском Управлении, репутацией, да и самой службой помог мне выпутаться из этой ситуации. Он не робот с защитой программой. Просто он никогда не боится помочь. И никогда не закрывает глаза на чужие проблемы. Видимо это и есть тот самый магнит, который притягивает к нему людей.

— Как вы думаете зачем Георгий искал информацию о Моршанине?

— Вы что-нибудь слышали о его командировке в Макку?

Адвокат покачал головой из стороны в сторону.

— Немного, и не от самого Георгия. Эта поездка имеет какое-то отношение к нашему делу?

— При нашей последней встрече Гера сказал, что Архипов впутал его в какую-то очень нехорошую историю и что ему теперь еще надо выпутаться.

— А можно подробнее?

— Это все, что он мне сказал, а еще добавил, что меня он в нее впутывать не собирается. И все, я больше не вытянул из него ни слова. А потом был этот звонок после рейда. Грон сказал, что их туда специально отправили на убой, и он считал, что это опять-таки же из-за этой истории в Макке. Он так и сказал, что не смог выпутаться.

Малешский задумался, осмысливая услышанное.

— Вот оно, — медленно произнес он, — тот самый фундамент, на что сейчас выстраивается все это дело. Он что-то узнал.

— Тогда зачем этот цирк с арестом, обвинениями в предательстве, Карьером? Не проще было его просто убить?

— Возможно у него есть то, что нужно, например, Архипову или Моршанину. Потому что если за всем этим стоит человек такого уровня как Моршанин, то история приобретает все более четкие очертания. Отправить Георгия в нужный рейд, подложить ему Руны, прилюдно разоблачить, навесить обвинения. А ресурсов хватит, чтобы обрезать любые торчащие концы. Наша же задача состоит в том, чтобы успеть зацепиться хотя бы за одну такую ниточку и попытаться распутать весь клубок.

— Виктор Григорьевич, вы собираетесь и дальше вести это дело? — спросил Александр после того, как договорившись держать друг друга в курсе событий, Олег ушел.

— Да, Саша, собираюсь, — рассеяно ответил Малешский, явно пребывая в своих раздумьях.

— Вы ведь теперь точно знаете против кого выступаете? Управление Стражи Дранкура, а может и самого Центрального Управления, это ведь почти как противостоять правительству. Хотя почему почти?

— Зато выиграв это дело, я попаду в десятку лучших адвокатов мира. Достойный куш. Не находишь?

— Его еще надо выиграть, — фыркнул помощник, явно не разделяя столь амбициозных замыслов своего босса.

— Мы должны вытащить это дело на международный уровень.

— Так разве Вестленд не ведет свое расследование? Да и Комитет создал независимую комиссию.

— Ты уверен, они владеют хоть какой-то стоящей информацией? Не думаю, что Дранкур делится чем-то по-настоящему ценным. Нам нужны настоящие союзники, Саша.

Глава 27

Олег много раз слышал фразу «перевернуть весь дом вверх дном». Его две дочери делали это по нескольку раз на дню, когда начинали свои безобидные детские забавы, а жена бегала за ними и кричала, чтобы они уже остановились и прекратили переворачивать весь дом вверх дном.

Но только сейчас он понял, что значит эта фраза. Едва он зашел в квартиру, в глаза сразу бросилась разруха. Перевернутый журнальный столик и кресла в прихожей, выброшенные из шкафов вещи, разбросанные по полу, и явно подверженные обыску. В самом центре гостиной на полу лежал разбитый телевизор, со вскрытой задней панелью, такой же участи была подвергнута и другая техника. Распахнутые шкафы, вывороченные ящики, разрезанная обивка мебели. На кухне рассыпанные крупы и осколки разбитой посуды. Сквозь открытые двери спальни комнаты и детской был виден тот же разгром: валяющиеся на полу вещи, разрезанные подушки, матрасы, разбросанные игрушки.

Георгий подарил эту квартиру Ольге на пятую годовщину их свадьбы. Олег помнил, как они вчетвером — хозяйка новоприобретенной жилплощади и он со своей Ириной, сидели среди пустых стен прямо на полу и праздновали новоселье. Пили шампанское, говорили тосты, желали новоселам веселых дней в новых стенах и долгой, счастливой жизни. Теме тогда еще не было трех лет и его страшная болезнь не была обнаружена. И они были счастливы и строили планы на будущее.

Олег еще раз обвел глазами разрушенное пространство. Эта квартира как живое воплощение судеб своих хозяев. Разбитая, превращенная в прах, которая уже никогда не будет прежней.

Ему здесь явно нечего делать. Если в этих стенах и правда что-то было, то это явно нашли до него.

— Добрый вечер, Валерия.

Олег хорошо знал родителей Георгия, так же как они знали его, его семью и поэтому, когда он попросил ключи от квартиры их сына, они дали без лишних вопросов.

— Я не очень поздно? Хотел отдать вам ключи.

— Нет, что ты! Мы как раз собирались пить чай. Проходи в гостиную.

Мама Георгия была видной женщиной. Статной, с безупречной осанкой, со светло-каштановыми волосами, подстриженными в идеальное каре и зелеными глазами. Очень моложавая. Рядом с Герой она никогда не выглядела мамой. Старшей сестрой, возможно даже подругой.

— Здравствуй, Олег. Рад тебя видеть.

Отец Георгия был почти на десять лет старше своей жены. Высокий, по-спортивному подтянутый, русоволосый, с легким, общительным характером. Сейчас было видно, как он сдал. Ссутулились плечи, заметно прибавилось седины в волосах и вокруг глаз сильно стали заметны морщины. Всего каких-то несколько месяцев прошло после трагедии.

— Ты со службы? — спросила Валерия. — Голодный? Тебя покормить или домой спешишь?

— Я сейчас в отпуске, — со слегка натянутой улыбкой ответил Олег. — А Ира с детьми уехала отдыхать.

— А ты почему не с ними? — удивленно спросила женщина.

— У меня здесь дела остались.

Хозяйка дома пронзительно взглянула на него и ушла на кухню. Через десять минут на столе перед гостем стояла тарелка с дымящимся жарким, нарезки, соленья. Сергей принес бутылку коньяка и бокалы.

— Ты видел во что они превратили квартиру? — спросила Валерия.

Олег кивнул.

— Пока не могу найти силы. Надо будет туда поехать и забрать, если там хоть что-то осталось целым. Хотя бы вещи Геры. Потом нанять людей, чтобы убрали, вычистили, выкинули все разбитое. Еще и дом привести в порядок.

— Еще и дом, — как эхо повторил за ней Олег.

— Так они даже к нам приходили, — Сергей разлил напиток по бокалам.

— Кто хоть они?

— Представились следственным подразделением Службы.

Гость стиснул зубы. Он-то прекрасно теперь понимал чьих это рук дело.

— Я позвонила адвокату и он, прибыв сюда, доходчиво объяснил, что без ордера им делать тут нечего. И что, если они еще раз посмеют к нам подойти, он напишет на них заявление и передаст дело в суд.

— Думаю, господин Малешский сможет вас защитить. Вы правильно сделали, что позвонили ему.

— Ты знаешь Виктора? — слегка удивленно вскинула брови Валерия.

Олег слегка смущенно кашлянул.

— У меня тут были кое-какие соображения по поводу Геры, вот я с ним и встретился. Поговорили.

— Случайно отпуск твой случился не из-за этих соображений? — уточнил Сергей. — Георгий нам рассказывал о вашем генерале.

— Я же не могу просто уйти в сторону и ждать пока Герке объявят вышку!

Хозяйка вздрогнула. С глухим звуком ударилась бутылка о бокал.

— Простите, — извинился гость. — Малешский на самом деле хороший адвокат. И знает свое дело.

Он поднял бокал и молча отсалютовал, выпил.

— И еще, — замялся Олег, — не хочу быть бестактным, но помимо того, что он хороший адвокат, он еще и очень дорогой адвокат. Разрешите мне разделить с вами оплату гонорара.

Гронские были генетиками. Оба работали в крупной корпорации. Валерия руководила отделом. Сергей инженер — генетик с докторской степенью. И судя по квартире, обстановке, вещам зарабатывали они хорошо и были вполне себе обеспеченными людьми, но тянуть затраты на такого адвоката, как Малешский — это совершенно другой финансовый уровень.

Родители переглянулись. Валерия мягко улыбнулась и положила ладонь на его руку.

— Спасибо, Олег. Ты — очень хороший друг. Но думаю, мы справимся сами.

— Но о моем предложении не забывайте, пожалуйста.

Потому что если кто и сможет помочь Гере, то только Малешский.

Вслух он этого не сказал, чтобы не приносить больше страданий.

Потом они еще поговорили о ходе расследования. Олег, не вдаваясь в подробности

рассказал, что удалось узнать. Выпили еще конька. Валерия принесла чай. Несколько раз взгляд Олег падал на небольшой розовый рюкзачок в пайетках, стоящий на журнальном столике.

Хозяйка дома заметила его очередной взгляд.

— Гере пришла посылка из Макки. Он упоминал, что у него было там какое-то задание. Я периодически проверяю их возможные незаконченные дела. Забрала вещи из химчистки, анализы из больницы, где лежал Темка, на всякий случай. Корреспонденцию их забирала. В транспортную недавно съездила, а там посылка. Прислали его вещи из гостиницы, которые он не забрал. Среди них этот рюкзак, — Валерия тоже подняла глаза на яркий аксессуар. — Наверное, подарок хотел сделать Оле.

Олег поморщился.

— Не помню, чтобы Оля носила подобные вещи.

— Согласна, но ты же их знаешь. Гера всегда старался ее как-то удивить, развеселить, сделать неожиданный сюрприз. Может быть они куда-нибудь собирались. Скоро мы с Сережей едем к родителям Оли. Пойдем на кладбище, отвезу ей.

За разговорами вечер уже близился к ночи. Стали прощаться.

— Ты звони, если будут новости. Будем рады тебя снова видеть.

Распрощавшись с родителями друга, уже на улице Олег позвонил адвокату. Коротко рассказал о своем походе на квартиру Георгия.

— Если там что-то и было, то явно это наши.

— Мне Валерия говорила о том, что на квартире Георгия был обыск, но она не уточнила масштабы произошедшего.

— И опять никаких сдвигов, — мрачно подвел итог Арсенин. — Где теперь искать?

— Суд рассмотрел поданную мной апелляцию и отменил запрет на свидания. Завтра я лечу в Карьер.

Айя в очередной раз выглянула в окно. Солнце уже совсем скоро уйдет за горизонт. А Даника до сих пор не вернулась. Женщина распахнула окно пошире. Ни облачка. Ни ветерка. Голубое безжалостное небо. И оранжевый шар, распространяющий волны жара. Даже когда его уже почти не видно. Душно. И с ночью духота никуда не уйдет. Просто станет темно. И это будет единственным различием со светлым временем суток. Уже больше недели прошло после ритуала. Скоро выплеск энергии разойдется по эфиру и все начнет успокаиваться.

— Ловцы!

Услышала она тревожный голос, раздавшийся с улицы. Сердце сжалось от страха и подпрыгнуло к горлу. Дышать стало и вовсе нечем.

— Ловцы!

— Ловцы!

Со всех сторон неслось одно и то же слово. Айя вскочила со стула. Побежала в комнату. Стала беспорядочно бегать из угла в угол, пытаясь понять, что ей нужно взять. На этот случай у нее, как и у всех жителей их убежища, уже собранные документы лежали в одном месте. Там же и все сбережения, которые удалось сэкономить после переезда на новое место.

Почему? Почему? Почему? Они ведь так далеко убежали из резерваций? Бросили дома. Работу. Имущество. Отлаженную, привычную жизнь. Сколько они уже сменили подобных убежищ, оставленных городов, опустевших поселков, брошенных домов без привычных

благ цивилизаций. Здесь они уже более восьми месяцев. Айя почти перестала бояться и приняла это место, как новый дом.

Наконец глаза наткнулись на то, что она искала. Сумка. Довольно уже потрепанная. Небольшая, чтобы положить все самое необходимое на первое время. Немного еды. Теплые вещи. Плащи, чтобы защититься от ливней. Которые неминуемо грянут после жары ритуала. Рюкзак Даники. Туда можно положить...

Даника!

Сумка выпала из рук. С самого обеда ее не было дома. В «Исполнении желаний» сегодня устраивали представление для детей. Дочь целую неделю помогала ей с делами, слушалась во всем, чтобы получить свой долгожданный билет в парк.

Старая, заброшенная территория с грудой заржавевшего металла, которая когда-то была аттракционами. По мнению Айи это место больше походило на «остров ужасов», чем на мечту ребенка: покореженные карусели, ржавые горки, сломанные фигуры сказочных персонажей с облупленной краской, здания с поросшими в них травой и деревьями.

Не так давно двое из местных жителей решили очистить одно из более-менее целых зданий и устраивать там представления. Нашли разбитый автомат с игрушками, набили его всякой разноцветной всячиной, напекли пончиков, придумали конкурсы и за совсем небольшую плату стали развлекать детвору.

На улице было оживленно. Люди с сумками и рюкзаками бежали от своих домов. На окраине поселка был старый колодец. Там можно было спрятаться и вернуться, когда все уляжется либо же уйти неработающими подземными канализациями. Искать новый дом.

Айя бежала к парку. Иногда ее окрикивали знакомые. Даже хватали за руки. Уговаривали пойти с ними.

— Парк на самом въезде в поселок. Там уже побывали ловцы.

На разговоры времени не было. И она молча вырывала руку и бежала за дочерью. Чтобы сократить путь женщина свернула с главной дороги и помчалась по полю, царапая ноги острой травой и постоянно норовя попасть ступней в яму или споткнуться о камень. Несколько раз Айя все-таки упала, разбив колени и испачкав юбку о сочную зелень травы.

Ворота парка были выбиты и валялись на земле. Рядом стояли несколько тарантул — машины ловцов — с небольшими чаще на два человека кузовом и огромными мощными четырьмя колесами, которыми одновременно удобно было перемалывать людей и разносить преграды, стоящие на пути. Но опаснее своих машин были сами ловцы. Каждый из которых был сильным элементарием с активным даром.

Айя отошла в сторону и нашла дыру в заборе, куда без проблем пролезла и, прячась за деревьями и разросшимися кустарниками, стала пробираться к центру. Туда, где слышались испуганные крики детей и грубые окрики ловцов. Чуть дальше стоял фургон, куда запикивали тех, кого удалось поймать. Рядом стояли два ловца. В черных форменных комбинезонах и очками-экранами, закрывающими половину лица, через которую они получали информацию, передавали ее своим напарникам и сканировали окружающую местность.

Айя уже видела ловцов в своем родном городе, куда они приезжали за оговоренным сбором. И еще несколько раз во временных убежищах. Она облизала пересохшие губы и переместилась за ближайшее дерево. Сейчас надо было понять, где ее дочь. Холодея от ужаса, женщина точно не знала, чем сможет ей помочь. Но оставить собственного ребенка, она тоже не могла.

Она передвинулась еще на шаг вперед. Появились еще двое ловчих. Каждый вел за руку двоих детей, а за ними шли еще, выстроенные в ряд на одинаковом расстоянии. Они шли послушно, плотно прижав руки к туловищу, словно связанные. На одинаковом расстоянии, не пробуя даже сделать шаг в сторону.

Стихийная сеть. Поняла Айя. Об этом она тоже знала. Видела, что делают подобные связки с теми, кто пытается сбежать. Она видела, как женщина, пытавшаяся освободиться из плена, сгорела заживо от вспыхнувшей нити. Еще нескольких просто перерезало пополам, словно гигантским ножом. В зависимости от того, силой какой стихии управлял элементарий.

Больше всего ее пугало то, что дети не пытались сбежать. Шли ровно, затылок в затылок. Значит они уже видели, что бывает с теми, кто сопротивляется. Догадка лишила казалось последних сил. Сколько сгоревших трупов ловцы оставили за собой, пока их пленники не стали такими покорными?

Айя вытерла застилающие глаза слезы. И продолжила наблюдать. В одном из рядов шла Даника. Женщина рванула вперед. Когда неожиданно чья-то сильная рука схватила ее за ногу, и она упала в кусты, царапая лицо, шею, плечи. Жесткая ладонь легла на рот, не давая возможности не только кричать, но и дышать тоже. Потом ее резко, рывком перевернули на спину, и она увидела склоненного над ней мужчину, который прижимал указательный палец к своим губам.

— Идиотка! — одними губами произнес мужчина. — Замри. Не издавай ни звука.

Айя узнала его. Это был ее сосед из квартиры двумя этажами выше. У него было двое детей. Мальчик возраста Даники лет семи и девочка чуть младше. Мужчина был невероятно худой, даже костлявый, с обветренным, загорелым лицом, покрытым морщинами и ежиком абсолютно седых волос. Он всегда был очень угрюм и сторонился любого общества, кроме своих детей. Соседи не знали о нем ничего и называли его дедом. Однако сейчас рассматривая его в самой непосредственной близости и ощущая силу, идущую от него, Айя не назвала бы его дряхлым стариком.

— Что ты собралась делать?

Айя отчаянно вращала глазами и тыкала пальцем в сторону детей.

— Там твоя дочь, да? — устало выдохнул он.

Она кивнула.

— И ты одна сможешь противостоять трем ловцам? А потом еще обойти двоих? Или сколько их еще?

Айя больше не двигалась.

— Я отпущу руку, но ты не будешь орать или дергаться. Иначе погубишь всех: и себя, и меня и дочери своей не поможешь.

Она и сама уже поняла это и всю безнадежность своего глупого порыва.

— Что же делать? — отчаянно спросила она.

— Их здесь трое. Еще двое у входа. Двое контролируют парк. Уверен, это только часть этих ублюдков. Еще есть те, кто поехал в поселок. Уже темнеет и скорее всего у них есть перевалочная база где-то неподалеку. Утром будут еще прочесывать местность. Искать, тех кому удалось вырваться из первой западни. Вытащить детей ночью — наш единственный шанс.

Вскоре ловцы запихнули всех своих пленников в фургон, расселись по своим транспортным средствам и покинули территорию парка. Айя со своим неожиданным

помощником осторожно вышли из разросшихся зарослей кустарника. Смеркалось.

— Подожди здесь, — хмуро приказал Дант и пошел в том направлении, откуда привели детей.

Айя поняла зачем он туда пошел и желания следовать за ним у нее самой не было.

— Сколько? — спросила тихо, одними губами.

— Я видел три тела. Но это только возле постройки, где шло представление. Дальше не пошел. Мне картина и так ясна.

Сосед пошел к сломанным воротам.

— Как мы доберемся до их базы? Как мы вообще их найдем?

Дант не ответил. Уверенно и сосредоточенно шел вперед. Айе ничего не оставалось, как идти за ним, кусая губы от переживания и страха за дочь. Она уже не была уверена, что поступила правильно, послушав этого странного человека. Ей нужно было выйти к ловцам. Они бы забрали ее с собой, и она была бы рядом с Даникой. И обязательно что-нибудь придумала бы. Она уже третий раз попадает в силки, но каждый раз ей удавалось освободиться.

Не дойдя несколько метров до ворот, Дант повернул направо. Там в густых зарослях стоял его старенький пикап. Он был единственным в их поселке у кого был автомобиль. Старая развалюха, выглядевшая, как и ее хозяин.

Пикап пару раз чихнул и мотор затарахтел. Айя устроилась на сиденье рядом с водителем, и они тронулись в путь.

— Как мы их найдем? — повторила она свой вопрос.

— Смотри по сторонам, — довольно грубо ответил он. — До главной магистрали дорога одна.

Женщина отвернулась к окну. Слезы застилали глаза, и она почти ничего не видела. Да и сгущающиеся сумерки не упрощали ей задачу.

— Смотри! — вдруг закричала она от неожиданности, увидев в стороне от дороги недавние следы, оставленные огромными колесами тарантул.

Дант уже и сам увидел их и свернул на обочину в противоположную сторону. Осторожно спустился к берегу речки, поставил свой пикап так, чтобы его не было видно с дороги.

— Видишь огни? — спросил он. — Это и есть перевалочная база.

— Откуда ты о ней знал? Мы ведь не по следам приехали?

Мужчина покачал головой.

— Чуть дальше, отсюда не видно, раньше был большой город. Одна из самых крупных резерваций для пустых. Днем даже отсюда видны остовы уловителей. Это был один из самых крупных и развитых городов вне пределов Мегалополисов. После того как случился прорыв энергии, их лидер начал строить военную базу. У них были на это ресурсы.

Он замолчал.

— И?

— Наверное, это изначально была абсурдная затея. Что могут выставить пустые против силы элементариев и их военной мощи? Вардес был уничтожен. Многие его жители либо убиты, либо отправлены в лаборатории. Собственно, с тех времен и началась эпоха ловцов.

— Откуда ты это знаешь? Эпоха ловцов началась более восьмидесяти лет назад.

Дант махнул рукой.

— Сейчас подождем немного и будем подбираться ближе, — ушел он от ответа.

«Сейчас подождем немного» растянулось на целых два часа. Айя грызла ногти, изводила Данта вопросами, считала шаги от носа до кузова машины.

Туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда.

На базе зажигались новые огни, подъезжали оставшиеся тарантулы, иногда были слышны какие-то звуки. Потом все стало стихать. Пока не осталось всего несколько тусклых пятен, нечто похожее на дежурные огни.

— Пора, — наконец сказал сосед и вышел из машины.

На базе стояла почти полная тишина. Лагерь спал, выставив часовых. Иногда раздавалось сонное ворчание собак. Голосов людей слышно не было. Так же, как и детей.

Подкрались ближе. Уже были видны ворота и стоящие перед ними два ловца. Сейчас они были без очков-экранов и можно было рассмотреть их лица. Одному было уже более сорока. С крупными чертами лица и суровой складкой между бровей. Опустившись на траву и положив голову на какую-то подстилку, он спал. Второй, еще совсем молодой парень с длинными темными волосами и худым, сильно вытянутым лицом мерил шагами расстояние от начальной до конечной точки.

Дант приложил указательный палец к губам и нырнул в темноту. Неслышной тенью он подкрался к караульному и встал за его спиной. Парень резко обернулся. Дант точным ударом вогнал ему нож в живот, второй рукой зажимая рот. Резко дернул вверх руку с ножом, проводя до самой грудной клетки. Жертва захрипела и стала опускаться на землю. Очнулся второй ловец. Дант выдернул нож. Точным броском, вонзая его в не защищенную шею второго.

Айя почувствовала, как у нее к горлу подкатывает ком. Хорошо, что она не ела уже с самого утра. Дант махнул рукой, подзывая ее к себе.

— Фургон там, будь осторожна, — он подтолкнул ее через ворота.

— А ты? — испуганно спросила она.

— У меня здесь еще есть дела.

Некоторое время Айя стояла, хлопала глазами, неверяще смотря на соседа.

— По-моему ты хотела спасти дочь, — прошипел он ей.

Она еще некоторое время смотрела на него, потом развернулась и побежала в сторону фургона.

Дети вповалку сидели, лежали на полу фургона. Кто-то спал, кто-то просто лежал, ожидая, что будет дальше. Испуганные, уставшие, голодные они жались друг к другу в темноте, почти не издавая звуков.

— Тише, — произнесла женщина, залезая внутрь. — Я за вами. Я — Айя, ваша соседка.

Дети зашевелились, потянулись к ней, стали что-то наперебой говорить.

— Тише, тише, тише, — повторяла постоянно она, — разбудите ловцов. Тише.

— Мама! — в плечо ощутимо толкнулись. Айя развернулась, неловко обнимая дочь, прижимая к себе, чувствуя родной запах, знакомое тепло.

— Даника, — она мимолетом поцеловала девочку в лоб и чуть отстранила от себя.

— Надо уходить, — твердо произнесла она, боясь вызвать панику и растерянность. — Только прошу вас тихо. И все будет хорошо!

Она первой прыгнула на землю и помогла выбраться самым маленьким. Построив свой небольшой отряд, пошла первой, озираясь по сторонам. У самых ворот на нее неожиданно вылетел Дант. В неярком свете ламп дико сверкнули глаза. Айя отшатнулась. Сосед тяжело дышал. В его руках тускло сверкнули два ножа. Все в пятнах крови. Так же, как и его одежда,

кожа, волосы. Женщина нервно сглотнула.

— Я их вывела. Что теперь?

— Идите к машине. В темноте вас не заметят, если уйдете сейчас. Ключ в бардачке. Езжайте вдоль берега реки. Пока не доедете до ограждения. Внизу есть лаз. Сразу не заметишь, но если знать, что он там есть — найдете. Пролезете и пойдете дальше по берегу. Вас встретят. Скажешь, что от меня.

Айя схватила его за руку.

— Я не умею водить машину! — голос сорвался в крик.

Затявки, протяжно завывли собаки. Выругался Дант.

— Значит идите пешком, — зло рявкнул он, — убирайтесь отсюда.

— Нет! Ты должен их вывести!

— У меня свои задачи.

— Здесь твои сын и дочь.

Мужчина схватил ее за руку.

— Я их нашел в таком же селении, как ваше. Хотел найти им место для жилья.

Лагерь проснулся. Послышались встревоженные голоса. Собаки теперь уже надрывались, а не тихо подвывали. Заплакали дети. Айя сделала шаг назад. Вступила ногой в лужу крови, натекающую от убитого караульного.

— Я отвлеку их на себя. Собаки возьмут след. Выведи детей.

Она сделала два шага назад.

— Встретимся на том берегу реки.

И она побежала. Не оглядываясь. Нутром, всем своим чутьем матери, желающей спасти ребенка, понимая, что именно это единственно правильное решение. Только так она сможет помочь.

Глава 28

Георгий открыл глаза. Резко сел, осматриваясь по сторонам. Все те же бетонные стены. Узкая койка. Дежурный свет над дверью. И один и тот же сон, продолжающийся уже которую ночь. Не повторяющийся, а именно продолжающийся. Каждое утро, обрывающийся на определенной точке, и каждую следующую ночь, начинающийся с остановившегося момента. Как фильм, поставленный на паузу. Чтобы оторваться, сделать дела и вновь вернуться к просмотру. Чересчур реалистичному. С ощущением присутствия в самом центре событий. Словно видишь все собственными глазами. И все эмоции — твои. Страх, боль, страдания, желание помочь самому близкому человеку. Отчаяние, которым пропитана каждая минута существования главного персонажа.

— Гронский, тебя ждут в комендантском корпусе, — ближе к середине первой смены за ним пришли два конвоира.

Георгий ничего не ответил. Уже привычно сомкнул руки за спиной, подставляя их для наручников. Щелкнули замки.

Неужели теперь сам комендант хочет познакомиться?

Как оказалось, он ошибся. В отдельной комнате, за тяжелой металлической дверью его ждал Малешский.

— Виктор, рад вас видеть, — искренне произнес Георгий, растирая освободившиеся запястья и садясь на стул с противоположной стороны стола от адвоката. — Мне Седов объяснил, что я сильно проштрафился и до суда я вас вряд ли увижу.

— Взаимно, Георгий, — Малешский улыбнулся кончиками губ, — я собрал сведения, что с вами здесь произошло и смог доказать судье, что вы действовали исключительно в целях самообороны. Кстати, капитан Оутс отстранен от службы на восемь месяцев, дальше его дело будет рассматривать специальная комиссия, которая разбирает дела о превышении служебных полномочий и применении физического воздействия к задержанным в ожидании суда.

— После суда можно? — Георгий насмешливо сверкнул глазами.

Все это время Малешский внимательно наблюдал за своим клиентом. Теперь, когда он собрал наиболее полную информацию, пообщался с семьей, друзьями, коллегами он смог более отчетливо и точно сложить в своем сознании портрет Георгия Гронского.

Несомненно, сильная личность, харизматичный, с четкими жизненными принципами и своими собственными представлениями о добре и зле, чести и долге, человечности и морали, умеющий расставлять приоритеты.

Даже сейчас в насмешке и словно невзначай брошенном вызове был виден тот самый внутренний стержень, который сохранился в нем несмотря на все свалившиеся беды и перипетии судьбы. Даже здесь, растерявший все свои ценности, выкинутый на обочину собственной жизни, он оставался верен самому себе.

— Надеюсь, Георгий, что после суда на личном опыте вам это проверить не придется.

— Что вы имеете в виду?

— Я нашел нам союзников.

Георгий все также непонимающе смотрел на адвоката.

— Вы сами говорили, что несмотря на выдвинутые обвинения Дранкурского

Содружества против Вестленда и доказательства, которые они готовят, используя в своих целях в том числе и вас, именно Вестленд теряет в этой истории больше всего. Союз Оркли и островитян был очень важен для последних. К тому же если Комитет признает королевство виновным, то думаю, на одном разрыве договоренностей с кочевниками Дранкур не остановится. Скорее всего они захотят наложить на Вестленд и другие штрафные санкции. Мне удалось выяснить, что автором проекта союза с кочевниками является сам Райан Эрвиндэр.

— Действующий глава Комитета? — брови Георгия изумленно взлетели вверх. — Не сладко ему, наверное, сейчас приходится.

— Поэтому и считаю его нашим самым верным из всех возможных союзников. Если нам с ним удастся договориться, то мы сможем вывести ваше дело из-под юрисдикции Центрального Управления Дранкурского Содружества. А они не меньше нашего желают доказать непричастность Вестленда к террористическому нападению на Карьер и отсутствие заговора против Дранкура.

— Высоко метите, — тяжело усмехнулся Георгий.

Его сомнение острым лезвием резануло Малешского по самолюбию профессионала.

— Высоко, — довольно сухо подтвердил он, — но, иначе ваша мама вряд ли наняла меня в качестве вашего защитника.

Георгий тяжело опустил голову на руки.

— Простите, не хотел вас обидеть, — глухо произнес он, — просто никак не могу привыкнуть, что я преступник международного масштаба.

— И чтобы я смог помочь вам, Георгий, вы должны в меня верить. А самое главное, не лгать мне и не пытаться что-то скрыть.

Гронский поднял глаза на адвоката. Задавая немой вопрос.

— Вы скрыли, что имеете близких друзей среди вестлендской Стражи.

Георгий сначала нахмурился, потом недоуменно усмехнулся.

— Вы имеете в виду Элфи, и конечно же его тестя. Я никогда не думал о них, как об агентах-вербовщиках, которые тайно переманили меня на свою сторону. С Элфи мы даже не говорили о нашей службе. Иногда, вскользь шутили или вставляли общие фразы. Генерал Периш несколько раз предлагал перейти мне в их Управление, но даже если бы я согласился, мой переход был бы оформлен официально, безо всяких шпионских страстей.

— Да, мистер Ноа рассказал мне о ваших отношениях и о событиях им предшествующих. Он пообещал, что сделает все возможное, чтобы помочь вам.

— Я всего лишь выполнял свой долг. Честь офицера не позволила мне бросить товарища в трудной ситуации. Я давал присягу.

Малешский кашлянул.

— Да, Георгий, об этой стороне вашего характера я уже много наслышан. И как бы там ни было ваши жизненные убеждения приносят свои плоды. Именно к мистеру Ноа я обратился, когда мне нужна была помощь в организации личной встречи с эрлом Эрвиндэром.

— И как? — скептически уточнил заключенный.

— Он переадресовал мою просьбу своему тестю. У нас с ним уже назначена встреча.

Георгий тяжело выдохнул. Провел рукой по волосам. Малешский напрягся. От его клиента исходили эмоции, которые люди испытывают, когда их уличили или они сами хотят признаться во лжи.

— Я вам солгал, — подтвердил его опасения собеседник. — Сразу после разговора с Фернсби, я позвонил Шейлу Перишу и попросил его сделать для нас с Олей и Артемом паспорта с гражданством Вестленда.

— Его не смутила подобная просьба? — сухо спросил адвокат, думая о том, как ему теперь поступить дальше. Две лжи от клиента — это уже повод отказаться от дела.

— Мы с ним участвовали в одной спецоперации и так получилось, что я спас ему жизнь.

Виктор едва заметно дернул бровью.

— Служба у нас такая, — Георгий все же заметил его мимику. — Он сказал, что теперь передо мной в долгу.

Он опустил глаза на ровную поверхность стола.

— Сам никогда не думал, что когда-нибудь придется этим воспользоваться. Но я должен был дать сыну шанс на новую жизнь. Потом закрутилась вся эта история. А он все равно выполнил мою просьбу. Мне ведь обвинения выкатили не сразу. Ждали, когда я приду в себя, может надеялись, что смогут напугать, продавить и я подпишу признание. Но паспорта Периш уже выслал мне. И их нашли у меня дома. Я их и в правду никогда в глаза не видел.

— Почему же вы раньше не сказали мне об этом?

— Не хотел его подставлять. Ведь он никогда не вербовал меня, и я не агент Вестленда. Но если на эту ситуацию взглянуть под другим углом, то получится очень нужная многим картинка. И будет сломана еще одна жизнь.

Малешкий, чтобы потянуть время, делал вид, что просматривает свои записи. Как говорил Александр, дело довольно темное и с не самыми большими перспективами на победу. А тут еще вскрываются подобные нюансы. Самое время, а самое главное повод выйти сухим из воды, не потеряв репутации и не запятнав своего имени.

— Я знаю, что незадолго до вашего последнего рейда вы просили вашу коллегу майора Невскую найти информацию о Моршанине. И не просто информацию, а ту которая хранится в закрытых базах Управления. Хотя при первых наших встречах вы мне не рассказали о вашем столь сильном интересе к этому человеку и причинах, которыми он вызван.

— Даже не буду спрашивать, как вы об этом узнали? — обескуражено выдохнул Георгий.

— Я легко вам отвечу: от вашего друга полковника Арсенина. Олег поругался с генералом Архиповым и тот отстранил его от службы на несколько месяцев. И чтобы не скучать ваш друг стал заниматься расследованием вашего дела. Могу заметить у него есть все задатки стать отличным частным детективом.

Гронский на мгновение прикрыл глаза и выдохнул через сжатые зубы.

— Какого черта он полез в это дело? Хочет в соседнюю камеру?

— Он очень хочет вам помочь.

Георгий откинулся на спинку стула.

— Теперь ясно от кого вы узнали о моих жизненных убеждениях, — делано засмеялся он, — это Арсенин рассказал вам? Он вдруг решил, что по жизни обязан мне и теперь желает расплатиться, как он считает равноценной монетой?

— Он сказал, что однажды вы ему сильно помогли.

На Малешкого повеяло разочарованием и необъяснимой усталостью.

— Я просто считаю его своим другом. Мы с ним шесть лет жили в одной комнате в

училище. Разговаривали, делились своими ожиданиями, поддерживали друг друга. Вместе учились, вместе отдыхали, вкалывали до седьмого пота и ходили по девчонкам, до моей женитьбы. Я пригласил его на свою свадьбу в качестве друга жениха.

Георгий выдохнул. Хотя аура неожиданной злости и обиды никуда не делась.

— Перед самым выпуском он попал в очень нехорошую историю. На тот момент я уже был зачислен на службу в Дранкурское Управление и должен был уехать. Я остался, чтобы помочь ему выпутаться из этой ситуации. Мне это грозило лишь тем, что генерал Красов на тот момент глава оперативного отдела просто откажет в поступлении на службу охреневшему курсанту, который не соизволил явиться в первый же день, а Олегу от семи до десяти лет лишения свободы, полное отстранение от службы и возвращение в родной поселок, где его ждало место в каком-нибудь рыбообрабатывающем цеху. На мой взгляд, несопоставимые потери. Вот и весь мой подвиг.

На протяжении всей речи Малешский постоянно прощупывал своего клиента на исходящие эмоции, но не почувствовал даже ноты фальши в его словах.

— Вы правда считаете, что на вашем месте так поступил бы каждый? — уточнил он.

Некоторое время Георгий молчал, потом ответил. Тонем взрослого человека, который объясняет что-то непонятливому ребенку.

— Это мой выбранный путь. Быть на защите Отечества и людей. Долг, честь, служба — для меня не пустые слова. Дар, данный мне Источником, он на самом деле особый. И даже дело не в том нравится ли мне это или нет. Я уже это выбрал. А если это касается близких мне людей, то выбора как такового вообще не существует. Отвернуться в сложную минуту — это предать не только их, но и самого себя. И если Олег до сих пор мучается чувством неоплаченного долга, передайте ему, что все счета давно закрыты. Мамочка может отдыхать.

Виктор покачал головой. Он не мог понять, почему до сих пор сидит здесь и продолжает общаться, как ни в чем не бывало. Гронский и вправду обладал каким-то необъяснимым магнетизмом, под который неожиданно попал и он сам.

— Мамочка просила вам кое-что передать, — в тон клиенту ответил адвокат и положил на стол раскрытый планшет. Экран которого был разделен на три части, в каждой из которой был рисунок, состоящий из непонятных простому обывателю скоплению точек.

Георгий замер. Целую минуту он неотрывно смотрел на экран ничего не выражающим взглядом. Потом поднял глаза на адвоката и отодвинул от себя планшет.

— Не думаю, что мне когда-то это сможет пригодиться. Тем более вкупе с этой милой шпуквиной, — он дотронулся до обруча на шее. — Мне уже никогда не быть стражем.

— Мы вряд ли можем предугадать, что с нами будет через какое-то время. И уже тем более в такой огромный промежуток как никогда. Я бы на вашем месте не отказывался от своих новых Искр.

Георгий бросил в него очень неоднозначный взгляд.

— Я запомнил, — сухо произнес он.

— Вы смотрели на экран не больше минуты.

Теперь Гронский рассмеялся. В этот раз искренне.

— Шесть лет училища. Двенадцать — службы. Этого более чем достаточно. Это как дышать.

Малешский повернул к себе экран, с сомнением смотря на хаотичное скопление точек.

— Расскажите мне кто такой Моршанин? — спросил Георгий. — У меня от всех этих мыслей голова взрывается. И от нехватки информации в том числе.

Пока адвокат рассказывал, Гронский слушал. Очень внимательно, не перебивая, не задавая ненужных вопросов, словно впитывал в себя каждое слово.

— Теперь вы понимаете, почему я сказал, что нам нужны союзники. Слишком крупные игроки задействованы в этой партии. И если не привлечь столь же сильных сторонников, нам не добиться правды.

— А что с капитаном Ивохиным, вы не знаете? Он только заступил на смену, а потом его заменили, и я его больше не видел.

— Взял срочный отпуск по семейным обстоятельствам. На ферме, где живут его родители случились какие-то неприятности, и он вынужден был уехать. Но он заверил меня, что на суд обязательно приедет.

— Неприятности сразу после того, как он стал свидетелем по моему делу?

— Так бывает, — спокойным голосом ответил адвокат, — совпадения бывают в любых делах.

Георгий не стал больше спорить.

— Вам удалось выяснить кто такой доктор Фернсби?

— Долгое время он работал в одном научном институте на окраине Хардана. Написал несколько работ по Источнику и влиянии его энергии на носителей, отличных от общепринятых мнений. Привлек внимание Оллина Берквитта, и они сотрудничают уже несколько лет.

— Его теория об Источнике и о возможном избавлении от синдрома Ларанга абсолютно похожа на то, что мне говорил при встрече Еларин. А также Еларин упомянул, что Фернсби его ученик и ушел от него из-за возросших амбиций.

Малешский резко хлопнул ладонью по столу.

— Вы издеваетесь надо мной?

Георгий непонимающе смотрел на адвоката.

— Здесь я вам не врал, — понял он наконец его реакцию. — Думаю, что вряд ли Еларин вообще какой-то ученый. За мной следили еще в самой Макке и видели, как я общаюсь с Фернсби, вот и подослали ко мне этого Еларина, чтобы тот зацепил меня идеями вестлендца. Ведь именно поэтому я позвонил самому Фернсби, а не Еларину.

— Но след этот все равно проверить стоит. Может, Фернсби сможет пролить свет на то, кто вообще этот Еларин.

— Извините, не всегда вспоминаешь все и сразу в нужное время. Я в те дни вообще мало, что соображал. Это сейчас у меня появилось время на раздумья.

Малешский сделал несколько отметок в своем планшете.

— Виктор, а что удалось выяснить по самому главному для меня вопросу?

Адвокат на мгновение замер, явно не понимая, о чем его спрашивают. Ему понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить заданный вопрос.

— Экспертиза подтвердила, что во время аварии машина перевернулась. Страховочный ремень был порван, а в двери остался вмятина, как от удара тела. Ваш сын на самом деле мог выпасть в сторону моря. Кровь на склоне и остатки одежды принадлежат именно ему. Мне очень жаль.

Он еще не успел договорить, как почувствовал, что на него сначала выплеснулась волна безысходности и обреченности, а потом выросла стена. Равнодушия, безразличия, апатии. Закрыла от него собеседника. Словно среди белого дня, наполненного надеждой и верой в еще возможное будущее, а потом резко выключили свет.

— Георгий, не отдаляйтесь от меня, — жестко произнес адвокат, словно пытаясь разбить стену. — Вы не должны отказываться от борьбы.

Стена стала темнее.

— За что мне бороться? Чтобы всю оставшуюся жизнь корить себя за их гибель? Сожалеть. Вспоминать. Представлять, что могло бы быть.

— Это не ваша вина.

— Я не должен был втягивать их в это безрассудство. Я хотел спасти сына, а убил Ольгу.

— Через неделю после похорон у вашего отца случился инфаркт, а еще через несколько дней инсульт.

Стена дрогнула. Светлее не стало. Но теперь в ней кляксами расцветала страх и переживание.

— Слава Богу наша медицина сейчас на высоком уровне и врачи научились смягчать последствия подобных отклонений со здоровьем. Но бесследно не проходит ничего. После того, когда к ним в дом пришли с обыском, ему вновь было плохо. Ваша мама смогла вовремя оказать ему помощь. Они вас ждут.

Георгий молчал. На его лице явно были видны следы борьбы. Он словно искал в себе силы вернуться и не понимал зачем ему это делать.

— Расскажите мне про поездку в Макку, — вернулся адвокат к сути дела, не давая клиенту возможность передумать и вновь уйти за стену. — Вы считаете, что именно с нее все началось?

— Да, — в голосе Гронского больше не слышалось ни удивления, ни сомнений, — и я не знаю был ли выбор исполнителя случайностью или Архипов уже тогда задумал подставить меня, но именно с этой поездки все началось.

— Мне нужно знать все подробности, любые детали. Даже если вам вдруг кажется что-то незначительным, все равно расскажите.

Георгий говорил. Малешский писал, делал пометки, перелистывал свои записи, сравнивал, что-то дописывал.

— Получается, что в этой истории участвуют три игрока. Первый и единственный известный игрок — Дранкурское Содружество, которое должно было получить от Оленева что-то очень важное. Второй игрок — тот, у кого Оленев это что-то важное забрал, и третья сторона — те, кто должен был это получить в обход Дранкура. Так как получается, что наш ученый был двойным агентом, и в конечном счете работал не на Дранкур.

Георгий кивнул.

— Вы думали о том, кто может быть номером два и три?

Гронский пожал плечами.

— Думаю, что один из них должен быть Вестленд.

— Куда уж без них? Слишком все масштабно получается. А третий игрок тогда кто?

— Альтхам, например. В последнее время они вели себя очень тихо. Несколько лет назад бросили миру МАГи, как подачку или чтобы отвлечь внимание от чего-то более важного. Или Нортландия. Они наоборот все эти годы, после их отделения от Альтхама только и делают, что из кожи вон лезут, чтобы доказать, что они не маленькая часть когда-то одной большой страны, а отдельное и независимое государство, которое еще всем обязательно покажет. Может, они и вправду что-то такое эдакое изобрели, а вездесущие Дранкур с Вестлендом об этом пронюхали и как всегда захотели присвоить себе.

Георгий замолчал. Потом горько усмехнулся.

— Оленев знал, что я — страж. Ему несложно было догадаться. Он работал на Дранкур и все это дело курировалось именно нашим Управлением. Поэтому он понимал кого ему дадут в «телохранители». Он мне сказал, что встречался в отеле с девушкой, чтобы передать ей кое-что. Так как я всегда чувствовал от него излучение энергии, я решил, что он собирается передать Руны той девушке, которая была с ним и которую потом выкинули из окна в гостинице. Но Руны это была приманка, чтобы я повелся на них и больше ничего не пытался вынюхать, — он поднял глаза на адвоката. — Как кость собаке. Апорт! И щенок, виляя хвостом, кинулся за подачкой. Тяв-тяв! Самое главное — это был диск, которого я никогда в глаза не видел. И до сих пор понятия не имею, где он может быть. Но именно из-за него погибли Оля и Артем. Именно из-за него я здесь.

— Судя по тому, что Моршанин уже после аварии пытался узнать у вас про диск, значит он так и не всплыл. Видимо, на нем такая информация, что как только она попадет в чьи-то руки, это не останется незамеченным.

— Думаю, да. Так как даже те Руны были необычны сами по себе. Они уже таят себе ту самую тайну из-за которой убивают, не глядя и не задумываясь.

— Что значит необычны?

Гронский резко выдохнул. Еще сильнее сжал, сцепленные в замок пальцы. Поднял глаза на защитника и твердо, уверенно произнес:

— Они не от нашего Источника.

Малешский замер, осмысливая услышанное.

— Поясните.

— Я понял это лишь здесь. Постоянно находясь вблизи Источника и чувствуя его излучение. В моей голове что-то происходит. Словно какое-то шуршание, шелест или скорее я назвал бы это шепотом. Навязчивым и непреходящим. Такого никогда не было раньше, а ведь я часто имел дело с Рунами. И это в первый раз появилось, когда я взял те Руны у Оленева. Мне в черепную коробку словно игла вошла. А потом, когда вынужден был вскрыть тот бокс и позже, когда сдерживал энергию Рун и ждал своих, я постоянно их слышал. И этот звук — он разный. От тех Рун и от Источника.

Во время своей речи Георгий смотрел прямо перед собой. Он понимал, что реакция нормального человека на подобный бред может быть лишь одна: исповедь сумасшедшего. Он и сам уже точно не был уверен, что не сошел с ума. Но ему нужно было выговориться. Может, хоть немного станет легче.

Он с вызовом поднял глаза на Малешского.

Что вы скажите сейчас, господин чтец человеческих эмоций и чувств?

— Вы считаете, что на том диске, который все так упорно ищут, информация о том, что это за Руны и откуда они взялись?

— Теперь думаю, что да. Хотя Оленев и был вынужден мне отдать эти Руны, чтобы отвлечь мое внимание, но он видимо знал, что без диска обладание этими камнями ничего особо не стоит.

Адвокат смотрел очень внимательно, словно сканируя своего подопечного.

— Вы что-то не договариваете, Георгий. Есть что-то, что вас сильно тревожит.

— То, что я нахожусь в Карьере по обвинению в международном терроризме, шпионаже, похищении Рун, вы не считаете достаточным поводом? Я уже не говорю о том, что я вам только что рассказал, что общаюсь с Источником. Вернее, он со мной общается. О других Рунах. Об этом чертовом диске.

— Есть что-то еще, — спокойно ответил адвокат на его иронию. — Что-то, что вы скрываете в себе очень глубоко, но фон этих эмоций я все равно чувствую. И когда вы сейчас перечисляли ваши беды, ни одна из них не соприкоснулась именно с той эмоцией, о которой я говорю.

Георгий криво усмехнулся. Положил предплечье правой руки на стол и медленно закатал рукав рубашки. От запястья до самого локтя тянулась яркая черная полоса орнамента, состоящая из неизвестных символов и знаков.

— Вы сделали себе татуировку? — дернул бровью Малешский.

— Вы считаете, что за два месяца я настолько проникся пребыванием в Карьере, что мне нужно об этом пожизненное воспоминание?

— Тогда я вас не понимаю.

— Она проступила сама. Из-под кожи. Сначала был непонятный зуд, боль, покраснения. Потом появилась серая, нечеткая полоса и буквально два дня назад она стала вот такой.

Малешский какое-то время разглядывал «татуировку».

— Эти символы напоминают вязь Источника. Рунные иероглифы.

— Это они и есть, можете не сомневаться, — Георгий раскатал рукав, закрывая свое приобретенное украшение.

— Вам здесь дают какие-то препараты или что-то колют?

Гронский саркастически скривил губы. С другой стороны, какой он еще мог ждать реакции?

— После драки с Оутсом и его охранниками я какое-то время был без сознания. Потом меня поместили в капсулу в бункере. С того дня у меня, на самом деле, какие-то непонятные сны, видения, галлюцинации.

— Георгий, не возражаете, если я возьму на экспертизу несколько ваших волос? Проверю на запрещенные вещества. И у судьи сегодня же попрошу назначение на ваше полное обследование. В том числе вам сделают и соскоб с татуировки. Если мы найдем что-то противозаконное, нам это будет хорошим подспорьем в суде.

— Делайте, что считаете нужным.

Глава 29

Вестленд. Хардан.

Главный офис корпорации Эрвиндэр

— Отец, я не понимаю, как ты мог согласиться на эту встречу?

Тонкие ноздри Кристины Эрвиндэр гневно трепетали. Грудь под застегнутой до самого верха деловой блузкой высоко поднималась опускалась в такт ее раздраженному дыханию. А серые глаза, потемневшие до цвета штормового моря, казалось еще чуть-чуть и начнут отстреливать молнии.

Илай Дейрлл поймал себя на мысли, что с самого начала разговора не отводит взгляд от леди Эрвиндэр. Холеное узкое лицо, тонкий аристократический нос, властная линия чувственных губ, гладко зачесанные назад и собранные в тугий хвост русые волосы. Она была умна, честолюбива, уверена в себе, эгоистична и обладала по истине железной деловой хваткой. Что было совершенно оправданно, так как после нелепой, случайной гибели ее старшего брата, Кристина являлась единственной наследницей огромной империи Эрвиндэр и управляла немалой частью семейного бизнеса.

Илай перевел глаза на свою чашку, в которой плавали несколько тонких льдинок. Едва удержался, чтобы не растереть замерзшие пальцы и украдкой посмотрел на хозяина кабинета. Тот пока делал вид, что не замечал ни ледяного кофе, ни облачко пара каждый раз слетающее с губ вместе со словами.

— Что тебе именно не нравится? — поинтересовался Райан Эрвиндэр, действующий глава Комитета, вестлендский эрл и потомственный аристократ.

Кристина зло мотнула головой. Резким движением развернула смарт на руке до размеров небольшого планшета. Нажала несколько кнопок. Над столом, так чтобы было хорошо видно всем присутствующим, вспыхнула проекция с ее экрана.

— Кто он? — она жестким кивком головы указала на изображение молодого мужчины. Светлые короткие волосы, сине-голубые глаза, высокие скулы, четко очерченные губы.

Собеседники Кристины переглянулись.

— Это тот самый офицер Дранкурской Стражи, которого обвинили в пособничестве Вестленду в террористическом нападении на Карьер, — осторожно ответил Илай не совсем понимая, что именно она хочет услышать, но не желая злить ее еще больше. У него уже и так скоро зуб на зуб попадать перестанет.

— Дранкурец! — саркастически хмыкнула леди Эрвиндэр. — С ярко выраженными чертами высшего аристократического рода Альтхама!

Райан поморщился.

— Ты перебарщиваешь, Крис. Конечно не южанин явно, но и на короля Асгиля Оддгейра двенадцатого он не похож.

Кристина быстро пробежалась по клавишам клавиатуры. На экране замелькали фото отдельных фрагментов лиц: глаз, скул, волосы, овалы лица без акцента на индивидуальные черты, схемы, таблицы, какие-то формулы.

— Этим я занималась сегодняшней ночью. Конечно мы все знаем, что Альтхам — страна голубоглазых и светловолосых придурков, и любого более-менее выраженного блондина мы считаем альтхамцем, несмотря на то, что половину Нортландии заселяют люди

с похожей внешностью, так же, как и Оросию. Да даже жители северной части Эверийского королевства имеют подобные черты. Но глаза цвета застарелого льда встречается отнюдь не у каждого блондина. Посмотрите.

И снова мелькание картинок. Фото короля Асгиля Оддгейра двенадцатого, его отца, деда, близких родственников мужского пола, маленького наследника.

— Цвет глаз, овал лица, выверенный словно линейкой, очертания губ, — продолжала Кристина, — весь мир знает, как Альтхам дорожит своей королевской династией и как они работают с генетическим материалом. И эти фото тому доказательство.

Она нажала на клавишу и на экран вернулась первая фотография.

Эрл Эрвиндэр неопределенно дернул плечом.

— Что-то есть, — не мог не признать он, — но очень отдаленно.

— Далекий родственник, незаконно рожденная ветвь, — согласно кивнула Кристина, — тем, кем с одной стороны не жалко пожертвовать, а с другой можно доверить важную миссию.

— Георгий Гронский родился и вырос в Дранкуре, его родители граждане Содружества, школа, спецучилище для стражей, двенадцать лет службы, семья, дом. Все в Дранкуре.

Вставил свое мнение Илай.

— Подделать столько документов за столь длительный период бесследно невозможно.

— Самое главное — зачем? — задал основной вопрос Райан.

— Вы помните сколько лет назад Вестленд помог одному молодому государству отделиться от так сказать своих корней и стать независимым? Вы думаете Альтхам это нам когда-нибудь забудет? Они затаились и ждали подходящего момента. И сейчас, когда Вестленд был в шаге от того, чтобы стать самым сильным государством нашего мира, они нанесли расчетливый удар.

— Против нас выступает Дранкур, — возразил ей эрл.

— Ты правда считаешь, что они что-то могут? — скривилась его дочь. — В эпоху Разрушения на юг пришла основная сила выплесков Источников. Южные города были наполовину уничтожены, остальные жители бежали куда глаза глядят, бросая все, что у них было. Более-менее уцелел лишь Дранкур. Позже собравший всех оборванцев, которые по каким-то причинам остались жить в тех землях и, придав каждому полуразрушенному, обнищавшему городишке статус доминиона, создал Дранкурское Содружество. Видимо только они и считают себя ведущей мировой державой. Что у них вообще есть? Повышенный коэффициент получения Рун? И несколько природных ресурсов? У них до сих пор самая широкая полоса зон отчуждений.

Потому что граница Содружества и пустыни Нохар-Аг самая вытянутая и занимает большую площадь, чем в каком-нибудь государстве.

Свои мысли Илай озвучивать вслух не стал. Кристина была еще более высокомерна и еще большим снобом, чем ее отец. Вестленд, как и Альтхам были самыми далекими государствами от пустыни и от самого Источника, как следствие. Во время эпохи Разрушения правительство Вестленда приказало закрыть границы государства и не впускать в королевство всех, кого не попадая. Принимая в ряды своих подданных лишь тех, кто мог заплатить очень немалую пошлину или внести другой ощутимый вклад в развитие страны.

Таким образом им удалось привлечь в свои города самых первых носителей Искр и получить от этого очень неплохие дивиденды, подняв Вестленд на пьедестал крупнейшей мировой державы. От всех остальных они смогли откупиться гуманитарной помощью,

которой периодически снабжали нуждающиеся страны.

Большую же часть беженцев принял на себя Альтхам и та часть страны, которая сейчас называется Нортландия. Правящий род северного королевства всегда кичился своей избранностью. И искренне считал себя особенным и стоящим выше других. Шовинисты, стремящиеся к всемирному могуществу, они, собрав в своих северных землях всех испуганных, нуждающихся в новом доме, не знающих куда бежать людей, в очень короткий срок навязали выжившим жителям Скаллы свои правила, убеждения, даже свой язык, сделав его общим и для других стран. В великом стремлении объединить всех выживших после эпохи Разрушения людей под своей покровительственной дланью.

Тем самым пошатнув пьедестал Вестленда. После чего тот, воспользовавшись бедственным положением людей, потерявших свой дом и вынужденных ютиться в довольно тесных условиях в не самых обширных и благополучных северных землях, предложил части королевству отделиться от своего правителя и создать новое государство, где они будут думать лишь о своих жителях и вытаскивать их из нищеты, безработицы, голода, в которые погрузились переполненные Альтхамские города.

Так образовалась Нортландия. И вечная непримиримая вражда между Альтхамом и Вестлендом. В это время на пороге уже стояла эпоха Возрождения. Люди выбирались со дна ямы, славили Источник, перестраивались под новую жизнь. Образовывались новые государства и города. В том числе и Дранкурское Содружество, которое объединив всех людей юга, отстраивало новую жизнь, отдельно от Вестленда и Альтхама. Вело довольно затворническую политику, не давало лезть в свои дела чужакам, возрождало земли, открывало ресурсы. После чего, набравшись сил и твердо встав на ноги, заявило, что тоже не против занять место на облюбованном вестлендцами и альтхамцами пьедестале.

— Крис, я тебя очень прошу, контролируй Искру, — поморщился Райан, — я хотел выпить горячего кофе. Да и Илай скоро подхватит воспаление легких. Мне нравится ход твоих рассуждений, но очень прошу контролируй себя. Если мне захочется прохлады, я включу кондиционер.

Кристина слегка прикрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Илаю захотелось положить ей руки на плечи и сделать массаж. Провести кончиками пальцев по напряженным мышцам. Расстегнуть пуговицы блузки, обнажив тонкую шею, изящные ключицы, соблазнительную грудь, едва прикрытую легким кружевом.

Сквозь свои мысли он слышал, как хозяин кабинета попросил кофе у своего секретаря.

— Вчера вечером я разговаривал с его величеством, — вновь обратился эрл к своим собеседникам.

Кристина глубоко вздохнула, словно выходя их транса или внезапного сна и вновь вернулась в прежнее положение. Провела рукой по безупречной прическе, пытаясь убрать несуществующую выбившуюся прядь.

— Его величество считает, что сейчас недальновидно и ошибочно пытаться и дальше настаивать на нашем союзе с Оркли. Общественность всполошена и это может вызвать неправильный резонанс. Однако он считает, и я его в этом абсолютно поддерживаю, что мы далеко не проиграли эту битву. Как глава Комитета я возглавляю международную комиссию, которая занимается расследованием дела о террористическом нападении на Карьер. И у Дранкура или кто бы ни стоял за ним нет никаких серьезных обвинений против нас. Максимум, что они смогли предъявить какие-то доказательства вины своему же офицеру Стражи. Но доказательств, что он именно наш шпион у них нет. Пока все сводится к тому,

что наши противники выдвинули против нас ложные обвинения в целях оклеветать нас и сорвать подписание договора с Оркли.

— Вот именно! — Кристина подняла вверх указательный палец. — И зачем нам что-либо предпринимать? Гроза и так идет мимо нас. Нам надо лишь ее переждать.

— Через полгода я уйду с должности главы Комитета. И не для никого не секрет, что одним из первых претендентов на эту должность является ляр Балдер Лертен

— Магистр верхней палаты и один из многочисленного королевского рода Альтхама. В последние десять лет особо приближенный короля Асгиля Оддгейра двенадцатого. Его правая рука и ближайший советник.

— Именно.

— Слишком много в последнее время стало альтхамцев, не находишь? Комендант Карьера, управляющий Лазаретами, главный следователь, ведущий дело о нападении на Карьер!

— И наше дело сейчас исправить этот перевес. Если доказать, что Вестленд ложно обвинили, его величество сможет запросить у Комитета о некоторых преференциях в качестве возмещения ущерба. Например, назначить новым главой Комитета эрла Берквитта. Нам нужны союзники. Поэтому я и согласился на встречу с господином Малешским.

Кристина развела руки в стороны.

— И это еще один очень неоднозначный штрих в этом более чем странном деле. Адвокат Малешский входит во всемирный рейтинг самых лучших защитников. И его ценник так же высок, как и его место в этом самом рейтинге.

— Дело это тоже не рядовое, — пожал плечами эрл Эрвиндер.

— И кто же оплачивает его услуги? Я конечно знаю, что Стража — в наше время самая привилегированная каста военных и почти любое государство тратит немалые средства на ее обеспечение. Но вряд ли настолько, чтобы стать вровень с богатыми корпорациями или семьями знати, которые так любят услуги юристов подобного уровня и не глядя могут позволить себе оплату их работу.

— Во время нашего с ним разговора я поднял этот вопрос. Его наняли родители клиента.

Кристина дотронулась кончиками пальцев до своего смартфона. Снова вспыхнул экран.

— Родители обвиняемого офицера — генетики. Его мать Валерия Гронская, в девичестве Элликор приехала в Содружество будучи еще совсем молодой девушкой на практику после окончания академии из небольшого городка Роммис в Нортландии. Отец — дранкурец Сергей Владимирович Гронский. Оба работают в одной крупной международной компании, расположенной в столице Содружества. Оба ученые с докторской степенью. Она руководит крупным отделом. Он — инженер — генетик. Не сомневаюсь, что доход у них очень неплохой. Так же, как и сомневаюсь, что его хватит на такого адвоката, как Малешский. И кстати посмотрите на эти фотографии.

Мужчины перевели глаза на экран. С которого на них смотрела зеленоглазая, миловидная женщина с волосами теплого золотистым оттенка, с небольшим, слегка вздернутым носом и мягкими, округлыми скулами. И русоволосый, темноглазый мужчина с широкими скулами и крепким раздвоенным подбородком.

Кристина переключила картинку, вернув их к первой фотографии со светловолосым парнем с пронзительными голубыми глазами.

— Кто он? — повторила она свой изначальный вопрос.

— Возможно он просто приемный ребенок, — сделал предположение Илай.

— Дранкурец с ярко выраженной внешностью альтхамца, с приемными родителями, которые могут по щелчку нанять одного из самых дорогих адвокатов нашего мира.

Райан тяжело вздохнул.

— Кристина, Малешский будет у нас в пять вечера. Ты как раз сможешь задать ему все свои вопросы.

— А что, если эта встреча лишь продолжение игры. Что если этот офицер Стражи на самом деле незаконнорожденный сын какого-нибудь альтхамского лорда? Который и оплачивает его дорогощего адвоката. А ваша встреча с ним всего лишь ловушка для тебя и всего Вестленда в целом. Зачем вестленскому эрлу, приближенному короля Эттона VI встречаться с адвокатом человека, которого обвиняют в том, что он работает на наши спецслужбы?

— Обвиняемому грозит от пятнадцати лет Карьера. Это смертный приговор. Кто согласится на такое? Если ты говоришь, что он всего лишь подсадная утка?

— А получит два, от силы три, когда лорд Балдер станет главой Комитета. А потом уедет в свой Альтхам, где получит место при дворе, доходную должность или даже имение и титул. Я тут недавно вспомнила, как читала очень интересное интервью с одним ученым из Нортландии, который работал в ведущем научном институте Рунгарда. Так вот он в своих откровениях рассказал одну занятную вещь. Что в аристократических семьях Альтхама на клеточном уровне закладываются такие понятия как верность, долг, служение своему роду и его главе, этакое программирование. А не для кого уже не секрет, что благодаря разработкам генной инженерии и умению приводить в порядок свой генофонд у альтхамцев уже давно разрешены браки между родственниками до двоюродных братьев и сестер. И они там все, как одна большая семья, где старший его величество король. И подобный зов крови нельзя исключить и у нашего героя. И не важно, кто его растил и воспитывал.

Эрл Эрвиндэр опустил глаза на стол. Сделал несколько глотков кофе.

— Илай, оставь нас с дочерью наедине, пожалуйста.

Когда молодой человек вышел, Райан внимательно посмотрел на дочь.

— Как я вижу ваши эксперименты с Илайем не проходят напрасно, — сухо произнес он, — он на самом деле умеет влезать в мозги?

— Не влезать, папа, — досадливо поморщилась Кристина, — заставляя их работать быстрее и качественнее, активировать ту часть мозга, в которой лежит массив информации и которым мы обычно не имеем возможности пользоваться. После взаимодействия с ним, я могу пользоваться всей когда-либо доступной мне информацией, анализировать, раскладывать по полочкам и думать гораздо быстрее и эффективнее.

— Мне не нравится это ваше взаимодействие. Вернее, его результат. Ты перестала мыслить рационально. Видимо, когда столь много информации, мозг просто не может ее правильно обрабатывать и начинает подкидывать различные креативные идеи только чтобы они опять не пропадали всуе. А проще — сочинять разную фантастику. К тому же ты перестала контролировать и развивать свою Искру. Я запрещаю тебе подобное взаимодействие с Илайем.

— Тебе не кажется, что я уже достаточно взрослая, чтобы самой решать, как мне распоряжаться своей Искрой, впрочем, как и другими своими ресурсами.

— Тогда я отправлю его назад, где когда-то и нашел. Несмотря на все его таланты и перспективы. Место для таких молодых самородков везде найдется.

— Он руководит моим юридическим отделом.

Райан сделал последний глоток кофе и поднялся с кресла.

— Сейчас мне надо отъехать на несколько часов. Встречаемся в пять.

Оставшись одна, леди Эрвиндэр снова откинулась на спинку кресла и вытянула ноги. Тихо щелкнула дверь. Илай подошел к ней и сделал, о чем мечтал последние несколько часов. Положил руки на плечи, осторожно сжал пальцы, разминая, снимая усталость. Действия с пуговицами, представленные в его воображении, повторить не решился. Кристина явно было не в том настроении.

— Устала? — сочувственно спросил он.

— Голова ватная. Мысли словно тяжелые жернова. Как теперь общаться с этим Малешским?

— У тебя есть еще несколько часов на отдых.

Она покачала головой.

— Я иногда завидую твоей Искре.

— Моей?! — удивился он. — Ты самая сильная стихийщица, которую я встречал.

— Очень удобно, — вяло согласилась она, — всегда можно остудить кофе или заменить собой вентилятор.

Илай тихо засмеялся.

— Тебе помочь? — тихо спросил он.

Кристина кивнула. Мужчина мягко положил ей пальцы на шею, нащупывая ровное биение пульса. Она взяла его за запястье, повторяя действие. Закрыла глаза. Чувствуя подушечками пальцев ток его крови. Расслабилась, пытаюсь слиться, раствориться в этом пульсирующем потоке.

Глава 30

Айя оглянулась один только раз. Сделав остановку на небольшом холме. С которого освещенный, растревоженный лагерь был виден как на ладони. Теперь она понимала, что Дант сделал что-то такое, что если их поймают, то уже не отпустят живыми.

Переведя дыхание, она побежала вновь. И уже почти была на берегу реки, когда услышала тяжелое дыхание сзади. Краем глаза Айя успела заметить одного из псов ловцов. Она собрала силы для последнего рывка, когда сильные челюсти вонзились ей в ногу. Женщина закричала. Упала на песок, пытаясь второй ногой ударить по морде собаке. На грудь упала тяжелая, невидимая сеть. В двух шагах от нее стоял ловец.

Потом она помнила комнату, кровать и черную вязь символов, которые день за днем наносили ей на кожу. Пока она вся не покрылась этими письменами. Боль заполняла каждую клеточку тела. Горела кожа. А голова была словно в вакууме отрешенности и безразличия. Она внезапно поняла, что ей все равно, что с ней происходит сейчас. Что было в прошлом и что ее ждет в будущем. Она даже не понимала сколько дней провела в этом тупом оцепенении.

Пока не открыла глаза и не увидела их.

Элементы. Четыре огромных камня. Четыре столпа, разных форм, размеров и степени разрушенности. Айя замерла, широко раскрыв глаза. Суть их мира.

Будь они прокляты!

Но это была последняя и единственная вспышка эмоций, которая родившись где-то глубоко внутри нее так и не нашла выхода. Она вновь погрузилась в омут вялой апатии, где ничего не было кроме этих серых камней и желания стать с ними единым целым.

Айя закрыла глаза.

Георгий рванул наверх из темноты колодца. Он уже видел это горное плато, чужой Источник и людей, приговоренных к жертвоприношению.

Очередной отрывок его сна. Словно заверченный цикл. С чего все началось, тем все и закончится. Сеанс завершен. Пауз больше не будет. Он уже видел просвет, который тускло освещал ночной свет камеры. И был к этому готов. С того самого момента, как Малешский показал ему рисунки его новых Искр. Да, стражем ему больше не быть. Какие философские основания к этому не подводи. Но воспользоваться своим даром для своего блага он сможет. И ошейник ему в этом не помеха. Ему не нужна внешняя сила и барьер. Ему нужно всего лишь выстроить в своей голове заслонку, наподобие той, которой он защищался от попытки внедрения в его мозг Моршаниным. Закрывать часть сознания, которая постоянно тянет его в этот чертов колодец.

Барьер.

Произнес он про себя. Это не было необходимостью. Но это была часть его жизни. Его сущность. Выстроил контуры всех Искр. Георгий знал, что здесь и сейчас это можно. Наполнил силой и сформировал что-то наподобие тяжелого металлического люка, которым обычно закрывают колодцы или стоки.

Рванул вперед, наверх, выныривая в духоту барака. С грохотом захлопывая крышку, оставляя за ней колодец, горное плато, чужой Источник и часть сознания, которая постоянно тянула его в эту яму. В голове будто что-то оторвалось, царапающим скрежетом,

заполняя его рассудок.

Георгий резко сел. Сжимая голову двумя руками, словно она могла расколоться. Некоторое время он так и сидел, обдумывая случившееся. Стараясь понять, когда он чувствовал себя более сумасшедшим, когда видел свои ненормальные, выматывающие сны или сейчас, когда в голове до сих пор стоит скрежет закрывающегося люка.

— Добрый день, господин Гронский, меня зовут Аврил Байо, я новый следователь, назначенный по вашему делу.

— А что случилось с господином Седовым? Так расстроился, что я не написал сочинение по его запросу, что не может дальше нести службу?

Георгий был растерян. Сегодня с утра его опять сняли со смены и сообщили, что у него новое свидание.

— Господин Седов был отстранен. Ваш адвокат предоставил комиссии, созданной вести расследование вашего дела новые сведения, и мы поняли, что сторона обвинения скрывала от нас некоторые обстоятельства, которые могли повлиять на ход расследования. Глава Комитета эрл Эрвиндэр дал задание следователям, входящим в состав комиссии, провести самостоятельное расследование.

За десять дней до суда.

— До суда осталось десять дней, — озвучил Аврил Байо мысли своего клиента, — но с теми материалами, которые нам предоставил ваш адвокат, думаю мы сумеем достучаться до правды.

Георгий молчал. Что здесь можно было сказать. У Малешского получилось то, что он задумал. И осталось уже совсем немного ждать, чтобы понять какие результаты это принесет.

— Я не буду просить вас рассказывать все с самого начала, — следователь открыл ноутбук, — протоколы с ваших допросов у меня есть, и я их подробнейшим образом уже изучил. Я задам вам лишь несколько вопросов, чтобы уточнить моменты, которые я не совсем понимаю.

— Александр?

Молодой, слегка неуверенный голос был незнаком Александру.

— Да, я — Александр Норский, вы позвонили в офис адвоката Малешского.

— Мне Макс сказал, инструктор с турбазы, что вас интересует видео.

— Какое видео? — не очень понял несвязную речь собеседника Александр.

— Моя подруга — любительница снимать разные природные явления. В то утро на небе была какая-то необычная радуга, то ли перистая, то ли огненная, я не очень запомнил. Она сказала, что ее можно увидеть только, находясь в горах, так как с земли этот феномен увидеть невозможно. Вот она и снимала. А там как раз дорога в аэропорт и... в общем эта авария.

Александр молчал, анализируя полученные данные.

— Вас это еще интересует?

— Да, конечно, — быстро произнес помощник Малешского, испугавшись, как бы его задумчивость парень не принял за отказ. — Когда я могу его получить?

— Макс сказал, что вы готовы заплатить двадцать тысяч алтхов.

Голос паренька слегка дрогнул, как будто он сам не верил, что говорит. Александр поморщился. Он уже не надеялся ни на какой результат, слишком много прошло времени.

Но сумма вознаграждения с первоначальной возросла почти в три раза.

— Да, но сначала я должен увидеть, что на этой записи.

— Давайте встретимся в кафе «После учебы» в студенческом квартале, через два часа.

Когда Александр прибыл по указанному адресу, молодой человек уже ждал его за одним из столиков. Перед ним стоял ноутбук, на который он положил две руки, как на главное сокровище. Парень был совсем молодым. Второй, максимум третий курс. Он с жадным интересом рассматривал прибывшего.

— Добрый день, — еще раз поприветствовал нежданного свидетеля Александр.

Парень важно кивнул, стараясь придать себе взрослости и солидности, и конечно же скрыть волнение.

— Вы мне показываете видео, — начал Александр, чтобы не затягивать время, — если оно на самом деле содержит нужную мне информацию, я сразу перевожу обещанную сумму гонорара, а вы мне записываете информацию на диск. Устроит?

— Да, — парень быстро кивнул, — только имейте в виду, ни в какой суд вы меня не затащите. Ни я, ни моя девушка в эту историю вписываться не будем.

Александр понятливо кивнул. Парень повернул к нему ноутбук и включил видео. Первые минуты шла запись неба и действительно красивой волнистой дуги, растянувшейся по светлеющему горизонту. Молодой девичий голос восторженно комментировал происходящее. Потом камера начала отъезжать, видимо, чтобы сделать обширную картинку и вписать эту красоту в окружающий пейзаж. Показалось море, склон горы, дорога между ними и большая фура, медленно едущая по шоссе.

— Я потом читал, — парень закрыл ноутбук, когда запись закончилась, — что в той аварии погибли женщина и ребенок.

Александр задумчиво кивнул, осмысливая увиденное.

— Не повезло им, — в голосе собеседника прорезалось искреннее сочувствие, — если бы не эта каменюка все обошлось бы.

Помощник Малешского еще раз кивнул.

— Почему не позвонили раньше? — слегка рассеяно спросил он.

— Ната испугалась сначала, дело-то громкое, подумали по судам затаскают. Нам это надо? А потом..., — парень замялся.

А потом, когда сумма гонорара возросла, жажда быстрых и больших денег пересилила страх. Александр положил перед студентом небольшой полупрозрачный диск.

— Переходник есть? — спросил он, досадуя на себя, что не захватил сам. Не все ноуты были приспособлены для подобных носителей информации.

— Конечно, — студент аккуратно подцепил пальцами диск. — Пару минут и все будет сделано.

— Тогда давай свой код, перечислю тебе деньги.

— Добрый вечер, Саша, — несмотря на поздний вечер голос Малешского звучал бодро, — сегодня весь день пробыл в лазарете, куда доставили Гронского после рейда, общался со свидетелями.

— Есть какие-нибудь подвижки?

— Пока не очень, но у меня есть одна мысль. Сейчас не об этом. Я просмотрел всю информацию, которую ты мне сбросил. Я впечатлен, ты молодец. Это видео нам очень сильно поможет в суде.

— Я оцифровал фото водителя, выслал вам в отдельном файле.

— Видел, — усмехнулся адвокат, — теперь понятно почему Борис Вязский не помнит саму дорогу, потому что он не управлял фурой. И версия Арсенина обретает все больший вес. Его оглушили рунным шокером и он отключился, а потом просто посадили на водительское место и, возможно сделали укол какого-нибудь сильного препарата, который потом в лазарете определили, как наркотическое вещество. Поэтому все его воспоминания начинаются после самой аварии.

— Кстати, вы обратили внимание на скорость фуры? Она ехала довольно медленно и так же медленно стала заворачивать на встречную полосу, чтобы снизить силу удара при столкновении. Как я могу предположить, Гронского, а уже тем более его семью вряд ли хотели убить. Скорее всего расчет был на то, чтобы задержать. То есть он поворачивает, тут фура, якобы с пьяным водителем сошла со своей полосы, он начинает тормозить, удар и легкие травмы максимум, если он вообще не успел бы вырулить. Потом приезжает полиция, которая уже на хвосте, снимают уровень излучения, находят Руны, ну а дальше пошло-поехало. Понимаете, его не хотели убивать. Нашему клиенту просто очень не повезло. Из-за этого камнепада, он вылетел на скорости и врезался в фуру. Удар был сильным, их перевернуло, но Гронский прикрыл жену барьером, если бы не камень, который упал на них сверху, могу предположить, что Ольга Гронская осталась бы жива. Несчастный случай.

Адвокат некоторое время молчал.

— Согласен с твоими выводами о том, что Георгия убивать не хотели. А уж тем более его жену. Для меня всегда была большой нестыковкой эта авария. Я был уверен, что все дело здесь не только в политике и дрязгах на международной арене. Если быть честным, то с такими возможностями, какие нам демонстрируют наши противники, им было бы легче найти подставное лицо, которое бы написало признание в своих преступлениях, его посадили бы года на три, а потом, когда шумиха улеглась, нашли бы повод отпустить. Им нужен именно Гронский. И пока, скажу тебе честно, я так и не смог найти ответ на этой вопрос. Но я не согласен с тобой, что это был несчастный случай. Если бы не эта фура Георгий увернулся бы от первого камня и уж точно не попал бы под второй, который собственно говоря и стал причиной смерти его жены.

— Как вы думаете, а что случилось с мальчиком? — задал Александр вопрос, который не давал ему покоя. К сожалению, видео обрывалось неожиданно. После того, как на машину Гронского упал огромный валун, изображение резко ушло в сторону, потом пошла частая смена картинок: камни, деревья, небо, деревья, море, камни. Видимо то ли от испуга, то ли от неожиданности девушка, которая снимала, уронила камеру и что происходило дальше не было снято.

— После столкновения с фурой автомобиль Гронского, на самом деле, перевернулся и теоретически ребенок мог вылететь на склон.

— Только на видео ничего подобного мы не увидели. На момент, когда машину придавило валуном, мальчик оставался в ней. И задняя часть автомобиля почти не пострадала.

— Ты хочешь сказать, что мальчик мог остаться в живых?

— Да. Правда с его болезнью здесь трудно дать точное определение этому слову.

— Георгий не раз говорил, что ему оставалось жить максимум неделя. А без родителей, которые о нем непрерывно заботились бы, он вряд ли протянет даже эти дни.

— Тогда зачем Управлению выдавать версию, что он вылетел на склон и утонул в море, если он и так не жилец? — задал резонный вопрос Александр.

— А здесь, как и с самим Георгием мы утыкаемся в одну и ту же стену. В ту самую пока неизвестную для нас причину.

— Может это как-то связано с тем диском? И Гронского не хотели убивать, так как думали, что он все же у него? Только тогда причем здесь мальчик?

— Пока не знаю, Саша, но насчет диска у меня есть кое-какие соображения. Думаю, что Оленев, когда понял, что его преследуют, мог спрятать диск в том номере, в котором он остановился с девушкой. Либо же в том номере гостиницы, где он проживал во время конференции.

— И что вы предлагаете делать?

— Искать. Уверен, это ключ ко всему.

— Вы рассказали эрлу? — уточнил вдруг секретарь

— У нас был с ним разговор, уже без его дочери и ее помощника. Я видел, что он не понимает, о чем речь, но явно заинтересовался.

— Простите, Виктор Григорьевич, но может, вам просто оставить это дело. Диск — не наша забота. И за него готовы перемолоть в труху, любого, кто встанет на пути. Слишком большой риск.

— Этот диск в рамках нашего дела. Я не совсем понимаю твои претензии, Саша. Нашего клиента хотят упрятать в Карьер на долгие годы, я согласился защищать его интересы и помочь ему избежать незаслуженного наказания. Я ему верю.

— Пришли результаты анализа волос на психотропные вещества. Они — отрицательные. В волосах Гронского не нашли содержания никаких психотропных, запрещенных, сильнодействующих веществ. Вы не находите это странным?

— И?

— Думаю он снова вас обманывает.

Малешкий поморщился. Удар по его профессионализму был нанесен серьезный.

— Не думаю.

— Вы сами сказали, что стражи такого уровня как Гронский имеют способности закрывать часть своего сознания от проникновения и прятать там эмоции или чувства.

Малешкий кивнул, сдержав тяжелый вздох. Теперь он даже не сомневался, что подобное возможно.

— А татуировка у него на руке проступила сама? — все же заступился за своего клиента адвокат.

— Моршанин, поездка в Макку, дружба с вестлендскими стражами, паспорта, диск, наконец эта дурацкая татуировка — в каждом ключевом моменте он вам врал. Всегда у него было несколько версий.

— И какие ты делаешь из всего этого выводы?

— Может он на самом деле и есть та самая подсадная утка, о которой вы говорили. Посмотрите на эту историю, с другой стороны. Зачем Управлению терять такого стража, как Гронский? Им надо узнать, где диск вот они и подключили его к этой игре.

— У него погибла семья, — сухо напомнил Виктор.

— Это был несчастный случай!

— Саша, а ты случайно не знаком с Кристиной Эрвиндэр? — с улыбкой в голосе спросил адвокат.

Александр задумался на несколько секунд, пока до него не дошел смысл вопроса.

— Смешно, Виктор Григорьевич, — насупился молодой человек, — при чем здесь дочь

эрла Эрвиндэра?

— Она крайне отрицательно настроена к нашему клиенту, да и ко мне тоже. Его она считает альтхамским агентом, а меня его пособником. И уверена, что мы подставные фигуры, подосланные к ее отцу, чтобы доказать причастность Вестленда ко всему произошедшему в Карьере.

— Она вам что так прямо и сказала об этом?

— Нет, но она задавала вопросы, а я читал ее эмоции и отголоски чувств.

Секретарь хотел, что-то добавить, но Малешский резко перебил его.

— Уже ночь, Саша, ты устал. Завтра с утра я тебе позвоню, сообщу наши дальнейшие действия.

И отключил свой смарт.

За свою долгую карьеру адвокат Малешский брался за разные дела. И риска, и адреналина, и азарта в его жизни было много. На бытовых или семейных дрызгах далеко не уедешь. А его имя сейчас знает любой, кто хоть как-то связан с миром юриспруденции и правовой защиты. И еще ни разу он не ошибался и не проигрывал по-крупному. Да и его интуиция говорила, что он идет по правильному пути. Осталось совсем чуть-чуть, копнуть чуть глубже и завесу с тайны можно будет наконец-то сорвать.

Глава 31

Олег проснулся за несколько часов до звонка будильника. В последнее время бессонница стала его верной спутницей. Он все время думал, вспоминал, перебирал в голове, что еще может сделать, как помочь. Может, что-то упустил, или недоделал, или недодумал.

После встречи с адвокатом Олег больше не играл в частного детектива и не пытался бежать впереди паровоза, так как понимал, что каждый должен заниматься своим делом и что такому профессионалу, как Малешский лучше не мешать. Правда и Виктор был верен своему слову и держал его в курсе событий через своего помощника. Несколько дней назад даже позвонил сам, рассказал последние новости, а самое главное о своем визите в Карьер.

— Как Гера?

— Как человек, несколько месяцев пробывший в Карьере. Я передал ему послание от вас. Он просил передать вам благодарность.

Олег насмешливо фыркнул.

— Или послать меня куда подальше и сказать, чтобы я не совал нос не в свое дело?

— Он не хочет, чтобы и вы попали в похожую ситуацию.

И именно эта ситуация выводила его из себя тем сильнее, чем меньше оставалось дней до окончания его спонтанного отпуска. Как он вернется? Как будет общаться с людьми, которые так обошлись с его лучшими друзьями? Чем бы не закончился суд, жизнь Георгия сломана, Ольги и Артема больше нет. Сможет ли он и дальше быть там, среди этих людей? Можно ли такое отпустить? Простить. Быть прежним. Зная, что в любой момент с ним могут поступить также. Потому что никто не знает, что его ждет завтра и какая судьба уготовлена.

Заворочалась Ирина. Повернулась. Тихо провела пальцем по щеке.

— Опять не спишь? Сколько можно поедать себя?

— Две минуты назад проснулся, — соврал он, обнимая, притягивая жену к себе. — Вспомнил, что ты вернулась и не могу уснуть от счастья.

Суженная фыркнула, но не стала отрицать для нее очевидное.

Спонтанное возвращение жены с детьми стало самой большой проблемой. Ему было бы спокойнее, если семья по-прежнему оставалась дальше от дома и от него. Так как пусть сейчас он вел спокойный, размеренный образ жизни, ожидая суда, но всегда был готов оказать любое содействие по первому требованию, о чем он и сказал Малешскому при их последней встрече.

Утром после совместного, семейного завтрака, когда Ирина с девочками уехала по магазинам, Олег все же не выдержал, позвонил адвокату. На задворках сознания у него постоянно маялась одна мысль. И он никак не мог выбросить ее оттуда. Хотя понимал, что это полная чушь и просто от ожидания и безделья, он уже становится параноиком.

Малешский не ответил. Но автоответчик извинился и попросил оставить свое сообщение, пообещав, что его хозяин обязательно перезвонит.

— Виктор, вы меня просили говорить обо всем, что мне кажется странным или необычным, даже если это какая-то мелочь. Несколько дней назад я заезжал к родителям Герки. У них я увидел очень странный рюкзак. Вернее, такой рюкзачок, как для маленьких девочек, весь розовый, в пайетках и страфиках. Валерия сказала, что его Гере прислали из

гостиницы в Макке, где он останавливался, вместе с другими оставленными им вещами. Она предположила, что Гера купил его Ольге в подарок. Но я никогда не видел, чтобы Оля носила подобные вещи. Мне показалось это странным. Я как сторонний человек не могу знать об их личных отношениях все до последних мелочей, но эта штукавина так не вяжется ни с Герой, ни с Олей, что я просто должен был с вами поделиться своими мыслями.

Валерия быстрыми шагами шла по аллеям центрального парка. Холодный порыв ветра срывал оставшиеся листья с уже почти голых деревьев и кружил их в последнем танце осени. Скоро уже совсем похолодает и выпадет снег. Женщина зябко повела плечами. Поправила воротник довольно легкого пальто, которое особо не спасало от промозглого ветра. Посмотрела на экран смартфона.

«Здравствуй, Лесса. Жду тебя сегодня в центральном парке в пять часов. У фонтана».

Она даже не совсем помнила, как покинула квартиру. Просто взяла первую попавшуюся вещь из шкафа и надела на себя. Хорошо, что это было хотя бы ее пальто. Как она обувалась вообще не помнила. Как и все, что происходило после.

Лесса, здравствуй. Лесса.

Лесса.

Валерия огляделась. Она стояла в самом центре парка, у огромного многоярусного фонтана, от которого по всему парку разбегались многочисленные аллеи. Она пробежалась глазами в одном направлении вдоль длинных рядов скамеек. В другом. Третьем.

Пока не увидела одиноко сидящего мужчину на одной из скамеек чуть в стороне от главных аллей. Вдоль позвоночника пробежалась стая мурашек. Ее бросило в жар. Потом в озноб. Она прикрыла глаза, пытаясь унять глухо бьющееся о грудную клетку сердце. Сжала дрожащие пальцы на ручке сумочки.

Мужчина сидел, вальяжно откинувшись на спинку скамьи, вытянув ноги. Худощавый, чуть выше среднего роста, неброско одетый, в круглых очках с темной оправой. На вид ему было лет пятьдесят, возможно чуть больше.

— Здравствуй, Вигго, — пока она прошла эти несколько метров, вся вспотела. И теперь тонкая блузка липла к спине, добавляя еще больше холода и дрожи. Еще чуть-чуть и она начнет клацать зубами.

Мужчина поднял на нее светлые, серые глаза. Секунду в них стояло непонимание и явное раздражение от того, что кто-то посмел потревожить его. Валерия села на край скамьи. Выпрямив спину и слегка поджав под себя скрещенные в лодыжках ноги. Ее пальцы все так же крепко держали ручку сумочки, которую она поставила себе на колени.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом он медленно поднял руку и легко дотронулся до дужки очков, поправляя их. Она никогда не могла понять, зачем он носит этот аксессуар прошлого у себя на лице.

— Какая же ты все-таки идиотка, Лесса, — вынес мужчина свой вердикт.

Женщина задрала подбородок. И еще больше выпрямила спину, хотя секундой раньше казалось, что это уже невозможно.

— Но не могу не признать, что на целых тридцать шесть лет ты меня обыграла. Сменила внешность, имя, страну проживания, даже сделала себе новое прошлое.

— На это я потратила большую часть состояния, оставленного мне бабушкой, — холод в голосе Валерии легко соперничал с льдом в его глазах.

— Я искал тебя десять лет. Потом перестал. Я и так потратил довольно много своего

времени на безмозглую девчонку, не способную оценить какой вклад она могла бы внести в будущее своей страны и на благо своего короля.

— И как же ты меня нашел?

Вигго Одхран поправил полы пальто, слегка запахивая их.

— Мне помог случай. Если честно я не верил, что в жизни бывают такие случайности, но видимо Господь решил отплатить мне за все мои мучения и неприятности, которые ты мне доставила.

— Так как?

— После того, как ты испортила труды стольких лет и сорвала реализацию уникальнейшего проекта, я нашел в себе силы вернуться к своему делу и приступил к работе над новыми идеями.

В его голосе слышалось одновременно и осуждение, и презрение, и восторг. Годы не ослабили его безумия. Он так и остался неисправимым фанатиком.

— И, наверное, ты будешь рада это услышать, но меня опять предали.

Губы Валерии изогнулись в саркастической усмешке.

— Да, видимо, это моя карма. Доверять людям.

— Если бы ты мог, ты бы уничтожил всех людей, оставив только тех, кто пригодился бы тебе для опытов. О каком доверии ты говоришь?

— Естественно в этот раз я подстраховался. Смог вычислить предателя и отыскать его. Но в тот момент, когда мои люди его уже почти взяли, ему помог сообщник. Ты, представляешь, Лесса, как я зол?

— При чем здесь я? — Валерия даже не пыталась скрыть неприязнь в своем голосе. — И ты так и не ответил на мой вопрос.

— Ты хорошо помнишь своего отца? — поинтересовался Вигго. — Как он выглядел в молодости?

Женщина почувствовала, как у нее резко пересохло во рту.

— Вот, вижу! По глазам вижу, что наконец меня поняла. Твой сын, он почти полная копия своего деда в те годы. Его невозможно не узнать, хотя я и видел его в последний раз тридцать шесть лет назад.

Страх и слабость ушли в одно мгновение. Их вытеснила ярость.

— Впрочем, кому я это рассказываю? — мужчина проигнорировал вспышку эмоций. — Ты ведь это специально сделала?

На лице женщины застыла неподдельная маска высокомерия.

— Конечно, — холодно произнесла та, которую когда-то звали Лесса. — Наследственность моего сына, ммм, скажем так, очень специфична, самое главное неизвестна. Я не хотела рисковать. Я скорректировала гены эмбриона, делая его в первую очередь моим.

— Со всеми присущими истинному альтихамцу качествами? — насмешливо уточнил собеседник, которого совершенно не затронули ни изменившееся выражение лица, ни интонации в голосе. Слишком все было ненатурально. Она уже давно потеряла право и на подобные взгляды, и на подобный тон. — С верными понятиями о чести, долге, службе нашему королю. Нашему прародителю.

Валерия вдруг поняла, что на грани того, чтобы вцепиться в это ненавистное лицо всеми десятью ногтями и изорвать его в клочья. На что у нее не хватило смелости тридцать шесть лет назад. И она всего лишь позорно бежала.

— Ты — единственная дочь у своего отца. И ты надеялась, что со временем он принял бы и внука, пусть даже незаконнорожденного, особенного, когда увидел бы, что мальчик, вылитый Лертен, да еще и истинный алытхамец. Я ведь прав? Ты ведь этого хотела?

Валерия не ответила.

— Можешь не отвечать, я и так знаю ответ. Ты подстраховалась, — уголки губ Вигго печально опустились вниз, — так почему же ты не поступила так, как изначально планировала? Я бы просто наблюдал, как он растет, как у него развивается Искра. Ты бы занималась своим любимым делом. А у мальчишки было бы большое будущее. Как и должно быть у наследника древнего и великого рода.

— А если я расскажу отцу всю правду? Что его лучший друг и соратник втянул его молодую, неопытную дочь в свои безумные эксперименты и издевался над его внуком?

— Предстанешь перед ним вот в таком виде? С этой своей изуродованной внешностью? Ты думаешь он вообще узнает тебя? Его дочь — высокороденная, истинная алытхамка. А не это позорище южных степей в которое ты себя превратила.

Валерия презрительно скривила губы на его слова.

— Ты думаешь Балдеру Лертену сейчас нужен незаконнорожденный внук? Я ему все рассказал.

Она несколько мгновений прожигала его взглядом. Мужчина подобрался. Оторвал спину от скамьи и напряженно расправил плечи, словно и в самом деле мог ожидать нападения.

— Так это ты?! — разъяренной кошкой зашипела она. — Ты все это устроил? Ты отправил моего сына в это ужасное место?

— Милорд требовал его полного физического устранения. Он сейчас вообще ничем не хочет рисковать. Я подождал пока он немного остынет и предложил ему другой вариант. Эксперимент можно и даже нужно продолжить, и Карьер — лучшее место для такого, как твой сын. Подальше от людей, всего мира и чего уже греха таить от самого лорда.

— Мой сын такой же как все.

— Нет и ты это знаешь. И чем дальше, тем ярче это будет проявляться. Все его самые яркие, выдающиеся черты характера смоделированы в нем не матушкой-природой. Гены в его крови принадлежат старинным, благородным домам, у которых в подкорке защиты определенные программы поведения и жизненных убеждений. С самых младенческих лет ты лишила возможности проявить себя тому, кем он по-настоящему является.

— Донору для появляющихся потомков королевской семьи? Чтобы передать им его врожденную способность управлять Искрами, а через них и другими носителями.

Вигго поморщился.

— Ты сгущаешь краски.

— Ты бы сцеживал у него каплю за каплей пока не закончился ресурс. А потом бы придумал как использовать органы. Или что-нибудь еще. Ты бы никогда не остановился. Его жизнь превратилась бы сплошное мучение.

— Быть жертвой во имя великой цели — это не мука! Любой алытхамец знает, что служить королю во благо процветания и величия своей страны — это великая честь! Ты была не против.

Валерия проигнорировала последнее замечание. Нельзя заставить время повернуть вспять. Нельзя вернуться в прошлое. Нельзя стереть то, что уже было сделано. Но признать свою ошибку никогда не поздно. И попытаться исправить.

Свою ошибку она исправляла большую часть жизни.

— Служить можно не только королю. Быть верным и преданным можно быть семье, друзьям, Службе, в конце концов, помогать людям, которые в этом нуждаются.

— Слишком мелко, как клумбу с цветами поливать водами целого океана. Ты знаешь, как это может быть опасно. Не говоря уже о силе в его крови. Что будет, когда она проявится? А если он не сможет себя контролировать? Поэтому наблюдать и контролировать буду я. Как и должно было быть изначально.

— Что ты хочешь за его свободу? — Валерия провела дрожащими пальцами по лицу.

Вигго поднялся со скамейки.

— Я встречался с ним. У него ужасный характер — он заносчив, упрям и очень вспыльчив. Ты его очень плохо воспитала. Увы, он не Лертен. Генетический мутант, как ты выразилась, неизвестно чьей крови.

С этими словами он отвесил собеседнице поклон и ушел. Валерия так и осталась сидеть, расправив плечи, неотрывно смотря перед собой. Вывел ее из глубокой задумчивости звонок смартфона.

— Валерия, добрый день, — прозвучал бодрый голос Малешского.

— Добрый, Виктор, — безэмоционально ответила она.

— У вас что-то случилось? — напрягся адвокат.

— Нет, — она глубоко вздохнула, беря себя в руки, — простите, просто немного устала.

У вас есть какие-то новости?

— Валерия, мне Олег сказал, что не так давно вы получили посылку для Георгия. В ней был женский рюкзак.

— Да, — ее голос оживили нотки удивления.

— Будет ли для вас удобным, если сегодня вечером к вам заедет мой помощник Александр? И заберет его у вас.

— Конечно, только объясните в чем дело? Вам о нем рассказал Георгий? Это как-то связано с обвинениями против него?

— Эта вещь может быть серьезной уликой и большим подспорьем в деле вашего сына. Большого, пока увы ничего не могу сказать.

— Да, конечно, — ее голос вновь зазвучал ровнее. — Пускай Александр приезжает.

Валерия отключила связь. В голове постоянно прокручивался разговор с Вигго, в который теперь тесно вплетался рисунок слов Малешского. Она прокручивала раз за разом эти две беседы, пока они не превратились в мешанину образов, информации, догадок, воспоминаний.

— Виктор, — вновь позвонила она адвокату. — Простите ради Бога, но я совсем забыла. Сегодня вечером у меня срочная командировка по работе. А Сережа лег в больницу на обследование. Мы не сможем сегодня принять вашего помощника. Ничего страшного если я отдам ему рюкзак завтра?

— Саша, у меня не очень хорошие новости. Я сегодня разговаривал с Аврилом Байо, новым следователем, который теперь ведет дело Гронского. Ему пришел ответ на его запрос из лазарета о переводе Велеса Бажена в клинику на нейтральной территории.

— Отказали? — не задумываясь, озвучил свою догадку помощник.

— Его состояние остается по-прежнему стабильно тяжелым, что делает невозможным. И они пойдут на подобный риск, только если на это будет разрешение судьи.

— Но суд над нашим клиентом уже через неделю, — скептически заметил Александр. — Вряд ли мы получим нужное нам разрешение за эти дни.

— Может и получим, только нашего пострадавшего пилота еще надо будет транспортировать, обследовать, привести в себя, если это будет возможно. В общем его можно списывать со счетов, вряд ли он хоть как-то сможет нам помочь, даже теоретически. У тебя есть какие-нибудь новости?

— Сегодня после обеда к нам в офис приезжала Валерия Гронская, привезла рюкзак.

— Отличная новость. Отдай его нашему Электронику, пускай хоть на атомы его разберет, но найдет, что нам нужно. Я думаю, что не ошибся, когда предположил, что Оленев, почуяв опасность, решил перестраховаться и спрятать диск. Вместо своей комнаты, он попросил девушку на ресепшене отнести рюкзак в комнату Гронского, так как, видимо, посчитал, что там его не будут искать. Или он рассчитывал вернуться быстрее, чем это произойдет.

— Еще звонил Олег Арсенин, сказал, что его отозвали с отпуска и срочно вызвали на службу.

— Решили перестраховаться и занять его делом?

— Не знаю, но он просил передать, что его обещания в силе, что бы ни случилось.

Малешский отключил связь и задумчиво провел ладонью по погасшему экрану. Помощь действующего полковника стражи Арсенина очень сейчас была нужна, как бы не хотел адвокат втягивать его еще глубже в это дело. В лазарете Адентона он так и не нашел нужной ему информации и доказательств, что Руны Гронскому подложили именно там. Возможно, конечно, что форму Георгия привезли уже с камнями и просто отдали оператору на выдаче. И тогда зацепок почти не было. Но все же у Малешского была одна идея и он должен был ее реализовать.

Так как если доказать подлог, то показания Велеса Бажена так удачно и вовремя для стороны обвинения вышедшего из строя, будут уже не так принципиальны. А без доказательств слово капитана Ивохина против слова Бажена, да еще не понятно с какой стороны посмотрит на это суд. К тому же до капитана Ивохина Малешский уже не мог дозвониться несколько дней. Правда пока особо не переживал, так как был уверен, что этот свидетель от своих слов не откажется.

В отличие от капитана Сабрины Астли и лейтенанта Михаила Илийского, который как узнал Виктор всего несколько часов назад, согласились стать свидетелями на стороне обвинения.

Глава 32

— Олег, рад тебя видеть, — Дмитрий Градов, широко улыбаясь, протянул руку другу, — думали, ты уже того.

Он неопределенно махнул головой в сторону. Олег едва заметно скривил губы, пытаясь изобразить улыбку, чтобы не светить хмурой физиономией. День, которого он одновременно и ждал, и опасался настал неожиданно и гораздо быстрее, чем он предполагал. И начался со звонка личного помощника Архипова, который передал слова руководства, что отпуск его закончен и его завтра ждут в штабе.

— *Смена защитных установок на границе Адентона, Волдаги и Брана, — перешел генерал к делу сразу с порога, как будто и не было их ссоры и отстранения от службы на несколько месяцев. — Ты — старший в группе. Список личного состава тебе отдадут сегодня после обеда. Ознакомишься. Если будут возражения — говори. Руны вам доставят из Карьера с рейда. На каждый доминион уйдет по две, а то и все три недели. После каждой установки отдых в несколько дней. Задание ясно, полковник?*

— *Две недели на каждый доминион, — эхом повторил Олег.*

— *Тебя что-то не устраивает? У тебя какие-то неотложные дела? — холодно поинтересовался Архипов, пристально смотря на подчиненного.*

Олег выдержал взгляд.

— *Никак нет, господин генерал!*

— *И это правильно! Не забывай, ты — страж. И задача исполнять свой долг перед Службой и людьми. Быть верным присяге. Тогда все ненужное само уйдет.*

— *Может, пересечемся за обедом? — предложил Арсенин, — ты мне хотя бы все новости расскажешь. А то я здесь всего несколько часов с утра, а волосы как-то непонятно шевелятся. Я как будто в темный лес попал, а не в родное гнездо.*

— *Архипов меняет правила, делает кадровые перестановки. Дальше нашей столовки не уйдем. Сейчас это не приветствуется. Называется вольнодумием и распущенностью. Но этого точно запретить не смогут.*

— *Что за кадровые перестановки? — первым делом поинтересовался Олег, когда спустились на первый этаж, где располагалось служебное кафе в здании их Управления и заняли свободный столик.*

Градов тяжело вздохнул.

— *Тебе все-таки повезло, что ты не видел всего этого дурдома, который здесь творится последние несколько месяцев.*

— *Ты меня, надеюсь, сейчас и просветишь.*

Градов взял меню у подошедшей официантки и страдальчески закатил глаза.

— *Поначалу многие наши думали, что все это шутка, — слегка понизив голос, начал свой рассказ Дима, — насчет Грона, я имею ввиду.*

— *Обхохочешься, — мрачно изрек Олег, — Герке думаю веселее всех.*

— *Думали, может быть Архипов свирепствует. Хочет указать место, как обычно. Или запугивает. Что сейчас он поедет, все разрулит и Грон вернется. А когда шутка затянулась народ стал шептаться и косо смотреть на генерала. Двое четвертых перевелись в другие корпуса. А Поляков наш — перешел к эверийцам в Колхар, тем самым лишая наше*

Управление еще одного стража пятого уровня. Вот Архипов и начал кадровые перестановки делать. Кого-то сам перевел, кого-то подтолкнул, притащил новеньких из других отделений. Например, того же Илийского до окончания срока стажировки принял в оперативный отдел под свой личный контроль.

— Илийский? — прервал Олег товарища, пытаюсь вспомнить знакомое имя. — Это тот самый лейтенант, который с Герой ходил в рейд?

— Ага! Архипов ему полоски к его двум звездочкам прицепил и в герои записал. Должность определил на уровень с капитанским званием с его то вторым уровнем.

— С чего бы вдруг? Если бы не Гера, то этот герой из Карьера бы не вышел.

— Только вот он другого мнения.

От неожиданности Олег выронил вилку из рук, и она с жалобным «дзинь» упала на тарелку.

— Это как?

— Он вдруг начал рассказывать, что Гронский на рейде вел себя очень странно. Постоянно делал перестановки в команде, нарушая положенный строй, не держал барьеры, отходил в сторону, — тяжело вздохнул Дима, видя потемневшее лицо собеседника, — много он в общем чего говорит. Поначалу хотели ему морду бить...

— Всего лишь хотели?

— А потом как-то все улеглось, вроде и внимание перестали на него обращать, да вот только возмущений тоже стало меньше.

— Мразь! И Илийский этот и Архипов.

Градов медленно размешивал сахар в чашке с кофе.

— Ты сам-то, что теперь будешь делать? Тебя поставили старшим на смену установок. Это повышение в должности. Пусть пока и не закрепленное.

— Знаю, — мрачно ответил Олег, — теперь хотя бы понимаю почему.

— Возможно ты прав, но пятых у нас в Управлении тоже больше не осталось.

После обеда полковник Арсенин пребывал в самом мрачном расположении духа. Не дождавшись конца рабочего дня, позвонил Малешскому.

— Лейтенант Илийский распространяет слухи, что Гера на рейде вел себя не так как ему было положено и что он виноват в случившемся. Если он захочет пойти с такими показаниями в суд? Или...

— Уже, — не дал ему договорит адвокат, — он уже согласился давать показания на стороне обвинения. Так же как и Сабрина Астли.

— Сабрина?! А она то что?

— Говорит, что полковник Гронский вел себя не профессионально и растеряно, возможно это было не специально и вызвано личными мотивами, а возможно предумышленно. Из-за его действий погиб майор Барнис и чуть не погиб лейтенант Илийский.

— А что он ее жизнь спас, она не говорит?

— Капитан Астли считает, что полковник Гронский на самом деле не бросился на эрдэ, чтобы прикрыть ее и раненого офицера Карьера, а что это вышло случайно.

— Случайно встать между разрывным рунным детонатором и другими людьми, чтобы тебя распылило на несколько метров по ветру?

— А так как это уже произошло, то он вынужден был защищать свою жизнь, тем самым прикрыв и других людей, кто там был.

Олег какое-то время молчал, придавленный услышанным.

— И что теперь делать?

— Работать дальше. У нас есть показания капитана Ивохина, у нас есть запись с места аварии, еще у нас есть союзники, которые тоже желают оправдательного приговора для Георгия. И у меня к вам есть еще одно дело.

— Он — пустой, Виктор Григорьевич, — голос помощника звучал глухо и разочаровано.

— Кто? — не понял Малешский, так как звонок выдернул его из сна. Он посмотрел на часы. Было начало шестого вечера. Он пришел в номер после очередного допроса и отрубился почти на час.

— Рюкзак! Сегодня приехал Алик и сказал, что он разобрал его на атомы, как вы и велели, податмы и каждую нитку. В нем ничего нет.

Адвокат сжал зубы, сдерживая рвущиеся ругательства.

— Сегодня вечером возвращаюсь. Завтра с утра буду в офисе. Готовься к поездке в Макку, Саша.

Олег посмотрел на часы. Было около восьми часов вечера. Кто был в этот день в штабе уже разошлись. Осталась лишь охрана, те, у кого была ночная смена и секретарь Архипова. Но этот вечно уходил не раньше десяти, сидел со своими бумажками, закрывшись в кабинете на ключ. Его можно было не считать.

Арсенин свернул рабочие папки, выключил ноутбук.

— Все? Уходишь? — спросил один из охранников на первом пропускном посту.

— Какой там! — вяло махнул рукой Олег, — меня завтра на установки вытолкнули в Адентон, а команду только пару часов назад сформировали. Вот я сижу изучаю, сопоставляю, в общем кручу-верчу, домой уже не хочу. Решил в магазин съездить, на пустой желудок как-то все не очень ложится.

Отъехав от штаба, Олег остановил машину и набрал номер одного своего знакомого.

— Привет, Майки!

— Олег, рад тебя слышать, — ответил голос с хорошо слышимым аллertonским акцентом, — есть очередная красotka, за которой надо подсмотреть?

Хохотнул его знакомый, который несколько месяцев назад по его просьбе и за очень неплохой гонорар помог взломать социальные сети дочери Бориса Вязского. Майки был профессиональным хакером, который работал в одной компании с Ириной. Олег познакомился с ним несколько лет назад на одном из корпоративов, куда его притащила жена, и Арсенин никогда не думал, что будет без содрогания вспоминать вечер, где за несколько часов на него вылили тонну незнакомых терминов, непонятных определений и профессиональных шуток со всей их спецификой.

Однако во второй половине вечера дела начали налаживаться, компания оттаяла, отошла от своих повседневных заморочек, и среди всех начал выделяться один парень, рассказывающий забавные истории о своей бурной профессиональной деятельности на стороне. Так он называл свои подработки вне рабочих часов на ниве непрофессиональных взломов. Чуть позже Ирина рассказала, что Майк приехал к ним из Оросии, где работал на крупную компанию, но был уволен как раз-таки из-за подобных подработок. Потом его пригласили работать в Дранкур, где и компания меньше, и заработок ниже, но закрывают

глаза на внерабочую деятельность.

— Красотки пока подождут, — разочаровал приятеля Олег, — мне нужно скачать информацию из одной закрытой базы данных. Я предоставлю тебе удаленный доступ к компьютеру, тебе надо будет зайти и подобрать пароли. Дальше я тоже все сделаю сам.

В смарте повисла тишина.

— Надеюсь эта база не из твоего Управления?

— Это имеет значение? Помню ты рассказывал, что уже проделывал подобные штучки.

— Не совсем подобные. Полицейский участок в одном небольшом городке под Аллертоном, это не Управление Стражи в Дранкуре.

— Тебе не надо будет взламывать компьютер Главы Управления. Всего лишь получить доступ к базе данных хранилища. Подобрать к ней пароль. Я все сделаю сам. Чтобы легче было принимать решение вспомни свой самый крупный гонорар, умножь на два и назови мне.

Молчание продлилось чуть дольше.

— Когда надо?

— Сегодня ночью. Я перезвоню.

После чего отключил связь и поехал в сторону ближайшего магазина.

Александр опустился в кресло гостиничного номера. Того самого, в котором останавливался Оленев во время своего последнего визита в Макку на конференцию. Найти номер было не сложно. На ресепшене он, представившись работником прессы, сказал, что ведет журналистское расследование и получил ключи от нужного номера. Правда со второй гостиницей, там, где была убита девушка так легко все не получилось. Комната была занята, и он сможет попасть туда лишь через три дня.

Помощник адвоката Малешского угрюмым взглядом обвел пространство комнаты. Он не верил в успех этого мероприятия. Если здесь и было что-то спрятано, то уже наверняка побывали спецслужбы всех заинтересованных в этом деле сторон и явно у них аппаратура, чутье и умение искать запрятанную электронику были гораздо лучше, чем у него. Однако босс считал, что раз еще ничего не нашли, значит есть шанс. И он вынужден был ехать.

Но если быть честным, а сейчас в пустом, довольно просторном номере со множеством полочек, тумбочек, зеркал, ниш и тому подобного, куда можно незаметно спрятать маленький, размером с монету диск, Александр был как никогда честен с самим собой, он понимал, что считает это дело безнадежным. И мысли его были не только о поиске пропавшего диска. Мысли его крутились вокруг самого дела, которое они расследовали.

Чем дальше они продвигались вперед, тем отчетливее он понимал, что Гронского уже не отпустят. Пускай у него пока не было такой сильной Искры и опыта, как у его шефа, но его интуиция всегда была довольно развитой и очень редко подводила. Добыча загнана в клетку. Его мнение, что их клиент не случайная жертва, не расходилось с Малешским, но он был уверен, что ключ от этой клетки уже давно выброшен. Потому что сколько бы они ни сделали, чего бы ни добились, всегда случалось что-то, что отбрасывало их назад.

Целая ночь поисков ни к чему не привела. Под утро, облазивший все углы и мебель, обшаривший все стены и полы, отсканировавший каждый сантиметр номера, включая потолок, подоконники и двери со всех сторон, Александр бессильно упал на кровать и позволил себе несколько часов сна. После чего приведя себя в порядок, сдал ключи от номера администратору гостиницы и вышел на улицу. Он уже стоял около арендованного на

время пребывания в Макке автомобиля, когда к нему подошли двое полицейских.

— Просим предъявить вашу карту и код личности, а также разрешение на управление транспортным средством, — строго произнес один из блюстителей порядка.

— В чем дело? — Александр внутренне напрягся. Интуиция не предвещала ничего хорошего от подобной встречи. И он решил не усугублять ситуацию, достал из внутреннего кармана пиджака документы и протянул полицейскому.

Тот отсканировал карту, расшифровал код, внимательно пробежал глазами договор аренды автомобиля.

— Александр Норский, вы арестованы. Пройдемте с нами.

Олег поднялся со стула, налил горячий, недавно заваренный чай в термокружку, взял со стола тарелку с пирожными. Часы отбили полночь. Самое время было выпить крепкого чая и порадовать организм чем-то вкусненьким.

На третьем этаже было темно. Лишь из-под одной двери тускло пробивалась полоска света. Олег сделал несколько шагов по темному коридору, зажигая лампы. Аккуратно, чтобы не напугать хозяина кабинета, постучал в дверь. Поставил на пол кружку с чаем и тарелку со сладким, отошел в тень и замер. В коридоре опять стало темно.

Через несколько минут полоса света из двери расширилась и показалось слегка помятое личико и русые локоны молодой сотрудницы Управления.

— Даже в хранилище у нас перемены, — голос Димы будто звучал в голове, — молодая деваха, через две недели стажировки была зачислена в штат. Этакая фифа, ходит нос задирает. Как сказал Архипов растим свои кадры.

Девушка обвела глазами темное пространство вокруг себя. Надо было признать, она была не из пугливых. Через несколько мгновений не найдя виновников, потревоживших ее покой, она опустила взгляд вниз и увидела угощение.

— Спасибо! — сказала она в пустоту. — Вы очень любезны, мой скромный рыцарь.

Молодая коллега подождала ответ еще некоторое время. Пожала плечами, нагнулась и, взяв угощение, вернулась в кабинет. Олег рванул вперед, тихо перехватывая дверь. В небольшую щель он видел, как девушка ставит тарелку с кружкой на стол. Неслышно ступая, он мягко шагнул в закрывающийся проход, в два шага оказываясь за спиной коллеги.

Одна его ладонь зажала ей рот. Вторая легла в район солнечного сплетения.

— Прости, это всего на пару часов. Чай уже остынет. А пирожные и без него будут вкусными.

Девушка замычала. Попыталась повернуться, чтобы увидеть, кто за ее спиной. Согнула ногу, ударив его по голени.

Барьер.

Один рисунок. На половину силы. Девушка, хрипя, согнулась пополам. Олег положил ей руку на затылок.

Барьер.

Она обмякла. Арсенин, подхватив бесчувственное тело на руки, усадил ее на стул, стоящий в углу комнаты. Когда очнется ее будет мутить еще несколько часов. Возможно будет болеть голова. Но это не сравнимо с воздействием рунного шокера. И никаких следов.

Олег бросил еще один извиняющийся взгляд на новую сотрудницу. Легко провел ладонью по смарту. Набрал нужный номер.

— Готов? Записывай пароль на вход. Я скажу, что дальше делать.

Архипов прибыл на рабочее место, как обычно, в восемь утра.

— Разрешите, Кирилл Игоревич? — Арсенин зашел в его кабинет через пару минут.

— Олег, — кивнул генерал, удивленно смотря на него, — выглядишь помято. Ты ночевал здесь что ли?

Арсенин положил перед ним на стол лист бумаги.

— Это что? — сухо спросил Архипов, не сводя глаза с лица подчиненного.

— Рапорт об отставке, — бесстрастно ответил тот.

— И какая причина?

— Нашел другую работу.

Некоторое время генерал смотрел на него, словно хотел прожечь дыру.

— Снимаю тебя с задания. И даю тебе две недели на то, чтобы осмыслить свое решение.

Олег развернулся и вышел из кабинета.

Валерия не отрывала глаз от совсем маленького почти полностью прозрачного кругляшка, лежащего на ее рабочем столе. Информация, которая была на нем записана была ей понятна и знакома. Все началось еще тогда, тридцать шесть лет назад. наброски, разработки, идеи, горящие глаза. Она сама была такой. И ей также было чуждо понятие человеколюбия и заботы об окружающих. Готова была на все ради науки и великого будущего ее страны и короля.

Сейчас по прошествии стольких лет она была также далека от идеала. И была готова на все ради своего сына, которого пообещала больше не предавать.

Женщина развернула браслет на запястье. Нашла нужный номер и быстро написала:

«Вигго, то что ты потерял у меня. Меняю диск на свободу и жизнь своего сына».

Некоторое время сидела, смотрела на экран смартфона, словно ждала немедленный ответ. Потом резко встала, положила диск в карман на блузке, взяла пальто и вышла из кабинета.

— Мила, я на обед, буду позже.

Глава 33

Виктор Малешский был в некоем замешательстве и волнении. От Александра не было известий уже второй день. Еще вчера он должен был вернуться из Макки, как они и договаривались независимо от результата. А через три дня вернуться назад, чтобы проверить второй гостиничный номер, если в этом его постигнет неудача.

В последнее время его молодой помощник очень разочаровывал известного адвоката. Он все больше паниковал, не верил клиенту, не верил в него, в Малешского, оспаривал ключевые моменты дела. Слишком рано он стал смотреть на мальчишку как на партнера. Слишком юн, неопытен, эмоционален. Виктор уже начал уставать от эмоций, которые постоянно ощущал от своего секретаря.

От тягостных мыслей его отвлек звонок смарта.

— Виктор, добрый день.

— Валерия, приветствую вас. У вас встревоженный голос. Что случилось?

— Диск у меня.

Какой диск? Чуть было не спросил он, но осекся, поняв, что она имеет ввиду.

— Откуда?

— Из того рюкзака, который я вам отдала.

Малешский неслышно выдохнул. Стиснул зубы, чтобы не ругаться.

— Вы знаете, кому принадлежит это диск и какая информация на нем?

— Да. И то, и другое. Если этот диск попадет назад в руки своих хозяев, Георгию уже будет не помочь.

— Валерия, а вы уверены, что не хотите мне еще что-нибудь рассказать?

— Совсем недавно поняла, что знаю, кто тот человек, который встречался с моим сыном и предлагал вылечить Артема.

— Вы имеете ввиду Еларина? — адвокат уже не знал плакать ему или смеяться.

— Да, — чуть помедлила женщина с ответом, — я встречалась с ним несколько дней назад. — Приезжайте ко мне в офис. Я выйду к вам, и мы кое-куда съездим. Я все вам расскажу.

Малешский отключил связь, пребывая в явной растерянности. Стремительно перерастающую в злость. На свою клиентку, скрывшую от него судя по всему очень серьезную информацию, которая наконец сможет пролить свет на суть дела. На себя, что не смог этого понять сам.

Почему не попробовал поговорить о своих догадках именно с ней? Кто может знать тайны своего сына, как не мать.

Тем более, как он успел заметить за время их общения, у Георгия с родителями близкие отношения и они довольно много знают о его жизни.

Додуматься до ответа ему не дали. Вновь зазвонил смарт.

— Виктор, добрый день, у меня есть новости. Я могу к вам сейчас приехать?

— Здравствуйте, Олег. У Валерии Гронской какие-то проблемы. Я сейчас должен ехать к ней.

— Что случилось? Может, я с вами?

Адвокат слегка задумался, но потом решил, что спокойный и умеющий думать

помощник, ему не помешает. К тому же его новости были очень важны.

— Где вы живете? Я за вами заеду. По дороге расскажете, что вам удалось узнать.

— Я нашел, — сразу же начал Олег, как только сел в машину.

Малешский задал маршрут и поставил автомобиль на автопилот, чтобы более внимательно слушать собеседника.

— Я вам говорил в прошлый раз, что у каждой партии Рун есть свои номера. Что еще в Карьере им присваивается номер, который содержит дату отделения их от Источника, дату транспортировки, код подразделения, куда они предназначаются и код для чего будут использоваться. Если в пути случаются непредвиденные обстоятельства, пересортировка, что угодно это тоже отражается в номере.

— Говорили, — подтвердил адвокат, — но не объяснили почему такой учет? И что это дает стражам.

— Каждая Руна имеет условную единицу излучения. В разных местах предназначения используют энергию разной силы. Для защитных установок одна. Чаще всего для них используют камни, привезенные из рейда от Источника напрямую. Для ВИРСов используют гораздо менее мощные Руны и более маленького размера. Для рунных зарядов в оружии тоже берут камни определенного значения. И конечно же номер помогает с утилизацией. К тому же все эти данные квартальным отчетом отправляются в Комитет. И так далее, думаю, суть я вам объяснил.

— А если указать другой номер? Или просто оставить без номера?

— Руны могут быть использованы не по назначению. И будут жертвы. Хотя, смотря где ошибиться, можно вообще спровоцировать какую-нибудь энергетическую катастрофу.

— Руны, которые были изъяты у Гронского они тоже были занесены в эту базу?

— Да, но здесь все не так просто.

— Кто бы сомневался.

— Руны, которые изъяли у Георгия, они якобы были недавно извлеченные. И я нашел их по дате в официальной базе данных хранилища.

— Что значит официальной?

— Той самой, по которой Управление сдает отчет в Комитет.

— То есть, если предположить, что Георгий не выносил Руны из Карьера, то их просто забрало себе Дранкурское Управление и поставили на учет. Заранее зная, что случится дальше и так или иначе они оправдают появление этих камней у них в хранилище.

— Получается так, — согласился Олег. — Если доказать, что Грон их не брал, то можно обвинить еще и наше Управление и сам Дранкур в преступном заговоре против Вестленда. И снять обвинения с Геры.

Адвокат слегка усмехнулся, обдумывая то, что он услышал.

— Вы сказали официальная база. Есть еще другая?

Олег на мгновение перевел взгляд в окно. Малешский прекрасно понимал его эмоции. В один миг из вернослужащего и преданному своему делу офицера превратиться во взломщика и расхитителя тайн Службы было сложно. Вычеркнуть долгие годы прошлого в один момент.

— Управление подает не всю информацию о наличии имеющихся у него Рун в Комитет. Есть часть камней, которая остается вне их видимости. Обычно эти Руны идут на какие-нибудь эксперименты, на обучение курсантов, на новое оружие и так далее, да даже просто закрытый стратегический запас. Но всему этому тоже ведется учет по причине, которую я вам назвал ранее. Но в отличие от официальной базы эту не получит ни один суд, ни одно

следствие.

— Как же можно получить не существующее?

— Вы меня правильно поняли, — усмехнулся Арсенин, — и вот в этой базе в тех же числах, когда проводили следственный эксперимент над Герой, а потом мы забрали Руны в наше хранилище есть очень любопытные записи. Там указаны камни, которых нет в официальном списке Дранкурского Управления.

— Но есть в другом?

— В том, который дали мне вы. Эти Руны хранились в лазарете Адентона. И в официальном списке они там числятся.

— Вы думаете у них тоже есть вторая база?

Олег недоуменно посмотрел на собеседника.

— Уверен, что такая база есть у любой Службы. Это не новаторство. Возможно у кочевников нет, но сомневаюсь, что у них вообще есть какие-то базы или учет. И если бы у нас был доступ ко второй базе данных из лазарета этих номеров бы там не было. Или были бы, но заметно расходились бы в количестве.

— Из вас все же получился бы отличный детектив, Олег. С вашим складом ума и способностью быстро выявлять суть.

— Спасибо, Виктор, я как раз подумываю о смене профессии, — криво улыбнулся тот. — Возьмете в ученики?

— Приходите после окончания дела, — неожиданно серьезно ответил Малешский, — поговорим.

— Что теперь?

— В обвинениях, которые выдвинули против Георгия говорится, что он был нанят вестлендцами, чтобы вынести Руны из Карьера и сорвать сделку Дранкура со сверами, а потом передать своим нанимателям. Как вы сами и сказали, доказательство подлога Рун разбивает эти обвинения в пух и прах. Сюда еще подтянем видео с подстроенной аварией, показания Ивохина, а еще возможно диск.

— Вы нашли диск?

— Мы как раз за ним едем.

— Он у Валерии?! — Олег аж подпрыгнул от такого известия.

— Он был в том рюкзаке, о котором вы мне рассказали. И Валерия его там нашла.

— Вот это новости!

— И мы уже почти приехали, — Малешский перевел автомобиль на ручное управление и стал заезжать на парковку. — Только здесь мы с вами расстанемся. Валерия хочет мне что-то рассказать. Боюсь, что при вас она может вновь поменять свое решение.

— Да я понимаю, — Олег открыл дверь и вышел из машины. — Кстати, вон она идет к переходу.

Арсенин медленно шел по тротуару, обдумывая происходящее. Если верить Малешскому, а ему все же стоит верить, то теперь для Геры все и вправду сможет измениться. Он — не террорист, не подосланный агент Вестленда, лично не выносил Руны из Карьера, не пытался передать их своим нанимателям, не пытался уехать в другую страну. Максимум, что ему можно предъявить, что он не сдал Руны, когда их обнаружил. Но Олег был уверен, что адвокат найдет способ доказать, что это не такая уж и большая провинность и что за нее обвиняемый уже расплатился сполна. Или в худшем случае дадут небольшой срок. Это не вышка, которая ему светила и не максимальный срок в Карьере, после которого

мало кто возвращается домой. Олег уже успел изучить статистику.

Визг тормозов вернул его в реальность. Крики людей. Он резко обернулся. На асфальте у самого перехода лежало тело. Знакомое пальто. Каштановые волосы. Бегущий Малешский на ходу, набирающий номер в смарте. Голова еще отказывалась соображать, а ноги уже несли его к месту происшествия.

Адвокат слегка замедлился. Пробегая мимо, Арсенин слышал, что тот разговаривает со скорой помощью.

— Валерия, — он упал на колени рядом с ней, пытаясь нащупать пульс.

Из-под головы натекла уже довольно приличная лужа крови. Наконец под пальцами он почувствовал едва трепещущую жилку.

Женщина открыла глаза.

— Аэро... капсулы, — с трудом проговорила она.

— Вам сейчас лучше не разговаривать.

— Камеры, — она опять закрыла глаза.

— День... рождения...

Больше она не смогла ничего сказать. Жилка под пальцами перестала ощущаться.

Олег почувствовал, как чья-то ладонь легла на плечо. Понял глаза на Малешского.

— Помощь уже едет.

Арсенин едва заметно покачал головой.

— Где ты был? — сухо спросил Малешский своего помощника, когда тот появился в офисе спустя нескольких дней после исчезновения.

— В маккской тюрьме. Меня арестовали, когда я выходил из гостиницы, — Александр выглядел несколько заторможено, он словно никак не мог понять, где он находится и с кем разговаривает.

Адвокат слегка нахмурился.

— Арестовали? За что?

— За хранение и распространение особо опасных запретных наркотических препаратов. Потом привезли в участок стали досматривать. Раздели, всего обыскали, потом одежду, каждую вещь, пока я голый сидел в какой-то клетке. Как вы думаете, что они искали?

Голос помощника «оттаивал» с каждым произнесенным словом. И становился все злее и злее.

— Почему ты не требовал адвоката? Почему не позвонил мне?

— Потому у меня все забрали! Потому что им было плевать на мои права! Вы в самом деле ничего не понимаете?!

Виктор устало провел по лицу.

— Как тебя выпустили?

— Сказали, что был сбой в общей сети и программу загнуло, поэтому они приняли меня за другого. И просто отпустили.

Александр снова сдулся и сел на стул.

— Ты устал, тебе надо поехать домой выспаться. Отдохнуть. Вернусь, мы с тобой поговорим.

— Вы уезжаете? — встрепенулся молодой человек.

— Мы нашли диск.

— Что???

— Он, на самом деле, бы в том рюкзаке, но нас опередила Валерия Гронская. Она нашла его первая.

— Я же говорил, что все они ведут двойную игру эти Гронские! Даже его мамаша, которая вас и наняла. Я всегда задавался вопросом, где она брала деньги, чтобы оплачивать ваши услуги, да еще все расходы, которые...

— Валерия Гронская умерла несколько часов назад в реанимации. Ее сбила машина у меня на глазах. Она назначила мне встречу, чтобы отдать диск.

Александр откинулся на спинку стула. Ошарашенно глядя перед собой.

— Мертва, — повторил он за боссом. — Диск был у нее?

— Нет, она успела его спрятать в камере хранения в зоне вылета аэрокапсул. Но так или иначе теперь он у нас.

— Вы летите в Вестленд? Хотите отдать его Эрвиндэру?

— У тебя есть другое предложение?

— Да! — заорал помощник, вскакивая на ноги, — позвонить Архипову или Моршанину и отдать им. Неужели вы правда ничего не понимаете? Велес Бажен, Валерия Гронская, я, ваш клиент, в конце концов! Вы понимаете, что вы перешли дорогу не тем людям?! Что они вас просто сотрут в порошок!

— Мне уже слишком много лет, Саша, чтобы дать себя просто так стереть кому бы то ни было. Да и я тоже умею кусаться, — сухо ответил Малешский на неожиданную истерику помощника. — Если тебе не нравится со мной работать, можешь написать заявление.

Кристина сидела за своим рабочим столом и напряженно изучала, присланные отцом файлы. Это были все материалы по делу Георгия Гронского. Показания свидетелей, медицинские выписки, протоколы с допросов, видео, файлы с вырезками из каких-то баз данных, она пока толком не поняла.

Зашел Илай. Бросил на нее внимательный взгляд, и не стал подходить. Остановился у стола.

— Ты меня звала.

— Мне нужны документы, которые я тебя просила подготовить к сегодняшней встрече.

— Я переслал их тебе еще рано утром.

Кристина нахмурилась. В раздражении свернула папку, которую она просматривала.

— Извини, — она пробежалась глазами по входящим письмам.

— Ты нервничаешь, — снова не спросил, просто констатировал факт Илай.

— Отец опять сегодня встречается с Малешским.

Она нервно выдохнула и откинулась на спинку кресла.

— После разговора с эрлом Рисардом?

— Да, наша бравая внешняя разведка, на самом деле, проводила недавно какую-то спец операцию в Макке, которая с треском провалилась. Их агента убили, а информация, на которую они покусились, уплыла из-под носа.

— И господин Малешский имеет к этому отношение? — удивлено протянул Илай.

— Не знаю, — Кристина вернулась к компьютеру.

— Что именно тебя так тревожит? Скажи мне.

Она некоторое время молчала, изучая документы. Вернее, делая вид, что изучает. Мысли работали совершенно в другом направлении.

— Эрл Рисард влез во что-то очень нехорошее. И разозлил спящую акулу. Я просто

уверена, что все неприятности Вестленда начались не с того, когда мы позарились на Оркли, как сейчас многие считают в окружении его величества и косо смотрят на моего отца. Они начались именно с этой провальной операции разведки, только об этом как раз-таки умалчивается. И теперь Рисард хочет выправить положение своих дел за счет отца.

— Эрл Эрвиндэр не беспомощный, наивный младенец.

— Да, но он очень хочет вернуть свое положение при дворе и расположение правителя. Если у него получится, то он сможет утереть нос даже главе внешней разведки.

— Но..?

— Эта акула, у которой увели из-под носа что-то очень важное, сильно разозлилась. Не знаю Альтхам это, или Дранкур, или они вместе. Возможно, что кто-то еще, но у нее есть силы. И она это продемонстрировала во всей красе. Вестленд получил отменный щелчок по носу. Теперь она нас просто проглотит, не поперхнувшись. И первым на ее зубах будет эрл Эрвиндэр, так как добровольно сует голову в ее пасть.

Илай хмыкнул.

— По-моему ты сильно сгущаешь краски. Вестленд — самое сильное государства нашего мира. Зря мы наращивали мощь столько лет, чтобы нас сожрала какая-то проснувшаяся акула? Видимо наши с тобой совместные занятия тебе идут не на пользу. Ты стала слишком нервной.

Позволил себе Илай высказать то, что он думал. Кристина вспыхнула.

— Отец тоже так считает. Он даже предложил мне отправить тебя назад.

Илай чуть сузил глаза. Но выражение лица оставалось бесстрастным. Она знала, как сильно задела его. Он был честолюбив, амбициозен и терпеть не мог, когда ему напоминали о его происхождении. И он ей нравился. Кристине была интересна его Искра и те возможности, которые она дает. В том числе ей. Он был удобен в качестве расторопного и смышленного помощника. В личном плане с ним тоже было хорошо проводить время. Но свое место должен знать каждый. Отцу она позволила усомниться в ней и высказать свое мнение, хотя она уже давно не нуждалась в подобных замечаниях.

— В Лаорде через несколько месяцев открывается новый филиал. По-моему, это как раз недалеко от того графства, где ты раньше переключал документы из папки в папку в какой-то местной компании по переработке вторсырья. Можно устроить, чтобы тебя взяли назад. Толковые молодые люди нужны всегда.

Кристина резко встала. Взяла со стола сумочку.

— Я уже опаздываю. Миссис Хордис отошла на несколько минут. Скажи ей, чтобы закрыла мой кабинет, сегодня я сюда уже не вернусь.

Когда она ушла, Илай на несколько мгновений прикрыл глаза, сбрасывая напряжение. Расслабил сжатые в кулаки пальцы в карманах брюк. Сел в кресло Кристины.

Полгода назад он и сам уже развернулся бы и уехал в свой родной Коренс, где между прочим он работал в самой крупной компании графства начальником отдела по обработке информации. Да и сейчас ему уже не надо было возвращаться назад. Он легко нашел бы себе место и в Хардане. Но такого положения и таких благ, каких он достиг в корпорации Эрвиндэр ему вряд ли удастся получить где-нибудь еще. По крайней мере в ближайшие годы.

Тем более с Кристиной он сам перегнул палку. Зная ее заносчивый и вспыльчивый нрав ему не стоило говорить ей подобные вещи. Она пока не понимает насколько он ей необходим.

Илай легко тронул клавиатуру. Загорелся экран. Его брови удивленно поползли вверх.

Обычно она себе такого не позволяла. Видимо, на самом деле, сильно нервничает, а тут он еще влез со своим замечанием. Глаза молодого человека наткнулись на незакрытое письмо от эрла Эрвиндэра. Поколебавшись пару мгновений, он все же открыл послание.

— Олег, почему мы должны уезжать?

Олег молча положил чемоданы в багажник и повернулся к жене. Она была сильно подавлена, с красными воспаленными глазами и опухшим лицом после бессонной ночи. Половину, которой они ругались, а вторую половину она проплакала, закрывшись в комнате и не подпуская его к себе.

— Погреемся на солнце, отдохнете, — он улыбнулся и хотел было ее обнять, но она гневно оттолкнула его руку.

— У меня работа, а у детей школа, — этот уже тысячу раз сказанный аргумент, будто придал ей силы. — Я не поеду! И не позволю решать свою жизнь за себя. Если мы тебе не нужны так и скажи.

Она подошла к багажнику и достала свой чемодан.

— Ты думаешь, я ничего не понимаю? Тебя две ночи не было дома. Ты целыми днями ходишь сам не свой. Не рад был нашему возвращению. Ни разу не приехал к нам, хотя у тебя был отпуск, и ты был свободен от своей Службы.

— Ира, ты понимаешь, какой бред ты несешь?

Она потянулась за вторым чемоданом.

— Мы с девочками пока поживем в отеле, потом я сниму квартиру. Можешь за нас не беспокоиться.

Олег перехватил ее руку.

— Вчера ночью я был больнице с Валерией.

Ирина перестала тянуться за вещами и встревоженно посмотрела на мужа.

— Опять что-то с Сергеем?

Так получилось, что ни у Ирины, ни у него не было никаких отношений со своими родителями. Отец с матерью его жены жили разъездами и постоянными идеями как улучшить жизнь на земле. То они выводили популяцию пингвинов, где-то на ледниках Альтхама, то в песках Нохар-Ага пытались вырастить новый вид каких-то очень полезных кустарников, то организовывали экспедицию на остров Танайс, который после эпохи Скорби превратился в склад утилизированных Рун. Они забывали поздравлять Ирину с днем рождения, не приехали ни на их свадьбу, ни на рождение ни одной из внучек. Редкие звонки, чтобы озвучить очередную светлую идею и несколько визитов за всю их совместную жизнь.

Своего же отца Олег вообще не знал. Так же как не знали своих отцов его пять младших сестер и два брата. Мама же все время занималась налаживанием личной жизни и на детей времени у нее особенно не оставалось. Олег был старшим и всегда тянул всех появляющихся в семье детей на себе. От погулять, переодеть, накормить, когда еще сам был ребенком, до заработать денег на пропитание, когда подросток. Его жизнь изменил случай. В районном центре, куда он со старшими товарищами по цеху приехали по рабочим делам, он попал в больницу.

— Ты с такой Искрой рыбу ловишь? — удивленно спросил врач, просматривая результаты его анализов.

У них в селе особенно не заморачивались по этому поводу. Кровь сдавали, Искры отмечали, на учет ставили и все. Им некогда было думать о том, как ее применять, когда

выходишь в море, чтобы ловить рыбу или в пять утра идешь в цех по ее переработке, а днем едешь на соседний рынок, чтобы участвовать в торгах и продать ее по более выгодной цене. Так все и жили в их селе. Другого было не дано.

— А что мне еще делать? Искрой сыт не будешь и младших не прокормишь.

— В Стражу тебе надо. У тебя же Сила так и прет, да и стихийных полно. С разумом не очень, но может еще повезет. Собирай документы, парень, и отправляй в их спецучилище. В этом году еще успеешь поступить.

— Мне уже двадцать.

Но тем не менее советом врача он воспользовался. Захотелось перед девчонками в селе покрасоваться, да перед парнями нос позадирать. На большее он не рассчитывал. А через неделю получил положительный ответ. Мама сказала, что если он уедет, то может больше домой не возвращаться. Он бы и не смог их всех бросить, если бы не младший брат, который сказал, что иметь старшего брата рыбака — это хорошо, но иметь старшего брата Стража — это круто и все они будут им очень гордиться.

Домой он и вправду больше не вернулся. А когда в училище были каникулы он уезжал в Дранкур с Герой к его родителям, которые всегда радушно принимали друга сына. И именно Сергей стал посаженным отцом Ирины на их свадьбе, а после они с Валерией стали единственными бабушкой и дедушкой, которых знали его дочери.

— Валерия умерла в реанимации этой ночью.

Ирина разжала пальцы и чемодан упал на асфальт.

— Ее сбила машина, когда она стояла на тротуаре у пешеходного перехода. Прости, я не знал, как тебе сказать. Я сам еще не могу это принять.

Жена подошла к нему, уткнулась в грудь.

— Это был несчастный случай? Или это связано с...

— Не знаю, — совершенно искренне соврал Олег.

Ира подняла мокрое от слез лицо. Перевела глаза на играющих с их питомцем дочерей.

— Я тебя поняла, — она быстрыми движениями размазала слезы по лицу, — девочки, садитесь в машину, мы опоздаем.

Олег выдохнул и стал складывать обратно чемоданы.

— Я ведь даже не смогу попрощаться с ней, — тихо добавила Ира. — И как теперь сказать об этом девочкам?

Он не ответил. Расшифровать то, что пыталась сказать ему Валерия было не сложно. Камеры хранения в зоне вылетов аэрокапсул. Пароль — день рождения кого, она договорить не успела. Скорее всего ее сына. Вскоре Малешский подтвердил, что их догадки оказались верны и диск у него.

По мнению Олега, этот треклятый диск надо было просто уничтожить. Слишком много уже случилось трагедий из-за него.

— Этот диск наконец должен всплыть, — твердо ответил Малешский, — в нашем последнем разговоре Валерия сказала, что, если он останется у его хозяев, то Георгия нам не вытащить из Карьера. И еще она знала, кому он принадлежит. И знала, кто такой Еларин.

— Это все звенья одной цепи? Командировка в Макку, диск, рейд, Еларин, арест Грона. Но почему именно Вестленд? Почему вы хотите отдать им?

— Королевство Вестленд такая же пострадавшая сторона, как ваш друг. Архипову или Моршанину я не доверяю. Думаю, им выгодно и дальше прятать информацию, которая на этом диске.

— Почему вы думаете, что вестлендцы обнародуют данные, записанные на нем?

— Они обязаны будут его обнародовать, если не перед общественностью, то перед членами Комитета, чтобы оправдать себя. Судя по тому какая суeta вокруг этого диска, информация там бомба. У нас получится поднять большой шум. А с имеющимися у нас на руках собранными материалами по нашему делу, Георгий предстанет невинной жертвой.

— Вы смотрели, что там?

Малешкий сделал небольшую паузу.

— Да, — наконец сказал он, — там формулы. Очередная научная разработка Альтхама.

Олег открыл дверь автомобиля.

— Ой! — вдруг закричала младшая дочь, — Ресси! Она убежала!

И обе помчались ловить их любимого пса. Ира бросилась за ними. Олег со злостью захлопнул дверь.

Звук взрыва ударил по ушам. Вверх взметнулся столб пламени. Сильно ударило по груди, животу, сминая все внутри, словно он был сделан из тонкого картона. Невозможная боль в ногах. Падение на асфальт он уже не чувствовал.

— Олег!!! — где-то очень далеко, уже не в его мире.

Глава 34

— Судебное заседание Международного Суда Комитета объявляется открытым! Подлежит рассмотрению уголовное дело по обвинению Гронского Георгия Сергеевича бывшего полковника Стражи дранкурского Управления...

Георгий почти не слушал, что говорит судья. Обвинения, которые ему предъявляют он знал, и кто его обвиняет тоже. Он по очереди останавливал взгляд на Седове, который представлял сторону обвинения с торжествующим лицом игрока, забившего финальный мяч. Неприятные новости. А когда они становятся известны лишь в зале суда — неприятны вдвойне.

Перевел глаза на Архипова со скучающим высокомерием, рассматривающего его за прутьями клетки. Здесь хотя бы все понятно, сюрпризов не будет. По очереди посмотрел на слегка растерянную Сабрину Астли и явно нервничающего лейтенанта Ивлийского, которые сидели на стороне обвинения.

Слегка скривил губы в виде усмешки. В душе ничего не дрогнуло. За последние месяцы у него уже было столько потерь, предательств, поворотов судьбы, что его вряд ли чем-то можно по серьезному тронуть. Впрочем, а почему это вообще его должно как-то трогать? Уже давно известно, что у каждого человека своя точка зрения и угол видения на произошедшее и глупо ждать, что все будут смотреть так, как видится тебе. Вот и Сабрина с Мишей увидели в той бойне что-то свое. И в его поведении в том числе.

Разбивая в пух и прах теорию Малешского об уникальности его жизненных убеждений.

Есть люди, которым помогаешь ты, есть, кто помогает тебе. А есть, кто считает, что помогать надо только себе. И это тоже точка зрения. Жизнь она одна и чем меньше в ней кочек, колдобин и других препятствий, тем легче и приятнее ее проживать.

Единственное, что по-настоящему волновало Георгия — это отсутствие Малешского. Такой как он вряд ли опоздает на начало заседания.

— ... лейтенант Велес Бажен не присутствует в зале суда в связи с состоянием здоровья, — словно сквозь вату донесся до него голос докладчика. — По неизвестным пока причинам не явился на заседание Алексей Ивохин. Также в зале суда отсутствует сторона защиты — Малешский Виктор Григорьевич. Как стало известно суду вчера вечером адвокат Малешский был арестован при передаче важных государственных сведений вестлендскому эрлу и обвиняется в пособничестве своему клиенту Гронскому Георгию Сергеевичу в измене Родине.

Георгий дернулся, как от выстрела. Впрочем, произнесенные слова и были тем самым кусочком свинца, оборвавшим еще тлеющую надежду. Даже если такую акулу как Малешский проглотили и не подавились, что теперь ожидать ему.

Впрочем, какая разница? У меня больше не осталось ни стремлений, ни желаний. Жаль, тех кто боролся за меня. Малешского — он не заслужил такого, он всего лишь честно отработывал свой гонорар. Ивохина. Очень надеюсь, что он не пострадал. Глупо было вновь получить от жизни затрепину, после того ада, в котором ему удалось выжить. Простите, мама и отец, за то, что так и останусь для вас непреходящей болью. И ты мамочка — Олег, прости. Ты предупредил меня, чтобы я не наделал глупостей. Но я просто хотел спасти своего сына. Наверное, мое поведение было жестоким и

эгоистичным. Наверное, не стоило ради одного маленького человечка рушить жизни других. Но назад уже не повернуть.

А если бы было можно, я попытался бы снова.

Позади всех, на одном из стульев сидел незнакомый ему уже немолодой мужчина. Со спесивым лицом алытхамкого аристократа. Светловолосый, голубоглазый, с лицом будто выточенным из ровных, прямых линий. Высокие скулы, ровный нос, резко очерченный овал лица. Незнакомец, не отрывая глаз, смотрел на него, изучая, как подопытную мышку, посаженную в клетку для экспериментов. Его имя судья не назвал. Но Георгий слегка отвлекшись от происходящего вокруг, нырнул в воспоминания, пытаясь вычленить это лицо из сонна других лиц и образов, существующих в его голове.

Льяр Балдер Лертен — один из претендентов на пост Главы Комитета. Почему он здесь? Как Глава Комитета? Но срок прежнего еще не законен.

Георгий поднял глаза, отвечая на прожигающий его взгляд ярких сине-голубых глаз.

Малешский был арестован при передаче данных вестлендскому эрлу. Неужели речь идет об эрле Эрвиндэре? Неужели и он тоже как-то попал под эти колеса? И какие, ко всем чертям собачьим, Малешский передавал данные?!

— Просьба всем свидетелям покинуть зал заседания и ждать вызова в коридоре.

— Подсудимый, — обратился судья к Георгию после того, как его просьба была выполнена. — Вы имеете право затребовать себе нового защитника, который будет предоставлять ваши интересы или же защищать себя сами.

— Не думаю, что мне поможет хоть какой-нибудь защитник, ваша честь, — криво усмехнулся Гронский.

— Вы отказываетесь от адвоката?

— Да.

— Тогда слово предоставляется стороне обвинения следователю Седову Александру Евгеньевичу.

— Ваша честь, я хочу вызвать в зал своего первого свидетеля руководителя оперативного отдела Дранкурского Управления генерала Архипова, непосредственного начальника подсудимого.

— Кирилл Игоревич, — начал следователь, когда генерал встал на положенное ему, как свидетелю, место и произнес необходимые слова перед дачей показаний. — В нашу с вами первую встречу по делу Гронского вы мне сказали, что эта история началась даже не с того рейда в Карьер. Вы подозревали вашего сотрудника в измене гораздо раньше?

— Да. Так и было.

— Расскажите суду о ваших подозрениях. На чем они были основаны? И какие действия были вами предприняты?

— Гронский имел близкие отношения со Стражей Вестленда, особенно Управлением Хардана и главой его Управления генерал Шейлом Перишем.

— Правилами службы запрещены отношения между стражами разных Управлений?

— Нет, господин судья. Но отношения отношениям рознь. И когда границу дозволенного переходят, тогда и начинаются проблемы. Как это и случилось с Гронским. К тому же, как меня проинформировал господин Седов, следствию стало известно, что именно с помощью генерала Периша Гронский получил свои новые вестлендские паспорта. На себя и свою семью.

Георгий бросил взгляд на генерала. Тот тоже не отводил глаза.

Ну-ну, господин генерал, поведайте — ка миру какой я мудака! Может, просто расскажите, как вас бесило, что я не соответствовал вашим амбициям и не хотел надевать на шею новое ярмо? В виде шестого уровня со всеми вытекающими после этого последствиями. А вы не смогли меня взять в оборот, как подопытного кролика?

— В какой-то момент я понял, что из нашего Управления идет постоянная утечка информации. Конечно же я не стал рубить сгоряча и долго, кропотливо вел слежку за предполагаемыми кротами. Одним из которых по причинам выше озвученным был Гронский. Я решил устроить ему проверку и отправил на задание, где он должен был сопровождать нашего ученого в Макку на конференцию. Что якобы у этого ученого есть очень важные сведения, которые не должны перейти в чужие руки. У Оленева, так звали моего агента на самом деле был диск, на котором была записана ложная информация, как раз и ставшая маркером для предателей. Если бы она всплыла бы где-то на стороне, то сразу было понятно, кто ее слил и кому. Мой человек был убит, а диск у него украден.

— Вы обвиняете в этом подсудимого, господин генерал?

- Да, господин судья, этому есть свидетели и доказательства, которые я предоставил следствию. Гронский заманил моего человека в ловушку, убил и забрал диск. Правда, после чего этот диск нигде не всплыл. И именно этот фактор помешал мне сразу же обвинить Гронского, так как тогда цепочка была бы разорвана, и я не узнал бы точно, кому он сливал информацию.

А как же Руны, господин генерал? Которые фонят другим Источником. Я же знаю, ты тоже не мог этого не почувствовать.

— После этой операции Гронский затаился и больше никак себя не проявлял.

— У вас есть этому объяснение?

— Может поссорился со своими нанимателями или они предложили низкую цену. У Гронского в последнее время были некие финансовые трудности и думаю, он хотел сорвать большой куш. В последнее время, так как он утратил мое доверие, я перестал ставить его на задания, которые оплачивались стражам помимо положенной ставки.

Тварь!

Георгий едва удержался, чтобы не вцепиться в прутья решетки. И не задать генералу несколько дополнительных вопросов. Но он сдержался. Сцепил руки в замок, опуская глаза в пол. Успокаиваясь.

— Почему именно Гронского вы отослали в тот рейд?

— Наше Управление предполагало, что со стороны Вестленда можно ждать провокации, чтобы помешать нашему союзу со Свердловским королевством. И кто как не их агент справился бы с этим заданием лучше всего. Как оказалось, мои предположения были верны. Страж, которому все так доверяли, который был примером и поводом для подражания многим молодым, неопытным товарищам нарушил все клятвы, которые он давал своему государству и Службе и предал всех: свою Родину, друзей, товарищей по присяге и по оружию. И хотя мои подозрения насчет Гронского уже были подтверждены, мне и то было больно видеть, как он снова и снова предает Службу. Когда он цинично и хладнокровно шагая по трупам таких же как он стражей вынес Руны и также бесстрастно и не жалея о своем поступке собирался отдать их своим нанимателям. Я все сказал. Дальше уже дело Гронского вели следователи и думаю, что господин Седов расскажет обо всем более подробно.

— Подсудимый, вы как свой защитник имеете право задать вопросы свидетелю. У вас есть, что сказать?

Георгий усмехнулся. В очередной раз поймал глаза генерала.

— К сожалению, я не могу задать господину Архипову ни одного вопроса. Мы с ним видимо жили в параллельных реальностях. И у меня нет ни малейшего представления о том, о чем он сейчас говорил.

— Если нет вопросов я отпускаю свидетеля. Подсудимый вам слово представится позже.

Со своего места поднялся обвинитель.

— Дальше, ваша честь, все было вроде бы понятно и карты предателя были биты. Он был пойман с поличным. То есть с Рунами, паспортами с гражданством Вестленда, с оплатой за проделанную работу, при попытке покинуть Дранкур. И вроде бы в этой истории можно было ставить точку. Если бы не одно, но. Адвокатом у Гронского стал никто иной, как господин Малешский. Всем известен уровень подобных защитников и какие дела они ведут. На какие деньги подсудимый мог позволить себе подобного адвоката? Как сказал генерал Архипов с финансами у Гронского в последнее время было совсем не очень. Он даже продал часть своего имущества, чтобы оплачивать счета из дорогих больниц, где проходил лечение его сын. Прошу обратить внимание и на этот факт. Подсудимому постоянно нужны были деньги, а это весомый повод. По официальной версии адвоката оплачивала его мама, но здесь тоже возникал большой вопрос. Мы проверили счета родителей Гронского. Они бы не потянули подобных трат. Имущество продано не было. Вопрос: кто оплачивал услуги защитника? И почему именно Малешский?

Обвинитель прервался. Обвел глазами зал заседания, будто ждал ответ.

— Вы узнали почему? — вернул его к делу судья.

— Мы были вынуждены пойти на следственный эксперимент, господин судья. Дали полную свободу действий Малешскому, чтобы он расслабился и поверил в свою неприкосновенность и непобедимость и вывел нас к заказчику. Могу лишь сказать, что от неправовых действий адвоката пострадали другие люди, проходившие по этому делу в качестве свидетелей. Лейтенант Велес Бажен, получивший большую дозу излучения при рейде и был для восстановления здоровья помещен в специализированную клинику, подвергся допросу со стороны помощников адвоката после чего его состояние здоровья сильно ухудшилось, и он до сих пор находится в лазарете Адентона. Капитан Ивохин был вынужден бросить службу и уехать к родителям в свой родной хутор, так как Малешский постоянно требовал его участия в суде в качестве свидетеля защиты. По мнению адвоката, капитан был обязан Гронскому спасением своей жизни и тот должен был отплатить. Помимо всего прочего Малешский сумел привлечь на свою сторону еще одного сотрудника Управления. Полковника Олега Арсенина, который является старым другом подсудимого.

Георгий почувствовал, как у него сводит скулы. Дыхание сбилось и пальцы непроизвольно сжали прутья решетки.

Твою мать, Арсенин! Да какого черта!...

— Несколько дней назад Арсенин проник в базы данных хранилища Рун Дранкурского Управления и, взломав компьютер, сумел скачать секретные сведения, которые являются собственностью любой Службы. К счастью сотрудница, которая дежурила той ночью в хранилище сумела опознать преступника и дала показания.

Да что же вы наделали?!

- Почему полковник Арсенин не присутствует на заседании?

— Вчера рано утром его машину взорвали. В момент взрыва он стоял рядом и был

тяжело ранен и доставлен в больницу.

Нем!!!

— Полиция выяснила, кто стоит за этим взрывом?

— В последнее время в Дранкуре обострилась ситуация с сектами, которые выступают против влияния Источника на нашу жизнь и всех, кто имеет к нему самое прямое отношение. Стражи — их постоянные жертвы.

Что же ты наделал, придурок?! А если Ирина и девочки пострадали бы?

Георгий с силой тряхнул решетку. В глазах потемнело.

— Подсудимый, сядьте на место, — жестко произнес судья. — Или вас удалят из зала заседания.

— После того, как Арсенин придет в себя, его ждут обвинения и суд. Никто не уйдет от наказания. Преступникам место в Карьере.

— А разве нагая ложь и дача заведомо ложных показаний не является преступлением? — сквозь зубы, едва сдерживая в себе жгучую ярость, произнес Георгий.

— Подсудимый, вам слово дадут позже, — опять предостерег его судья и обратился к обвинителю, — Малешский передавал в Вестленде базу данных хранилища Рун Дранкурского Управления?

— И тот самый диск, который Гронский сумел выкрасть у агента генерала Архипова в Макке.

— Значит, этот диск все-таки нашелся? — уточнил судья.

— А можно узнать, как? — резко спросил Георгий. — Я его ни разу даже в глаза не видел. Хотелось бы узнать, за что мне ломали кости и обкалывали запрещенными препаратами. Кстати, это тоже были агенты генерала Архипова? Или чьи-то еще? Например, Моршанина? Впрочем, вряд ли последнего. Он привык все делать своими руками.

— Вы хотите выдвинуть встречные обвинения, подсудимый?

— Против всей шайки-лейки собравшихся меня здесь судить!

— Если ты такой принципиальный, единственно говорящий правду и утверждающий, что никогда не видел этого диска, то почему он оказался у Валерии Гронской, которая являлась твоей матерью?

Чей-то острый взгляд резанул словно острый нож. Георгий тревожно обвел глазами зал заседания. Альтхамец. Он уже почти забыл о нем.

Неожиданно к горлу подкатил ком. Сердце бешено забилося. Он не понял, что имел в виду Седов, когда сказал, что диск был у мамы. Сейчас его интересовало только одно.

— Почему являлась? — неожиданно севшим голосом спросил он.

— С Валерией Гронской случился несчастный случай. Ее сбила машина. Она умерла в реанимации несколько часов спустя.

Не может быть. Почему это происходит? Снова и снова. Оля. Артем. Олег. Мама. Как мне смириться? Как жить дальше?! Зачем?

Он в один прыжок оказался около прутьев решетки. Схватил. Рванул на себя. Обратно.

— Господин судья, да неужели вы не слышите его? Не находите, что слишком много смертей и несчастных случаев?

— Подсудимый вы нарушаете порядок! Я буду вынужден вас удалить из зала.

— По статистике в большом городе за день умирает около пятисот человек. За неделю это уже будет три с половиной тысячи. Мы говорим всего о нескольких несчастных случаях.

Пальцы до хруста сжали железные прутья. Так что побелели костяшки.

Оля. Темка. Олег. Мама.

Георгий тряхнул решетку. Потом еще раз и еще.

— Это вы их убили! Я знаю!!!

— Подсудимый!!!

Но он уже никого не слышал. Он был бы только рад, если бы его избили до беспамятства или ударили шокером, или засунули в бункер и он упал бы на дно колодца. Лучше он снова оказаться на горном плато среди безумного ритуала, либо в камере в женском теле, только не здесь, не слышать этот издевательский голос тараном проходящей по его жизни. Жизни, которой больше нет. Которую он больше никогда не проживет. Которая ему больше не нужна.

— Увести!!!

Где-то на дальнем фоне холодный голос судьи. Слабый писк, открываемых засовов, мигание лампочки, тесная клетка, заполненная людьми.

Оля. Темка. Олег. Мама.

Сильный удар в живот. Потом по пальцам все еще сжимающими прутья решетки. И еще один куда-то по скуле.

Оля...

Когда Георгий открыл глаза, он лежал на какой-то кушетке в полутемной узкой комнате. Ломила голова. Челюсть ощущалась как-то странно. Словно была отдельно от лица. Болели отбитые пальцы. Смотря на свои руки, он понял, что не скован наручниками и ни к чему не пристегнут. Заключенный повернул голову на окно. Решетки. Глаза зацепили противоположный угол комнаты. Там за столом, положив руки на его гладкую поверхность, сидел Архипов.

Глава 35

Штаб-квартира Стражи. Центральное управление.

Южный округ Адентона. Три месяца назад.

Генерал-полковник Архипов прибыл в штаб-квартиру Центрального Управления Стражи Доминионов уже почти ночью. Два часа назад ему позвонил личный помощник главы Службы и сказал, что генерал-полковник Берест Алексей Дмитриевич ждет его у себя сегодня вечером.

Глава Стражи был личностью незаурядной и сильной. Волевой, расчетливый и абсолютно не утруждающий себя такими понятиями как нравственность, гуманизм, сопереживание для кого-то в отдельности, но всю жизнь, посвятивший заботе о людях в целом, особенно населяющих территорию Содружества. Безопасности, комфорту, процветанию. За его сорок лет службы в Управлении, из которых последние пятнадцать он провел, как ее глава, Стража стала главным силовым формированием в государстве, без которого не решалась ни одна проблема, ни внутренняя, ни внешняя, несмотря на то, что Стража была самой молодой службой и самой малочисленной по своему личному составу. Глава же Управления официально был приравнен в должности к министру, но на самом деле уже ни для кого не было секретом, что он стоит на ступень выше остальных и имеет непосредственное и значительное влияние на главу государства.

К тому же генерал-полковник имел шестой уровень как страж, что не соответствовало ни его званию, ни должности по градации Службы, но на это уже никто не обращал внимания. Доказывать главе Управления уже очень давно ничего не было нужно.

Для Архипова Берест Алексей Дмитриевич был личным наставником еще со времен училища. Когда-то генерал взял под свое крыло многообещающего курсанта и вел его весь путь до звания генерал-майора и должности Главы Дранкурского Управления. Да и после не обделял своим вниманием и доверием.

— Добрый вечер, Кирилл, — генерал благодушно поприветствовал своего подопечного. — Мы с Эдиком уже ждем тебя.

— Добрый вечер, Алексей Дмитриевич, — поздоровался Архипов с начальством, коротко кивнул тому, кого большинство людей Службы знало, как Моршанина Николая Алексеевича. Впрочем, с такими методами работы, как у безопасника Управления, это не удивляло. — Я сел в аэрокапсулу, как только мне позвонил ваш секретарь. Если бы вы предупредили заранее, я был бы вовремя.

— Заранее было невозможно. Я не знал, когда вернется Эдик.

— И куда же уезжал Николай Алексеевич? — сухо поинтересовался Архипов, специально назвав коллегу вторым именем.

— Вы что-то не поделили между собой? — тут же уловил их настроение генерал.

Эдуард фыркнул.

— Кириллу не понравилось, что я без его ведома допросил одного из его подчиненных.

— С применением запрещенных веществ и неоднозначных приемов. Гронский между прочим не сямка подзаборная, а полковник Стражи и находился при исполнении своих непосредственных обязанностей. К тому же закрывал собой неизвестное излучение и не дал ему распространиться на других людей, которые еще неизвестно как отреагировали бы на

подобный выплеск энергии.

— Поэтому я и посчитал этот момент удобным, пока он не пришел в себя. Тебя не было там в Макке. Ты видимо не все знаешь о своих сотрудниках. Я видел, как твой Гронский и Оленев постоянно общались. Уверен, что он знает о диске. Только не могу понять, как он обошел ранд. Он пробивает даже кодировку стражей.

— А ты не думал, что, если тебя не устраивает его правда, это не значит, что он тебе врет.

— Кирилл, почему ты выбрал именно Гронского на это задание? — вмешался опять генерал.

— Да потому что, он — лучший. И если кто и смог бы что-нибудь сделать в той ситуации, в которой мы оказались благодаря предательству Оленева, то только он.

— А кто узнал, что наш ученый муж — решит предать нас? — вставил свои пять копеек Темнов.

— Это не значит, что всех теперь надо равнять под одну гребенку.

— Мы работали над этой операцией без малого пять лет. Сколько было сил потрачено, ресурсов. Сколько мы людей потеряли. И все впустую. Без диска, без формул, расчетов и всей дополнительной информации эти камни, которые мы привезли из Макки ничего не стоят.

— Эдик, сейчас ты лукавишь, — теперь уже осадил генерал безопасника. — Иначе зачем Альгрэн Лудин стал бы искать с тобой встречи?

— Альген Лудин? — удивленно поднял брови Архипов. — Глава службы безопасности Альтхама?

— Он самый, — кивнул головой Эдуард, — они засекли нашего человека, а именно твоего полковника вместе с Оленевым и решили, что они заодно. Вот и предъявили нам то, что мы влезли не в свое дело и обокрали их.

— И что теперь?

— Я сказал, что мы проводили свою спецоперацию и ничего не знаем об их сотрудничестве с Оленевым. Что это наш человек и он спелся с Вестлендом и теперь работает на них. А мы, мол, просто устраивали там облаву и ловили предателя.

— И Лудин поверил? — недоверчиво хмыкнул Архипов.

— Сделал вид, — ответил за Темнова Алексей Дмитриевич, — у них нет особого выбора. Они знают, что Руны у нас. Эдуард это и не скрывал. Но они не знают, что диск не у нас.

— Но он и не у них. И неизвестно успел отдать Оленев их своим нанимателям или он, например, у Гронского и тот ждет удобного случая, чтобы сделать это.

— Ты правда думаешь, что Гронский может работать на Вестленд? — уже более спокойно спросил Архипов.

Темнов пожал плечами.

— Исключать подобную возможность тоже нельзя. Я видел, как он постоянно крутился возле некоего доктора Фернсби. А тот да будет тебе известно подопечный самого Эрвиндэра. А сейчас руководит научным центром, который принадлежит Берквиттам.

Кирилл Игоревич тяжело вздохнул и отвел глаза в сторону, обдумывая услышанное.

— Лудин предложил нам союз, — продолжил Эдуард, — В последнее время Вестленд чересчур закусил удила. Идут напролом, не считаясь ни с кем.

— Когда-то было по-другому? — усмехнулся Кирилл.

— Этот их союз с Оркли никому не нужен. Вестлендцы и так занимают лидирующие позиции чуть ли не во всех международных сообществах. Уже не говорю, что глава Комитета — вестлендец и они уже готовят новую кандидатуру.

— И что мы можем сделать? — Архипов подобрался, поочередно посмотрев сначала на одного собеседника, потом на другого.

— Лудин предложил план, — произнес Эдуард, когда генерал кивком показал на него, передавая право ответить, — скоро у нас предстоит рейд в Карьер, где мы должны получить Руны, которые договорились отдать сверам. Но Вестленд опьянев от своей вседозволенности попытается разрушить эту сделку. Они наймут наемников, нападут на Карьер, устроят там бойню и отберут Руны.

— Зачем? — ошарашенно переспросил Кирилл Игоревич. — Это же полный бред! Кто вообще поверит в эту чушь?

— Чем невероятнее чушь, тем легче в нее верить. А если еще все обставить правильно и преподнести мировой общественности на блюдечке с голубой каемочкой — то проглотят и не подавятся. Тем более обязательно найдется предатель, который перейдет на сторону Вестленда и поможет им совершить очередное бесчинство.

— Вы хотите подвести под это Гронского? — тяжело вздохнул Архипов.

— Ты должен обязательно отправить его в рейд.

— Он смог бы больше пользы принести Дранкуру будучи тем, кем сейчас является. В нем очень сильный и ранее ни у кого неотмеченный потенциал. Он яркий образец того самого активного носителя, за которыми будущее. Он мне нужен! Он нужен Страже Дранкура! Вы представляете сколько стражей совершенно иного уровня силы мы могли бы создать благодаря открывшимся возможностям Гронского!

— Лудин выдвинул условие. И Гронский меньшая цена, которую мы можем заплатить.

Георгий медленно провел рукой по ошейнику, нащупывая место, где находилась игла. Пока он был в тюрьме, у него хватило времени разобраться в принципе его воздействия на способности стража. Самое главное он понял, как его снять без конвоиров.

Неужели

— Ты за все ответишь, — Георгий стиснул зубы, поднимаясь на ноги. — И ни где-то там наверху. Перед неизвестным нам судьей. Здесь. Сейчас. Передо мной.

Архипов усмехнулся.

— Думаю не в этой жизни, Гронский.

Ярость душила, сжимала горло. Так, что сложно было дышать. Даже слова проталкивать сквозь нее было тяжело.

— Уверен и в этой мне хватит и времени, и сил.

Блокатор можно просто вырвать. Сильно резко рвануть, но не вверх, тогда сработает удерживающее кольцо, а в сторону, вместе с куском тела. Плата за свободу.

По спине потекла горячая жидкость. Боли Георгий не почувствовал. Сейчас было не до нее. В сознании уже четко выстроились шесть рисунков Искры силы.

Мы вряд ли можем предугадать, что с нами будет через какое-то время. И уже тем более в такой огромный промежуток как никогда. Я бы на вашем месте не отказывался от своих новых Искр.

— Спасибо Виктор, вы оказались правы!

Напитав их силой и сложив из них нечто наподобие тарана, Гронский ударил по

генералу. Шесть контуров противника разлетелись от соприкосновения с чужой силой. И несмотря на то, что у Архипова осталось еще два, его отбросило в сторону и он потерял несколько мгновений, чтобы восстановить барьер. Этого хватило Георгию, чтобы выстроить еще пять стихийных рисунков и снова атаковать.

На этот раз генерала приложило ощутимее. Ударившись спиной, головой о стену, он сполз вниз на пол. На коже стали появляться контуры силы. Георгий не стал тратить время на восстановление всех шести рисунков, закрутил силу в небольшой вихрь и подцепив стол, стоящий рядом, запустил его в Архипова.

— Барьер! — услышал он приглушенный голос генерала и стол с треском упал рядом, развалившись на куски.

— Я не враг тебе, Гронский, — тяжело просипел Архипов, поднимаясь на ноги. Его правая рука висела плетью. На скуле кровоточила глубока царапина и вздувалась приличных размеров шишка.

— Не помню, чтобы вносил тебя в список своих друзей, — зло ответил Георгий и швырнул в него сразу четыре контура, которые наткнулись на барьеры генерала.

— Давай поговорим!

Георгий снова ударил. Генерал сдержал его удар, и тут же ударил сам. Контуры ударили по груди, выбивая воздух. Следующая атака получилась не такая сильная, но хватило, чтобы сбить генерала с ног. Гронский уже целился в голову, когда волна силы ударила по ногам и, почувствовав, как в колене что-то хрустнуло, он упал на пол. Перекатился и не вставая запустил в противника пучком силы. Архипова прижало к полу, и он никак не мог пробить чужие контуры.

Гронский тяжело поднялся на ноги и что было силы пнул обездвиженного генерала в живот, потом еще раз по ребрам. Сзади послышался шум. На развлечения времени не осталось.

Рисунки вставали один за другим, наполняясь силой.

— Я же сказал, что времени у меня хватит, — оскалился Гронский и ударил сгустком силы в генерала.

Тупой удар в плечо отбросил его от Архипова, сбил руку и энергия, которая должна была размазать врага по полу, ушла в сторону, выбила окно и раскрошила часть стены.

Георгий зло зарычал и начал создавать новый барьер, когда к нему подбежали охранники, повалили на пол, выкрутили руки назад. В плече отдалось острой болью. Щелкнули наручники. Вокруг генерала тоже суетились люди.

Гронского потащили на выход.

— Отставить, — донесся до него четкий приказ. — Я с ним еще не пообщался.

Архипову помогли встать на ноги. Выглядел он не очень. Георгий с удовольствием отметил, что его последний удар все же зацепил генерала и тот с трудом передвигал ноги, когда его довели до кушетки, на которой недавно лежал Георгий и помогли сесть.

— И что ты хочешь поведать миру, Гронский? Какую такую правду?

Ехидно поинтересовался Архипов, когда заключенного приковали наручниками к батарее под разбитым окном, так чтобы он не мог свободно двигаться и использовать способности.

Георгий скривил губы, но не ответил. Зверски болела шея. Кровоточило, простреленное плечо. И в отличие от генерала, которому вкололи несколько шприцов с обезболивающими ему никто не спешил оказывать медицинскую помощь.

Натурно закашлялся Архипов, положив руку на грудь.

— Ты меня и приложил! Давно я уже не чувствовал себя побитой собачонкой.

И Георгий почувствовал даже некое удовлетворение в его интонации.

Он же псих!

— Расскажешь про Руны, которые излучают незнакомую энергию? Или опять станешь говорить, как общался с Источником. О том, что к тебе в палату проник невидимый больше никому злодей и покалечил тебя? Что ты хочешь рассказать?

— Что тебе еще от меня надо? — устало спросил заключенный.

— У нас очень мало времени, Гронский. Сейчас за дверьми дежурили мои люди, но произошедшее трудно скрыть и скоро здесь будет гораздо больше народа. Ты видел этого альтхамца на суде?

Георгий неохотно кивнул. Общаться с Архиповым не было никаких моральных сил.

— Ты знаешь, кто он?

— Думаю, догадываюсь.

— И думаю правильно. Теперь Дранкур с Альтхамом союзники. И именно они требовали твою голову, Гронский.

Георгий бросил ошарашенный взгляд на собеседника.

— Что-то я стал нарасхват в последнее время, — саркастически скривил он губы, — всем от меня чего-то нужно.

— Теперь, когда ты находился под прямым облучением Источника столько времени без защиты, смог взять Руны голыми руками и заявляешь, что можешь работать с другими Искрами также, как с основной, да. И альтхамцы теперь хотят не только твою голову. А всего целиком. Ты же знаешь их стремление быть везде первыми? Думаю, они очень хотят рассмотреть под микроскопом каждую твою клетку, чтобы понять из чего ты состоишь и почему у тебя такие способности.

— И этим перешли дорогу тебе, генерал, — зло фыркнул Георгий.

Но слова Архипова зацепили. Ведь что-то же хотел от него комендант Карьера. И вряд ли по своей воле разрешал своему подчиненному творить беспредел. За ним наблюдали, смотрели, что он может, изучали. Он и сам об этом не раз думал. А еще этот альтхамец в суде.

— Они очень ждут, Гронский, когда ты начнешь говорить. Про другие Руны и про Источник, в общем все то, что есть в протоколах твоих допросов. А потом объявят тебя невменяемым и отправят в закрытую лечебницу, приводить мозги в порядок. Где-нибудь в Альтхаме. Ведь не зря же сам будущий глава Комитета приехал на заседание. Понятно, что дело громкое и что в нем замешан его предшественник, но достаточно было бы и других влиятельных лордов, чтобы осчастливить своим присутствием. Как тебе такая перспектива? Провести остаток своей жизни в качестве материала для экспериментов?

Перед глазами возник образ Элфи Ноа, пристегнутого к узкой койке и стоящего рядом психопата, называющего себя ученым, со скальпелем в руках.

Альтхамцы. Они что-то знают обо мне. Шепот Рун. Мои проявившиеся способности. Татуировки. Сны. Это не последствия лекарств. И я не сумасшедший.

Георгий поднял глаза на напряженно сидящего генерала.

Что мне терять? Вряд ли я буду скучать по Карьеру. Архипов просто не понимает, то, что описал он ненамного хуже тех бетонных стен. А может и не хуже. Может у меня получится договориться с альтхамцами?

— Если ты просто признаешь свою вину и скажешь, что ты — агент Вестленда и по их заданию участвовал в нападении на Карьер, то тебе дадут срок и отправят назад. Когда шумиха уляжется, я найду способы его сократить.

— В обмен на мое сотрудничество. То есть препарировать меня будешь ты?

— Только на добровольной основе.

— Ты правда думаешь, что после всего, что ты сделал с моей жизнью, моей семьей, друзьями, я буду хоть как-то с тобой сотрудничать?!

От подступившей вновь ярости, Георгий рванул вперед. Плечо свело от боли. Он вернулся назад, чувствуя, как прилипшая к шее, спине рубаха дернулась, срывая успешную засохнуть корку крови с раны. Он стиснул зубы.

— Никогда не зарекайся, Гронский. Ведь первую сделку я могу предложить тебе уже сейчас. Ты делаешь, то, о чем я тебе говорю, и Арсенин с Малешским не отправятся вслед за тобой.

Глава 36

Кристина тяжело опустилась на диван в холе своего дома. Идти на верх в свою комнату не было сил. Она скинула туфли и босиком дошла до бара. Плеснула себе виски в стакан и опустилась рядом в кресло. Час назад звонил адвокат и сказал, что отца отпустили под залог и он скоро будет дома.

Все рухнуло в одну минуту. Она до сих пор помнит свое состояние, когда ей позвонил секретарь отца и сказал, что его увезли в полицию. Потом адвокат подтвердил, что эрл Эрвиндэр был арестован. Что в его офис ввалились люди в форме международной полиции, одного из силовых подразделений Комитета в то время, как у него был гость из Дранкура Виктор Малешский и застали его при передаче какой-то там информации. Теперь якобы отец обвиняется в том, что он организовал и руководил преступной группировкой, которая устроила вооруженное нападение на Карьер. А вместе с ним и Вестленд в заговоре против Дранкура, чтобы расстроить их союз со Свердловским королевством.

А чуть позже стали известны новости из судебного заседания, где проходило слушание по делу того самого офицера дранкурской Стражи. Как оказалось, тот признался в своем сотрудничестве с их королевством и что является их завербованным агентом.

Все случилось так, как она и говорила отцу. И теперь они все оказались в подвешенном состоянии. Их семья никогда не имела такой силы, власти и благосостояния, как при нынешнем эрле. Райан Эрвиндэр был умным и расчетливым политиком и бизнесменом, который из провинциальных аристократов в считанные годы привел их род к известности и благосклонности правящего Дома.

Что случилось в этот раз? Почему он так глупо оступился? Зачем полез играть на чужое поле? Расслабился удачами и потерял чутье? Или захотел подняться еще выше и не рассчитал сил?

Кристина поставила бокал на стол. Надо пойти поплавать, решила она, снять напряжение. Вечером еще предстоит разговор с отцом. Лечь спать сегодня получится еще не скоро. Она спустилась на нижний этаж особняка, где располагался большой бассейн. Переделась в купальник. Завязала высокого волосы, чтобы не намочить и вышла в купальный зал.

В помещении было довольно темно. Лишь несколько лампочек горели в той части, где стояли лежаки. Она включила свет и прошла к одному из шезлонгов, сбросив легкую накидку и положив смартфон. И замерла.

На воде лицом вниз лежало тело эрла Эрвиндэра.

Виктор Малешский осторожно открыл дверь и вошел в палату. На больничной кровати лежал Олег Арсенин с подключенными к нему аппаратами для поддержания жизни. Рядом в кресле сидела миниатюрная женщина с очень короткой стрижкой на темных волосах. Она, наверное, дремала, но, когда он вошел встрепенулась, открыла глаза.

— Я думала пришел врач, — она устало провела руками по лицу.

— Меня зовут Виктор Малешский, — представился пришедший, — я хотел узнать, как дела у Олега.

Она криво улыбнулась.

— Пока дела не очень. Но вчера вечером его перевели из реанимации в обычную палату. Сказали, что состояние тяжелое, но стабильное. Взрыв был сильный, как сказали врачи, у него внутри все было всмятку. Не понятно, как он продержался до приезда скорой помощи. Но ногу уже не вернуть.

Виктор непроизвольно бросил взгляд на ноги пострадавшего, где под простыней чуть выше одного колена обозначалась пустота.

— Я могу вам как-то помочь?

— Не знаю, — Ирина бессильно пожала плечами. — Что вообще теперь можно сделать?

Малешский неопределенно дернул головой.

— Для начала давайте я здесь посижу, подменю вас. Вы езжайте домой, отдохните. С дочками пообщайтесь. Им сейчас тоже очень тяжело.

— Я оставила их у подруги, — Ирина осторожно провела ладонью по руке мужа, — я вам благодарна. Спасибо. Я должна хоть немного побыть с ними. Сказать, что с папой все будет хорошо.

Когда за женщиной закрылась дверь, Малешский сел в опустевшее кресло. Душу разъедал яд горького поражения. Столько усилий, работы, столько ужасных и как оказалось напрасных жертв. Теперь он сам подозреваемый, и вскоре окажется на скамье подсудимых. Олег — калека и с его будущим пока тоже все не ясно. А его клиент получил высшую меру наказания. В первый раз за всю его адвокатскую карьеру.

Однако сейчас его больше всего мучил вопрос почему все это произошло? Где он ошибся? Где упустил тот момент, когда все начало катиться с горы? Ведь дело-то по сути было не самым сложным. Куча сфабрикованных улик против клиента, которые распались в прах стоило лишь ближе с ними ознакомиться...

— Здравствуйте, Виктор, — отвлек его от дальнейших мыслей тихий голос.

— Олег, рад вас снова видеть. Как вы себя чувствуете?

— Как будто рядом со мной взорвался эрдэ.

Малешский хмыкнул.

— Что с Герой? — задал самый главный вопрос Олег.

Виктор слегка помедлил. Почему-то бросил взгляд на аппарат, который контролировал работу сердца. И сейчас Малешский вообще жалел, что пришел.

— Пятнадцать лет первого круга.

Арсенин закрыл глаза, пытаясь справиться с ударом.

— Но ведь... но ведь это по сути смертный приговор, — совсем тихо проговорил он. То ли силы оставили, то ли не мог произнести этого вслух. — Растянутый во времени. Из осужденных на такой срок доживает в лучшем случае два процента. Да и те умирают, не прожив года, после освобождения.

— Изначально было год бункера, — глухо проговорил Малешский.

— То есть смертный?

— Да, но потом взяли в расчет такие смягчающие обстоятельства, как болезнь сына и хоть запоздалое, но все же признание.

— Почему вообще такой приговор? Ведь у вас получилось собрать столько доказательств его невиновности?!

— Нас кто-то сдал, — голос адвоката звучал слегка отстраненно и невыразительно, как будто подобными интонациями он пытался уменьшить отрицательные эмоции больного от полученного потрясения. — Правоохранительный отдел Комитета оказался в офисе

Эрвиндэра именно в тот момент, когда там был я и передавал ему то, что нам удалось найти. Диск тут же забрали, как улику. Эрла и меня обвинили в преступном сговоре и арестовали. Через день мне сообщили, что на том диске, который я передал Эрвиндэру была подставная информация, которую якобы записали в Дранкурском Управлении, когда пытались выявить предателя.

— Бред какой.

— Возможно, — дернул бровью Малешский, — только этого хватило для нынешнего главы Комитета, чтобы признать Георгия агентом Вестленда, а вестлендское королевство виновным в организации нападения на Карьер, похищении Рун и в смерти нескольких тысяч человек.

— Почему все так случилось, Виктор?

Олег не договорил свою мысль. Было видно, как ему трудно вообще это делать, но адвокат и без дальнейших объяснений понял, что тот имел в виду.

— Почему правоохранительный отдел Комитета оказался в ненужное время и в ненужном месте?

Олег прикрыл глаза в знак согласия. Малешский задумчиво скривил губы. За годы карьеры ему приходилось вести много разных дел и защищать людей, которые ухитрились наживать могущественных врагов, имеющих обширные возможности. Все его линии связи, которыми он пользовался были защищены от прослушивания, компьютеры, планшеты были закрыты от взломов не меньше, чем правительственные базы данных. Он не имел право рисковать конфиденциальностью своих клиентов. К тому же частенько он со своими помощниками не брезговал такими простейшими способами, как одноразовые карты связи или общественные смарт-автоматы, чтобы невозможно было отследить звонок.

— Слили... информацию, — опять вступил разговор Олег. — Кто?

— Пытаюсь сейчас это выяснить, — дал довольно расплывчатый ответ Малешский. Понять, кто это мог сделать было не так сложно. У него было не много людей в этом деле, которые знали о его встрече и которые имели доступ почти ко всей информации. Видимо, это и была его главная ошибка. Не правильный выбор человека, которому он доверился. Но вряд ли он сейчас имел право говорить все это Олегу.

— Меня обвинили в сговоре с моим клиентом и соответственно в шпионаже в пользу Вестленда.

— О том, что из базы данных хранилища Управления была взята информация они тоже наверняка знают?

— Да.

Арсенин усмехнулся.

— Я теперь тоже агент Вестленда?

— Уже нет.

Олег вопросительно дернул бровью.

— Обвинения в преднамеренном шпионаже, расхищении государственных тайн и передаче их в чужие руки как с вас, так и с меня были недавно сняты.

Арсенин зацепил глазами взгляд адвоката, чтобы тот не смог от него ничего скрыть.

— Это он нас с вами прикрыл?

— Георгий сознался в преступлениях, в которых его обвинили. Что он работал на Вестленд и до самого конца пытался передавать им сведения, которые у него были, и которые до сих пор оставались у него. А нас с вами он использовал втемную. Что ни вы, ни я

ничего не знали.

Олег закрыл глаза. И лежал так довольно долго. Малешский даже сначала подумал, что тот отключился или заснул. Хотел даже вызвать врача, но в показаниях ни одного аппарата ничего не изменилось, и он решил дать больному необходимый ему отдых.

— И что теперь? Ему нужно помочь. Вытащить его оттуда или хотя бы уменьшить срок.

Глаза Олег так и не открыл, зато голос его звучал более уверенно и твердо, чем в начале разговора.

— Он признался и это очень сильно затруднит все дальнейшие действия защиты. Мой офис вскрыли и унесли все материалы по этому делу. У меня больше ничего нет. Да и самого меня ждет суд, где скорее всего меня лишат статуса адвоката и дальнейшую возможность работать. Наверняка дадут какой-нибудь срок.

Виктор видел, как сжимаются кулаки, лежащего перед ним Арсенина.

— Не может же все просто так закончиться.

— Сейчас вокруг этого дела поднялась еще большая шумиха. Вина Вестленда доказана. Секретари правителя королевства уже выступили с объявлением, что его величество Эттон VI пребывает в глубоком потрясении и невероятной ярости из-за случившегося. Что эрл Эрвиндэр проделывал свои делишки за его спиной, и он ничего даже не предполагал о коварности человека, которому так бесконечно верил. В итоге король лишил род Эрвиндэр всех ранее присвоенных им титулов и благ и грозит наказать преступника по всей строгости вестлендского и мирового закона. И даже согласен выдать его Комитету и так далее и тому подобное. Сегодня утром я прочитал в новостях, что Райан Эрвиндэр покончил жизнь самоубийством, утопившись в бассейне собственного дома.

Олег молчал.

— Стены, которые сейчас возведены вокруг этого дела и всех его участников не менее высоки и крепки, чем те стены, за которыми сейчас Георгий. И пока их никак не пробить. Нам остается только ждать.

— Карьер, приехали!

Георгий, не до конца вынырнув из дремы, в которую он погрузился уже к концу поездки, потянулся за ВИРСом и за защитой.

В запястья больно врезались наручники.

— ... *приговаривается к году заключения в бункерах...*

Он резко раскрыл глаза, возвращаясь в реальность.

— ... *в связи со смягчающими обстоятельствами, приговор заменяется на пятнадцать лет первого круга Карьера.*

Год провести в виде бездвижного куска мяса, в котором искусственно поддерживают жизнь, во благо людей и искупление своих грехов или пятнадцать лет быть тем же мясом, изображая из себя живого человека. Тем более Георгий видел во что превращаются заключенные уже после восьми-девяти лет проведенных за стенами. Даже если и получится дотянуть всю лямку до конца все человеческое тебе уже явно будет чуждо. Мир, оставшийся за бетонными стенами больше никогда не будет для тебя домом.

Перед тем как зайти за первую дверь, Георгий мимолетно обернулся. Позади осенний ветер перетаскивал с места на место тучи песка. Позади все еще ощущался легкий запах свободы.

И виднелась тень его непрожитой жизни.

С планами, которым никогда не суждено осуществиться. С мечтами, которые никогда не сбудутся. С лицами, которые он больше никогда не увидит. Она так и останется там за стенами. С ее не пройденными годами рука за руку с любимыми людьми. С ее не пробежавшими минутами, согретыми лучами солнца в полуденном голубом небе. С не промелькнувшими мгновениями обласканными нежными прикосновениями.

А он заживо погребенный в бетонной коробке сможет лишь бессильно слушать ее отдаляющиеся шаги.

Немолодой худошавый мужчина несколько нервно поправил очки, не отрывая взгляда от монитора. На большом экране, разделенном на две части были видны две одинаковые комнаты. С одинаковыми белыми стенами, блокирующими солнечный свет жалюзями на окнах, одинаковыми кроватями и тумбочками, стоящими рядом. И двумя объектами, которые он наблюдал уже целых сто дней. Он так и называл своих подопечных — объектами, номер один и номер два. Пока они не докажут, что могут быть не просто объектами, а достойными своих имен.

Мужчина видел, как объект номер один, проснулся, привычно обвел глазами помещение. Откинул одеяло и сначала осторожно опустил ноги на пол, потом, посидев так, словно привыкая к этой позе, медленно поднялся на ноги.

Из этого возможно и выйдет толк. Если не дай бог не случится никакого очередного рецидива. Правда после двух месяцев неудач он уже не верил, что его эксперимент может завершиться удачно. С самого начала объекты реагировали на его действия не так как он ожидал. Первые дни — полного бессилия и обездвиженности и почти два месяца нескончаемых криков. Он видел, как они корчились от боли, как выкручивались суставы, позвоночник, как бесконечно хлестала кровь из носа, глаз, ушей. Как не помогал ни один препарат. Только снотворное, которое им вводилось каждую ночь, чтобы хотя бы на это время суток не слышать их криков. Но от боли не помогали даже они, он видел, как беспокойно они металась во сне.

Потом вдруг стало тихо и спокойно. Организмы объектов не выдержали и впали в состояние комы. Объект номер один ушел первым и вернулся около двух недель назад. Он больше не кричал, не плакал, ни на что не жаловался. Через несколько дней он начал шевелить руками и ногами, смог самостоятельно питаться, садиться в постели и даже вставать. В отличие от второго объекта, который по-прежнему находился в коме.

Тем временем объект номер один дошел до угла комнаты, где висела камера, поднял глаза и в который раз задал один и тот же вопрос:

— Где мои мама и папа?

Больше книг на сайте - Knigoed.net